Электр. Б-ка

Мф $\frac{К-1}{31802}$

Ир40 В-7/10

Ир4 в/1

Р. С. Ф. С. Р.

ТРУДЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 г.г.

Часть I, II и III.

Составил **Н. ЖДАНОВ.**

Под редакцией ответственной редакционной коллегии в составе: А. А. Свечина, В. Н. Клембовского, Д. П. Парского, Я. К. Циховича и Д. К. Лебедева.

603/134

МОСКВА.
1920.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Военная Типография Всероглавштаба (Пл. Урицкого, 1

Ир40 В-7/10

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение. Стр.

Обзор источников. План исторического обзора положения русских военнопленных за время войны 3

ЧАСТЬ I.

Военный плен в условиях мировой войны.

ГЛАВА I. Особенности мировой войны 1914-18 гг., отразившиеся на положении военнопленных. 16

„ II. Международное правотворчество по делам военнопленных, характеризующее положение военнопленных за время мировой войны. 51

„ III. Особенности положения русских военнопленных за время минувшей мировой войны 67

„ IV. Особенности положения русских военнопленных в ликвидационный период мировой войны 104

ЧАСТЬ II.

Исторический обзор положения русских пленных в центральных государствах.

Первый период: от начала войны до Стокгольмской конференции 1915 года. 127

ГЛАВА V. Положение русских граждан, застигнутых войной за границей 130

„ VI. Русские цивильно-пленные в центральных государствах 144

„ VII. Положение русских военнопленных в центральных государствах за первый период войны 152

„ VIII. Отношение русского правительства и общества к русским военнопленным в течение первого периода войны 173

„ IX. Первоначальные виды помощи русским военнопленным в течение первого периода мировой войны 181

ГЛАВА X. Стокгольмская конференция 1915 года 190

„ XI. Международно-правовое положение вопроса о русских военнопленных в конце первого периода мировой войны 209

ЧАСТЬ III.

Исторический обзор положения русских военнопленных. Второй период: от Стокгольмской конференции 1915 г. до первого русского государственного переворота.

ГЛАВА XII. Положение русских военнопленных в Германии в течение второго периода войны 218

„ XIII. Положение русских военнопленных в Австрии в течение второго периода мировой войны 250

„ XIV. Положение германских и австрийских пленных в России в дореволюционный период войны 279

„ XV. Отношение русского правительства и общества к русским военнопленным в течение второго периода войны 300

„ XVI. Заграничные учреждения помощи русским военнопленным. 320

„ XVII. Главные виды массовой и индивидуальной помощи военнопленным 333

„ XVIII. Культурно-просветительная помощь военнопленным. . 350

„ XIX. Юридическая помощь военнопленным 362

„ XX. Стокгольмская конференция 1916 года. 368

ВВЕДЕНИЕ

Обзор источников. План исторического обзора положения русских военнопленных за время войны.

В минувшей мировой войне России было суждено понести наиболее тяжкие жертвы по числу убитых, изувеченных, погибших от болезней и плененных. В то время, когда число плененных англичан определялось десятками тысяч, а число плененных французов немногими сотнями тысяч,—число зарегистрированных русских военнопленных, находившихся в лагерях Германии, Австрии, Турции и Болгарии, превышало три с половиною миллиона. Целая часть русского мужского народонаселения была обречена на многолетнее пребывание в плену. Все особенности беспримерной войны, в которой при полном напряжении своих народных сил принимали участие почти все государства мира, и в которой к делу человекоистребления были применены не только все изобретения военной техники, но и приемы политической и экономической борьбы и измора; все особенности такой войны отражались и на судьбе военнопленных, создавая для них особые условия их подневольной жизни и работы в государствах пленения и при том не только во время войны, но и в течение продолжительного времени по заключении мира. На их судьбе отражались также и те внутренние потрясения и перевороты, которые совершались в России и в Центральных государствах, и те международные осложнения, которые и после прекращения войны задерживали возвращение военнопленных и лишали их возможности общения с родиной. Сопряженные с пребыванием в плену переживания $3^1/_2$ миллионов русских граждан, разумеется, не пройдут бесследно и не останутся без влияния на дальнейший ход исторической жизни русского народа. При таких условиях вопрос о положении русских военнопленных за время минувшей войны несомненно заслуживает самого серьезного внимания со стороны историков войны и исследователей ее влияния на грядущие исторические судьбы России.

Посвятив пять лет жизни делу помощи военнопленным, я считаю своим общественным долгом посильно содействовать выяснению этого большого и сложного вопроса. За время моей общественной работы по должности управляющего Московским Комитетом Красного Креста, занимавшим центральное положение в ряду всех русских общественных организаций помощи военнопленным, мне пришлось непосредственно близко соприкасаться со многими сторонами жизни и быта русских военнопленных, изучать их действительные нужды и изыскивать возможные способы удовлетворения этих нужд при исключительно трудных условиях военного времени. В ликвидационный период мировой войны мне довелось самому посещать лагери русских военнопленных заграницей, содействовать организации им помощи в Германии, в Австрии и в нейтральных странах и затем, в качестве члена Русско-Германской и Русско-Австрийской Смешанных Комиссий, участвовать в разрешении международно-правовых вопросов, касавшихся определения условий содержания военнопленных и установления порядка их обмена и эвакуации на родину. В момент начала германской революции, положившей предел мировой войне, мне пришлось возвращаться в Россию вместе с первыми волнами русских военнопленных, стихийно устремившихся на родину из раскрытых революцией лагерей Германии и Австрии.

Этот пятилетний опыт по делам военнопленных дает мне право на некоторую долю участия в научной разработке многогранного вопроса о положении военнопленных в минувшей мировой войне. Но приступая к составлению настоящего труда, я не имел в виду ограничиваться лишь своими личными мемуарами. Настоящий труд имеет своей задачей дать возможно более об'ективную картину действительного положения русских военнопленных на основании всей совокупности материалов тех центральных учреждений, которые ведали делами военнопленных во время войны и в период ее ликвидации. В этом отношении наибольшую ценность для исторического освещения вопроса о положении военнопленных имеют находящиеся в настоящее время в Военно-Ученом Архиве материалы Московского Комитета помощи военнопленным, в котором по преимуществу был сосредоточен весь опыт по делам военнопленных за все время от начала войны и до заключения Брестского мира. В делах и в переписке Московского Комитета имеется

много данных, характеризующих условия жизни и работы русских военнопленных в лагерях Германии и Австрии и отношение к ним со стороны русского правительства и общества, а также со стороны нейтральных и союзных стран в разные периоды войны. Такие данные заключаются и в письмах военнопленных, и в отчетах о посещении лагерей, и в сообщениях вернувшихся из плена, и в оффициальных документах, и в трудах организованного Московским Комитетом Первого Всероссийского С'езда представителей организаций и учреждений помощи военнопленным. В частности для выяснения общего положения военнопленных за время войны большое значение имеют материалы Юридического Отдела Московского Комитета, касающиеся дипломатической и внутренне-государственной правовой защиты интересов военнопленных и их семейств, оставленных на родине. За время войны Юридическим Отделом Московского Комитета собирались и кодифицировались главнейшие, касающиеся военнопленных, узаконения и распоряжения военного времени, а также принимались к производству конкретные юридические дела по ограждению правовых интересов военнопленных, по обеспечению их семейств и по охране их хозяйств и дел. Заключающиеся в этих юридических делах данные представляют собой ценный материал для выяснения и характеристики тех разнообразных правовых нужд, которые в течение войны возникали в связи с нахождением в плену части русского народонаселения. Несомненно много ценных материалов, характеризующих положение русских военнопленных, заключается в архивах и других отделах Московского Комитета, именно отдела „общения русского солдата с семьею и родиной", где была сосредоточена деятельность по удовлетворению самых разнообразных индивидуальных нужд военнопленных и отдела культурно-просветительного, посвященного удовлетворению духовных запросов военнопленных. Обширная переписка этого отдела с лагерными организациями и отдельными военнопленными дает возможность проследить за тем, какими духовными интересами жили русские военнопленные в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Большую научную ценность имеют также и материалы заграничных агентур Московского Комитета в Дании, Голландии и Швейцарии, освещающие вопрос об отношении к русским военнопленным со стороны нейтральных и союзных стран.

По отношению к ликвидационному периоду войны значительный интерес представляют собой материалы Центральной Коллегии о пленных и беженцах (Центропленбежа), к которой после заключения Брестского мира перешли во всероссийском масштабе все дела по обмену, эвакуации и приему военнопленных и по организации им помощи в России и заграницей. Из этих материалов особенно ценными для выяснения действительного положения русских военнопленных в лагерях Германии и Австрии являются материалы Иностранного Отдела Центральной Коллегии (Загранплена), в архиве которого собраны доклады и сообщения русских комиссий попечения о военнопленных в Германии и Австрии, доклады Бюро военнопленных при русском консульстве в Берлине, отчеты лагерных инспекторов о посещении лагерей военнопленных, сообщения нейтральных и краснокрестных представителей о положении пленных, донесения лагерных организаций и сводные данные о результатах опроса вернувшихся из плена.

Для выяснения отношения к русским военнопленным со стороны русского правительства и общества за время войны и для характеристики деятельности государственных и общественных учреждений по оказанию помощи военнопленным и их семьям большое значение имеют перешедшие в распоряжение Центральной Коллегии материалы предшествовавших ей учреждений, именно: Центрального Комитета по делам военнопленных, Главного Управления Российского Общества Красного Креста и Центрального Справочного Бюро, а также касающиеся военнопленных материалы Генерального Штаба.

В архивах Центральной Коллегии сосредоточены также и материалы, выясняющие международно-правовое положение русских военнопленных за время войны и в период ее ликвидации, именно: протоколы, постановления и материалы Стокгольмской и Копенгагенской конференций, результаты работ Петроградского Совещания, стенографические отчеты заседаний, журналы и постановления Русско-Германской и Русско-Австрийской Смешанных Комиссий и отдельные акты соглашений по делам военнопленных.

Для систематизации и охранения этих материалов, имеющих историческое значение или научную ценность, при Центральной Коллегии была образована под моим председательством особая Научно-Историческая Комиссия, в ве-

дение которой переданы архивы Центральной Коллегии и всех подведомственных ей учреждений.

На основании всей совокупности этих материалов может быть установлена достаточно полная картина того, в чем заключались особенности военного плена минувшей войны,—каково было действительное положение русских военнопленных в лагерях и рабочих командах центральных государств,—как относилось к ним государство в разные периоды войны,—что делало для них общество,—в чем заключались их насущные нужды,—в каких формах и в каком об'еме осуществлялась помощь военнопленным из России и из нейтральных и союзных стран,—что было сделано в России и в Западной Европе для разрешения международно-правовых и внутренне-государственных проблем, касающихся военнопленных.

Надлежащая научная разработка этих вопросов может иметь не только большой научный интерес, но и большое практическое значение, так как опыт минувшей войны по делам военнопленных дает много ценных указаний и для будущего, как по отношению к разработке выяснившихся международно-правовых проблем по делам военнопленных, так и по отношению к разрешению разных сложных задач, касающихся организации и осуществления дела помощи военнопленным при условиях военного времени.

Настоящий труд, разумеется, ни в какой мере не может претендовать на всю полноту исторического освещения вопроса о военнопленных. Я ставлю своей задачей дать лишь общий обзор важнейших моментов истории военного плена за время минувшей войны в целях привлечения внимания к этому вопросу со стороны историков и исследователей войны, которым архивы центральных учреждений по делам военнопленных могут дать много ценных материалов для дальнейшей детальной разработки отдельных сторон многогранного вопроса о военнопленных.

Исторический обзор военного плена составлен мною по отдельным периодам войны, характеризующимся особыми признаками по отношению к положению военнопленных.

Первый период охватывает время от начала войны до Стокгольмской конференции, состоявшейся в конце 1915 г.

Это был период еще *неопределившегося состояния военнопленных.* За это время затяжной характер мировой войны еще недостаточно выявился. Число военнопленных еще не определилось. Не определилась и их роль как экономиче-

ского фактора в войне. Деятельность учреждений помощи военнопленным за этот период еще не носила организованного характера. Учреждения только еще возникали и начинали развивать свою деятельность. Но к концу 1915 г. положение военнопленных уже определилось, и явилась потребность создания общих норм для установления условий их содержания в странах пленения и для организации им помощи с родины. В этих целях и была созвана Стокгольмская конференция, которая путем соглашения заинтересованных сторон до некоторой степени урегулировала вопрос о положении военнопленных России и центральных государств. Вот почему окончание первого периода я отношу к моменту созыва Стокгольмской конференции.

Второй период охватывает время от Стокгольмской конференции до первого русского государственного переворота. Это был период *оседлого состояния военнопленных*, когда вполне выявился затяжной характер мировой войны и определилось число военнопленных и их значение как рабочей силы. В этот период военнопленные были уже прочно размещены по лагерям и рабочим командам. Были выработаны общие правила их содержания. Определились их нужды. Определилась и деятельность организаций помощи военнопленным.

Ко второму периоду я приурочиваю более подробное описание положения русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии, а также более подробное описание всех видов государственной и общественной помощи военнопленным. При этом я считаю необходимым остановиться также и на описании техники осуществления дела помощи военнопленным, имевшей в минувшей войне громадное практическое значение. Пятилетний опыт деятельности центральных учреждений по делам военнопленных свидетельствует о том, что дело помощи военнопленным представляет собой большое и сложное искусство, требующее специальных навыков и уменья справляться с теми исключительными осложнениями и затруднениями, которые при нарушении обычных форм международного общения создаются обстоятельствами военного времени. Русским учреждениям помощи военнопленным в первые годы войны приходилось осуществлять свою деятельность при обстоятельствах беспримерно трудных. В отличие от Англии и Франции и от центральных государств у нас в России в первые годы войны дело помощи военнопленным не только не призна-

валось делом государственной важности и не поощрялось государственной властью, а наоборот всячески стеснялось и задерживалось как военными, так и административными властями. Общественным учреждениям помощи военнопленным было запрещено всякое публичное проявление их деятельности; им было даже запрещено в их отчетах употреблять слово „военнопленный". Все сношения по делам военнопленных были чрезвычайно осложнены вследствие особых строгостей русской военной цензуры. К тому же обслуживание лагерей военнопленных и географически было до крайности затруднено, так как соседние страны были отделены друг от друга зонами военных действий, непрерывными линиями окопов и минированными морями, и единственным окном в Европу оставалось для нас Торнео, лежащее на границе полярного круга. Несмотря на все эти затруднения, русским учреждениям помощи военнопленным удалось успешно справиться со своими задачами и организовать все виды помощи военнопленным в сравнительно значительном об'еме. При таких условиях исторический обзор развития деятельности общественных учреждений по делам военнопленных и обрисовка выработанной их практикой техники дела помощи военнопленным могут иметь большое значение для практического разрешения многих вопросов обслуживания насущных нужд и интересов военнопленных.

Концом второго периода истории военного плена я считаю момент первого русского государственного переворота. Русская революция несомненно отразилась и на положении русских военнопленных, и главным образом—на отношении к ним со стороны русского правительства и русского общества. Революционным русским правительством дело помощи военнопленным было признано делом государственной важности, и вследствие этого вся постановка этого дела после государственного переворота существенно изменилась. Но, с другой стороны, события революционного времени внесли значительные осложнения в нашу внутреннюю жизнь, вследствие чего осуществление дела помощи военнопленным фактически оказалось весьма затрудненным.

По этим основаниям время от первого русского государственного переворота до заключения Брестского мира я выделяю в *третий период* истории военного плена.

В течение этого периода имели место довольно значительные акты внутренне-государственной и международно-

правовой работы, направленной на урегулирование положения военнопленных и облегчения их участи. К этому времени относится созыв Первого Всероссийского С'езда представителей учреждений и организаций помощи военнопленным, на котором впервые во всероссийском масштабе были подвергнуты гласному обсуждению многие вопросы, касающиеся военнопленных. К этому же периоду относятся и работы Копенгагенской конференции, во многих отношениях дополнившей, расширившей и изменившей положения Женевской и Гаагской конвенций и постановления Стокгольмских конференций по делам военнопленных.

Четвертый период истории военного плена охватывает время от заключения Брестского мира до германской капитуляции.

По отношению к русским военнопленным четвертый период был уже периодом ликвидационным, однако, вследствие продолжения мировой войны этот ликвидационный период затянулся в течение целого года, причем русские военнопленные по прежнему оставались в подневольном положении. К этому периоду относятся наиболее интересные материалы центральных учреждений по делам военнопленных. В это время мы впервые были допущены к непосредственному посещению лагерей военнопленных и к подробному изучению их быта и условий их содержания. В это же время шла интенсивная работа по реализации Брестского мирного договора по отношению к военнопленным в русско-германской и русско-австрийской смешанных комиссиях и в особых совещаниях в Петрограде, в Москве, в Берлине и в Вене. В это время возникли новые центральные учреждения по делам военнопленных: образовалась Центральная Коллегия о пленных и беженцах, и началась работа русских комиссий попечения в Германии и в Австрии.

Этот четвертый период истории военного плена отмечен многими своеобразными чертами, представляющими собой особый интерес и для историка войны, и для теоретика международного права.

Наконец, *пятым периодом* истории военного плена является время после германской капитуляции, когда началась стихийная эвакуация русских военнопленных из лагерей Германии и Австрии. Эта эвакуация продолжалась в течение около двух месяцев, но затем вновь возникшие международные осложнения в Западной Европе опять лишили многие сотни тысяч русских военнопленных возможности вернуться

на родину. Оставшиеся заграницей русские военнопленные оказались во власти не только Центральных государств, но и держав Согласия, которые взяли на себя заведывание эвакуацией русских военнопленных и оказание им помощи через свои краснокрестные организации. Русские правительственные и краснокрестные учреждения в течение пятого периода истории военного плена были лишены возможности оказывать помощь русским военнопленным заграницу вследствие полного перерыва сношений России с Западной Европой.

Этим заканчивается исторический обзор положения русских военнопленных за время минувшей войны. Но я счел необходимым дополнить свой очерк еще *6-ю частью*, посвященной выяснению указаний опыта минувшей войны относительно необходимых изменений международно-правовых и внутренне-государственных норм, касающихся военнопленных. Здесь я в первую очередь останавливаюсь на обзоре появившихся за время войны актов международного и внутренне-государственного правотворчества по делам военнопленных. Как известно, в минувшей войне, грозившей истреблением целых наций, прежние международные соглашения зачастую нарушались всеми воевавшими государствами. Это в полной мере относится и к положениям международного права о военнопленных. Постановления Женевской и Гаагской конвенций фактически не соблюдались и во многих отношениях были заменены частью односторонними узаконениями отдельных государств, частью постановлениями специальных соглашений, заключавшихся воевавшими государствами во время войны и в период ее ликвидации. Эти международно-правовые акты, регулировавшие положение военнопленных в разных странах, знаменуют собою вызванное особенностями пережитой войны весьма значительное изменение установившегося в международной практике взгляда на самую сущность военного плена. В пережитой войне, в которой принимали участие не только т. н. регулярные армии, но фактически все массы трудоспособного населения воевавших государств, и в которой наряду с силою оружия в самых широких размерах применялись и все приемы самой беспощадной экономической борьбы, направленной также против всего народонаселения враждебных государств,—в такой войне и военнопленные уже не являлись, как раньше, просто обезвреженными, временно задержанными комбатантами, а трактовались государствами пленения как особого

рода подневольная рабочая сила, имевшая при наличности продолжительной экономической борьбы особенное значение. Вместе с тем и самое понятие пленного во время минувшей войны было значительно расширено и распространено не только на комбатантов, но фактически во многих отношениях и на всех оказавшихся во власти государств пленения лиц враждебной нации. В связи с этим и прежние международные правила и традиции, касающиеся дела помощи военнопленным, деятельности краснокрестных учреждений и содействия нейтральных стран, также подверглись значительным изменениям в разных направлениях. Все эти изменения нашли свое отражение в появившихся за время войны внутренне-государственных и международно-правовых постановлениях о правах и обязанностях военнопленных, об условиях их содержания, о регулировании их работы, об оказании им помощи, о порядке их интернирования в нейтральных странах, о порядке их обмена и эвакуации на родину. Обзор этих постановлений не только дополняет общую картину положения русских военнопленных за время минувшей войны, но и дает некоторые указания относительно общей оценки действовавших во время войны международно-правовых норм по делам военнопленных.

Что касается внутренне-государственных постановлений по делам военнопленных, то опыт минувшей войны с достаточной наглядностью выяснил наличность в наших действовавших законах таких пробелов, которые крайне тягостно отражались на интересах военнопленных и их семейств. В этом отношении много показательных данных заключается в материалах Юридического Отдела Московского Комитета помощи военнопленным и Правового Отдела Центральной Коллегии о пленных и беженцах, деятельность которых была посвящена ограждению правовых интересов военнопленных во время войны и ликвидационного ее периода. В виду этого я счел необходимым дополнить свой очерк краткими обзорами деятельности этих учреждений, а также общим обзором выполненных ими работ, касающихся желательных преобразований действующих русских законов по делам военнопленных.

В последнюю часть своего очерка я счел необходимым включить также общий обзор выполненных за последнее время русскими общественными и научными организациями работ по разрешению отдельных международно-правовых проблем, касающихся военнопленных. В этом отношении

заслуживают внимания труды организованной под моим председательством Международно-Правовой Консультации при Московском Комитете, деятельность которой была посвящена разработке вопросов международного права, выдвинутых на очередь дня реализацией Брестского мирного договора. Продолжение работ этой консультации было впоследствие перенесено в Юридическую Консультацию при Российском Обществе Красного Креста, где на основании данных Московского Комитета был выработан проект желательных изменений международно-правовых норм, касающихся условий содержания и работ военнопленных и оказания им помощи, а также был разработан вопрос о желательных изменениях международно-правовых норм, относящихся к международной ассоциации Красного Креста.

Все эти материалы, касающиеся актов международного и внутренне-государственного правотворчества по делам военнопленных, и результаты работы теоретической мысли по разрешению выдвинутых практикой жизни правовых проблем не только представляют собой значительный научный интерес, но могут иметь и большое практическое значение по отношению к предстоящим, в связи с общей реконструкцией мирового международного общения, международным конференциям, где вопрос о военнопленных неминуемо должен будет возникнуть, ибо на опыте пережитой войны несовершенства прежних международно-правовых постановлений о военнопленных и полное отсутствие каких-либо гарантий соблюдения этих постановлений выяснились с полной очевидностью,—и где Россия неминуемо должна будет сказать свое слово, ибо именно ей пришлось в минувшей войне понести наибольшие жертвы по числу военнопленных, на судьбе которых ненормальность международной постановки вопроса о военнопленных отразилась особенно тягостно.

Заканчивая настоящее вступление, я хотел бы сказать еще несколько слов относительно общего характера моего труда. Приступая к составлению этого труда, я искренне желал быть возможно более об'ективным, возможно более чуждым какой либо тенденциозности, исходя из глубокого убеждения в том, что по отношению к истории военного плена пережитой войны об'ективные факты действительности являются неизмеримо более красноречивыми, чем слова, и в особенности, слова тенденциозные. Тенденциозных заблуждений в недавно пережитом нами прошлом было уже слишком доста-

точно. Мы все были свидетелями того шовинистического одичания, которое в связи с войной захватило все цивилизованные народы мира. В этом шовинистическом угаре не могло быть места для спокойного отношения к фактам, касавшимся войны. Следя за иностранной и русской литературой по вопросам войны и военного плена, я не находил в ней об'ективного отражения действительности. Все было ярко окрашено шовинистической тенденциозностью; все было направлено на разжигание чувств злобы и ненависти к враждебной стороне. В такой атмосфере и относительно общей картины военного плена создавались фантастические представления, весьма далекие от действительности. У нас в России за все время войны действительное положение русских военнопленных никому, кроме немногих посвященных, фактически не было известно. При строгостях русской военной цензуры и при отрицательном отношении к делу помощи военнопленным со стороны военных и административных властей, о правильном освещении вопроса о военнопленных в печати не могло быть и речи. В газетах и журналах помещались лишь отрывочные, явно тенденциозные сообщения о немецких зверствах и злоупотреблениях, сеявшие тревогу среди родственников военнопленных и крайне неблагоприятно отражавшиеся на осуществлении общественной помощи военнопленным. Точных сведений о числе военнопленных и об их действительном положении в лагерях Германии и Австрии не было даже у высших представителей административной власти, ведавших делами военнопленных. Это явствовало из всей постановки дела дипломатической защиты интересов русских военнопленных во время войны.

Теперь, когда настало время подведения печальных итогов войны, необходимо прежде всего освободиться от односторонней тенденциозности и с возможным приближением к истине установить те касающиеся войны фактические данные, из которых в дальнейшем должны быть сделаны практические выводы относительно будущего. Этим правилом я и руководствовался при осуществлении поставленной мне задачи исторического освещения вопроса о русских военнопленных в минувшей мировой войне.

Обстоятельства переживаемого времени далеко не благоприятствуют спокойной научной работе. Нам приходится жить и действовать в период величайшего кризиса русской государственности и общественности, в период переживаемых Россией величайших потрясений, совершенно беспри-

мерных на всем протяжении многовековой истории русского народа. Небывалая, три с половиною тяжких года длившаяся война со всеми ее неисчислимыми бедствиями, страданиями и лишениями до крайней степени изнурила страну, лишила ее многих миллионов ее пахарей и работников, истощила ее средства, уничтожила ее многими десятилетиями мирного труда накопленные запасы, во все области ее хозяйственной жизни внесла величайшие осложнения и нестроения. Совершившийся на фоне войны великий государственный переворот, ниспровергнувший все многовековые устои старого строя, создал для всего государственного и общественного организма России положение острого кризиса, еще далеко не завершившегося. России было суждено судьбою первой взять на себя почин в деле борьбы за радикальное переустройство веками сложившихся социальных отношений. Но и для других народов Европы последствия мировой войны далеко еще не изжиты. Повсеместно в Европе в разных формах идет та же борьба за изменение основ прежнего государственного и социального строя. Несомненно мы стоим на рубеже нового периода мировой истории, на рубеже новой эпохи переустройства всех форм государственной, социальной и интернациональной жизни народов. На очередь дня в мировом масштабе выдвигается великая созидательная работа, и в этой работе неминуемо должна принять участие научная мысль, имеющая своей ближайшей задачей осветить в исторической последовательности все события мировой войны, уяснить те великие ненормальности социальных и интернациональных соотношений, которые довели человечество до величайшей в истории мира катастрофы, произвести переоценку прежних социальных ценностей и определить основные начала грядущего строя. В виду таких задач работа научной мысли, несмотря на все исключительные трудности переживаемого момента, не должна быть приостанавливаема. Как бы ни были скромны наши ближайшие научные задания, мы не должны упускать из виду, что осуществление этих заданий является частицей большой интеллектуальной работы, направленной на установление новых форм социальной жизни, при которых станет невозможным повторение такого великого бедствия, каким явилась для всего культурного мира пережитая война.

ЧАСТЬ I.

Военный плен в условиях мировой войны.

ГЛАВА I.

Особенности мировой войны 1914—1918 г.г., отразившиеся на положении военнопленных.

Вспыхнувшая в середине лета 1914 года война, как известно, сопровождалась не только беспримерным напряжением военных сил всех принявших участие в войне государств, но и исключительным под'емом националистических чувств во всех европейских странах. Народы Европы в самый момент об'явления войны резко раскололись на две враждебных коалиции, из которых каждая утверждала, что в деле войны вся совокупность права и правды находится на ее стороне, а вся совокупность зла—на стороне противоположной. В этом отношении чрезвычайно показательной является вся появившаяся за время войны европейская научная и художественная литература. Она носила ярко националистический характер. Она широко участвовала в войне, пропагандируя дух воинствующего шовинизма и освещая его с разнообразных точек зрения: научной, эстетической, философской, этической и религиозной. В периодической печати с самого начала войны стерлись все различия между направлениями отдельных газет и журналов. Они всецело посвятили себя делу под'ема патриотического настроения в своих странах и пропаганде чувств непримиримой ненависти к враждебным нациям. Ученые общества европейских стран реагировали на войну многочисленными декларациями, становясь на сторону своих правительств и оправдывая проявившиеся уже в самом начале войны ее эксцессы высшими задачами блага всего

человечества. Господствующие церкви европейских стран также не остались в стороне от войны; они приняли в ней живое участие и при том в непримиримо-противоположных направлениях. Так, католические писатели Франции и Англии проповедывали крестовый поход против немцев, а католические писатели Германии и Австрии оправдывали доводами религии истребление французов и англичан. В парламентской деятельности всех воевавших стран с самого же начала войны проявилась по отношению к войне и к сопряжённым с войной вопросам внутренней политики необычайная солидарность всех политических партий, представители которых конкурировали друг с другом в проявлениях своих патриотических чувств. В германском рейхстаге в первом же заседании после об'явления войны Вильгельм II торжественно заявил, что он не видит перед собой представителей партий, а видит только германцев. В то же время у нас в Государственной Думе Пуришкевич впервые за многие годы депутатства протянул руку Милюкову для совместной работы с ним в общенациональном деле войны. Обывательские массы народонаселения воевавших стран выражали свое сочувствие войне бесчисленными повсеместными манифестациями, нередко сопровождавшимися избиениями, а в России и в Англии—и погромами.

Разгоревшаяся при таком под'еме националистических чувств европейская война сразу же приобрела характер невиданного вооруженного столкновения целых наций. Каждым из воевавших государств был применен к делу войны максимум напряжения всех военных рессурсов страны. Были использованы все изобретенные военной техникой орудия человекоистребления и разрушения на суше, на воде, под водою и в воздухе. К участию в войне было привлечено все боеспособное и работоспособное мужское народонаселение воевавших стран. К границам государств были направлены не только подготовленные армии, но и едва обученные массы гражданского мужского населения. Другие массы мужского населения, оторванного от своих обычных мирных дел и занятий, были привлечены к обслуживанию нужд армии и тыла. Лозунг „все для войны" был проведен во все сферы государственной и экономической жизни народов. Вся промышленная жизнь воевавших стран фактически была милитаризована. Заводы и фабрики были приспособлены для работы на войну. Вся обширная

область сельскохозяйственной деятельности также в первую очередь была посвящена обслуживанию обусловленных войной продовольственных нужд. К делу обслуживания войны в широких размерах были привлечены и массы женского населения. В отдельных странах была введена женская трудовая повинность. При таких условиях без преувеличений можно утверждать, что в минувшей войне 1914—1918 г.г. прямо или косвенно принимало участие все народонаселение воевавших стран.

Явив миру невиданные картины гибели и разрушения, покрыв поля Европы холмами человеческих тел и потоками человеческой крови и сиротских слез, разгоревшаяся война, захватывая все новые и новые государства, превратилась в беспримерный мировой пожар, распространившийся на все великие державы мира. Каждая сторона в течение долгих лет в полной мере напрягала все свои силы в смертельной борьбе, применяя к ней не только все выработанные военной техникой приемы и способы защиты и нападения, но и самые крайние меры экономического измора, направленного против всего народонаселения враждебных стран. Война грозила истреблением целым нациям, и каждая сторона сознавала, что ее спасение зависит от всей совокупности ее материальных и психических ресурсов. Конец войны наглядно показал, какое громадное влияние в действительности имели на исход войны факторы политического и экономического разложения отдельных воевавших государств.

Такой характер мировой войны 1914—18 г.г. сообщил ей многие особенности, резко отличающие ее от войн предыдущих.

Пережитая война прежде всего характеризуется игнорированием всеми воевавшими государствами установленных международной практикой традиций и правил ведения войны и безмерными нарушениями всех ранее заключенных международных договоров. Война началась нарушением гарантированного международными договорами нейтралитета Бельгии и Люксембурга со стороны Германии. Затем последовало нарушение фактического нейтралитета Персии и Греции со стороны России, Англии и Франции. Установленная международными соглашениями свобода открытых морей осталась в теории, а на практике все открытые моря мира превратились в арену самой ожесточенной вооруженной борьбы на воде и под водою. Постановления

Брюссельской и Петербургской деклараций и обеих Гаагских конференций, запрещавшие употребление ядов и отравы, введение в действие диких и полудиких племен в войнах между цивилизованными народами, разрушение неприятельской собственности, возбуждение к восстанию населения против законного правительства и осаду и бомбардирование открытых городов и населений,—фактически постоянно нарушались обеими воевавшими сторонами. Общепризнанные постановления Женевской конвенции, гарантировавшие права и прерогативы краснокрестных и военно-санитарных учреждений в деле помощи жертвам войны, также не находили себе применения в практике минувшей мировой войны. Полевые госпитали и перевязочные пункты подвергались опасности обстрела наравне с военными штабами. Госпитальные суда и пассажирские пароходы разделяли участь военных кораблей. Международно-правовые нормы, защищавшие жизненные интересы мирного населения воюющих государств, открыто и систематически нарушались в самых широких размерах. Беспощадные меры экономического измора были прямо направлены в первую очередь против слабейших элементов мирного населения воевавших стран, против женщин, детей и стариков. Фактически меры экономической борьбы распространялись и на нейтральные страны. Так, блокада Германии влекла за собой и блокаду Скандинавских стран.

В появившейся за время войны западно-европейской литературе мы встречаем попытки дать этим нарушениям норм международного права некоторое научное об'яснение. Так, проф. Лист пытается оправдать нарушение нейтралитета Бельгии и Люксембурга состоянием крайней необходимости, перенося понятие „крайней необходимости" из уголовного права в область права международного. Другие писатели националистического оттенка об'ясняют несоблюдение международноправовых норм и традиций началами взаимности, ссылаясь на то, что эти нормы и традиции в неменьшей мере нарушались и враждебной стороной. Но мне думается, что фактическим условиям пережитой войны в наибольшей степени соответствует то об'яснение бессилия норм международного права, какое заключается в лаконической формуле Бетман-Гольвега: „Noht kennt kein Gebot" („Нужда не считается с заповедями"). Нужда действительно зачастую не считается с заповедями, а во время минувшей

войны все воевавшие государства оказались в положении не только крайней нужды, но и смертельной опасности. Мировая война в самый момент ее возникновения приняла неслыханные размеры и грозила всем воевавшим народам истреблением и истощением. При таких условиях неудивительно, что каждая из сторон стремилась купить успех какой-бы то ни было ценой и уже не считалась с теми международноправовыми обязательствами, которые были ею признаны в условиях мирного времени.

Значение международно-правовых норм за время минувшей войны было ослаблено тем, что эта война резко нарушила то нормальное соотношение государств в условиях длящегося мира, которое было главной основой современного международного права. В древние времена нормальным состоянием государств было состояние постоянной войны. Состояние прочного мира в виде исключения существовало лишь между теми государствами, которые определенно заключали между собой союз дружбы. В позднейшую же эпоху наоборот нормальным состоянием цивилизованных государств было состояние длящегося мира. Происходившие на фоне общего мира войны между отдельными государствами являлись как бы исключением, причем большинство других государств занимало по отношению к этим войнам нейтральное положение и в своей совокупности являлось блюстителем тех международно-правовых норм, которыми воевавшие государства должны были руководствоваться в приемах и способах ведения войны. При таких условиях международноправовые нормы, лишенные внешней принудительной санкции, могли опираться на авторитет совокупности цивилизованных государств, об'единившихся в признании их обязательности. Эти условия были существенно нарушены мировой войной. В пережитой войне приняли участие все великие державы мира. Нейтральными остались лишь второстепенные государства, с мнением которых великие державы не привыкли считаться. Авторитет этих мелких государств очевидно был недостаточен для ограждения силы и значения международно-правовых обязательств. Воевавшие же государства, как непосредственно заинтересованные в исходе войны, естественно не могли быть блюстителями международно-правовых норм. Они в своих военных действиях руководствовались практическим правилом „победителей не судят". Этим в значительной мере и об'ясняется проявившееся за время минувшей войны бессилие между-

народно-правовых норм и относящихся к войне международных обычаев и традиций.

Фактически многие международно-правовые нормы во время минувшей войны не могли быть осуществлены также и потому, что за время предшествовавших войне явных и тайных вооружений военная техника изобрела такие новые средства человекоубийства и разрушения, каких при заключении международных соглашений не могла предусмотреть даже самая пылкая фантазия. Новейших изобретений артиллерийской, воздушной и подводной техники, конечно, не могли учитывать участники Гаагских конференций. Их не могли предвидеть и составители Женевской конвенции, заключенной более пятидесяти лет тому назад. При таких условиях многие положения Женевской конвенции, имеющие своей задачей гарантировать относительную безопасность деятельности краснокрестных и медикосанитарных учреждений, фактически не могли достигать своей цели при обстоятельствах минувшей мировой войны. Так, флаг Красного Креста не мог защитить госпитали и перевязочные пункты от действия разрывных снарядов, посылавшихся из невидимой дали чудовищными орудиями. Он не мог защитить медицинские учреждения и от действия бомб, сбрасывавшихся аэропланами темною ночью с надоблачной высоты. Он не мог остановить распространения смертоносных волн удушливого газа или парализовать действие ослепительных лучей. Разрушительная амплитуда мировой войны достигала громадных размеров и уже не могла считаться с теми ограничениями, которые пыталась установить международная мысль, чтобы защитить участь больных и раненых воинов и интересы захваченного войной мирного населения. Воевавшие народы шли на взаимное истребление. Обе стороны были безмерно ожесточены. Над всем миром господствовала военная необходимость, и далеко на задний план отошли соображения гуманности и сострадания к жертвам войны.

Все эти особенности пережитой мировой войны неминуемо должны были отразиться на положении военнопленных всех воевавших стран.

За последнее столетие до начала мировой войны и в науке международного права, и в международной практике наблюдалось полное единодушие во взглядах на сущность военного плена и на правовое и материальное положение военнопленных.

Основные принципы современной законодательной нормировки положения военнопленных были установлены в эпоху первой французской революции декретом Национального Собрания от 4 мая 1792 г. и постановлениями Конвента от 25 мая 1793 года. Эти законодательные акты французского правительства, опиравшиеся на принципы декларации прав человека и гражданина, впервые сформулировали те основные положения о состоянии военного плена, которые впоследствии были восприняты всеми международными конвенциями и внутренне-государственными актами о военнопленных.

Согласно декрету от 4 мая 1792 г. военнопленные были об'явлены состоящими под покровительством французской нации и под особой защитой закона. Всякое насилие по отношению к пленным воспрещено под страхом наказания на основании французских законов. Пищевое довольствие пленных должно соответствовать нормальной пище французских войск и оплачиваться из сумм военного фонда. Военнопленные допускаются ко всякого рода работам и пользуются наравне с французскими гражданами обычной судебной защитой (ст. 1, 2, 5 и 11 декрета). Согласно правилам Конвента от 25 мая 1793 г. военнопленным должна оказываться правильно поставленная медицинская помощь. Ни один военнопленный не должен быть принуждаем к службе в войсках республики. По окончании войны военнопленные подлежат обмену и возвращению на родину (ст. 1—18, 24 и 26 правил об обмене военнопленных).

Восемьдесят лет спустя эти основные начала французского законодательства о военнопленных были перенесены в область международного права и воспроизведены в статьях Брюссельской декларации. Впоследствии эти же начала почти полностью были перенесены в главу 2 Приложения к IV Гаагской конвенции 1907 года

Гаагская конвенция 1907 года, ратифицированная всеми великими державами и большинством культурных государств мира, являлась к моменту начала минувшей мировой войны позднейшим международно-правовым актом о военнопленных, имевшим для всех воевавших государств обязательное значение.

Постановления Гаагской конвенции, регулирующие вопрос о правовом и материальном положении военнопленных, сформулированы в статьях I—XX Отдела I Положения о законах и обычаях сухопутной войны.

Согласно статье I этого положения военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они открыто носят оружие и соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

По статье II положения вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных.

Постановления конвенции о правах военнопленных заключаются в следующем:

„Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью (ст. IV).

Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте, с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключение может быть применено к ним лишь как необходимая мера безопасности и исключительно пока существуют обстоятельства, вызывающие эту меру (ст. V).

Государство может привлекать военнопленных к работам, сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям.

Военнопленным может быть разрешено работать на государственные установления, за счет частных лиц или лично от себя.

Работы, производимые для государства, оплачиваются по расчету цен, существующему для чинов местной армии за исполнение тех же работ, а если такого расчета нет, то по ценам, соответственным произведенным работам.

Если работы производятся на государственные установления, или за счет частных лиц, то условия их определяются по соглашению с военной властью.

Заработок пленных назначается на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию (ст. VI).

Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими не заключено особого соглашения, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен (ст. VII).

Военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти коего они находятся. Всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости.

Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем покинуть территорию, занятую армией, взявшей их в плен, подлежат дисциплинарным взысканиям.

Военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег (ст. VIII).

Каждый военнопленный обязан, на поставленный ему вопрос, об'явить свое настоящее имя и чин, и в случае нарушения этого правила он подвергается ограничению тех преимуществ, которые предоставлены военнопленным его разряда (ст. IX).

Военнопленные могут быть освобождаемы на честное слово, если это разрешается законами их страны, и в таком случае обязаны, с ручательством личною своею честью, добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства, как в отношении собственного правительства, так и правительства, взявшего их в плен. В этом случае их собственное правительство обязывается ни требовать, ни принимать от них никаких услуг, противных данному ими слову (ст. X).

Военнопленный не может быть принуждаем к освобождению на честное слово; равно и неприятельское правительство не обязано давать согласие на просьбу пленного об освобождении его на честное слово (ст. XI).

Каждый военнопленный, отпущенный на честное слово, и затем вновь взятый в действиях с оружием в руках против того правительства, перед коим он обязался честью, или против союзников последнего, теряет права, предоставленные военнопленным, и может быть предан суду (ст. XII).

Лица, сопровождающие армию, но не принадлежащие собственно к ее составу, как-то: газетные корреспонденты и репортеры, маркитанты, поставщики, в том случае, когда

будут захвачены неприятелем, и когда последний сочтет полезным задержать их, пользуются правами военнопленных, если только имеют удостоверение от военной власти той армии, которую они сопровождали (ст. XIII).

С открытия военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах, в том случае, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро это, имеющее назначением давать ответы на все запросы, касающиеся военнопленных, получает от различных подлежащих учреждений все сведения относительно водворения и перемещения, освобождения на честное слово, обмена, побегов, поступления в госпиталь, смерти, а равно и другие сведения, требуемые для составления и своевременного исправления именной карточки о каждом военнопленном. Бюро обязано заносить в нее номер, имя и фамилию, возраст, место происхождения, чин, войсковую часть, день и место взятия в плен, водворения, получения ран и смерти, а равно все особые замечания. Именная карточка передается правительству другого воюющего после заключения мира.

Справочное бюро обязано равным образом собирать и хранить в одном месте, а также пересылать по принадлежности все вещи, служащие для личного пользования, ценности, письма и проч., которые будут найдены на поле битвы или останутся после пленных, освобожденных на честное слово, обмененных, бежавших или умерших в госпиталях и полевых лазаретах (ст. XIV).

Общества для оказания помощи военнопленным, надлежаще учрежденные по законам их страны и имеющие задачей быть посредниками в делах благотворения, а также и их законно уполномоченные агенты, для наиболее успешного выполнения своей человеколюбивой деятельности, будут пользоваться всеми облегчениями со стороны воюющих, в пределах, обусловленных военными требованиями и административными порядками. Уполномоченные этих обществ допускаются для раздачи пособий в места водворения пленных, равно как и на пункты остановок военнопленных, возвращаемых на родину, под условием пред'явления именного разрешения, выданного военною властью, и дачи письменного обязательства подчиняться всем ее распоряжениям, касающимся порядка и безопасности (ст. XV).

Справочные бюро освобождаются от уплаты весового сбора. Письма, переводы, денежные суммы, равно как и почтовые посылки, адресуемые военнопленным или ими отправляемые, освобождаются от всех почтовых сборов, как в странах отправления и назначения, так и в промежуточных странах.

Пожертвования и вспомоществования вещами, посылаемые для военнопленных, освобождаются от всех таможенных и других сборов, равно как от провозной платы по железным дорогам, состоящим в казенном управлении (ст. XVI).

Военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такового расхода их правительством (ст. XVII).

Военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов, не исключая и присутствия на церковных, по их обрядам, богослужениях, под единственным условием соблюдения предписанных военною властью мер порядка и безопасности (ст. XVIII).

Духовные завещания военнопленных принимаются на хранение и составляются на тех же основаниях, как и завещания военнослужащих местной армии.

Те же правила соблюдаются относительно свидетельств о смерти, равно как и относительно погребения военнопленных, при чем принимаются во внимание их чин и звание (ст. XIX).

По заключении мира, отсылка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок (ст. XX)".

Эти постановления Гаагской конвенции заключают в себе исчерпывающую полноту тех международно-правовых норм о военнопленных, которые до начала войны были признаны всеми государствами, принявшими участие в войне.

По вопросу о гражданских пленных Гаагская конвенция не заключает в себе никаких прямых постановлений. Но в отделе II приложения к Гаагской конвенции в ст. 1 о средствах нанесения вреда неприятелю мы встречаем существенно важное постановление о том, что воюющим сторонам воспрещается „об'являть потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны, а

также принуждать подданного противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их страны, даже в том случае, если они были на его службе до начала войны" (п. ст. XXIII). Это постановление очевидно распространяется и на гражданских пленных и гарантирует им защиту их прав и интересов по нормальным законам того государства, во власти которого они оказались во время войны.

Приведенные принципы международного права по вопросу о военнопленных были восприняты и некоторыми внутренне-государственными законодательными актами и правительственными распоряжениями отдельных государств. В этом отношении особый интерес представляют собой постановления германского права, еще до созыва Гаагской конференции воспринявшего принципы французского революционного законодательства по вопросу о военнопленных. В изданной германским генеральным штабом в 1902 году книге „Kriegsbrauch im Landkriege", заключающей в себе кодификацию относящихся к войне норм и традиций, мы встречаем нижеследующее изложение взгляда германских властей на правовое и материальное положение военнопленных:

„Государство считает военнопленных лицами, которые просто исполняли свой долг и повиновались приказаниям свыше, а потому в их пленении видит гарантию безопасности, а не наказание.

Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне.

Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но ничего более.

Военнопленные должны быть „совершенно обеспечены от жестокости и унизительного обращения". Они теряют свою свободу, но не теряют прав. Другими словами, военный плен—не акт милосердия со стороны победителя,—это право обезоруженного. Обращение с военнопленными должно быть такое же, как и с собственными военнослужащими, не хуже, но и не лучше.

Помещения, в которых военнопленные содержатся, должны быть, по возможности, здоровые, чистые и приличные. Пропитание должно быть достаточное и соответствовать общественному положению военнопленных.

Работы, на которые привлекаются военнопленные, не должны непосредственно служить военным операциям против родины пленных.

Попытки к побегу отдельных лиц, не связавших себя честным словом, можно рассматривать, как проявление вполне естественного стремления к свободе: преступления в них видеть нельзя. Раненым и больным обеспечивается уход и врачебная помощь. Всем военнопленным разрешается переписка с родными. Личная собственность военнопленных неприкосновенна, за исключением оружия, лошадей и бумаг военного содержания" (стр. 13 и 17).

Формулируя эти положения о военнопленных, в общем совпадающие с позднейшими постановлениями Гаагской конвенции, Германский Генеральный Штаб добавляет к ним следующую характерную оговорку: „нельзя упускать из вида, что и здесь на первом плане стоят военная необходимость и безопасность государства, а не соображения о неприкосновенности пленных" (стр. 18). Факты пережитой войны наглядно показывают нам, насколько в действительности во всех воевавших странах военная необходимость затмила все соображения не только о неприкосновенности пленных, но и об основных правах человека.

У нас в России постановления Гаагской конвенции без существенных изменений были воспроизведены в составленном в начале войны „Положении о военнопленных", опубликованном в № 281 Собрания Узаконений от 16 октября 1914 года.

Таков нормативный материал по вопросу о военном плене за время, предшествовавшее началу мировой войны. Что касается науки международного права, то и в ней до начала войны никакого расхождения во взглядах на сущность военного плена и правовое и материальное положение военнопленных мы не встречаем. В своем курсе „Международного права цивилизованных народов" в издании 1905 года профессор Мартенс совершенно правильно отмечает, что „в теории наблюдается замечательное единодушие относительно положения лиц, которые подверглись военному плену". Действительно, во всех курсах международного права и в специальных сочинениях по вопросу о военнопленных мы встречаем лишь сокращенные пересказы постановлений Гаагской конвенции, при чем эти постановления всеми авторами признаются вполне соответствующими современному правосознанию.

Резюмируя вышеприведенные общепризнанные положения теории и практики современного международного права, мы приходим к нижеследующим выводам относительно существовавшего к началу минувшей войны взгляда на сущность военного плена и правовое и материальное положение военнопленных:

1) *Военным пленом признается осуществляемое согласно правилам ведения войны ограничение свободы оказавшихся во власти воюющего государства законных комбатантов враждебной стороны.* Единственной целью военного плена является предотвращение дальнейшего участия плененных в враждебных действиях против государства пленения. Военный плен не должен носить характера наказания, мести или рабства. При добровольном отказе плененного от дальнейшего участия в военных действиях плен может быть заменен освобождением на честное слово. При заключении мира состояние военного плена прекращается, и военнопленные подлежат незамедлительному возвращению на родину.

2) *За военнопленным должно быть признаваемо достоинство обезоруженного воина, выполнявшего свой долг перед родным государством.* Военнопленные имеют право на человеколюбивое обращение и на содержание, соответствующее их воинскому званию. Они находятся во власти правительства государства пленения, а не во власти частных лиц или учреждений. Они должны быть размещаемы в городах, крепостях, лагерях или других соответствующих местах, при чем заключение может быть применяемо к ним лишь в виде временной меры безопасности. Они пользуются пищей, помещением и одеждой наравне с войсками государства пленения. Они могут быть привлекаемы к работам, но эти работы не должны быть слишком обременительны и не должны противоречить чувству долга военнопленных по отношению к своему родному государству. При работах на государство пленения они имеют право на такое же вознаграждение, какое назначается чинам местной армии. При погребении умерших военнопленных принимаются во внимание их чины и звание.

3) *Военнопленные имеют право на общение с родиной, на получение писем, посылок и денежных переводов и на беспрепятственное пользование разными видами помощи со стороны обществ, надлежаще учрежденных по законам их страны.* Военнопленные должны быть надлежаще регистрируемы. В воюющих странах должны быть образованы специальные справочные бюро,

обязанные собирать и выдавать все необходимые справки о военнопленных. Письма, переводы и посылки для военнопленных, а также адресованные им пожертвования освобождаются от всяких сборов и от провозной платы не только в воюющих государствах, но и в промежуточных странах. Образованные для осуществления дела помощи военнопленным общества должны пользоваться всеми обеспечениями со стороны государства пленения, при чем уполномоченные этих обществ должны быть допускаемы в места водворения военнопленных.

Таков был к началу мировой войны установившийся взгляд на сущность военного плена, на права военнопленных и на их положение в государствах пленения.

Этот взгляд основывался на началах современного правосознания и на опыте войн, предшествовавших Гаагской конференции, и в общих чертах он действительно соответствовал фактическому положению военнопленных во время последних войн колониальных, Русско-Японской и Балканских.

Пережитая мировая война, затмившая все предшествовавшие войны и резко отличающаяся от них своими исключительными особенностями, существенно изменила общую картину военного плена, отразилась на условиях содержания и работы военнопленных в государствах пленения и создала новый огромный опыт в деле правового регулирования жизни и быта военнопленных всех воевавших стран.

Уже в самом начале войны *понятие военного плена было чрезвычайно* расширено. В войне, в которой принимали участие все массы народонаселения воевавших стран, фактически было трудно провести границу между комбатантами и некомбатантами с точки зрения тех военных задач, которые являются основной причиной существования института военного плена. Война велась при полном напряжении всех сил и при использовании всех рессурсов воевавших государств. Исход войны всецело зависел от степени той энергии, какую каждая воевавшая страна могла вложить не только в дело непосредственной вооруженной борьбы, но и в дело приспособления всей своей промышленной техники и сельскохозяйственной экономии к целям войны. Многомиллионные армии требовали громадной работы тылового населения для обслуживания их нужд. Беспощадно проводившаяся блокада отдельных государств

создавала необходимость привлечения к делу борьбы с экономическим измором всех элементов населения, не исключая женщин, подростков и даже детей. При таких условиях с точки зрения военной необходимости, которая за время минувшей войны являлась единственным мерилом для практического разрешения вопросов пленения, все оказавшиеся во власти воюющих государств подданные противной стороны могли быть признаны об'ектами плена. И действительно, уже в самом начале войны во всех воевавших государствах наряду с военнопленными, подходившими под установленные статьями I и II Гаагской конвенции категории, оказались многие сотни тысяч т. н. гражданских пленных или цивильно-пленных, принадлежащих к числу невоюющих граждан враждебных государств. Понятие гражданского плена раньше совсем не было известно современному международному праву. Международная теория и практика не успели выработать по отношению к этой категории пленных никаких норм и традиций, и это давало всем воевавшим государствам возможность совершенно произвольно расширять понятие плена. В начале войны между цивильно-пленными делались некоторые различия по категориям пригодных и негодных для несения военной службы. Но по мере того, как расширялась амплитуда войны и выявлялось значение экономического фактора для исхода затянувшейся борьбы, различия между отдельными категориями пленных сглаживались, и правительства воевавших государств об'являли пленными всех тех подданных враждебной стороны, свободная деятельность которых представлялась им опасной с точки зрения военных задач. С течением времени пленение было распространено и на мирное население оккупированных областей. В этом отношении пережитая война явила много характерных примеров, из которых самыми яркими являются увод русскими войсками мирного населения Восточной Пруссии и увод германцами на принудительные работы населения занятых местностей Польши. Особенно далеко пошли в этом направлении правительства России, Англии и Франции, во многих отношениях переводившие на положение пленных целые народности и даже обширные категории своих собственных подданных на основании признака их племенного происхождения. Появился еще новый, уже совершенно неведомый прежним международноправовым представлениям, термин „германские выходцы", под

которыми разумелись лица, переменившие подданство в течение последних десятилетий до начала войны. Насколько к концу войны было расширено понятие плена, и насколько перемешались между собой отдельные категории пленных, об этом особенно наглядно свидетельствуют заключенные осенью 1917 года соглашения между Россией и Центральными государствами, именно: соглашение между Россией и Австро-Венгрией об обмене малолетних добровольцев и доброволиц на санитарный персонал (§ 4 отдела II Копенгагенского протокола); соглашение между Россией и Германией об обмене уведенного из Восточной Пруссии гражданского населения непризывного возраста на военнопленных больных офицеров (§ 1 Отдела II Копенгагенского протокола) и соглашение между Россией и Германией о взаимном размене плененных мужчин и женщин моложе 16 лет и старше 50 лет (Отдел XI протокола Копенгагенской конференции). Этими соглашениями, из которых явствует, что даже женщины в возрасте от 16 до 50 лет находились на положении пленных и не подлежали обмену до конца войны, и что лица санитарного персонала приравнивались к некоторым категориям военнопленных, особенно ярко подчеркивается факт игнорирования воевавшими государствами не только постановлений Гаагских конференций, но также и постановлений общепризнанной, освященной полувековой практикой Женевской конвенции, определенно недопускавшей распространения плена на лиц санитарного персонала. Все эти характерные факты дают нам основание утверждать, что за время минувшей войны *понятие плена было крайне расширено и фактически распространено на всех тех, оказавшихся во власти воевавших государств подданных враждебной стороны, свободная деятельность которых признавалась правительствами государств пленения опасной с точки зрения военных задач.*

Установившийся в международной практике *взгляд на военнопленного, как на обезоруженного воина, имеющего право на содержание в условиях быта военнослужащих государства пленения, также подвергся значительным изменениям* под влиянием особенностей пережитой войны.

В этом отношении большое значение прежде всего имел тот факт, что в соответствии с громадными массами сражавшихся во всех воевавших государствах оказались такие массы военнопленных, что содержание их в условиях быта своих военнослужащих являлось на практике совершенно

неосуществимым. Все воевавшие страны не успевали обслуживать свои собственные армии надлежащими помещениями, одеждой и продовольствием. Тем труднее было для них соблюдать по отношению к содержанию военнопленных все те условия, которые при прежних войнах устанавливались международными соглашениями. Всем нам хорошо известно, при каких обстоятельствах совершался приток военнопленных, и в каких условиях в то же время находилось передвижение и размещение спешно комплектовавшихся частей армии. Военнопленные размещались и содержались, где и как позволяли обстоятельства критической эпохи войны. Приравнение военнопленных в условиях содержания к своим солдатам и офицерам ни в одной стране фактически не соблюдалось.

Не менее важное значение в этом отношении имело также и то обстоятельство, что в активных действиях минувшей мировой войны принимали участие не только заранее подготовленные регулярные армии, но и массы спешно мобилизованного гражданского мужского народонаселения воевавших стран. При таких условиях в рядах сражавшихся, а затем и в лагерях военнопленных оказались в громадном большинстве не воины-профессионалы, воспитанные в традициях военного быта, а едва обученные военному делу массы вчерашних крестьян, рабочих и лиц интеллигентных профессий, привыкших к условиям обычной обывательской жизни мирного времени. Это обстоятельство в значительной мере осложняло задачу содержания военнопленных в чуждых им формах военного быта. Особенно много осложнений возникало в тех случаях, когда военнопленные при назначении на работы распылялись по стране и смешивались с сельскохозяйственными и фабричными рабочими. При таких условиях многим воевавшим странам уже в самом начале войны пришлось делать отступления от принципа чисто военного управления военнопленными. Так, у нас в России уже по правилам 17 марта 1915 года военнопленные на местах общественных работ были переданы в ведение земств, а при работах в частных предприятиях они были подчинены надзору фабричных инспекторов. Даже при содержании военнопленных в лагерях были допущены некоторые отступления от форм военного быта. Так, согласно постановлениям Стокгольмской конференции 1915 года (гл. 3 отдела 12) был допущен принцип некоторого самоуправления военнопленных путем образования.

лагерных комитетов, которым поручался ряд административных и нотариальных функций. Копенгагенская конференция 1917 года предполагала значительно расширить компетенцию лагерных комитетов (отдел 4 протокола). Вместе с тем Копенгагенская конференция в изменение соответствующих постановлений Гаагской конвенции предполагала в отношении снабжения приравнять военнопленных к гражданскому населению (гл. 3 отдела 4) и при определении условий труда выдвинула принцип уравнения военнопленных с местными рабочими (гл. 12 отдела 4 протокола).

Но самое могущественное влияние на изменение взгляда на военнопленного, как на обезоруженного воина-профессионала, подлежащего содержанию в условиях военного быта, оказало *значение экономического фактора в минувшей мировой войне*. Пережитая война, расколовшая весь мир на две враждебных коалиции и сразу принявшая характер ожесточенного столкновения целых наций, уже в самом начале подчинила себе весь ход экономической жизни воевавших стран. В каждом из воевавших государств была призвана к участию в непосредственной вооруженной борьбе и оторвана от своих обычных работ и мирных занятий вся наиболее сильная и здоровая часть мужского народонаселения; другая часть мужского народонаселения была привлечена к изготовлению оружия, снарядов и аммуниции и к обслуживанию других непосредственных нужд войны; остатки населения, наиболее слабые и неработоспособные, должны были взять на себя не только всю полноту заботы об удовлетворении насущных повседневных потребностей страны, но и осуществление новой грандиозной задачи экономического обслуживания нужд многомиллионной армии и работавшего на нее тыла. При таких условиях не могло быть сомнений в огромном значении для исхода войны экономических рессурсов и производительных сил каждой из воевавших стран. Это ранее других сознала Германия, которая на другой же день после об'явления войны приступила к осуществлению государственной регламентации производства и потребления и к проведению в жизнь начал трудовой повинности населения. С течением времени, когда мировая война приняла затяжной характер и стали в широких размерах применяться беспощадные меры блокады и подводной борьбы, становилось очевидным, что в каждой из воевавших стран экономический фактор имеет огромное значение не только для исхода войны, но и для самого

существования нации. В острой борьбе за существование, каждая страна должна была до крайних пределов напрягать всю свою экономическую энергию; все фабрики и заводы должны были безустанно работать; все площади земли должны были быть обработаны; все хоть сколько-нибудь пригодные к производительному труду элементы населения должны были быть использованы с наибольшей полнотой. При таких условиях и оказавшиеся во всех воевавших странах массы военнопленных, состоявшие в огромном большинстве из крестьян и рабочих, привыкших к производительному труду, естественно не могли оставаться на положении невольных гостей, пользующихся содержанием наравне с солдатами государств пленения, но не несущих их обязанностей. Естественно, что все воевавшие государства уже в самом начале войны широко стали пользоваться оказавшимися в их власти военнопленными как рабочей силой, могущей пополнить недостаток их собственных производительных сил, отвлеченных участием в вооруженной борьбе. *Это широкое использование всеми воевавшими государствами военнопленных в качестве рабочей силы является самой существенной особенностью военного плена минувшей мировой войны.* Многие сотни тысяч военнопленных были направлены на сельскохозяйственные работы, имевшие во время войны первенствующее значение для удовлетворения самых насущных нужд воевавших государств; другие сотни тысяч военнопленных направлялись на фабрики и заводы или на те тяжелые физические работы, которые не могли выполняться слабосильными элементами оставшегося тылового населения воевавших стран. Постановления Гаагской конвенции о том, чтобы работы военнопленных не были для них обременительными, не соблюдались ни в одном из воевавших государств. Наоборот, труд военнопленных повсеместно применялся к самым тяжелым, самым изнурительным работам. Военнопленные массами работали в разгрузочных командах, в подземных копях и рудниках. На них почти всецело лежал труд по устройству шоссейных и железных дорог в воевавших государствах. Никаких ограничений для максимального использования труда военнопленных фактически не существовало. В этом отношении весьма характерным является приказ германского командования, изданный по отношению к русским военнопленным в октябре 1918 г., т. е. тогда, когда для русских уже должно было бы прекратиться состояние плена. В этом приказе мы читаем сле-

дующее: „поставленный на работу военнопленный должен всю свою силу отдать в распоряжение работодателя. Работодатель определяет начало и конец рабочего времени. Ограничения рабочего времени определенным числом часов не существует. И в ночное время, а также и в воскресенье, и праздничные дни работа должна продолжаться, если это требуется. Дурная погода также не должна оказывать влияния на продолжение работ“ (Приказ по лагерю Траунштейн от 16 октября 1918 г.). Насколько важна была рабочая сила военнопленных, это мы ясно видели в период ликвидации Русско-Германской войны, когда нам в Русско-Германской Смешанной Комиссии приходилось изо дня в день вести упорную борьбу по поводу возвращения на родину русских военнопленных, которых германская сторона задерживала под очевидным давлением германских аграрных кругов, обусловливавших сохранение прежних цен на сельскохозяйственные продукты оставлением в их распоряжении рабочей силы военнопленных. Несмотря на прекращение войны с Россией работоспособные русские военнопленные задерживались в Германии в течение целого года, пока германская революция не раскрыла ворот лагерей и рабочих казарм. Германские пленные в свою очередь задерживались союзниками в течение продолжительного времени по окончании войны.

При отмечаемом нами значении экономического фактора в минувшей мировой войне фактически не могло быть осуществлено и постановление Гаагской конвенции о том, *чтобы работы военнопленных не имели никакого отношения к военным действиям*. В условиях пережитой войны всякая работа, даже самая простая сельскохозяйственная, имела несомненное отношение к войне, так как она усиливала рессурсы воевавшей страны и облегчала ей ведение военных действий. Это ясно сознавалось всеми воевавшими государствами и отражалось на их отношении к военнопленным. Когда летом 1918 г. мне пришлось вести в Швейцарии переговоры с Центральным Комитетом Красного Креста относительно оказания продовольственной помощи из Швейцарии русским военнопленным в Германии и Австрии, Женевский Комитет изъявлял свою готовность оказать свое содействие к получению продовольствия из Аргентины при помощи Американского Красного Креста, но при этом мне было сообщено, что представители Англии и Франции решительно протестовали против продовольственной помощи русским

военнопленным в виду того, что эти военнопленные выполняют в Германии разные промышленные и сельскохозяйственные работы и тем облегчают Германии ведение войны. Этот протест несомненно отличался прямолинейной жестокостью по отношению к голодавшим русским военнопленным, которые не по своей воле несли в Германии каторжный труд, но нельзя отрицать того, что в нем заключается правильная оценка труда военнопленных с точки зрения военных задач.

При таком значении труда военнопленных нельзя было провести строгих различий между работами мирными, работами относящимися к военным действиям и работами непосредственно военными. Неумолимо царившая над всеми сферами государственной и экономической жизни народов мира военная необходимость властно принуждала все воевавшие страны к самому широкому применению труда военнопленных и *к работам несомненно военного характера.* Так, в докладе вернувшихся из австрийского плена вольноопределяющихся Садыкера и Файнштейна, снабженных наказами от лагерных организаций Брюкса и Визельбурга, значится, что в Австрии за время войны около полумиллиона военнопленных находилось „на работах по сооружению укреплений, окопов, железных и шоссейных дорог на итальянском фронте, по Далматинскому побережью, в Сербии и в Албании, на заводах, изготовляющих снаряды, пушки и химические вещества, на каменноугольных шахтах и других казенных работах". В Германии в столь же широких размерах труд военнопленных применялся к военным работам внутри страны и в районах военных действий в Северной Франции и в Прирейнской области. Когда осенью 1918 года представители русских комиссий попечения впервые были допущены в Прирейнскую область, там оказалось свыше 50.000 русских военнопленных, работавших в зоне военных действий (доклад заведующего берлинским бюро военнопленных Семкова о посещении лагерей Прирейнской области). У нас в России, как известно, труд военнопленных также широко был использован и на военных заводах, и на работах по укреплению фронта. Повидимому это имело место и во всех других воевавших странах. В этом отношении весьма показательным является тот факт, что на происходивших во время войны международных конференциях представители враждебных стран, обычно выдвигавшие друг против друга многочисленные обвинения в разнообразных нарушениях междуна-

родно-правовых постановлений об условиях содержания военнопленных, вопрос о привлечении военнопленных на военные работы обходили скромным молчанием несмотря на то, что у каждого из них несомненно имелись по этому вопросу обильные и бесспорные доказательства виновности противной стороны. Это может быть об'яснено только тем, что все воевавшие государства в равной мере пользовались трудом военнопленных для военных целей и вследствие этого, как бы молчаливым соглашением между собой, отменили на время мировой войны действие международно-правовых норм, определенно запрещавших привлекать военнопленных к военным работам и тем насиловать их чувства долга по отношению к родной стране.

Постановления Гаагской конвенции *о признании за военнопленными достоинства обезоруженного противника и о человеколюбивом обращении с ними* также не могли быть проведены в жизнь во время минувшей мировой войны вследствие того великого шовинистического одичания, которое с самого начала войны охватило все европейские страны. Война велась под знаком величайшей расовой ненависти и огульного взаимного озлобления. Вся энергия печати и устной молвы была направлена на беспредельное разжигание чувств злобы и беспощадной вражды к целым нациям. Выдвинутый еще две тысячи лет тому назад в системе христианского учения принцип индивидуальной ответственности каждого человека только за свою суб'ективную вину был основательно забыт и заменен воскресшим из тьмы диких времен принципом расовой мести, распространявшейся на все без исключения элементы враждебных рас. За грехи и преступления одних элементов враждебной расы должны были нести тяжкую ответственность и все другие элементы той-же расы, к этим грехам и преступлениям никакого касательства не имевшие. Так, за сообщавшиеся газетами случаи зверств немецких солдат на русском фронте тяжко расплачивались внутри страны ни в чем неповинные русские обыватели иностранного происхождения, которых громили, избивали, калечили и рвали на части. Эта огульная ненависть несомненно распространялась и на военнопленных, как на представителей враждебных наций, и в бесчисленных случаях крайне отягчала их и без того тяжелое положение в чужой воюющей стране. Правда, эта ненависть не всегда проникала во всю толщу народных масс и не постоянно отражалась на положении военнопленных. Во многих случаях военнопленные,

распространенные по всей стране, живя и работая среди местного населения, сживались и до некоторой степени сближались с ним; между ними устанавливались человеческие отношения и создавались сносные условия жизни. Но всем известные бесчисленные проявления жестокости, издевательства и истязаний, которым подвергались военнопленные и со стороны военных властей, и со стороны караульных, и со стороны обывателей, и даже со стороны врачей,— несомненно об'ясняются той огульной ненавистью, которая во время войны разжигалась в массах населения и обывательской молвой, и газетами, и наукой, и литературой, и даже церковью. Насколько широко шовинистическое одичание захватило все классы общества, об этом всего характернее свидетельствует отношение к делам военнопленных со стороны судейского сословия, которое должно было бы быть воспитанным в уважении к принципу индивидуальной ответственности, но которое в делах, касавшихся военнопленных, зачастую руководствовалось обывательским чувством расовой мести и нетерпимости. Так, например, летом 1918 года мне пришлось присутствовать на одном процессе в Берлине, где берлинские судьи приговорили к аресту и к крупному штрафу двух женщин только за то, что они позволили себе танцовать с русскими военнопленными на каком то деревенском празднике; причем мотивировка этого приговора носила определенно шовинистическую окраску и ссылалась на неимевшие никакого отношения к данному случаю факты поведения русских войск в Восточной Пруссии. А у нас в России наши московские судьи в течение многих месяцев держали в тюрьме московского пастора Вальтера и нескольких дам только за то, что они образовали частный кружок для самой элементарной помощи бельем и фуфайками провозившимся через Москву германским пленным, которые нередко неделями лежали на платформах вокзалов больные и раздетые. Известный процесс о пожертвованиях германскому флотскому союзу, по которому наши столичные и провинциальные судьи и судебные следователи в течение почти года держали в тюрьмах многие сотни проживавших в России германских подданных решительно без всякого законного основания и вопреки действовавшим у нас процессуальным правилам—служит наиболее ярким примером подчинения судейской совести общим законам шовинистического одичания, постигшего все цивилизованные страны. Универсальность шовинистического одичания представляет

собой одну из наиболее характерных особенностей пережитой войны. Это одичание не могло не отразиться и на судьбе военнопленных. Не мало тяжелых переживаний причинило оно военнопленным всех воевавших стран. Не мало печальных последствий создало оно для тех из них, кто вследствие потрясений войны, ран, болезней или изнурительных переживаний плена нуждался в заботе и уходе и вместо человеколюбивого отношения к себе встречал холодную жестокость или озлобленную ненависть со стороны распоряжавшихся его судьбой. Многие сотни тысяч безвестных могил и крестов, появившихся за время войны и в цветущих долинах центральной Европы, и в пустынных необозримых степях далекой Сибири, остаются ныне немым укором всему человечеству за проявленную им великую жестокость по отношению к обезоруженным жертвам беспримерной войны.

По той же причине всеобщего шовинистического одичания не могли получить своего осуществления за время войны и постановления Гаагской конвенции о том, чтобы *свобода военнопленных не подвергалась излишним стеснениям, и чтобы заключение применялось к военнопленным лишь в виде исключительной временной меры.* В действительности во время минувшей войны во всех воевавших странах нормальной формой содержания военнопленных было не временное, а постоянное заключение и при том—заключение со строгим режимом, во многих отношениях носившим характер обычного тюремного режима. Это также может быть отчасти отнесено на счет господствовавшей во всех воевавших странах расовой ненависти, которая сообщила плену некоторые черты мести и наказания, и в особенности на счет той шпиономании, которая представляла собой одно из характерных проявлений всеобщего одичания за время минувшей войны. Всем известны бесчисленные комические и трагические случаи проявления всеобщей шпиономании в первые годы войны, когда усердные обыватели всех стран во множестве хватали на улицах и на дорогах незнакомых им проезжих и прохожих и по подозрению в шпионстве тащили их в полицейские участки;—когда на крышах обывательских домов разыскивались радиостанции, и простые громоотводы принимались за мачты беспроволочного телеграфа;—когда бетонные площадки открывались где то в лесах Урала и в имениях помещиков с иностранными фамилиями;—когда вражеские аэропланы грезились обывательской фантазии даже в таких

медвежьих уголках, откуда, по выражению Гоголя, „три года скачи, ни до одной границы не доскачешь". В шпионстве были заподозрены все проживавшие в стране иностранцы и в первую очередь, конечно, все лица враждебных наций. Это ставило их в весьма тяжелое и во многих отношениях весьма опасное положение. Отражение шпиономании мы встречаем и во многих приказах местной администрации, касавшихся ограничения прав проживавших внутри страны лиц враждебных наций. В этом отношении особенно характерным был приказ Омского генерал-губернатора Шмидта, изданный им на основании слуха о появлении германского аэроплана над Киргизской степью Акмолинской области. Несмотря на очевидную для здравомыслящего человека нелепость этого слуха, ибо германский аэроплан ни при каких обстоятельствах в Акмолинскую область залететь не мог, генерал-губернатор Шмидт придал этому слуху серьезное значение и во избежание укрывательства вражеских аэропланов местными колонистами приказал переселить и перевести на положение цивильнопленных всех проживавших в Акмолинской области колонистов немецкого происхождения, давно уже обрусевших и мирно занимавшихся земледелием на дедовских землях в расстоянии пяти тысяч верст от театра военных действий.

Боязнь шпионства требовала принятия мер сугубой предосторожности по отношению ко всем лицам враждебных наций, и это естественно распространялось и на военнопленных. Во всех воевавших странах военнопленные были подвергнуты не только строгому окарауливанию, но и постоянному заключению. Даже находившиеся на сельскохозяйственных работах военнопленные по вечерам заключались в особые помещения и окарауливались жандармами. Все лагери военнопленных были окружены проволочными заграждениями. Колючей проволокой ограждались и отдельные бараки, и места для прогулок военнопленных. За военнопленными был установлен постоянный надзор со стороны часовых, караульных, надзирателей и переводчиков. В таких условиях заключения военнопленные должны были жить в течение долгих томительных лет войны. Эти стеснения свободы, подневольность положения, постоянный надзор, теснота помещений, со всех сторон окруженных проволочными заграждениями,—все это крайне удручающе действовало на настроение военнопленных и несомненно влияло на их психическое состояние. В среде военнопленн-

ных появился особый вид душевной болезни; получивший в Германии название „психоза колючей проволоки“ („Stacheldrahtpsychose“). Особенно суровые меры заключения применялись к военнопленным офицерам, которые во всех странах считались наиболее опасными элементами по отношению к шпионажу. Для офицеров обычно отводились особо изолированные помещения в старинных замках и в фортах крепостей. Для прогулок им отводились небольшие площадки, за пределы которых они не могли выходить, не рискуя быть застреленными часовыми. В таких условиях при вынужденном полном бездействии жизнь военнопленных офицеров была особенно тяжела и особенно тягостно отражалась на состоянии их здоровья. Когда мне осенью 1918 года пришлось посетить форт Цорндорф крепости Кюстрин в Восточной Германии, я среди встретивших меня там 184 военнопленных русских офицеров не нашел ни одного человека здорового и нормального. Все они были крайне истомлены, нервно расстроены и психически явно неуравновешены. Об'ясняться с ними было крайне трудно. На простые фактические сообщения они реагировали настолько болезненно, что приходилось ограничиваться лишь самыми общими успокоительными заверениями. Впечатление от форта Цорндорф было одним из самых тяжелых впечатлений, вынесенных мною из ознакомления с общей картиной плена в Германии. В целях облегчения положения пленных офицеров мы неоднократно и на Копенгагенской конференции, и в Русско-Германской Смешанной Комиссии вносили предложения о предоставлении военнопленным офицерам права заниматься работами по их выбору и в частности о предоставлении им возможности участвовать в сельскохозяйственных работах хотя бы на общих основаниях с другими военнопленными. Но другие участники совещаний находили с точки зрения военной безопасности нежелательным допускать общение пленных офицеров с местным населением, и на практике этот вопрос до конца войны не получил своего разрешения.

Отмечаемые особенности мировой войны оказали весьма существенное влияние и *на всю постановку дела помощи военнопленным, и на организацию сношений военнопленных с родными странами*. По постановлениям Гаагской конвенции права военнопленных на общение с родными и близкими и на получение помощи с родины казались простыми и легко осуществимыми. Согласно ст. XIV Гаагской конвенции в каждом из вою-

ющих государств должны были учреждаться особые Справочные Бюро для высылки и сообщения разных справок о военнопленных. Согласно ст. XV той-же конвенции общества помощи военнопленным могли беспрепятственно осуществлять свою деятельность и пользоваться для этих целей содействием со стороны воюющих и нейтральных стран. Минувшая мировая война, нарушившая все формы обычного международного общения и создавшая крупные осложнения во всех сферах внутренней жизни воевавших государств, до крайности осложнила осуществление дела помощи военнопленным и по отношению к организации общения военнопленных с родиной создала ряд трудноразрешимых проблем. Гаагская конвенция, требовавшая учреждения во всех воевавших странах Справочных Бюро, совершенно не касалась вопроса о порядке и способах сношений этих Бюро при условиях военного времени. На практике разрешение этого вопроса оказалось сопряженным со многими непреодолимыми препятствиями в условиях минувшей войны, разделившей обе коалиции враждебных государств не только непрерывной линией окопов, но и непроницаемой стеной взаимного недоверия, страха и озлобления. Прямые сношения с учреждениями враждебных стран во многих воевавших государствах признавались совершенно недопустимыми. Сношения окольными путями при посредстве дипломатических учреждений держав-покровительниц были несколько осложнены обстоятельствами военного времени, что применение их к бесчисленным конкретным делам военнопленных фактически было невозможно. При таких условиях Справочным Бюро воевавших стран было крайне трудно справиться с возложенными на них задачами. У нас в России уже в начале войны было организовано при Центральном Справочном Бюро в порядке статьи XIV Гаагской конвенции. Но в то же время русским правительством были изданы распоряжения, запрещавшие под страхом каторжных работ сношения с учреждениями враждебных государств. Эти распоряжения парализовали деятельность Российского Справочного Бюро, не находившего способов выйти из создавшегося затруднительного положения. Германское Справочное Бюро в начале войны присылало свои списки военнопленных, но, не получая ответных списков из России, также приостановило свою деятельность уже в порядке репрессий. Сношения военнопленных с их родными и близкими при посредстве почтовых учреждений

также были сопряжены с громадными затруднениями. Обычно перегруженные своими текущими работами, почтовые учреждения оказались застигнутыми врасплох неожиданно вставшей перед ними грандиозной задачей обслуживания военных нужд страны и уже физически не могли справиться с громадной корреспонденцией военнопленных, которую приходилось переправлять окружными путями через нейтральные страны. Еще более трудностей для сношений военнопленных создавала военная цензура, которой особенности пережитой войны сообщили черты беспримерной строгости. Соображения военной безопасности и боязнь шпионажа требовали самого тщательного цензурования всей многомиллионной корреспонденции военнопленных. Письма военнопленных не только должны были внимательно прочитываться для уяснения их явного и тайного смысла, но и должны были подвергаться особому обследованию с целью обнаружения химических чернил и потайных знаков. Такая работа во всех воевавших странах требовала громадной затраты времени и труда. У нас в России военно-цензурная работа по делам военнопленных была сосредоточена в Петроградских цензурных учреждениях, которые при их ограниченном личном составе оказались совершенно несостоятельными перед лицом поставленных им задач. В этих учреждениях уже в начале войны образовались громадные залежи писем германских и австрийских военнопленных, а также писем, адресованных русским военнопленным из России. Медленность русских почтовых и цензурных учреждений вызывала в порядке репрессий и задержку писем русских военнопленных из Германии и Австрии. Поступая в Россию, эти письма снова залеживались в Петроградских цензурных учреждениях и доходили до адресатов лишь через много месяцев после их отправки. Еще больше затруднений возникало по отношению к пересылке продовольственных посылок военнопленным. Эти посылки также должны были подвергаться самому строгому цензурному досмотру, при чем все ящики вскрывались, свертки развертывались, пироги, хлебы и колбасы разрезались на мелкие куски, банки вскрывались, мешки распарывались. При таких строгостях цензуры, при общем расстройстве транспорта во всех воевавших странах, при недостатке перевозочных средств, долженствовавших в первую очередь обслуживать нужды армии и фронта,—неудивительно, что посылки военнопленным подолгу залеживались

на узловых и пограничных пунктах и, обогнув окружными путями всю Европу, доходили до военнопленных нередко в виде разбитых ящиков с непригодной к употреблению трухой внутри. А между тем нужда в этих продовольственных посылках всюду была громадная, так как подвергнутые блокадам воевавшие государства держали впроголодь свое население и не могли обеспечить достаточным питанием массы оказавшихся в их власти военнопленных. Самая доставка посылок военнопленных была сопряжена с большими затруднениями, вследствие постоянных перемещений военнопленных на работы внутри страны и вследствие отсутствия на местах правильной их регистрации. К тому же происходили частые недоразумения с фамилиями и адресами военнопленных вследствие трудности транскрипции русских имен и названий в Германии и Австрии и немецких и в особенности венгерских имен и названий в России.

Уже в первые месяцы войны наглядно выяснилось, что удовлетворение нужд военнопленных не может быть осуществлено в обычных, ранее существовавших формах постановки дела помощи военнопленным. Эти формы совершенно не соответствовали об'ему и особым условиям мировой войны. Пришлось создавать новые формы обслуживания нужд военнопленных, и почин в этом деле, а также и его осуществление взяли на себя общественные организации. Так, впервые некоторые способы прямых сношений красно-крестных учреждений по делам регистраций военнопленных были намечены в неоффициальном соглашении представителей нашего Московского Комитета помощи военнопленным с представителями Гамбургского Общества Красного Креста, встретившимися на нейтральной почве Швеции. Это соглашение при содействии Шведского Красного Креста привело к созыву первой Стокгольмской конференции, на которой были практически разрешены некоторые вопросы, касавшиеся установления сношений по делам военнопленных, организации им помощи и определения условий их содержания. Тому же Московскому Комитету пришлось устанавливать и проводить в жизнь приспособленные к условиям мировой войны многие новые формы осуществления дела помощи военнопленным, начиная с выработанной Московским Комитетом и впоследствии одобренной Стокгольмской конференцией формы осведомительных карточек с тремя купонами, предназначавшимися для целей

регистрации военнопленного и извещения его родных, и кончая организованной нами системой заграничных агентур в Дании, Голландии и Швейцарии, практически разрешивших многие промблемы установления международных сношений по делам военнопленных и оказания им разных видов массовой и индивидуальной помощи. Путем образования особого Бюро в Копенгагене, занявшего за время минувшей войны положение посреднического центра для всех русских учреждений по делам военнопленных, и путем организации цензурного досмотра писем при учреждениях Московского Комитета, нам удалось значительно ускорить пересылку военнопленным писем, которые в опечатанных цензурой тюках переправлялись прямо в Копенгагенское Бюро и оттуда при содействии Гамбургского Красного Креста доставлялись в лагери военнопленных. Аналогичным порядком Копенгагенское Бюро упрощало и пересылку писем русских военнопленных из лагерей в Россию. Путем установления приспособленных к условиям транспорта форм, веса, упаковки и содержания посылок для военнопленных и организации цензурного досмотра этих посылок в местах их заготовки, Московскому Комитету удалось также значительно упростить и переотправку родственных продовольственных посылок военнопленым. Особенно важное значение в деле родственной продовольственной помощи военнопленным в условиях пережитой войны имели введенные Московским Комитетом трафаретные посылки определенных цен и определенного содержания, которые в большом количестве за счет родственных сумм изготовлялись в Дании и Голландии и по письменным или телеграфным приказам из Москвы посылались Копенгагенским Бюро в лагери военнопленных. Этим значительно облегчалось осуществление родственной продовольственной помощи военнопленным, ускорялась доставка посылок, устранялся риск порчи и пропажи посылок в пути, разгружался транспорт и открывалась возможность использования продовольственных рессурсов нейтральных стран вне ущерба для продовольственных рессурсов своей страны. В таком же порядке значительно облегчалось и осуществление родственной денежной помощи военнопленным при посредстве Копенгагенского Бюро, которое по телеграфным приказам из Москвы переводило в соответствующей валюте деньги военнопленным из авансовых сумм Московского Комитета. Установленные Москов-

ским Комитетом приемы и способы обслуживания нужд военнопленных оказались настолько практичными в условиях мировой войны, что все без исключения возникавшие в России учреждения и организации помощи военнопленным, как центральные, так и местные, примыкали к Московскому Комитету и осуществляли свою деятельность при посредстве его учреждений. Посредничеством Копенгагенского Бюро Московского Комитета воспользовались впоследствии и русские государственные учреждения по делам военнопленных, как при старом режиме, так и во время революционного периода. В течение первых двух лет войны русским общественным организациям при помощи выработанных ими новых приемов и способов обслуживания нужд военнопленных удалось до некоторой степени справиться с исключительными трудностями военного времени и не только в значительном об'еме с'организовать все виды материальной помощи военнопленным, но и развить сравнительно широкую деятельность по обслуживанию разнообразнейших индивидуальных нужд военнопленных, по удовлетворению их духовных запросов и по правовой защите интересов, как самих военнопленных, так и их оставленных на родине семейств. Выработанная этой практикой жизни техника дела помощи военнопленным, на обрисовке которой мы более подробно остановимся впоследствии, представляет собой большой интерес не только с точки зрения использования богатого опыта войны для практического разрешения вопросов помощи военнопленным на будущее время, но и с точки зрения исторического освещения положения военнопленных в исключительных условиях пережитой мировой войны. Все особенности этой войны, отражаясь на многообразных нуждах военнопленных, сообщали новые интересные черты в постановке дела помощи военнопленным во всех воевавших странах.

Отмечу еще одну особенность постановки дела помощи военнопленным за время минувшей мировой войны. Согласно статье XV Гаагской конвенции, общества помощи военнопленным должны пользоваться „всяческими облегчениями“ со стороны воюющих государств; их представители должны были допускаться в места водворения военнопленных для осуществления их гуманитарной деятельности. В действительности же мировая война, как мы видели, настолько нарушила все прежние формы общения европейских стран и создала такое взаимное отчуждение воевавших

государств, что не только доступ представителей учреждений враждебных стран на территорию государства пленения являлся немыслимым, но даже и прямые письменные сношения учреждений враждебных стран фактически были невозможны. Между тем обусловленные особенностями мировой войны нужды военнопленных были настолько остры и многочисленны, и необходимость удовлетворения этих нужд была настолько настоятельна, что ни одно из воевавших государств не могло взять дела удовлетворения этих нужд всецело лишь на свою ответственность. Это создало необходимость *участия в деле помощи военнопленным учреждений нейтральных стран* в такой мере, какая никогда не применялась при прежних войнах. Гаагская конвенция, как мы видели, упоминала о нейтральных странах лишь в постановлении о бесплатной пересылке писем и посылок для военнопленных. Женевская конвенция касалась учреждений нейтральных стран лишь в статьях 2 и 11 по вопросам об интернировании и санитарном обслуживании нужд больных и раненых. За время мировой войны компетенция учреждений нейтральных стран была значительно расширена, и в действительности эти учреждения в широких размерах приняли весьма активное участие в деле помощи военнопленным всех воевавших стран. Мы уже упоминали о том, какое огромное значение имела деятельность учреждений нейтральных стран для установления сношений по делам военнопленных между воевавшими государствами. Весьма значительна была роль нейтральных стран, в особенности Дании, Голландии и Швейцарии, и в деле продовольственной помощи военнопленным. Много миллионов пудов продовольственных припасов поступило за время войны в лагери военнопленных из Скандинавских стран и из Аргентины через Швейцарию. Большое значение имело содействие нейтральных стран и в деле интернирования военнопленных. На основании заключавшихся во время войны особых соглашений между правительствами воевавших и нейтральных государств, значительное число военнопленных всех воевавших стран было интернировано на время войны в Швейцарии, Дании, Голландии и Норвегии. Весьма интенсивную деятельность на поприще обслуживания нужд военнопленных развивали и отдельные краснокрестные и специальные учреждения нейтральных стран. Во многих нейтральных странах за время войны образовались специальные комитеты помощи военнопленным

ным. В деле гуманитарного обслуживания лагерей военнопленных приняли участие и особые нейтральные организации международного характера, как, например, христианский союз молодежи, еврейские общества вспомоществования, интернациональная комиссия по делам военнопленных при Женевском Центральном Комитете Красного Креста и т. п. Особенно важное значение по отношению к России имела деятельность учреждений Датского Красного Креста, взявших на себя не только дело посредничества между Россией и лагерями русских военнопленных в Германии и Австрии, но и многие самостоятельные функции обслуживания нужд русских военнопленных. Еще более активную роль по отношению к центральным государствам выполняли учреждения Шведского Красного Креста, взявшие на себя заботу о находившихся в России германских и австрийских пленных. С течением времени учреждения нейтральных стран приняли на себя даже некоторые функции международного контроля над деятельностью воевавших государств по отношению к военнопленным. Не доверяя учреждениям враждебных стран и не рассчитывая на доверие к своим собственным учреждениям, воевавшие государства в некоторых случаях были вынуждены обращаться к авторитету признанных международным общением краснокрестных организаций нейтральных стран. Так, когда со стороны воевавших государств начались взаимные обвинения и нарекания по поводу содержания военнопленных, уполномоченными Женевского Центрального Международного Комитета Красного Креста был совершен об'езд нескольких сот лагерей военнопленных в Германии, Австрии, Болгарии, Турции, России, Англии, Франции, Италии, Египте, Индии, Алжире, и Тунисе. Отчеты о посещении этих лагерей были опубликованы в специальных изданиях Женевского Комитета: "Documents publiés à l'occasion de la guerre européenne" В некоторых воевавших государствах были образованы при участии представителей нейтральных учреждений особые органы, выполнявшие некоторые функции надзора по отношению к эвакуации военнопленных и их снабжению продовольственными продуктами. Так, в Вене и в Петрограде были организованы при участии представителей Датского Красного Креста особые Бюро, участвовавшие в деле помощи военнопленным и контролировавшие отбор инвалидов для их эвакуации и интернирования. Делегаты нейтральных учреждений привлекались

и к надзору над соблюдением тех касавшихся военнопленных соглашений, которые уже во время войны заключались воюющими государствами на созывавшихся при деятельном участии правительств нейтральных стран специальных конференциях. На этих конференциях между Центральными государствами и Францией—в Берне, Англией—в Гааге и Россией—в Стокгольме намечалась даже целая система международных внегосударственных организаций с функциями контроля над деятельностью отдельных государств. Так, согласно главе XIII Стокгольмского протокола, из представителей национальных краснокрестных обществ России и Центральных государств, а также Дании, Швеции и Швейцарии, должна была организоваться под председательством нейтрального члена особая Смешанная Комиссия для постоянного ознакомления с условиями жизни и работ военнопленных в воюющих странах, для надзора над соблюдением заключенных договоров и для принятия мер к устранению злоупотреблений путем обращения к соответствующим правительствам через национальные краснокрестные учреждения и президиум Шведского Общества Красного Креста. Копенгагенская конференция между Россией и Центральными государствами намечела целую сеть учреждений, долженствовавших заменить собой на время войны дипломатическое представительство по делам военнопленных. Так, глава VIII Копенгагенского протокола заключает в себе целый ряд постановлений о правах нейтральных делегатов на непосредственное, беспрепятственное изучение условий содержания военнопленных в странах пленения, на защиту интересов пленных, на контроль за соблюдением всех заключенных договаривающимися сторонами соглашений и на принятие мер к устранению всяких нарушений и злоупотреблений. Глава IX того же протокола содержит в себе постановления о постоянных сестрах милосердия, которые должны допускаться в места водворения военнопленных и пользоваться широкими правами по ограждению интересов военнопленных. Наконец, глава XIII Копенгагенского протокола предусматривает образование специальных комиссий из представителей воюющих государств при нейтральной краснокрестной организации для обсуждения вопросов, касающихся репрессалий и других существенных ограничений, вводимых в положение военнопленных, при чем правительства воюющих государств обязуются не прибегать к таким ограниче-

ниям до обсуждения соответствующих вопросов в специальных комиссиях.

Такое расширение роли и компетенции нейтральных учреждений и допущение международного внегосударственного контроля над действиями отдельных государств по отношению к военнопленным знаменуют собой весьма существенное изменение настроения правительств воевавших стран, которые начали войну с отрицания обязательности международноправовых норм, но в течение войны стали приходить к убеждению в том, что правовое положение военнопленных не может определяться лишь односторонней волей государств пленения, а должно опираться на авторитет права признаваемого всеми культурными народами.

ГЛАВА II.

Международное правотворчество по делам военнопленных, характеризующее положение военнопленных за время мировой войны.

Отмеченные в предыдущем изложении особенности мировой войны, существенно изменившие общее понятие военного плена и отразившиеся на положении военнопленных, на их многообразных нуждах и на способах удовлетворения этих нужд, вызвали *появление уже во время войны многочисленных актов внутренне-государственного и международного правотворчества*, имевшего своей задачей урегулирование положения военнопленных соответственно особенностям военного плена в условиях мировой войны. Все эти акты правотворчества, касающиеся многих сторон быта военнопленных всех воевавших стран, представляют собой большой интерес и заключают в себе весьма ценный материал для использования огромного опыта войны по делам военнопленных. На более подробном анализе и оценке этих актов правотворчества мы остановимся впоследствии, когда на основании исторического освещения положения военнопленных за все периоды войны можно будет сделать общие выводы, заключающие в себе результаты тяжелых уроков жизни и мо-

гущие на будущее время облегчить разрешение касающихся военнопленных проблем, которые несомненно в недалеком будущем должны будут разрешаться в международном масштабе. В настоящем же общем очерке я коснусь этих актов правотворчества лишь постольку, поскольку они могут способствовать уяснению общей картины военного плена и его особенностей в условиях минувшей мировой войны.

В начале войны все воевавшие страны пытались урегулировать вопросы о положении военнопленных односторонними внутренне-государственными актами в законодательном порядке или в порядке военного управления. Так, у нас в России на третий месяц войны было издано „Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г.“, составленное в соответствии с принципами Гаагской конвенции и заключавшее в себе подробные правила о содержании военнопленных при пленении, при перевозке, при помещении в лагерях и на работах. Затем последовал ряд узаконений об отпуске военнопленных на сельско-хозяйственные работы, о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ, о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог, об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях, о привлечении военнопленных к работам по земскому и городскому хозяйствам и т. д. Среди этих узаконений обращает на себя внимание изданное уже в полном несоответствии с постановлениями Гаагской конвенции узаконение от 9 августа 1915 года, „о выдаче поощрительного вознаграждения военнопленным за усердный труд при исполнении ими произведенных по военному ведомству работ“. В Австрии также в начале войны были изданы многочисленные распоряжения и узаконения о положении военнопленных. Впоследствии эти узаконения были кодифицированы и преподаны к исполнению циркуляром Австро-Венгерского военного министерства от 1 марта 1916 года, заключавшим в себе полную сводку подробных правил об управлении военнопленными, об условиях их содержания в лагерях и на работах, о санитарном уходе за ними и т. д. В Германии правила содержания военнопленных до конца войны не были кодифицированы. Они заключались в многочисленных распоряжениях военных властей и в приказах по округам лагерной инспекции и по отдельным лагерям.

Но, как мы уже упоминали выше, одними внутренне-государственными актами нельзя было урегулировать общего вопроса о положении военнопленных, и это создало необходимость созыва международных конференций для заключения специальных соглашений по делам военнопленных между воевавшими государствами. Первая конференция между Россией и Центральными государствами состоялась в Стокгольме в ноябре 1915 года и закончилась протоколом 1 декабря 1915 г., заключавшим в себе подробные правила об условиях содержания военнопленных обоих сторон. Продолжением работ этой конференции было Стокгольмское совещание 12 мая 1916 года, заключительный протокол которого представлял собою окончательную формулировку постановлений Стокгольмской конференции. С течением времени практика жизни по делам военнопленных выдвинула много новых вопросов, требовавших своего разрешения в порядке международных соглашений. Для разрешения этих вопросов осенью 1917 года была созвана в Копенгагене вторая конференция представителей России и Центральных государств. Работы этой конференции продолжались в течение октября и ноября 1917 года и привели к составлению целого кодекса подробных правил о содержании военнопленных, об управлении ими, об организации им помощи и о введении органов контроля над проведением в жизнь принятых на конференциях постановлений о военнопленных.

Аналогичные соглашения были также заключены между Францией и Центральными государствами на конференции в Берне и между Англией и Центральными государствами—на конференции в Гааге.

Ликвидационный период войны между Россией и Центральными государствами после заключения Брестского мира создал необходимость особых соглашений по вопросам обмена и эвакуации военнопленных. Для разрешения этих вопросов было созвано непосредственно после заключения мира Петроградское совещание и весною 1918 года были образованы в Москве Русско-Германская и Русско-Австрийская Смешанные Комиссии. На Петроградском совещании был установлен порядок обмена и эвакуации инвалидов и некоторых категорий цивильнопленных и были выработаны подробные правила о провозе пленными вещей и багажа. На заседаниях Русско-Германской и Русско-Австрийской Смешанных Комиссий освещались разные стороны поло-

жения военнопленных обоих сторон в ликвидационный период войны, разрешались конкретные вопросы об обмене военнопленных и были выработаны подробные планы транспорта военнопленных, организации питательных пунктов и медикосанитарного обслуживания военнопленных в пути.

Характерную особенность всего этого правотворчества военного времени составляет общее для всех появившихся за время минувшей войны внутренне-государственных и международно-правовых актов по делам военнопленных *стремление к самой детальной регламентации всей совокупности вопросов о военнопленных.* Уже на первой Стокгольмской конференции между Россией и Центральными державами не только были вынесены общие постановления о положении военнопленных обоих сторон, но и были разработаны многие детали техники содержания военнопленных, касавшиеся подробностей устройства помещений, числа отхожих мест и даже порядка стирки белья. Такое перенесение мелочной регламентации отдельных деталей техники в область международного правотворчества было совершенно несвойственно актам о военнопленных прежнего времени. Гаагская конвенция, как мы видели, заключала в себе лишь самую общую формулировку основных принципов военного плена и лишь самые общие постановления о том, что обращение с военнопленными должно быть человеколюбивым, что помещения для них должны быть удовлетворительными и что пищевое довольствие их должно быть достаточным. Уже в самом начале минувшей мировой войны, вызвавшей великие пертурбации во всех сферах политической, экономической и духовной жизни народов, такие общие постановления оказались чрезвычайно расплывчатыми перед лицом крайнего разнообразия условий жизни и быта военнопленных всех воевавших стран. За время мировой войны военнопленные были размещены не только в культурных местностях центральной Европы, но и в северной Африке, в Египте, в Индии, на окраинах европейской России и в самых глухих местах необ'ятной Сибири. Условия климата, экономической жизни, быта, культурного развития и морального уровня населения в отдельных местах водворения военнопленных были настолько различны, что единообразное применение к ним каких либо общих начал фактически являлось неосуществимым. Представления о человеколюбивом отношении к военнопленным были весьма суб'ективны и разнообразны

в зависимости от степени шовинистического одичания, проникавшего во все слои населения воевавших стран. Понятия о чистоте и гигиене были далеко не одинаковы у обитателей киргизских юрт и у воспитанных в культурных навыках европейцев. Взгляды на достаточность пищевого довольствия находились в тесной зависимости от степени продовольственного благополучия отдельных местностей. Суждения об удовлетворительности помещений в разных местах водворения военнопленных также были весьма условны: помещения и приспособления, удовлетворявшие примитивным потребностям уроженцев дикого севера, оказывались для переселенных в них военнопленных, выросших в условиях мягкого климата и в обстановке европейского комфорта, не только неудовлетворительными, но и прямо вредными для здоровья и даже опасными для жизни. И не случайно Стокгольмской международной конференции пришлось уделить свое внимание вопросу об устройстве отхожих мест. В привезенном на конференцию германскими делегатами обличительном материале было много красноречивых жалоб военнопленных именно на устройство отхожих мест в поселениях военнопленных у нас в Сибири, где нередко отхожими местами служили простые ямы с перекинутыми через них до крайности загрязненными и обледенелыми досками. Больные и слабые военнопленные часто падали с этих досок и заполняли ямы своими трупами. Неудивительно, что при таких условиях взаимные пререкания всех воевавших стран по поводу содержания военнопленных были разнообразны до бесконечности. Разрешению этих пререканий не мог помочь и установленный Гаагской конвенцией общий критерий, согласно которому военнопленные по отношению к условиям содержания должны были быть приравнены к военнослужащим армии страны пленения. Такое приравнение не могло быть проведено в жизнь уже потому, что господствовавший над всеми сферами жизни воевавших стран лозунг, „все для войны", требовал в первую очередь обслуживания нужд собственной армии страны, а обслуживание нужд вражеских военнопленных отодвигал далеко на задний план. К тому же и условия жизни и передвижения военнослужащих армий воевавших стран были до крайности разнообразны. При спешных мобилизациях и передвижениях солдаты перевозились не только в классных вагонах, но и в теплушках, и в нетопленных товарных вагонах, и на

открытых платформах. И жили солдаты во время войны не только в специально приспособленных казармах, но и в наскоро сколоченных бараках, в землянках, в палатках и под открытым небом. Установить на основании приравнения к таким условиям жизни какой либо определенный порядок содержания военнопленных было довольно затруднительно. Всем воевавшим странам пришлось заново регулировать вопрос о положении военнопленных применительно к особым условиям мировой войны. Им пришлось уже во время войны выполнить большую работу по нормировке сложной техники содержания военнопленных и управления ими. Результатом этой работы и явились вышеупомянутые внутренне-государственные и международно-правовые акты, представляющие собой целые кодексы детально разработанных постановлений о военнопленных.

Из всех этих актов наибольшей полнотой и обстоятельностью отличается выработанный лицами, близко стоявшими к делу помощи военнопленным, и подписанный уже в самом конце войны между Россией и Германией, за несколько недель до заключения Брестского мира, протокол Копенгагенской конференции, на постановлениях которого в наибольшей степени отразились указания опыта мировой войны по делам военнопленных.

Постановления этого протокола, многочисленные и разнообразные, варьирующиеся по отдельным государствам, участвовавшим в конференции, представляют собой целостную систему правил, регулирующих регистрацию военнопленных и установление их сношений с родиной, организацию помощи военнопленным, порядок управления ими, медико-санитарный уход за военнопленными, ограждение материальных, духовных и правовых интересов военнопленных, условия содержания военнопленных в лагерях и на работах, организацию и компетенцию нейтральных и смешанных органов надзора и контроля над соблюдением правил о положении военнопленных.

На всех этих группах правил заметно отражение особенностей военного плена в условиях мировой войны. Все намечаемые ими мероприятия носят практический характер, обусловленный выяснившимися во время войны нуждами военнопленных.

Так, постановления о регистрации и установлении сношений, очевидно считаясь с самой главной бедой военнопленных,—с их оторванностью от родины, особенно мучи-

тельно отражавшейся на их положении при затяжном характере мировой войны, заключают в себе самую тщательную регламентацию справочной части о военнопленных и техники их почтовых сношений с родиной, причем санкционируются те упрощения цензурного досмотра и те облегчения пересылки писем, денег и посылок, которые за время войны были выработаны практикой общественных учреждений помощи военнопленным.

В постановлениях об организации помощи военнопленным также учитывается опыт общественных и краснокрестных учреждений; причем этим учреждениям гарантируется беспрепятственное осуществление их деятельности, и значительно расширяются их полномочия.

Постановления о медикосанитарном уходе разработаны особенно тщательно и направлены к определенной цели обезопасить жизнь и здоровье военнопленных и обеспечить за больными и ранеными военнопленными ту необходимую заботу, которой они нередко бывали лишены во время пережитой войны.

Постановлениями об управлении военнопленными оставляется в силе прежний принцип военного управления, но при этом вводятся подробные правила о том, чтобы коменданты лагерей были в штаб-офицерских чинах и пожилого возраста, чтобы их деятельность контролировалась лагерной инспекцией, и чтобы были приняты определенные меры для обеспечения военнопленных от произвола и дурного обращения со стороны караульных и мелкого начальства. Вместе с тем санкционируется и являющийся уже особенностью военного плена минувшей войны принцип самоуправления военнопленных путем образования лагерных комитетов для выполнения ряда хозяйственных и административных функций и путем организации лагерных судов для разрешения столкновений между военнопленными, не носящих характера уголовных проступков или преступлений. Функции лагерных комитетов в общих чертах соответствуют функциям рабочих комитетов — délégués des mineurs во Франции и Arbeiterausschuss—в Германии. Члены лагерных комитетов, по соглашению России с Австрией, должны избираться по четырехчленной формуле, а по соглашению России с Германией должны назначаться, в установленном Стокгольмской конференцией порядке, лагерным начальством из числа лиц, рекомендуемых по избранию военнопленных. Точно также и судьи лагерных

судов, по соглашению России с Австрией, должны быть выборными, а по соглашению России с Германией,—назначенными по рекомендации военнопленных.

Этими же постановлениями точно регламентируется порядок принесения жалоб военнопленных и определяется их дисциплинарная и судебная ответственность, причем по отношению к судебной деятельности по делам военнопленных допускается некоторый контроль со стороны представителей органов попечения о военнопленных. Точно определяются наказания за побег и за дисциплинарные проступки военнопленных, причем отменяются и признаются совершенно недопустимыми те позорящие или сопряженные с физическими мучениями наказания, на которые во время войны было особенно много жалоб со стороны военнопленных всех воевавших стран.

Постановлениями об условиях содержания военнопленных, особенно подробно разработанными на Стокгольмской конференции, вводятся определенные требования относительно об'ема, характера и оборудования помещений для военнопленных. Постановлениями Копенгагенского протокола подробно регламентируется количество, качество и порядок доставки и проверки пищи военнопленных, причем в отступление от прежнего принципа приравнения военнопленных к военнослужащим страны пленения устанавливается общее правило о том, что пища военнопленных должна соответствовать пище гражданского населения; получаемый каждым военнопленным ежедневный продовольственный паек не должен быть ниже пайка, получаемого гражданским населением, и должен подлежать увеличению для военнопленных, занятых на тяжелых работах, до количества пищи, установленного для гражданских рабочих, занятых в той же отрасли труда.

Постановления Копенгагенского протокола об условиях труда особенно интересны, так как ими подтверждается огромное значение рабочей силы военнопленных за время минувшей мировой войны. Копенгагенская конференция происходила уже во время русской революции. Представителями России были пред'явлены к этой конференции настойчивые требования о распространении на работающих военнопленных всех мер охраны труда. В ответ на эти требования последовало лишь заявление представителя Австро-Венгерского правительства о том, что в Австрии по общему правилу на труд военнопленных распростра-

няется действующее рабочее законодательство. Но в постановлениях Копенгагенского протокола принцип распространения на работу военнопленных всех мер охраны труда проведен не был. Эти постановления касаются лишь некоторых общих условий труда военнопленных, приравнения их довольствия к довольствию свободных рабочих, установления еженедельного отдыха и применения к работам военнопленных установленных общими законами мер предупреждения несчастных случаев. Но самые существенные вопросы о рабочем времени и нормах вознаграждения за труд остались неразрешенными. Относительно этих вопросов в заключительной части Отдела XII Копенгагенского протокола имеется лишь статья о том, что „правительства Германии, Австро-Венгрии, Румынии, России и Турции обязуются обсудить по окончании настоящей конференции вопросы о продолжительности рабочего дня и о вознаграждении военнопленных, занятых в различных отраслях труда".

Точно также даже и на Копенгагенской конференции остался не разрешенным и имевший громадное стратегическое значение для всех воевавших стран вопрос о привлечении военнопленных к военным работам. По этому вопросу в приложениях к Копенгагенскому протоколу имеется следующее характерное „пожелание" („voeu"): „германская и русская делегации обязуются по окончании конференции войти в особые переговоры по вопросу о непринуждении („de la non contrainte") военнопленных к работам по изготовлению оружия и снаряжения и к работам по рытью окопов и сооружению военных укреплений в районе военных действий, а равно по вопросу об общем недопущении работ военнопленных в полосе пятнадцати километров от неприятельских позиций". Из этого „пожелания" явствует, что и во время занятий Копенгагенской конференции военнопленные обеих сторон не только привлекались, но и принуждались и к работам на военных заводах, и к рытью окопов в районе военных действий, и даже к работам в линии обстрела. Трудно себе представить, чтобы такое „пожелание" могло иметь место при заключении прежних Гаагской или Женевской конвенций, которые все работы, „имеющие отношение к военным действиям", признавали совершенно недопустимым для военнопленных.

Постановления Копенгагенской конференции, как уже упоминалось в предыдущем положении, устанавливается целая система внегосударственного и международного контроля за положением военнопленных, осуществляемого смешанными и специальными комиссиями, стационарными сестрами и делегатами нейтральных учреждений. Права и полномочия этих органов и нейтральных делегатов, а также представителей обществ попечения о военнопленных воюющих стран, были определены Копенгагенским протоколом весьма подробно и обстоятельно. Предусматривался даже отказ договаривающихся сторон от применения к военнопленным репрессалий до рассмотрения соответствующих вопросов специальными комиссиями. В этом заметно не только желание обеспечить положение военнопленных, но и стремление правительств воевавших государств опереться на авторитет международного общественного мнения. Однако этим не разрешался основной вопрос о действительных гарантиях норм международного права. Нейтральные учреждения и краснокрестные делегаты могли бороться с отдельными злоупотреблениями, в серьезных случаях могли делать представления правительствам воевавших государств и международным организациям Красного Креста, но общее направление политики по отношению к военнопленным до самого конца войны продолжало оставаться всецело в зависимости от усмотрения правительств стран пленения и от тех требований военной целесообразности, которые господствовали во всех сферах жизни воевавших государств. За все время войны не удалось выработать таких гарантий, которые соблюдение установленных соглашениями международноправовых норм делали бы для всех воевавших государств безусловно обязательным.

Это отсутствие действительных гарантий обесценивало даже самые общепризнанные нормы международного права и вносило большие осложнения в краснокрестную работу по делам военнопленных. Никогда еще краснокрестная деятельность не имела такого огромного значения, какое приобрела она по отношению к делам военнопленных за время минувшей мировой войны, когда все невероятно трудные проблемы сношений по делам военнопленных и организации им помощи могли быть разрешены только в краснокрестных формах и только благодаря деятельному участию в деле помощи военнопленным национальных, нейтральных и международных организаций Красного Креста. Но с дру-

гой стороны никогда еще краснокрестная деятельность не находилась в таком необеспеченном положении, в каком она оказалась во время этой войны. Это мы наглядно сознавали и живо чувствовали в течение всех периодов мировой войны, когда во множестве конкретных случаев при осуществлении наших краснокрестных функций нам приходилось встречаться с препятствиями и стеснениями, обусловленными требованиями принципа военной необходимости или точнее усмотрением военных властей воевавших государств. Особенно ярко это игнорирование прав и прерогатив краснокрестных учреждений проявилось в ликвидационный период войны между Россией и Германией, когда до крайности перепутались все международные отношения между враждебными, союзными и нейтральными странами. Бессилие норм международного права и необеспеченность краснокрестной деятельности оказались здесь с наглядной очевидностью. В этом отношении и лично мне пришлось вынести сравнительно большой опыт, обусловленный моим непосредственно близким участием в деле организации помощи русским военнопленным в государствах пленения и в нейтральных странах. Ведя переговоры с представителями германских учреждений и с швейцарскими властями по вопросам помощи военнопленным и опираясь при этом на пятилетнее уже признание краснокрестных прерогатив представляемого мною учреждения, я нередко встречался с открытым игнорированием гарантированных международными соглашениями прав краснокрестной деятельности, во всех тех случаях, когда военные интересы воевавших государств или политические интересы находившихся от них в зависимости нейтральных стран в какой либо мере сталкивались с краснокрестными интересами обслуживания нужд военнопленных. Еще более бессильными международноправовые гарантии краснокрестной деятельности оказывались перед соображениями политической безопасности государств. В полной мере нам пришлось это испытать в момент начала германской революции. За несколько недель до этого момента русские комиссии попечения о военнопленных и представители действовавшего с самого начала войны русского краснокрестного учреждения Московского Комитета помощи военнопленным впервые получили доступ на территорию стран пленения и приступили к организации помощи русским военнопленным непосредственно в местах их водворения в Германии и в

Австрии. Дело помощи военнопленным было поставлено ими широко. Был совершен об'езд большинства лагерей военнопленных для выяснения их действительного положения в местах интернирования и на работах. Были привлечены значительные средства для удовлетворения их наиболее острых нужд. Во всех лагерных округах была организована юридическая защита правовых интересов военнопленных. К берегам Германии прибыл краснокрестный пароход „Океан" с предназначенными для военнопленных продовольственными грузами. Но надвинувшаяся германская революция неожиданно положила предел всей этой деятельности. Германское правительство, стремившееся обогнать революцию спешным заключением перемирия, после начала переговоров с представителями стран согласия внезапно прервало дипломатические сношения с Россией и приступило к немедленной высылке из пределов Германии всего персонала русских дипломатических и правительственных учреждений, а также и представителей краснокрестных организаций. Такое насильственное прекращение краснокрестной деятельности, которая на основании Женевской конвенции имеет общепризнанные права на свое беспрепятственное осуществление и во время перерывов дипломатических сношений, и такая высылка краснокрестных представителей, которые по силе статьи XV Гаагской конвенции должны иметь доступ в места водворения военнопленных даже во время войны, являлись ни с чем несообразными, и мною по этому поводу немедленно же был представлен нейтральному Норвежскому Посольству в Берлине и Германскому правительству обстоятельный протест, основанный на совершенно бесспорных положениях международных конвенций, неоднократно подтвержденных за последнее время специальными международными соглашениями, в установлении, которых мне же самому приходилось участвовать. Принципиально мои доводы были признаны и Норвежским посольством и Германским правительством в лице Шейдемана, но практически это привело к тому, что через час после моих об'яснений с Шейдеманом мне пришлось спешно побросать в автомобиль вещи и бумаги и затем самому оказаться в положении пленного вместе со всеми другими моими соотечественниками. С военным караулом нас повезли к русской границе, на местах стоянок окружали цепями солдат, под конвоем водили есть казенный суп и затем в пограничном пункте

германской оккупации, в городе Борисове, на берегу реки Березины нас держали в поезде, окруженном часовыми, кострами и пулеметами. Здесь мы оказались не только в положении пленных, но и в положении заложников, ответственных за судьбу возвращавшегося из России персонала германских комиссий. Здесь мы пробыли в течение двух первых недель германской революции, отголоски которой доходили и до нашего Борисова, где наши конвойные образовали советы солдатских депутатов. Мой вторичный протест, посланный по телеграфу уже из Борисовского плена, привел лишь к тому, что мне и женщинам и детям было разрешено выехать в Россию на два дня раньше, чем членам дипломатических миссий. Таков был финал краснокрестной деятельности в странах пленения представителя центральной всероссийской общественной организации помощи военнопленным, непрерывно выполнявшей свои краснокрестные функции в течение всех четырех лет войны и за это время получившей признание со стороны враждебных, союзных и нейтральных стран и со стороны Центрального Международного Комитета Красного Креста.

Когда мы переезжали через демаркационную линию, к ней прибывали в эшелонах, в местных пассажирских поездах и пешком первые партии русских военнопленных, стихийно устремившихся на родину в первые дни революционной сумятицы из мест водворения Германии и Северной Австрии. Они переходили пешком тридцативерстную демаркационную полосу и в Славном, на первой русской станции, скоплялись многотысячными толпами вокруг гигантских костров. Оттуда в товарных, в санитарных и в пассажирских поездах, спешно доставленных со всех прилегавших железных дорог, а также и бесконечными вереницами пешком они двигались вдоль обставленной кострами линии Александровской дороги, спеша поскорее попасть в родные места; где они надеялись найти и отдых, и успокоение после тяжелых испытаний многолетнего плена. Но здесь, в родных местах, их ждали новые тяжелые переживания, тревоги гражданской войны, нужда, голод и холод и острая борьба за существование в условиях великого изнурения и истощения, причиненных всей нашей стране беспримерными бедствиями пережитой войны.

Окидывая взором картину военного плена минувшей мировой войны, мы встречаем в ней многие своеобразные черты, переносящие нас вглубь времен давно отошедшего прошлого и открывающие перед нами некоторые перспективы грядущего будущего.

Для тех военнопленных, которые имели несчастие испытать на себе жестокие проявления злобы, расовой ненависти и националистического одичания, военный плен во многих отношениях носил характер расовой мести отдаленных исторических периодов. Для тех военнопленных, которые в течение долгих лет подневольно должны были нести каторжный труд в подземных галлереях рудников и копей, или в раскаленной атмосфере пушечных заводов, или в болотах торфяных залежей, или на земляных работах в полосе огня и непрерывного грохота орудий, — для всех таких пленных военный плен был отмечен чертами рабства, близко напоминающего военное рабство древних времен. Но для тех пленных, которые из глухих мест и первобытных условий жизни и труда были перенесены в центры европейской культуры и в течение продолжительного времени жили и работали в обстановке применения усовершенствованных приемов современной европейской техники к разным областям промышленной и сельскохозяйственной деятельности, — для таких пленных военный плен носил уже характер современной школы производительного труда и подготовки к более культурным формам хозяйственной и общественной жизни. Наконец, для тех счастливцев, которые в качестве военнопленных были интернированы на берегах лазурных озер Швейцарии или в уютных санаториях на живописных вершинах швейцарских гор, военный плен создавал сказочные условия покоя и отдыха в обстановке мирного оазиса среди захваченных пожаром войны европейских стран.

Но как бы ни были различны условия военного плена для отдельных категорий военнопленных, тем не менее обусловленные особенностями мировой войны переживания всех военнопленных всех воевавших стран в некоторых отношениях были однородны, и эти однородные переживания многих миллионов разноплеменных людей, оторванных от своей родины и переселенных в другие страны, находившиеся в условиях всеобщей войны, представляют собой явление настолько значительное, что оно должно иметь исторические последствия, и, несомненно,

окажет свое влияние на грядущие судьбы всего человечества.

Военный плен минувшей войны создал новое переселение народов. Им были передвинуты и перемешаны целые части народонаселения воевавших стран. Многие миллионы людей были вырваны им из своей привычной обстановки жизни и перенесены в незнакомую им ранее среду других наций. Здесь они должны были в течение долгих лет жить в тяжелых условиях существования, которые повсеместно создавала мировая война. Здесь им суждено было близко испытать всеобщность тех бедствий, которые неизбежно влекла за собой война для всех воевавших государств. Испытав у себя на родине многие причиненные войной лишения, нужду и страдания, они те же лишения, нужду и страдания встретили и среди масс местного населения враждебных стран. Они воочию видели здесь перед собой те же печальные проявления и результаты войны, то же горе осиротевших семейств, те же массы изувеченных, израненых и больных людей, то же всеобщее изнурение и истощение, те же картины ужаса, разрушения и гибели. В течение продолжительного времени, живя и работая среди обывательских и трудящихся слоев вражеских народов, они не могли не заметить, что все воевавшие народы, неся неисчислимые жертвы на алтарь войны, руководствовались однородными мотивами и побуждениями, одним и тем же страхом перед государственным принуждением, одним и тем же чувством националистического одушевления, одним и тем же сознанием своего долга перед своим отечеством. Эта великая трагедия мировой войны, в которой каждая из враждовавших сторон считала свое дело святым и правым и оправдывала высшими задачами блага всего человечества осуществлявшееся ею человекоистребление, не могла не отразиться на переживаниях миллионов военнопленных и не могла не затронуть глубин их мировоззрения. Раскрываясь перед ними во множестве ярких житейских случаев, она должна была породить в них новые точки зрения на те веками сложившиеся националистические предрассудки, которые разделили народы мира перегородками взаимной вражды, подозрительности и недоверия. Она должна была вызвать в них критическое отношение к той идее государственности, которая требовала принесения себе в жертву самых ценных благ всего человечества. Она раскрывала им глаза на те великие непор-

мальности междуклассовых и междугосударственных соотношений, которые вовлекли весь мир в борьбу капиталистических и великодержавных интересов, столь чуждых общечеловеческим интересам народных масс. Эти наглядные уроки мировой войны для всех миллионов военнопленных не могли пройти бесследно, и они неминуемо сыграют свою роль в грядущем переустройстве всей мировой жизни. Слишком много жертв потребовала себе война. Слишком ярко выявила она коренное противоречие интересов господствовавших групп и интересов рядовых трудящихся масс населения. Непосредственным результатом переживаний войны является та борьба за переустройство основ политической и социальной жизни, которая ведется ныне во всех странах Европы. Эта борьба сулит нам еще многие испытания. Многовековые привычки и предрассудки еще обладают большой силой инерции. Моральная и интеллектуальная подготовка масс к восприятию новых форм жизни далеко еще не достигла необходимого уровня. Отрицательные последствия войны, в течение многих лет воспитывавшей массы населения воевавших стран в чувствах огульной злобы и ненависти и приучавшей их к человеконенавистничеству и разрушению, еще долго будут отражаться на людских взаимоотношениях и на приемах и формах борьбы за освобождение. Но как бы ни была продолжительна, остра и тяжела эта борьба, как бы ни были велики причиняемые ею новые лишения, она неминуемо приведет ко изменению политической и социальной картины мира. На установлении новых форм жизни несомненно отразятся переживания всех завлеченных войною народных масс, и здесь крупное значение несомненно будут иметь переживания миллионов военнопленных, ныне возвращающихся к своим родным очагам. Они в наибольшей степени испытали на себе всю ненормальность интернациональных соотношений народов. Они ближе других были поставлены лицом к лицу с теми гибельными последствиями, которые причинило всем народам Европы господство начал великодержавности и милитаризма в мировой политике государств. Они вынесли из плена особенный опыт, и этот их тяжелою ценою купленный опыт неминуемо отразится на их отношении к повсеместно совершающейся работе по переустройству государственной и социальной жизни. Такая работа неминуемо должна будет привести и к реконструкции интернациональных соотно-

шений народов, к установлению новых форм международной жизни, в которых не должно быть места господству над истинно народными интересами тех империалистических начал, которые так наглядно довели весь мир до переживаемых нами ныне испытаний. Только такие радикально переустроенные формы международной жизни, а не дипломатические акты, не международные конвенции и не внутреннегосударственные декларации могут явиться на будущее время действительным залогом мирного сожительства народов и действительной гарантией неот'емлемых прав человека, как индивидуума и гражданина мира.

ГЛАВА III.

Особенности положения русских военнопленных за время минувшей мировой войны.

Отмеченные в предыдущих главах особенности мировой войны, столь существенно изменившие установленное практикой прежних войн понятие военного плена, в полной мере отражались и на положении русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии и Австро-Венгрии. Но сравнительно с положением плененных французов и англичан положение русских военнопленных отличалось некоторыми существенными особенностями, обусловленными отчасти громадностью численного состава русских военнопленных и их особым значением как рабочей силы для Центральных Государств, отчасти же—весьма своеобразным отношением к ним со стороны русского государства и общества за все время минувшей войны и в течение ее ликвидационного периода.

России в минувшей мировой войне пришлось принять на себя наиболее тяжкие удары. Ее фронт, лишенный естественных защит, протянулся на тысячи верст от Балтийского моря и до Черного. Эта громадность протяжения фронта; трудность его укрепления; отсутствие под'ездных путей; превосходство германской дальнобойной артиллерии, которой Россия в первые месяцы войны могла противопоставить

лишь свою живую силу; особенности оперативных действий в Восточной Пруссии, влекшие за собой обходы целых армий; особенности наступления и отступления в Галиции;—все это в связи со многими другими особенностями положения России в минувшей мировой войне привело к тому, что уже в первый год войны в Германии и в Австрии оказались массы русских военнопленных, число которых за время войны в несколько раз превысило общее число военнопленных всех других воевавших стран Согласия.

Точное число русских военнопленных до самого последнего времени не могло быть установлено. У нас в России до самого конца войны верных сведений о числе военнопленных не было ни у центральных военных учреждений, ни у Отдела о военнопленных Министерства Иностранных Дел, которому в его дипломатической деятельности по делам военнопленных приходилось оперировать гадательными цифрами, основывавшимися на предположительном исчислении общего числа русских военнопленных в Германии и в Австрии в два миллиона.

Насколько неопределенны были сведения русского правительства о числе военнопленных за все время войны, об этом весьма наглядно свидетельствует докладная записка о числе русских военнопленных в неприятельских странах, представленная официальным представителем Военного Ведомства на Первый Всероссийский С'езд представителей учреждений и организаций помощи военнопленным в заседании секции по обмену и интернированию военнопленных 19 октября 1917 года. В этой докладной записке, составленной уже в самом конце войны непосредственно перед моментом октябрьского государственного переворота, о числе военнопленных было сказано следующее: „По официальным данным, об'явленным в Германии, всего было на 1 мая сего года наших пленных около 10.000 офицерских чинов и 1.275.000 солдат. В Австрии официальных данных нет, но Австрийское Правительство уверяет, что пленных наших в Австрии 1.000.000. По показаниям сестер и другим данным можно предполагать, что общее число наших пленных в Австрии около 4.000 офицерских чинов и 700.000 солдат (ныне возросло). В Болгарии по имеющимся сведениям Центрального Справочного Бюро—444, но Болгарское Правительство заявляет, что таковых 152 оф. и 5500 солдат. Такое число пленных может соответствовать действитель-

ности, принимая во внимание, что из Германии и Австрии передавались Болгарии наши пленные для работ.

В Турции по имеющимся сведениям (не официальным) наших пленных около 5.000 человек". [1])

Из этого официального сообщения Военного Ведомства явствует, что единственная более или менее точная цифра, которою по вопросу о числе военнопленных располагало наше правительство в самом конце войны, была основана на официально об'явленных Германией данных о численном составе лагерей военнопленных на I мая 1917 года. Сведения о числе военнопленных в других Центральных государствах отличались уже полной неопределенностью и основывались на личных впечатлениях посетивших лагери военнопленных сестер милосердия или на гадательных предположениях. Но и приведенная относительно Германии цифра численного состава лагерей военнопленных не является достаточно точной для установления общего числа солдат и офицеров, плененных Германией. Летом 1918 года, когда мы впервые были допущены к организации помощи военнопленным непосредственно на территории Германии, по официальным германском данным на 10 мая 1918 года числились по лагерям двадцати четырех армейских округов Германии русских военнопленных: офицеров 12.939 и солдат 1.254.442 [2]). Но при проверке числа военнопленных при об'ездах лагерей и рабочих команд представителями русских комиссий попечения выяснилось, что для установления общего числа русских военнопленных в Германии к приведенным цифрам численного состава лагерей армейских округов необходимо добавить значительное число русских военнопленных, находившихся в зонах военных действий в Северной Франции и Прирейнской области. Кроме того при определении общего числа русских солдат и офицеров, плененных Германией, необходимо еще принять во внимание сотни тысяч русских военнопленных, умерших в Германии от ран и болезней за четыре года пребывания в плену, а также значительное число возвращенных, бежавших и интернированных русских военнопленных. При таких условиях надлежит признать, что общее число военнопленных в одной Германии уже достигало двух миллионов.

[1]) Военно-Ученый Архив, Архив I С'езда по делам военнопленных, папка VIII № 17.

[2]) Подсчет числа военнопленных по данным Комиссии попечения в Германии: Военно-Ученый Архив, Специальный Архив Московского Комитета, 1918 г., папка XI № 14—16.

По данным нашего Центрального Справочного Бюро, поступившим до перерыва сношений с Западной Европой и разработанным Справочно-Статистическим Отделом Центропленбежа в течение лета 1919 года, *общее число зарегистрированных русских военнопленных в Центральных государствах определяется цифрой в 3.911.100 человек*[1]).

По отдельным государствам это число распределяется следующим образом:

	здоровых:	больных:	умерших:	общее число:
Германия	1.910.154	396.414	78.873	2.385.441
Австрия:	1.034.474	358.495	110.443	1.503.412
Турция	17.527	293	1.975	19.795
Болгария	2.332	119	1	2.452
Всего . .	2.964.487	755.321	191.292	3.911.100

За отдельные годы войны поступившие в Центральное Справочное Бюро индивидуальные сведения о русских пленных заключают в себе нижеследующие сводные числа:

Турция.		Болгария.	
за 1915 г. . .	446 чел.	за 1915 г. . .	— чел.
„ 1916 г. . .	7349 „	„ 1916 г. . .	51 „
„ 1917 г. . .	11513 „	„ 1917 г. . .	2401 „
„ 1918 г. . .	487 „	„ 1918 г. . .	— „
	19795 чел.		2452 чел.

Австрия.		Германия.	
за 1915 г. .	235.822 чел.	за 1915 г. .	1.102.290 чел.
„ 1916 г. .	502.635 „	„ 1916 г. .	230.106 „
„ 1917 г. .	724.319 „	„ 1917 г. .	1.050.543 „
„ 1918 г. .	40.576 „	„ 1918 г. .	2.502 „
	1.503.352 чел.		2.385.441 чел.

ВСЕГО:

Турция	19.795 чел.
Болгария	2.452 „
Австрия	1.503.352 „
Германия	2.385.441 „
	3.911.040 чел.

[1]) Архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, папка III № 1—4.

В течение 1919 года в Справочно - Статистический Отдел Центропленбежа поступили дополнительные списки, относящиеся к плененным в 1917 году. Разработка этих списков дала еще 242.704 карточек военнопленных[1]).

Таким образом *общее число зарегистрированных по полученным до ноября 1918 года спискам Центрального Справочного Бюро русских военнопленных в Центральных государствах определяется цифрой в* 4.153.744 чел.

При установлении более точного числа военнопленных необходимо принять во внимание наличность дублетов карточек военнопленных. При проверке некоторых картонов карточек Центрального Справочного Бюро было установлено, что число дублетов в этих картонах достигает 30 процентов. Но с другой стороны необходимо учесть также и то обстоятельство, что часть посылавшихся из Центральных государств списков военнопленных могла быть утеряна в пути во время войны и могла быть недослана в период перерыва сношений России с Западной Европой. Окончательный подсчет карточек военнопленных нельзя еще считать завершенным вышеприведенными сводными данными на 1 сентября 1919 года. В октябре 1919 года представителем Германо-Совета Ганом были доставлены в Справочно - Статистический Отдел Центропленбежа еще новые списки военнопленных 1917 года, при чем в препроводительной бумаге германского военного министерства упоминается о том, что оно продолжало „прежним порядком" (т. е. очевидно через Гамбургский Красный Крест и датские нейтральные организации) высылать списки военнопленных по 1 июля 1919 года. Между тем в течение всего 1919 года вследствие перерыва отношений с Западной Европой никаких списков военнопленных в Россию не поступало. Очевидно часть позднейших списков осталась в Копенгагене. В частности необходимо еще отметить, что число свидетельств о смерти полученных из Германии, явно не соответствует действительному числу умерших в Германии военнопленных. Это явствует из сопоставления вышеприведенных данных, касающихся Австрии и Германии. Из Австрии получено 110 тысяч свидетельств о смерти на 1.503 тыс. зарегистрированных военнопленных, а из Германии только 78 тысяч свидетельств на 2.385 тысяч зарегистрированных военнопленных. Статистический Отдел Центропленбежа полагает,

[1]) Архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, папка III № 6.

что в общем нами было недополучено около 200.000 свидетельств о смерти [1]). При таких условиях установление точного числа русских военнопленных является невозможным. Но на основании данных карточек и Центрального Справочного Бюро с внесением в них соответствующих поправок относительно дублетов и относительно недополученных списков можно предполагать, что *общее число русских военнопленных в Центральных государствах за время войны достигало трех с половиною миллионов.*

Общее число русских военнопленных в Германии за первый год войны, а также точное соотношение этого числа с числом военнопленных других стран Согласия может быть установлено на основании официального документа германских властей, заверенная копия которого была получена Московским Комитетом помощи военнопленным через его Копенгагенское Бюро и Гамбургский Красный Крест осенью 1915 года [2]). Этим документом, заключающим в себе детальные цифровые данные по всем германским лагерям, командам, отдельным учреждениям и лазаретам для военнопленных на 10 сентября 1915 года, устанавливается, что по истечении первого года войны в Германии находилось военнопленных:

русских . . .	7833	офицеров	и	905.339	солдат,
французов . .	4536	„	„	269.978	„
бельгийцев . .	666	„	„	40.475	„
англичан . . .	661	„	„	24.313	„
Всего . .	1.253.801	военнопленных.			

Из этих цифр явствует, что уже в течение первого года войны число русских военнопленных в одной Германии достигало почти миллиона и почти в три раза превышало общее число военнопленных всех других воевавших с Германией стран.

Такая масса русских военнопленных, оказавшихся в Германии и в Австрии уже в первый год войны, открывала для Центральных государств широкую возможность

[1]) Архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, папка III №
[2]) Военно-Ученый Архив, Специальный Архив Московского Комитета папка.

использования труда русских военнопленных как рабочей силы, имевшей в условиях минувшей войны громадное значение в особенности для Германии и Австрии, где при наличности выяснившейся уже с первых дней войны серьезной государственной опасности все работоспособные силы своего мужского народонаселения были оторваны от обычных форм производительного труда и привлечены к делу непосредственной обороны государств. Русские военнопленные, состоявшие в громадном большинстве из крестьян и рабочих, привыкших у себя на родине к тяжелым формам физического труда и к примитивным нетребовательным условиям жизни, оказались сравнительно с своими французскими и английскими коллегами в наибольшей степени приспособленными к тем тяжелым физическим работам, для обслуживания которых не хватало своих сил у государств пленения. Этим в первую очередь и объясняются некоторые особенности положения русских военнопленных на работах в Центральных государствах.

Насколько, полно и разносторонне был использован труд русских военнопленных как в Германии, так и в Австрии, об этом весьма красноречиво свидетельствуют результаты произведенной Центральным Юридическим Опросным Бюро при Центропленбеже *статистической обработки данных опроса первых двадцати тысяч вернувшихся из германского и австрийского плена*[1]).

Приводя здесь эти статистические данные, я считаю необходимым оговориться, что они не могут дать вполне верной картины общего положения русских военнопленных на работах в Центральных государствах, так как первые партии вернувшихся нельзя считать типичными для всех масс русских военнопленных. По опыту наших работ в Русско-Германской Смешанной Комиссии мы знаем, что Германия в первую очередь отправляла на родину полуинвалидов, ослабленных изнурениями плена. Здоровые и работоспособные русские военнопленные, в особенности те, которые были заняты на сельско-хозяйственных работах, задерживались германским правительством в течение долгого времени и после заключения Брестского мира, так как они предствляли собой незаменимую рабочую силу, крайне необходимую стране пленения при продолжавшейся войне на западном фронте. Тем не менее заключающиеся в резуль-

[1]) Архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, папка III—I—№2.

татах опроса первых десятитысячных партий военнопленных статистические данные настолько красноречивы и их совпадание по отношению как к Германии, так и к Австрии настолько разительно, что из них несомненно можно сделать некоторые выгоды и относительно общей картины положения русских военнопленных на работах в Центральных государствах.

Опрос возвращавшихся военнопленных был организован на всех эвакуационных пунктах города Москвы в связи с выяснением претензий военнопленных к Центральным государствам. Результаты опроса заносились на особые карточки, которые затем разрабатывались Центральным Юридическим Бюро. В первую очередь были разработаны результаты опроса первых десяти тысяч военнопленных, вернувшихся из Германии, и первых десяти тысяч военнопленных, вернувшихся из Австрии. Выяснившиеся статистические данные были сведены в таблицы, по каждому из государств пленения в отдельности, и иллюстрированы соответствующими диаграммами.

При сопоставлении этих таблиц и диаграмм, относящихся к Германии и к Австрии, прежде всего бросается в глаза их поразительное совпадение по отношению ко всем наиболее существенным чертам, характеризующим условия жизни и работы русских военнопленных в обоих государствах пленения. Эта тождественность условий, в которых протекала жизнь русских пленных и в Германии и в Австрии, раскрытая опросом, показывает, что спаянность этих обоих стран, выражавшаяся внешне в однородном командовании, простиралась и далеко вглубь вплоть до однородности форм использования труда военнопленных.

Рисуемая результатами опроса первых партий вернувшихся военнопленных тяжелая картина их жизни в плену намечается по следующей схеме: плененный после взятия в плен приписывался к какому нибудь лагерю; из лагеря назначался на ту или иную работу; на работе через некоторое время он обыкновенно заболевал; когда становилась очевидной его неспособность к труду, он помещался в один из лазаретов. Этот круг, лежащий на трех точках: лагерь, работа и лазарет совершался большинством из опрошенных военнопленных по нескольку раз за 3—4 года пленения, и эти то три этапа иллюстрируются статистическими таблицами с нескольких точек зрения.

Мы остановимся здесь на рассмотрении тех статистических данных, которые относятся к положению русских военнопленных на работах в Германии и в Австрии.

Из 10.000 вернувшихся из Германии и из 10.000 вернувшихся из Австрии находились на работах:

в Германии—8899 чел. (90%); в Австрии—9442 чел. (95%).

Из них находилось на цивильных работах:

в Германии—6595 чел. (74,1%); в Австрии—6574 чел. (69,6%), на военнопринудительных работах (фронтовых и тыловых):

в Германии—2304 чел. (25,9%); в Австрии—2868 чел. (30,4%). Процентное соотношение отдельных видов цивильных работ:

	в Германии.	в Австрии.
Сельско-хозяйственные работы	25,6%	21,7%
Железнодорожные работы . .	17,2%	11,6%
Лесные работы	16,9%	11,0%
Рудники и копи	11,8%	15,5%
Фабрики и заводы	8,0%	10,7%
Шоссейные работы	6,6%	10,3%
Прочие работы	13,9%	19,2%

Процентное соотношение видов военнопринудительных работ:

	в Германии.	в Австрии.
Фронтовые работы под огнем .	5,9%	5,1%
„ „ вне сферы огня	27,9%	39,4%
Работы на военных заводах .	18,7%	13,9%
Прочие работы на военные нужды	47,5%	41,6%

Фронтовые работы по показаниям пленных заключались в рытье окопов, уборке раненых, устройстве узкоколейных дорог, подвозке снарядов к орудиям и т. п.; тыловые военнопринудительные работы—в нагрузке военных припасов и в работах на снарядных, пороховых и газовых заводах, а также в оружейных и обмундировочных мастерских.

Тяжелые условия труда русских военнопленных не только на военнопринудительных, но и на цивильных работах иллюстрируются нижеследующими данными, ка-

сающимися числа рабочих часов в сутки и размера заработной платы.

Процентное отношение различной длины рабочего дня при цивильных работах:

	в Германии.	в Австрии.
до 12 часов в сутки	48,8%	59,0%
до 10 „ „	18,3%	13,3%
до 14 „ „	10,8%	8,3%
до 16 „ „	10,7%	8,6%
до 8 „ „	6,7%	5,9%
до 18 „ „	3,4%	3,8%
до 20 „ „	1,0%	1,1%

Процентное соотношение размеров суточной заработной платы:

в Германии.		в Австрии.	
до 20 пфеннигов .	12,3%	до 8 крейцеров .	45,8%
до 30 „ .	65,4%	до 15 „ .	33,3%
до 40 „ .	3,8%	до 20 „ .	5,5%
до 60 „ .	11,6%	до 30 „ .	7,5%
до 80 „ .	3,0%	до 40 „ .	1,3%
до 1 марки . . .	3,1%	до 1 кроны . . .	3,3%
до 2 „ . . .	0,7%	до 2 „ и выше	3,3%

Из этих данных явствует, что средняя длина рабочего дня русских военнопленных в Германии и в Австрии определялась в 12 часов, а средний размер дневной заработной платы в Германии—в 30 пфеннигов, а в Австрии—в 31 геллер, что соответствовало русскими 15 копейкам.

Такое исчисление средней длины рабочего дня и среднего размера денежного дневного заработка военнопленных вполне соответствует и оффициальным данным, заключавшимся в соответствующих соглашениях между Россией и Центральными государствами. Обыкновенный размер дневного заработка военнопленных был определен у нас в 15 копеек, а в Центральных государствах—в 30 пфеннигов и 35 геллеров. Впоследствии уже в последний период войны этот размер дневного заработка был повышен у нас в России до 25 копеек и соответственно этому в Германии до 50 пфеннигов. Попытки нашей русской делегации на Копенгагенской конференции добиться сокращения рабочего дня до 8 часов или хотя бы до 10 часов остались безрезуль-

татными. Даже через год после заключения Брестского мира, как мы это видели из приказа по лагерю Траунштейн, „никакого ограничения рабочего времени" для русских военнопленных в Германии не существовало. Точно также и наши попытки повышения заработной платы привели лишь к тому, что Германия обязалась „рассмотреть этот вопрос по окончании работ конференции". Но и по окончании работ конференции дело нисколько не изменилось. И даже после заключения Брестского мира, когда германская сторона в Русско-Германской Смешанной Комиссии принципиально приняла наше предложение о приравнении заработка военнопленных к заработку свободных рабочих страны пленения, фактически все осталось по старому. Так, в апреле 1918 г. был издан приказ (№ 187 по IV округу) об изменении размера вознаграждения военнопленных применительно к размеру вознаграждения свободных рабочих. Но в том же приказе означено, что из заработка военнопленных должны быть вычитаемы все расходы на их содержание, одежду, врачебный надзор, а также и на содержание их караульных. В результаты таких отчислений получалось, что в пользу военнопленного оставались те же 50 пф. как и раньше.

Значительный интерес представляют собой статистические данные, касающиеся болезней в плену. Ими особенно ярко иллюстрируются тяжелые условия жизни и работы в плену тех двадцати тысяч русских военнопленных, которые первыми вернулись на родину. Результатами опроса было зарегистрировано 6754 случая болезней в среде вернувшихся из Германии и 6393 случая болезней в среде вернувшихся из Австрии.

Процентное отношение различных видов болезней к общему числу зарегистрированных случаев таково:

	в среде вернувшихся из Германии.	из Австрии.
туберкулез	19,3%	29,9%
малокровие	16,2%	15,9%
ревматизм	14,5%	15,8%
увечья	11,9%	9,8%
желудочные болезни	5,0%	3,3%
глазные болезни	1,3%	0,9%
грыжа	0,5%	1,7%
прочие болезни	31,3%	22,9%

Под рубрикой „прочие болезни“ разумеются здесь различные случаи тяжелых и легких излечимых недугов, главнейшие из которых следующие: бронхит, эмфизема и другие простуды, чесотка, экзема, фурункулез и другие накожные, порок сердца, цынга и, наконец, нервные психические расстройства, обусловленные особыми тяготами плена.

При уяснении этих статистических данных необходимо иметь в виду, что опрос не выяснял количества больных пленных, а регистрировал лишь количество заболеваний. Чтобы отчасти судить о количестве больных на 10000 опрошенных, нужно принять во внимание, что излечимые болезни пленный мог переносить за 3—4 года по несколько раз каждую, и что он мог заболевать несколькими такими болезнями одновременно. Оба эти соображения очень ограничивают предполагаемое количество пленных, получавших излечимые недуги, но значительно увеличивают относительный процент заболевших туберкулезом. Туберкулез был самым страшным недугом в плену, тем, более, что нет возможности установить количество умерших, а между тем режим плена мог свести в могилу значительную часть заболевших этой болезнью.

Результаты опроса первых двадцати тысяч вернувшихся из германского и австрийского плена раскрывают перед нами несколько ярких картин, иллюстрирующих те тяжелые условия, среди которых протекала жизнь русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии и Австрии. Претензии и жалобы вернувшихся были весьма многочисленны и разнообразны. Они касаются и дурного содержания в лагерях, и недостаточности питания, и изнурительности работ, и грубости обращения, и жестокости наказаний, применявшихся к военнопленным. Статистика хронических болезней в среде военнопленных подтверждает справедливость этих жалоб и особенно ярко иллюстрирует всю тяготу и изнурительность условий плена, в которых русским военнопленным приходилось жить в течение нескольких долгих лет войны. Правда, рисуемая этими статистическими данными общая картина плена не может претендовать на полную научную об'ективность. В ней несомненно краски сгущены. Она основывается на показаниях тех, кто особенно много претерпел от лишений

и тягот плена. Но несомненно, что для многих сотен тысяч русских военнопленных условия жизни в плену были весьма близки к тем, которые рисуются приведенными статистическими данными. Положение всех масс русских военнопленных в Германии и в Австрии было действительно тяжелое. На них по преимуществу была возложена самая трудная, самая изнурительная физическая работа, питание их было недостаточным, необходимой помощи с родины они фактически были лишены, правовое положение их было беззащитное, их сношения с родными и близкими до крайности были затруднены. На общем положении русских военнопленных несомненно отражались все тяготы мировой войны. Но помимо этого тягость положения русских военнопленных усугублялась еще некоторыми специальными обстоятельствами, в которых было повинно уже все русское общество и в первую очередь русское правительство. Это наглядно выясняется из сопоставления положения русских военнопленных с положением плененных французов и англичан в тех же лагерях Германии и Австрии.

Общеизвестным является тот факт, что положение русских военнопленных сравнительно с положением французских и английских военнопленных за все время войны было значительно более тяжелым. Уже на второй год войны Московский Комитет помощи военнопленным в своем представлении по вопросу о реорганизации дела помощи военнопленными обращал на этот факт внимание центральных государственных учреждений и отмечал в своем докладе, что в течение двух первых лет войны положение русских военнопленных непрерывно ухудшалось в то время, когда положение пленных французов, англичан и итальянцев наоборот постоянно улучшалось [1]). Останавливаясь на выяснении этого ненормального и для России весьма печального и позорного явления, мы в том же докладе констатировали, что при одинаковости отношения германского и австрийского правительства ко всем военнопленным разница в положении русских и союзнических пленных обусловливалась исключительно различным отношением к делу охраны интересов военнопленных со стороны правительств тех стран, к которым эти военнопленные до пленения принадлежали. Мы указывали на то, что в то время, когда

[1]) Военно-Ученый Архив, Специальный Архив Московского Комитета.

и в Англии, и во Франции дело помощи военнопленным с самого начала войны было признано делом громадной государственной важности, и к участию в нем было призвано все общество при мощной поддержке со стороны государственных средств и сил, у нас в России в течение первых лет войны наше русское правительство не только не оказывало делу помощи военнопленным никакой государственной поддержки, а наоборот относилось к этому делу с нескрываемой враждебностью и подозрительностью. Что же касается русских общественных организаций, то они не имели возможности широко развить свою деятельность, потому что и со стороны центральных правительственных органов и в особенности со стороны местной администрации им чинились всевозможные препятствия и стеснения. Позволю себе привести здесь некоторые характерные циркуляры, наглядно иллюстрирующие отношение русских властей к делу помощи военнопленным. В конце октября 1916 года Московским Комитетом помощи военнопленным был получен через Городскую Управу „секретный" приказ Московского градоначальника такого содержания: „По приказанию Г. Градоначальника Канцелярия уведомляет Московскую Городскую Управу для соответствующих распоряжений, что согласно требования военных властей дело оказания помощи русским военнопленным должно протекать в дальнейшем безусловно без всякой публичной огласки, и что при издании печатных отчетов об этого рода деятельности не должно упоминаться слово" Военнопленный [1]). Одновременно Московским Комитетом было получено и из штаба Московского Округа нижеследующее предписание: „На основании предписания Главного Генерального Штаба воспрещается оглашать в газетах или других повременных изданиях о помощи, оказываемой нашим военнопленным другими, кроме Комитета Ея Величества, организациями и частными лицами, а равно не допускаются никакие воззвания или об'явления о публичных сборах денег в пользу военнопленных" [2]).

При открытии Отделом помощи военнопленным Городского Союза его отделений в Сибири ими было получено от небезызвестного губернатора Кошуры-Мосальского уведомление о том, что он может допустить оказание помощи

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Арх. Моск. К-та, папка.
[2]) Военно-Ученый Архив, Специальный Арх. Московского Комитета, папка.

лишь тем военнопленным, которые попали в плен, свято исполнив свой долг перед отечеством, а не тем, которые сдались из малодушия или трусости. На это нам пришлось ответить губернатору, что мы считаем себя призванными помогать всем нуждающимся военнопленным, а анализировать мотивы сдачи в плен мы не имеем фактической возможности. При разборке архива Департамента полиции после первого государственного переворота, там оказалось особое „дело Московского Комитета помощи военнопленным", из которого явствовало, что вся деятельность Московского Комитета была взята под подозрение; над его деятелями был учинен негласный надзор и делались безуспешные попытки изобличить их в нелегальных сношениях с Германией.

При таком отношении русского правительства к делу помощи военнопленным неудивительно, что русские военнопленные были лишены даже самой элементарной продовольственной помощи со стороны родины. Во Франции французское правительство имело возможность с гордостью заявить родственникам военнопленных, чтобы они посылали в плен только подарки, сласти и предметы роскоши, так как французское государство имеет достаточно средств, чтобы принять на себя обеспечение своих подданных в плену необходимыми съестными припасами. У нас же в России даже собирание для военнопленных самых необходимых продовольственных припасов приходилось производить в негласных полулегальных формах. Благодаря этому и получалось, что в одних и тех же лагерях Германии и Австрии французские и английские пленные были снабжены всем необходимым, а наши русские военнопленные нередко были вынуждены подбирать отбросы со столов их более счастливых товарищей.

Точно так же велика разница и в отношениях русского правительства и правительств союзных стран ко всем другим видам помощи военнопленным.

Французские, английские и итальянские военнопленные могли ограждать свои права и свое человеческое достоинство в плену, ибо они всегда чувствовали за собой поддержку со стороны родины, откуда зорко следили за их положением и немедленно реагировали на всякое нарушение их прав и интересов. У нас же, наше русское правительство не только не оказывало нашим военнопленным надлежащей дипломатической защиты, но даже и не

принимало всех необходимых мер для осуществления состоявшихся международных соглашений. Многие постановления Стокгольмских конференций, направленные на взаимное облегчение участи военнопленных, остались невыполненными вследствие того, что русское правительство не исполнило всех принятых им на себя по принципу взаимности обязательств. Обмен инвалидов, возвращение санитарного персонала, интернирование больных и умирающих, все это не смотря на состоявшиеся соглашения не могло быть осуществлено в полной мере главным образом по вине русского правительства, которое не могло удосужиться выполнить все условия, необходимые для освобождения от тягости плена больных и гибнувших людей, имевших право на интернирование в нейтральных странах.

С другой стороны и внутри России по отношению к находившимся в России германским и австрийским пленным русское правительство допускало такие погрешности и злоупотребления, за которые тяжко приходилось расплачиваться ни в чем неповинным русским военнопленным в лагерях Германии и Австрии. Миллионы адресованных в Россию писем, валявшихся в русских цензурных и почтовых учреждениях; запреты Центральному Справочному Бюро производить регистрацию отправлявшихся на работы вражеских пленных; неправильные расчеты по переводам в наших почтовых учреждениях; вопиющие ненормальности в Тоцком лагере, где вследствие преступной небрежности доктора Туберозова погибло от заразы 17.000 пленных; злоупотребления при постройке Мурманской железной дороги, где массами гибли пленные от заразных и простудных болезней,—все эти грехи русского правительства крайне тягостно отражались на судьбе наших военнопленных в лагерях Германии и Австрии, ибо все это вызвало со стороны германского и австрийского правительств суровые репрессии, отягчавшие и без того до крайности тяжелое положение русских военнопленных.

Для иллюстрации ненормальности постановки дел о военнопленных у нас в России позволю себе привести здесь некоторые факты, отмеченные в упомянутом докладе Московского Комитета в конце второго года войны.

Постановления, изданные Стокгольмской конференцией 1915 года, Германией и Австрией были использованы в

полной мере. В России работало большое число представителей Шведского Красного Креста, которые во многом помогали германским и австрийским военнопленным. В пользу же русских военнопленных работало в Германии и Австро-Венгрии всего 3 или 4 человека и это об'яснялось не тем, что шведы не хотели работать для русских военнопленных, а тем, что русское правительство не пользовалось услугами Шведского Красного Креста и не предоставило ему нужных средств. Даже соглашение о посылке сестер милосердия для осмотра мест водворения военнопленных было Россией использовано с меньшей пользой, чем Германией и Австрией. Наши сестры милосердия получили лишь по 5000 рублей от Главного Управления Красного Креста и по 5000 от Голицынского Комитета, т. е. всего, считая и пожертвования, несколько больше 120.000 рублей на Германию и Австрию. Германская и австрийская делегации привезли с собой в Россию более двух миллионов.

В печальном положении находилось и дело дипломатической защиты русских военнопленных.

В мае месяце 1916 года было обнаружено, что немцы удерживают со всех почтовых переводов около 45%. Министерство Иностранных Дел запросило о порядке почтовых переводов для военнопленных Главное Управление Почт и Телеграфов и до октября месяца не имело ответа. В октябре месяце Военное Ведомство постановило в виде репрессалии удерживать 35%. В то же время удалось выяснить, что немецкие меры были вызваны тем, что наше Почтовое Ведомство неверно толкуя соглашение с Шведским правительством о выплате переводов военнопленным по золотому курсу, в действительности не доплатило вражеским военнопленным у нас весьма значительные суммы, и поэтому немцы не были неправы в своих репрессивных вычетах. Ввиду нашей репрессии и вместе с тем заявления о том, что на будущее время, согласно вышеизложенного, мы будем выплачивать переводы вражеским военнопленным по биржевому курсу, немцы вычет 45% прекратили. У нас же распоряжение о вычете 35% и после этого продолжало действовать, что вызвало новые осложнения с Германией и с Австрией.

Таким образом рассмотрение и устранение германских репрессалий требовало у нас более пяти месяцев. Соответствующие вопросы между нашими союзниками и Герма-

нией разрешались по телеграфу в течение пяти дней. Очевидно сколько этим доставлялось потерь и страданий для военнопленных.

Весьма тяжко отражались на положении русских военнопленных и наши цензурные и почтовые непорядки.

В Петроградской Военной Цензуре в течение второго года войны скопилось более 11.000.000 непросмотренных писем вражеских военнопленных и к вражеским военнопленным. Этот факт не замедлил вызвать соответствующие меры в Германии. В десятом германском округе русские военнопленные были лишены права переписки, причем в лагерях были вывешены об'явления, что мера эта является следствием неудовлетворительной постановки переписки военнопленных в России.

Никаких мер для улучшения положения в Петроградской Военной Цензуре не было принято. Впрочем, если бы даже меры и были приняты, и существующий завал писем был бы просмотрен, общее положение от этого не улучшилось бы, потому что большую часть этих писем доставить по назначению оказалось бы невозможным: весною 1916 года почти все германские и австрийские военнопленные были передвинуты из Сибири в Россию на работы. При этом они не были зарегистрированы, т. е. в сибирских лагерях не осталось никаких следов, куда направлен тот или другой военнопленный. На месте работы военнопленные также не регистрировались. Вследствие этого розыскать в России военнопленного в большинстве случаев представлялось невозможным. Центральное Справочное Бюро о военнопленных, одновременно с передвижением пленных на работы, предприняло необходимые для регистрации меры и отпечатало нужное количество регистрационных карточек, которые должны были быть розданы военнопленным, вернуться заполненными в Бюро и послужить материалом для регистрации находящихся на работах военнопленных. Однако Министерство Внутренних Дел запретило раздачу таких карточек, и заготовленные карточки остались лежать в подвалах Справочного Бюро.

Известно положение, создавшееся при работах военнопленных на постройке Мурманской железной дороги. Следствием этого явилось создание в Германии особого карательного лагеря Штроермоор в Ганновере, куда было пе-

реведено более тысячи русских офицеров из привиллегированных полков. Наше Военное Ведомство ответило переводом на солдатское положение всех находившихся в России германских офицеров. Однако положение русских военнопленных от этого не улучшилось, так как причины германских репрессий—неудовлетворительность почты, большая смертность при работах на Мурманской ж. д.—не были устранены.

Дело с отправкою русским военнопленным родственных посылок было поставлено у нас крайне ненормально. Посылки эти отправлялись в Австро-Венгрию через Румынию, в Германию через Раумо и Торнео и при посредстве Швеции. С выступлением Румынии прямой путь оказался отрезанным. Отправка через Раумо прекратилась в виду торпедирования пароходов. Остался единственный путь через Торнео. Никаких мер к приспособлению Торнео не было принято, хотя необходимость их можно было предвидеть давно. Когда осенью река Торнео разлилась, переотправку посылок пришлось прекратить вовсе. В результате уже с конца лета в почтовых отделениях скопилось такое множество непереотправленных посылок, что не только почтовые склады, но и казенные квартиры почтовых служащих были заполнены посылками. В Торнео несколько сот вагонов с посылками, за отсутствием пакгаузов и каких бы то ни было складочных мест, пришлось разгрузить под открытым небом на болоте. Из посылок образовалась куча около 90 саженей длиною, до 35 саж. шириною и в 2 сажени высотою, по приблизительному подсчету до 200.000 посылок. Так как груда эта ничем не была покрыта, то посылки намокли и погибли.

Особенно характерно было отношение русского правительства к культурно-просветительной помощи военнопленным. Громадное значение для военнопленных имели книги, быть может не меньше чем хлеб. Родственники военнопленных и общественные организации за счет частных пожертвований отправляли большое количество книг. В начале войны германская цензура весьма быстро и без придирок пропускала книги. Но затем выдача книг была затруднена вследствие того, что поступившие в Петроградскую Военную Цензуру для германских и австрийских военнопленных книги чрезвычайно долго задерживались цензурой, и громадная часть книг конфисковалась из соображений, с основательностью которых трудно было согла-

ситься. Так например книги по ботанике удерживались из того соображения, что они могли ознакомить военнопленных с ядовитыми свойствами растений и таким образом дать им возможность отравить часовых. Книги по спиритизму не пропускались из опасения развития суеверия в Сибири. Экземпляры Ветхого Завета с двойным текстом на немецком и древне-еврейском языке были задержаны, ибо их признали Амстердамским изданием Талмуда с изъяснением способов употребления христианской крови (цензор фон-цур-Мюлен). Кроме того со всех книг снимались переплеты из опасения вклейки в них нежелательных писаний. В результате книги задерживались долго и весьма большая часть их не достигала военнопленных. По Стокгольмской конференции военнопленным можно было посылать книги, изданные не позднее 1913 года. По предложению нашего Красного Креста от лица Особого К-та помощи военнопленным Германский и Австрийский Красный Крест согласились это постановление отменить. Однако, за время, соответствующей переписке, наше Военное Ведомство изменило свою точку зрения и запретило получение изданных после 1913 года книг. Это особенно неблагоприятно отразилось на отсылке учебников, так как изданных до 1913 года учебников в России не оказалось, и поэтому просветительная работа в среде военнопленных прекратилась.

В виду таких фактов, возлагающих значительную долю ответственности за тяжесть положения русских военнопленных на русское правительство, Московский Комитет помощи военнопленным и счел необходимым в конце 1916 года обратиться к центральным правительственным органам и к Государственной Думе с представлением о настоятельной необходимости надлежащего государственного урегулирования дела помощи военнопленным.

В своем докладе Московский Комитет приходил к нижеследующему заключению:

„Наши военнопленные находятся в беспримерно жалком положении, исключительно в силу отношения к делу охраны их интересов нашего правительства, ибо наши союзники при тех же условиях добились для своих военнопленных обеспеченного и достойного существования. Мы должны добиться уравнения положения наших военнопленных с положением наших союзников не только из чувства гуманности, не только потому, что в противном случае мы

лишимся сотен тысяч ценных работников, но прежде всего потому, что настоящее положение вещей является для России национальным позором".

При этом Московский Комитет указывал на необходимость создания центрального и полномочного правительственного органа, который по отношению к делам военнопленных должен был об'единить деятельность всех отдельных ведомств и учреждений, и в распоряжение которого должны были быть предоставлены государственные средства в достаточном размере, чтобы обеспечить военнопленных необходимою помощью. В этом органе должно было быть сильное представительство общественных организаций, и при его работе должны были приниматься меры к широкому использованию услуг краснокрестных организаций нейтральных стран.

При прежнем режиме эти предложенные Московским Комитетом меры не могли получить своего осуществления. Правда, в результате поднятой кампании и главным образом в результате докладов сестер милосердия, вернувшихся из Германии и Австрии, отношение центральных органов русского правительства к делам помощи военнопленным несколько изменилось: были ассигнованы на это дело некоторые государственные средства (около пятнадцати миллионов), и были образованы некоторые новые бюрократические учреждения во главе с т. н. Голицынским Комитетом. Но в общем дело помощи военнопленным мало изменилось к лучшему, ибо распоряжение этим делом было по прежнему предоставлено бюрократическим учреждениям, а общественные организации по прежнему были вынуждены действовать в пределах своей весьма ограниченной компетенции и должны были считаться с препятствиями и стеснениями со стороны центральных и местных властей.

После совершившегося государственного переворота постановка дела помощи русским военнопленным *существенно изменилась*. Был наконец образован центральный орган в форме создавшегося при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста Центрального Комитета по делам военнопленных. Компетенция этого органа в общих чертах соответствовала указаниям Московского Комитета. Он должен был об'единить деятельность всех общественных и правительственных учреждений по делам военнопленных; в нем было допущено представительство всех крупнейших

общественных организаций помощи военнопленным; в его распоряжение были предоставлены государственные средства; и самое дело помощи военнопленным было, наконец, признано делом государственного значения.

Но образованный в большинстве из представителей правительственных ведомств, привыкших действовать в прежних рутинных формах, Центральный Комитет по делам военнопленных не оправдал возлагавшихся на него надежд и не справился с своими задачами в исключительно трудных условиях революционного момента.

Положение русских военнопленных в революционный период жизни России *не только не улучшилось, а наоборот значительно ухудшилось и ухудшалось с каждым днем.* Об этом красноречиво свидетельствовало во множестве поступавшие в Московский Комитет письма от отдельных военнопленных и от лагерных организаций. В этих письмах [1]) русские военнопленные по прежнему подчеркивали вопиющую разницу их положения сравнительно с положением пленных союзников и неустанно жаловались на то, что обновленная родина лишила их даже самой минимальной продовольственной помощи. Среди этих писем особенно привлекало к себе внимание привезенное одним из обмененных инвалидов в подкладке пиджака и представленное им в Московский Комитет незадолго до октябрьского переворота обращение к Временному Правительству от целого округа лагерей Германии, заключавшего свыше 120.000 русских военнопленных. В этом обращении мы встречаем следующие характерные строки: „Мы, бывшие пахари и работники матушки России, всегда бывшей житницей Европы, спрашиваем вас, куда же девались миллиарды пудов нашего хлеба? Почему вы заставляете нас голодать?"

Куда девались миллиарды пудов нашего хлеба?—Этот вопрос понятен в устах русских военнопленных. Оторванные еще много лет тому назад от своих родных полей и лесов, они унесли с собою в плен воспоминания о прежней мирной России, действительно являвшейся житницей Европы, и конечно, они не могли представить себе всей картины той переживавшейся нами в последние годы войны разрухи, которая поставила эту житницу Европы в положение страны голодающей.

---

[1]) Военно-Ученый Архив, Специальный Архив Московского К-та, папка 1917 г. V № 11.

Эта экономическая разруха, за революционный период особенно обострившаяся, действительно ставила делу помощи военнопленным исключительные препятствия, оставляя все общественные организации без муки, без съестных припасов и без вагонов. И даже самая возможность перевозки грузов в революционный период была чрезвычайно затруднена. К этому времени уже не было пути за границу ни через Румынию, ни через Раумо. Единственный путь через Торнео вследствие волнений Финляндии становился все более и более недоступным и, наконец, был совсем закрыт.

В виду такой катастрофичности положения, а также в виду явного бессилия правительственных органов справиться с исключительными трудностями обслуживания нужд и интересов военнопленных, Московский Комитет осенью 1917 года решил обратиться к инициативе освобожденных революцией русских общественных сил, уже проявивших свой активный интерес к делу заботы о судьбе военнопленных, и внес в Совет Московских Общественных Организаций предложение о созыве первого всероссийского съезда представителей учреждений и организаций помощи военнопленным. Это предложение было встречено сочувственно всеми московскими организациями. Ими было образовано работавшее под моим председательством Организационное Бюро, которое обратилось ко всем русским правительственным, общественным и советским учреждениям по делам военнопленных, как к центральным, так и к местным, с мотивированным призывом принять участие в работах Съезда.

Это обращение Организационного Бюро я позволю себе привести здесь полностью, так как им, как исходившим от наиболее компетентных учреждений, особенно авторитетно характеризуется действительное положение русских военнопленных и отношение к ним со стороны русского правительства и общества в первый революционный период жизни России [1]):

„Переживаемые нами исключительные осложнения во всех областях нашей общественной и государственной жизни крайне тягостно отразились на положении русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Нужда в этих лагерях всегда была велика, а помощь со стороны

[1]) Военно-Ученый Архив, 1 Архив Съезда по делам военнопленных, папка № 1.

России всегда была недостаточна. За последние же месяцы эта помощь значительно сократилась и сокращается с каждым днем. Все чаще и чаще поступают в Московский Городской Комитет и в другие московские общественные организации письма из лагерей военнопленных, заключающие в себе горькие жалобы наших военнопленных на то, что совершившийся в России великий государственный переворот не только не улучшил их положения, а наоборот лишил их даже той скудной помощи, какую получали они при старом режиме.

Не находя возможным мириться с этим глубоко печальным и опасным для интересов России явлением, Московские общественные организации считают своим общественным долгом принять все зависящие от них меры для надлежащего урегулирования дела помощи русским военнопленным соответственно его громадной государственной важности.

В этих целях представители московских общественных организаций (Московского Городского Комитета помощи русским военнопленным, Отделов о военнопленных Всероссийских Городского и Земского Союзов, Комитета Об'единенной Организации помощи русским военнопленными, Московского Отделения Центрального Справочного Бюро, Московского Отделения Особого Комитета, Союза родных и близких военнопленных и Союза бежавших из плена), единогласно признали желательным созыв Всероссийского С'езда представителей общественных организаций и учреждений ведающих дело помощи русским военнопленным.

Исходя из того положения, что недостаточность оказываемой со стороны России помощи русским военнопленным об'ясняется не только переживаемыми нами экономическими затруднениями, но также в значительной степени и несовершенством самой постановки дела помощи военнопленным и, в частности, пассивностью наших правительственных органов, которые не проявляют надлежащей энергии в деле дипломатической и правовой защиты интересов наших военнопленных, а также не оказывают осуществляющим дело помощи военнопленным общественным организациям надлежащей поддержки в деле урегулирования вопросов продовольственного, транспортного и валютного,—Московские общественные организации полагают, что главной задачей созываемого С'езда должно быть обсуждение и разрешение вопроса о правильной организации дела помощи

военнопленным, как дела общегосударственного, осуществляемого общественными организациями при надлежащей поддержке со стороны государственных средств и сил. В связи с этим основным вопросом должны быть поставлены на обсуждение С'езда вопросы: об определении компетенции ныне действующих учреждений и организаций помощи военнопленным; о создании новых организаций на местах; об об'единении деятельности общественных организаций помощи военнопленным; об усилении общественного представительства в Центральном Комитете по делам о военнопленных и о желательных изменениях в его организации.

По существу вопроса об удовлетворении наиболее острых военнопленных в программу С'езда должны быть включены вопросы: о принятии необходимых мер к расширению массовой помощи военнопленным, как непосредственно из России, так и при посредстве нейтральных и союзных стран; об урегулировании индивидуальной помощи военнопленным и о дипломатической и правовой защите их интересов.

Далее, имея в виду, что, при ликвидации войны, перед всеми общественными организациями, осуществляющими дело помощи военнопленным, встанут новые сложные задачи, сопряженные с заботами по приему возвращающихся военнопленных, московские общественные организации признают желательным, чтобы в программу С'езда был включен также вопрос о плане приема военнопленных, по ликвидации войны, и об оказании им помощи.

Не сомневаясь в том, что все учреждения, принявшие на себя заботу об облегчении участи наших военнопленных, отнесутся с активным сочувствием к задачам организуемого С'езда, направленным на урегулирование дела помощи нашим военнопленным, которых, несмотря ни на какие переживаемые нами внутри России затруднения, мы не можем, мы не должны оставлять без материальной помощи и моральной поддержки со стороны родины,—Московские общественные организации обращаются ко всем организациям и учреждениям, ведающим дело помощи военнопленным, с призывом принять участие в работах организуемого С'езда путем делегирования на этот С'езд своих представителей.

С'езд состоится в Москве 18-го октября сего года и продолжится около 4-х дней. Председатель Совета Московских Общественных Организаций помощи русским военно-

пленным Л. Л. Катуар. Председатель Организационного Бюро по созыву С'езда Н. М. Жданов".

Первый Всероссийский С'езд представителей учреждений и организаций помощи военнопленным состоялся в Москве в самом конце первого революционного периода непосредственно накануне октябрьского переворота. Последние заседания С'езда совпали с моментом перехода власти к Советам рабочих и солдатских депутатов.

Работы этого С'езда, на котором впервые во всероссийском масштабе были подвергнуты гласному обсуждению все наиболее существенные вопросы о положении русских военнопленных, об отношении к ним со стороны русского правительства и о фактической постановке всех видов помощи им, представляют значительный интерес и имеют большую ценность для уяснения сложного вопроса об обслуживании нужд военнопленных в условиях мировой войны. Более детально мы остановимся на рассмотрении этих работ С'езда при характеристике последнего периода войны и при обрисовке техники дела помощи военнопленным. В настоящем же общем очерке я коснусь лишь важнейших моментов С'езда, поскольку ими освещаются особенности положения русских военнопленных, на судьбе которых отражались не только общие условия мировой войны, но и все те осложнения и нестроения, какие переживала Россия в течение всех чреватых событиями лет войны и ее ликвидационного периода.

В работах С'езда принимали участие представители всех правительственных, общественных и советских организаций по делам военнопленных, именно: представители Министерства Иностранных Дел, Генерального Штаба, Военного Министерства, Главной Квартиры Верховного Главнокомандующего, Главного Управления Общества Красного Креста и Центрального Комитета по делам военнопленных, представители всех центральных и большинства местных общественных учреждений помощи военнопленным и представители Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, Петроградского и Московского Советов и Комиссий по делам военнопленных при местных советских учреждениях.

Намеченная Организационным Бюро программа была выполнена С'ездом до конца. На пленарных заседаниях С'езда и на заседаниях отдельных его секций все основные вопросы о государственной постановке дела удовле-

творения нужд военнопленных и об оказании им всех видов помощи массовой, индивидуальной, культурно-просветительной и правовой получили разностороннее освещение в докладах, в речах и в заявлениях участников С'езда, близко стоявших к делу помощи военнопленным, как в государственных центрах, так и в провинции. Многие из этих вопросов не только были подвергнуты обсуждению и выяснению, но и получили свое разрешение в ряде резолюций, устанавливавших основные положения желательной реорганизации всей постановки дела помощи военнопленным, реорганизации управления этим делом, переустройства и расширения компетенции отдельных учреждений помощи военнопленным в России и заграницей.

Характерной особенностью С'езда, красной нитью проходившей через все его работы, являлось резкое расхождение во взглядах на положение военнопленных и на организацию им помощи между представителями бюрократических правительственных учреждений и представителями общественных и советских организаций помощи военнопленным. Представители правительственных органов оставались на С'езде в одиночестве. Что же касается остальных участников С'езда, то в их среде наблюдалось полное единодушие, полное совпадение точек зрения на все основные вопросы помощи военнопленным, как со стороны представителей старых общественных учреждений, осуществлявших заботу о военнопленных в течение всех лет войны, так и со стороны представителей новых органов трудовой демократии, мощно влиявших на ход событий в течение революционного периода русской жизни. Все они сходились в том основном положении, что дело помощи военнопленным должно быть реорганизовано соответственно его громадному государственному значению, и что это преобразование осуществимо лишь при привлечении к этому делу всех национальных сил и при его широкой демократизации, как в центре, так и на местах.

Такое отношение С'езда к государственной постановке дела помощи военнопленным нашло свое выражение в нижеследующей резолюции С'езда по вопросу о реорганизации Центрального Комитета по делам военнопленных:

„С'езд выражает свою глубокую неудовлетворенность состоянием дела помощи русским военнопленным и полагает, что нынешний Центральный Комитет по делам о военнопленных, состоящий при Главном Управлении Крас-

ного Креста, обнаружил свою полную несостоятельность в этом ответственном деле.

Организация Комитета, произведенная наспех в первые дни революции под руководством князя И. С. Васильчикова буквально повторила один из компромиссных проектов времен старого режима и оставила Комитет учреждением, подчиненным сохранившему бюрократический дух Управлению Красного Креста и вдобавок совмещающим в своем лице и исполнительный орган и нормирующую деятельность его коллегию. Все это сделало Ц. К. медлительным бюрократическим учреждением, совершенно не отвечающим жгучей потребности русского общества видеть дело помощи плененным братьям в надежных руках. Демократическая Россия нуждается во всенародном участии в деле помощи, она должна широкой сетью местных общественных организаций поддержать деятельность Центрального Правительственного Органа, и сам этот орган должен быть учреждением демократическим и работоспособным. Исходя из этого положения, С'езд требует самостоятельного положения Центрального Управления по делам о военнопленных с подчинением его непосредственно Временному Правительству и предполагает отделение в нем собственно Центрального Комитета, как руководящего исполнительного органа, от совета, как органа, ведающего сметой и общими предположениями о деятельности Комитета. Совет должен представлять из себя чисто общественное учреждение с самым широким представительством демократических организаций, ведающих дело помощи; Комитет должен состоять из специалистов, назначаемых Временным Правительством и входящих в состав Совета. Современный Комитет с его медлительным бюрократизмом до-революционной поры должен быть немедленно реформирован".

„С'езд требует самой широкой демократизации дела помощи военнопленным, ускоренного развития при государственной поддержке сети местных демократических общественных организаций помощи, облегчения для населения почтовых сношений с военнопленными и установления правильной и систематической связи общественных организаций между собой и с правительственными учреждениями.

Необходимое для последней цели создание пребывающего в Москве сильного всероссийского центра демократических общественных организаций помощи, получающего

от обновленного правительственного органа широкие права по заготовке и перевозке продуктов для пленных, должно быть произведено немедленно самим С'ездом.

Местные демократические организации должны получить по уполномочию Центрального Комитета или Московского Центра права по закупке продуктов, аналогичные правам продовольственных комитетов, а также права преимущественного получения средств транспорта.

С'езд полагает, что новые демократические органы местного самоуправления должны немедленно взять на себя почин расширения сети местных Комитетов и учреждений помощи военнопленным на основе создания комиссий по делам о военнопленных при органах самоуправления, действующих в контакте с общественными организациями и при непременном участии в них.

С'езд поручает президиуму и секретариату подготовить созыв второго Всероссийского С'езда деятелей помощи военнопленным с участием в нем всех демократических организаций помощи и поручает создающемуся таким образом Бюро С'езда подготовить для С'езда и правительства данныя по вопросу эвакуации военнопленных.

С'езд поручает президиуму и секретариату представить правительству постановления С'езда и озаботиться проведением их в жизнь[1]).

Одним из наиболее интересных моментов С'езда являлось заседание секции по обмену и интернированию военнопленных. Здесь особенно ярко выяснилось коренное расхождение точек зрения правительства и народа по наиболее существенным вопросам, касавшимся самых острых нужд военнопленных. От имени правительства на этом заседании выступали представители Министерства Иностранных Дел и Военного Ведомства. Их доклады заключали в себе много интересных данных, наглядно иллюстрирующих то истинно бюрократическое отношение нашего прежнего правительства к интересам военнопленных, которое так тягостно отражалось на судьбе русских военнопленных в течение всех лет их пребывания в плену. В этом отношении особенно характерен был доклад представителя Министерства Иностранных Дел по вопросу об обмене и интернировании военнопленных.

[1]) В. У. Архив. Архив 1 с'езда, папка XII № 17.

Вопрос об обмене инвалидами был возбужден еще в 1915 году по инициативе папы Климента XV. Предложение римского первосвященника было встречено сочувственно всеми воевавшими странами, и Франция и Англия немедленно же заключили с Центральными государствами соглашение о взаимном размене инвалидами. Этот размен фактически был осуществлен в широких размерах. Что же касается России, то ее переговоры с Центральными государствами затянулись и были завершены лишь на Стокгольмской конференции. Но и после заключения Стокгольмского соглашения, по которому должны были подлежать обмену все инвалиды независимо от их числа, дело с обменом двигалось чрезвычайно медленно, и за все три года войны было возвращено на родину лишь около двадцати тысяч из нескольких сот тысяч русских инвалидов, умиравших медленной смертью в лагерях и лазаретах Германии и Австро-Венгрии. Этот характерный факт, наглядно показывающий разницу отношения русского и союзнических правительств к одному и тому же вопросу об обмене военнопленных, представитель Министерства Иностранных Дел об'яснил на С'езде следующими несложными словами:

„Всего из плена вернулось до первого июля текущего года 27.151 человек. Отправлено нами 18.356 человек. Таким образом балане в нашу пользу. Цифры эти, как видите, крайне незначительны по сравнению с общим количеством имеющихся во вражеском плену. Причин, почему не развит более обмен хотя бы инвалидов, которых с той и другой стороны гораздо больше, очень много. Главная причина—технические затруднения в перевозке. Неоднократно поднимался вопрос о транспорте морем, но он был всегда категорически отклоняем нашим морским ведомством по причинам, связанным с государственной обороной. Швеция же отказывается дать нам большее количество поездов. Недавно поднят нашими врагами вопрос об обмене здоровыми, которые пробыли в плену более известного срока. Мы не можем до сих пор согласиться на этот обмен, так как мы усилили бы этим военную мощь наших врагов, которые нуждаются в каждом штыке. Союзники наши тоже просили нас не итти на подобное соглашение. Сами Франция и Англия с одной стороны и Германия с другой, заключили подобное соглашение, но нужно иметь в виду, что наши союзники находятся в данном вопросе совершенно в другом отношении, чем мы,

так как они, одинаково как и Германия, нуждаются в каждой силе“ [1]).

В этих об'яснениях представителя нашего прежнего правительства характерна каждая фраза. Так, отмечая, что Россия получила 27 тысяч инвалидов, а отпустила только 13 тысяч, представитель Министерства Иностранных Дел на своем дипломатическом языке называет это „балансом в нашу пользу“. При переводе же с дипломатического на общечеловеческий язык эти цифры означают следующее: Россия по соглашению с Германией обязалась обмениваться всеми наличными инвалидами и по договору с Швецией должна была привозившие из Германии русских инвалидов поезда заполнять соответствующим числом германских инвалидов из России. Этих обязательств русское правительство не выполнило и, получив 27.000 русских инвалидов из Германии, само отпустило только 18.000 германских инвалидов, при чем, как это выяснилось из представленных на С'езд цифровых данных заполнения шведских поездов, поезда, приходившие к России заполненными русскими инвалидами, шли обратно от русской границы наполовину пустыми, а иногда и совсем пустыми, (9 человек на 238 мест), хотя в этих поездах было ценно каждое место. В результате такого отношения русского правительства Швеция сократила подачу поездов, а Германия отказалась отпускать новые партии инвалидов, и вследствие этого уже предназначенные к обмену многие десятки тысяч увечных, больных и умирающих русских военнопленных тщетно ждали обмена долгие месяцы и годы и, не дождавшись освобождения, массами умирали на чужбине. Таковы были реальные результаты дипломатического „баланса в нашу пользу“.

Не менее характерны были об'яснения представителя Министерства Иностранных Дел и по вопросу об интернировании больных и слабых военнопленных в нейтральных странах.

Вопрос об интернировании также был возбужден папой Климентом XV еще в мае 1915 года. Франция и Германия немедленно же заключили между собой соответствующее соглашение, и уже в начале 1916 года состоялся перевод в Швейцарию десятков тысяч пленных французов из Германии и пленных германцев из Франции. Вслед за тем

[1]) Военно-Ученый Архив, Архив 1 С'езда по делам в/пленных, папка VIII № 11.

же такое соглашение состоялось и между Германией и Англией, откуда также были переведены в Швейцарию значительные партии военнопленных. Россия же этим предложением Климента XV не воспользовалась, ибо, как об'яснил это на С'езде представитель Министерства Иностранных Дел, „наше Военное Ведомство признало в то время предложение Святейшего Престола неприемлемым по военным соображениям". После этого вопрос об интернировании вновь неоднократно подымался, но русское военное ведомство, соглашаясь на интернирование в Скандинавских странах, предложения об интернировании в других странах отклоняло, продолжая ссылаться на „военно-практические соображения". По этому поводу в русских центральных правительственных учреждениях происходили пререкания. Так, министр иностранных дел настаивал на расширении интернирования, так как это интернирование „должно спасти большое число военнопленных от верной смерти от туберкулеза и других изнурительных болезней и следовательно имеет, помимо гуманитарного, важное государственное значение". Однако, как об'яснял на С'езде представитель правительства, „несмотря на приведенные соображения Совет Министров в сентябре 1916 года постановил в согласии с мнением военного ведомства, что как бы ни было достойно сожаления сокращение числа лиц, которые могли бы воспользоваться указанною благодетельною мерою, это обстоятельство не может иметь решающего значения в данном вопросе и во всяком случае должно уступить перед требованием государственной необходимости". Пререкания между русскими властями продолжались полтора года, и только в декабре 1916 года Совет Министров разрешил, наконец, вопрос об интернировании в положительном смысле. Но когда русское правительство обратилось к нейтральным странам, то оказалось, что все предназначенные для интернирования места были заняты десятками тысяч пленных французов, англичан, германцев и австрийцев, и на долю русских военнопленных оставалось лишь самое ничтожное количество мест, именно: на 400 человек в Швейцарии, на 300 человек в Норвегии и на 1200 человек в Дании. И даже этого ничтожного числа мест русское правительство не использовало. От перевода пленных в Швейцарию оно отказалось „в виду затруднения в вопросе перевозки"; и в результате 1 июня 1917 года (т. е. уже к самому концу войны) было

интернировано в Дании и Норвегии 1500 русских пленных. Полторы тысячи человек из трех с половиною миллионов русских пленных в то время, когда из немногих сот тысяч пленных французов и англичан около тридцати тысяч было интернировано в одной Швейцарии. Таковы результаты различного отношения к защите интересов своих плененных граждан со стороны русского и союзных правительств.

Летом 1918 года мне самому довелось быть в Швейцарии по делу об организации продовольственной помощи русским военнопленным из нейтральных стран. Там я видел тысячи интернированных французов, англичан, германцев и австрийцев, поселенных по берегам Фирвальдштедского и Тунского озер в округах Люцерна и Интерлакена. Они жили там в завидных условиях отдыха и покоя. Им были отведены лучшие отели и пансионы на вершинах и откосах, прилегающих к озерам гор. Ко многим из них приехали их семьи из соседних стран. Они занимались спортом, совершали экскурсии в горы, вечера проводили в курзалах, где им были предоставлены почетные места. В то же время сотни тысяч туберкулезных русских военнопленных, истощенных и изнуренных, заполняли лазареты Германии и Австрии, и, изредка получая нищенские подачки с родины, долгие годы томились между страхом смерти и надеждой возвращения на родину. Такая вопиющая разница положения русских и союзнических военнопленных производила глубоко волнующее впечатление и вызывала неопредолимое чувство возмущения по адресу того правительства, которое обрекало на гибель массы своих плененных граждан по каким то никому непонятным „военно-практическим соображениям". Ведь эти военно-практические соображения имели не меньшее значение и для правительств других воевавших стран, однако они не препятствовали им принимать самые энергичные меры для защиты интересов их граждан в плену. Из всех правительств всех воевавших стран русское правительство в наибольшей мере оставляло своих военнопленных на произвол судьбы.

Такое отношение русского правительства к интересам русских военнопленных, сквозившее и в об'яснениях представителей русского правительства на С'езде, нашло себе соответствующую оценку в нижеследующей резолюции,

единогласно принятой секцией по обмену и интернированию, а затем и пленарным собранием С'езда.

„С'езд полагает, что только самая беспощадная и коренная чистка всех старых бюрократических органов, в руках коих до сих пор находились судьбы двух с половиною миллионов русских граждан, томящихся в плену, может разрешить этот огромный государственной важности вопрос. В первую очередь ныне же должно быть приступлено к реорганизации центральных органов по делам военнопленных, как Центрального Комитета по делам о военнопленных, Российского Общества Красного Креста, так и соответствующих отделов Министерства Иностранных Дел и Эвакуационного Отдела Генерального Штаба.

На место этих органов должны быть поставлены органы, выделенные общественными и демократическими организациями Революционной России, которые должны взять в свои руки в полном об'еме разработку и осуществление дела интернирования, обмена и эвакуации, положив в основу своей работы следующие принципы:

1. Все переговоры и соглашения по вопросам обмена и интернирования должны вестись не-дипломатическим путем, а новыми органами по делам о военнопленных.

2. Соглашения по вопросам обмена и интернирования должны быть одинаковы для нас и наших союзников.

3. Довести до максимума обмен как больными, так и здоровыми, и интернирование немедленно, не сокращая обмена инвалидами и туберкулезными.

4. Потребовать точного исполнения Женевской конвенции по отношению к санитарно-медицинскому персоналу и немедленно потребовать возвращения медицинского персонала общественных организаций.

5. Вступить в переговоры о внеочередном обмене категориями народных учителей.

6. Приступить к практическому осуществлению обмена и интернирования цивильно-пленных, и в первую очередь, детей, женщин и стариков.

7. Принимая во внимание, что дело демобилизации может быть разрешено только во всероссийском масштабе и осуществление лишь при совместной деятельности Центрального Комитета с местными организациями, общественными и демократическими, предложить новому органу

привлечь к разработке плана приема военнопленных после войны и оказания им помощи все местные организации" [1]).

Закрытие 1 Всероссийского С'езда представителей организаций и учреждений помощи военнопленным состоялось 24-го октября 1917 года в самый момент октябрьского государственного переворота. Для проведения в жизнь постановлений С'езда и результатов работ его секций С'ездом было избрано Исполнительное Бюро в составе представителей центральных и местных организаций помощи военнопленным, а также представителей центральных советских учреждений. Это Исполнительное Бюро начало свои работы под моим председательством на другой же день после закрытия С'езда, но осуществление постановлений С'езда встретило новые препятствия в событиях октябрьского революционного периода. Правильная постановка дела помощи военнопленным оказалась невозможной, так как прежние общественные организации после октябрьского переворота приостанавливали или прекращали свою деятельность, а новые демократические учреждения находились еще в стадии образования. Обусловленные революционными событиями совершенно исключительные осложнения в деле транспорта, почтово-телеграфных сношений и продовольственного обслуживания страны парализовали все усилия общественных демократических организаций, направленные на оказание помощи военнопленным. Осуществление Стокгольмских и Копенгагенского соглашений относительно обмена и интернирования, а также относительно урегулирования положения военнопленных приостановилось вследствие всеобщего выжидательного положения по отношению к начавшимся подготовлениям мирных переговоров.

Общее положение дела помощи военнопленным в этот переходный момент русской государственности выясняется из нижеследующего информационного циркуляра Исполнительного Бюро С'езда, разосланного во все местные учреждения по делам военнопленных в начале декабря 1917 года[2]).

„Исполнительное Бюро Первого Всероссийского С'езда общественных организаций и учреждений помощи военнопленным считает своим долгом поставить вас в известность об общем положении дела помощи русским военнопленным

---

[1]) Военно-Ученый Архив, Архив 1 С'езда по делам в/пленных, папка VII № 15.

[2]) Военно-Ученый Архив, Архив 1 С'езда п. в. папка XIII.

и о ходе работ Бюро в связи с текущим политическим пололожением России.

Центральный Комитет по делам о военнопленных в настоящее время, по независящим от него причинам, лишен возможности собираться в полном составе, и фактически в Петрограде вся тяжесть работ Центрального Комитета лежит теперь на Президиуме Комитета, расширившем свой состав. Указанный Президиум принимает все необходимые меры к охране интересов наших военнопленных и, вместе с Особой Комиссией, подготовляет план их эвакуации.

Все существующие заграницей организации, оказывающие помощь нашим военнопленным, ныне, в силу создавшихся политических, экономических и финансовых осложнений и условий транспорта, почти совершенно прекратили обслуживание нужд русских пленных, которые, благодаря этому, оставлены буквально на произвол судьбы и обречены на голод, тяжкие болезни и вымирание.

К этому присоединяется все увеличивающаяся разруха в отношении продовольствия, транспорта, финансов и пр. и внутри России,—как в центре, так и в отдельных ее областях.

Вследствие сказанных причин, Московские Организации значительно сократили свою деятельность. Правда, принимаются все меры к тому, чтобы вывести дело помощи пленным из создавшегося катастрофического положения. Но Бюро полагает, что достигнуть этого возможно будет лишь при дружном и энергичном содействии Центральному Комитету и Московским Центральным Организациям со стороны всех родственных организаций на местах. Центральный Комитет и Московская Об'единенная Организация посылают по России своих агентов для закупки муки, зерна и других хлебных продуктов, в которых в настоящее время испытывается небывалая до сего времени нужда.

Об'единенная Организация может не приостанавливать работы своих хлебопекарен и сухарных заводов лишь в том случае, если в ближайшее же время в Москву будет доставлено необходимое количество хлебных грузов. В противном случае, отправка нашим военнопленным посылок и грузов должна будет прекратиться, как из Московского Городского Комитета, так и из Отделов помощи военнопленным Всероссийских Земского и Городского Союзов,

деятельность каковых Отделов стоит в тесной связи с работой заводов Об'единенной Организации.

Из сказанного явствует, что согласованная и дружная работа общественных организаций в переживаемое нами время настоятельно необходима, чтобы так или иначе спасти, в интересах военнопленных, исключительно важную деятельность хотя бы тех организаций и учреждений, которые до последнего времени обслуживали нужды наших пленных.

В связи с приближением времени, когда война будет окончена, возникает крайняя необходимость выработать общий план эвакуации военнопленных. Эвакуация потребует огромных средств и сил, а между тем есть основание полагать, что государство, без самой широкой общественной помощи и содействия, не в состоянии будет справиться с предстоящей громадной задачей. Эта помощь со стороны всего народа может быть осуществлена только при самой напряженной и энергичной работе на местах.

Все местные организации должны совершенно ясно иметь в своем сознании ту колоссальной государственной важности работу по эвакуации свыше двух с половиною миллионов пленных, которая, быть может, в самое ближайшее время падет на их обязанность.

Деятели на местах должны уже теперь принять самые срочные меры к согласованной организации и подготовке дела помощи эвакуируемым пленным. Не только перевозка пленных, их регистрация, продовольствие и медицинская помощь будут нужны им, но и самое широкое содействие в оказании юридической, трудовой, материальной, культурной помощи, в создании колоний, приютов, санаторий, мастерских и пр. и пр.

Великая и святая работа стоит перед нами у самого порога. Наш неоплатный долг перед сугубыми страдальцами за родину, из коих, может быть, до 50% возвратится туберкулезных и инвалидов,—властно повелевает нам приложить безотлагательно все усилия и средства, чтобы наших возвращающихся из плена братьев и отцов принять на родину достойно и помочь им возродиться и духом и телом.

В центре, в спешном порядке, разрабатываются детали общего плана эвакуации пленных, каковой план, по окончании работ, будет немедленно оглашен во всеобщее сведение и сообщен на места для осуществления.

На местах же, не выжидая этого плана, необходимо сейчас же приступить к вполне согласованной и об'единенной подготовке к выполнению предстоящей новой огромной задачи.

С этою целью Исполнительное Бюро Первого Всероссийского С'езда общественных организаций и учреждений помощи военнопленным обращается ко всем местным организациям помощи военнопленным с настоящим горячим призывом не терять ни дня, ни часа, продолжать со всей напряженностью свою активную работу в прежнем направлении, выступать на местах с соответствующими докладами, распространять воззвания, устраивать сборы и т. д., а также иметь особенно в виду вставшую уже перед всем народом грандиозную задачу по демобилизации военнопленных".

ГЛАВА IV.

Особенности положения русских военнопленных в ликвидационный период мировой войны.

Судьбою было суждено России первою выйти из мировой войны. Великие испытания войны и вызванной ею внутреннегосударственной разрухи переполнили чашу долготерпения русского народа и привели к февральскому государственному перевороту, радикально изменившему веками сложившиеся соотношения политических и социальных сил на всем необ'ятном пространстве России. В условиях революционной жизни дальнейшее участие России в войне фактически оказалось невозможным, и ход революционных событий привел к Брестскому миру, который должен был положить предел войне России с Центральными государствами. Но заключением Брестского мира одиссея русских военнопленных далеко не закончилась. Им суждено было еще долгие годы переносить все невзгоды плена и дольше всех других ждать возвращения на родину.

Прежде чем приступить к изложению обстоятельств ликвидационного периода войны, отражавшихся на поло-

жении русских военнопленных, я позволю себе привести здесь один интересный, нигде не опубликованный документ, характеризующий осведомленность германского правительства относительно творившихся у нас в России непорядков по делам военнопленных в последние годы войны и в первые месяцы революционного периода. Это—радиотелеграмма прусского военного министерства, посланная из Стокгольма 23 августа 1917 года[1]). Поводом для этой радиотелеграммы послужила телеграмма нашего Центрального Комитета по делам военнопленных, посланная стокгольмской прессе в связи с той агитацией, которая была начата в русском обществе некоторыми вернувшимися из плена врачами и инвалидами. Летом 1917 года группа вернувшихся из плена врачей и инвалидов представлялась главе Временного Правительства князю Львову, который, выслушав их сообщения, предложил им широко оповестить русское общество о жестокостях германского плена в целях пропаганды наступления. При участии Центрального Комитета был образован особый отдел пропаганды, который поставил своей задачей устройство митингов и собраний в разных городах России. На этих митингах обычно выносились резолюции протеста против германских и австрийских зверств по отношению к русским военнопленным и выдвигались требования применения репрессий к находящимся в России германским и австрийским пленным. С своей стороны и Центральный Комитет решил оповестить западно-европейское общественное мнение о жестокостях германского плена посредством телеграммы в Стокгольмскую прессу. Ответом на эту телеграмму и явилась нижеследующая радиотелеграмма прусского военного министерства, которую я привожу здесь в переводе на русский язык:

Стокгольм. 23 августа 1917 года.

„В русской радиотелеграмме от 17 августа 1917 года Центральный Комитет Красного Креста резко нападает на Германию, обвиняя ее в том, что она будто бы не дает ответа на сделанные Россией предложения относительно взаимного обмена цивильно-пленными и заложниками, установления морского пути для перевозки туберкулезных,

[1]) Военно-Ученый Архив, Архив Московского Комитета, папка 1917 г. V № 14.

процуска инвалидов из Турции, взаимного делегирования сестер милосердия и т. д.

Кроме того, русская радиотелеграмма заключает в себе обычные обвинения Германии в чрезмерно жестоком обращении с русскими военнопленными и утверждает, что будто бы Германия не процускает известий о военнопленных, невероятно сокращает продовольственный паек, кормит пленных отбросами и вредными для здоровья суррогатами, вводит чрезмерно суровые цензурные и полицейские меры. В заключение говорится: „Германия воздвигла перед нашими военнопленными высокую стену, позади которой лишь изредка слышатся подавленные стоны погибающих. Создавшееся положение вынуждает русский Центральный Комитет всею силою голоса гуманности и человеколюбия протестовать против этого утонченного варварства страны, имя которой „Германия".

Против этих утверждений, заключающих в себе ложь и извращение истины, прусское военное министерство заявляет свой энергичный протест.

Уже 14 августа представительница Шведского Красного Креста Луиза Акерман, только что вернувшаяся после посещения лагерей в Германии, сочла себя вынужденной дать в интересах истины достаточный ответ на возмутительную неправильность этих обвинений (см. Svenska Dagbladt от 16 августа).

Да и раньше в том же духе письменно и устно высказывались представители Шведского Красного Креста, которые уже в течение двух лет посещают лагери военнопленных в Германии.

Германии нечего скрывать; она свободно предоставляет каждому нейтральному посещать все лагери и рабочие команды по его собственному выбору в отведенном ему округе, который постоянно меняется. Разрешение на беседы с пленными без свидетелей охотно даются. Иначе поступают в России, и это, конечно, имеет свои основания.

Цель заключающихся в радиотелеграмме от 17 августа утверждений, которые должны быть широко разнесены по всему миру, достаточно ясна. Они должны повлиять на нейтральных и показать союзникам, что и теперь в России умеют применять испытанные при старом правительстве средства пропаганды для возбуждения войск к большему сопротивлению.

Мы же в Германии усматриваем во всем этом лишь новое доказательство величайшей слабости, если Россия для возбуждения своих войск считает необходимым прибегать к таким средствам, которые являются недобросовестными, ибо они не соответствуют истине.

Новосозданный Центральный Комитет по делам военнопленных, образованный в значительной части из тех же лиц, которые работали в том же направлении и при старом правительстве, заговорил „полным голосом гуманности и человеколюбия". Это довольно странно. Членам Центрального Комитета, вместо того, чтобы выступать в роли обвинителей, более приличествовало бы позаботиться об исправлении тех ужасных жестокостей по отношению к нашим военнопленным, которыми запятнало себя старое правительство, ибо по собственному заявлению господина Навашина[1]) в „Слове" (№ 116 от 25 мая 1917 г.) „вопрос о военнопленных для старого правительства вообще не существовал". Если этот вопрос не существовал по отношению к своим соотечественникам, то тем менее он мог существовать по отношению к плененным врагам.

В России уже раздались голоса, требующие, чтобы было обращено внимание на свои собственные деяния и упущения, и так как я полагаю, что в России с большим доверием относятся к словам своих соотечественников, которые ныне освобождены от прежнего ига, чем к словам нейтральных или врагов, то я приведу здесь лишь русские же слова.

Обращаю внимание на статью в „Известиях Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов" от 11 июня 1917 г.: „Как строилась Мурманская железная дорога" и на статью „Известий" от 17/30 мая № 68: „Чем виноваты военнопленные" и позволю себе для немедленной ориентировки привести из них две выдержки:

„Судьба пленных в России в общем тяжела и не изменилась при новом правительстве. До сих пор существует множество злоупотреблений и насилий. Со всех сторон доходят известия о жестоких издевательствах над беззащитными, вплоть до убийства включительно"...

„Голод и дурное обращение при постройке Мурманской железной дороги, где погибли тысячи. Насмешка и холодная жестокость по отношению к десяткам тысяч уми-

[1]) Управляющего Делами Центрального Комитета.

равших во время сыпной эпидемии в Тоцке-Самарском, в Новониколаевске и в Красноярске. Истязания и убийства в Ижевских лесах Вятской губернии (живое кладбище—Чудовка). Безучастное отношение к тяжелым условиям жизни военнопленных в Туркестане, Самарканде и на угольных копях Донской области. Использование труда военнопленных на фабриках и на работах для земства и местных властей за 8—10 копеек в день при двадцатичасовом рабочем дне, при более чем скудном питании и при отсутствии теплой одежды и даже сносной обуви (Новгородская губерния и др.). Задержка выдачи жалованья на 4—5 месяцев. Наказания тех мужественных людей, которые пытались отстаивать свои права. Убийство в Сарапульском уезде и многие другие факты—свидетельствуют о том, что повсеместно в России царит произвол по отношению к военнопленным".

В Московской газете „Труд" было сообщено, что в Самаре вследствие возмутительных санитарных условий в течение нескольких месяцев погибло от эпидемий 30.000 военнопленных, а из газеты „Новая Жизнь" приведу следующую выдержку:

„Таким образом введение беспощадной порки и употребление нагайки являются теми мерами, которые новое правительство изволит применять к военнопленным".

Можно было бы значительно увеличить число примеров, сообщаемых русскими хроникерами, которым действительное положение дел хорошо известно.

Что скажут теперь представители русского Красного Креста по поводу этих сообщений их же соотечественников?

Германия в любое время имеет возможность опубликовать обширный обвинительный материал, находящийся в ее распоряжении, и это она своевременно сделает. Она не имеет надобности посредством неверных сообщений влиять на нейтральных, ибо они хорошо знают, что в действительности делается в России, и как Россия выполняет свои обязательства. Напомню лишь торжественное обещание русского правительства отозвать с Мурманской дороги всех военнопленных,—они все еще там.

Германия не последует за русским правительством по пути натравливания народа против военнопленных и не станет с помощью вернувшихся из плена врачей и инва-

лидов посредством докладов о якобы совершающихся зверствах прививать населению ненависть против пленных.

Какие результаты влечет за собой подобный „гуманный" образ действий, об этом свидетельствует письмо одного русского гражданина в редакцию „Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов" № 88 от субботы 10/23 июня 1917 года.

„По отношению к семи тысячам работающих на шлюзах военнопленных я имел случай отметить одно печальное явление, возникшее в самое последние время: местное население и волостные комитеты, которым подчинены пленные, стали проявлять крайне враждебное отношение к военнопленным. К управлению военнопленными стали пред'являть требования об уменьшении и ухудшении довольствия военнопленных, не исключая и тяжело больных, о применении к военнопленным крайней строгости и т. д.".

Новое русское правительство в некоторых отношениях, повидимому, проявляет склонность к еще большему варварству, чем раньше. Так, согласие прежнего правительства немедленно вернуть из плена цивильно-пленных, именно уведенных из Восточной Пруссии женщин и детей, оно об'явило недействительным. Вот настоящий пример истинной гуманности.

Если Россия настолько гуманна, что может требовать содержания военнопленных в лучших условиях, чем своих граждан, и может пред'являть к нам обвинения в том, что мы даем военнопленным меньше, чем могли бы, то пусть она прочтет несколько строк из московской газеты „Социалдемократ" № 60 от 20/2 мая:

„Было бы полезно тем, кто любит говорить о немецких зверствах, напомнить о том, что державы Согласия с начала войны поставили своей задачей уморить голодом семидесятимиллионное население Германии. Чья же вина, если полуголодные немцы сокращают жалкие пайки наших военнопленных. Буржуазная пресса, постоянно обвиняя наших врагов, никогда не пытается вникнуть в действительное положение военнопленных в России, которое представляется ей райским житьем"...

Утверждение русской радиотелеграммы о том, что будто бы „военнопленных кормят отбросами и вредными для здоровья суррогатами", я должен назвать бесстыдной ложью, ибо если бы это утверждение было правильно, то смертность среди военнопленных должна была бы повы-

ситься, между тем, как в действительности она наоборот понизилась.

Смертность же в русских лагерях для военнопленных, как это явствует из приводимых в русских газетах цифровых данных, чрезвычайно велика. Таким цифровым данным смертности, какие приводятся русскими газетами по отношению к находящимся в России военнопленным, Германия с своей стороны ничего противупоставить не может. Но я мог бы по памяти еще дополнить сообщаемые с русской стороны цифровые данные, определяя число смертей в Тоцком лагере с его составом в 18.000 военнопленных—в 12.000, а число жертв одного единственного барака в Новониколаевске с населением в 1.100 человек—в 1.020. Эти цифры я мог бы доказать, но я сомневаюсь, чтобы русское правительство заинтересовалось их проверкой, так как ведь „вопрос о военнопленных“ в то время не существовал.

Относительно состояния здровья и условий питания каждый беспристрастный наблюдатель может составить себе ясное представление, если он сравнит инвалидов, провозимых через нейтральные страны из Засниц в Торнео, и инвалидов, провозимых в обратном направлении.

Люди, которых получают обратно Центральные государства, в большинстве случаев являются кандидатами смерти.

И неудивительно, что Центральные государства получают обратно только таких людей, ибо согласно приказу бывщего командующего Казанским округом Сандецкого русские врачи должны были из собственного кармана покрывать все расходы по перевозке предназначенного ими к обмену военнопленного в случае, если этот военнопленный не будет затем признан комиссией полным инвалидом.

Что дело с обменом инвалидов находилось в печальном положении и что безответственные лица в России относились к нему небрежно, это явствует и из обращенного к губернским комиссарам циркуляра Министерства Внутренних Дел от 12 июля 1917 г. за № 45, подписанного „за Министра Внутренних Дел Н. Авинов“.

Здесь, по меньшей мере, новое правительство признает свои непорядки, но несмотря на это оно всетаки не удосуживается, как следует, заполнять великодушно предоставляемые ему шведами поезда для инвалидов; более половины постелей в этих поездах остаются пустыми. Иногда поезд

при 288 постелях содержит только 30 инвалидов. Шведскому Красному Кресту порою приходилось даже совсем приостанавливать обмен, так как Россия вообще не поставляла никаких инвалидов.

В течение двух лет Центральные государства доставили на 10000 военнопленных больше, чем получили из России, и десятки тысяч в России ждут уже месяцы и годы возвращения на родину и умирают в чужой стране.

В течение одного из последних месяцев из 200 инвалидов одного поезда из Петрограда до Засниц умерло 20 человек;—это составляет 20 процентов. И после этого Петроградский Центральный Комитет по делам военнопленных осмеливается утверждать, что Германия „противозаконно задерживает инвалидов", и упрекает германское государство в „утонченном варварстве". Какая ирония. Это—сознательное, умышленное извращение истины. Здесь факты и цифры говорят сами за себя.

Утверждение, что будто бы Германия не дала ответа относительно „установления морского пути для перевозки туберкулезных", является фактически неверным. Германия о своем отношении к этому вопросу осведомила Россию через Шведский Красный Крест.

Я напоминаю, что это предложение было внесено Шведским Красным Крестом еще 2 года тому назад, но что оно даже старым русским правительством в лице его министра Сазонова было отклонено на том основании, что это правительство не хотело подвергать своих людей опасности от мин.

Очевидно новое правительство этому риску не придает уже значения.

Можно ли удивляться, что Германия отклонила это предложение по тем же основаниям, какие ранее были приведены Сазоновым.

Во всяком случае Германия при этом заботилась не только о своих гражданах, но также и о русских инвалидах.

Только при особой подозрительности можно относиться с недоверием к сообщениям нейтральных, которые при всем старании не могли констатировать в Германии желательных и нужных для России „зверств".

Почему русское правительство отклонило и не допустило проведение в жизнь предложения Шведского Красного Креста, по которому Смешанные Комиссии из ней-

тральных при участии представителей Центральных государств и России должны были сообща посетить лагери всех трех стран. Центральные государства так же как и нейтральные были готовы к немедленному осуществлению этого предложения. Только Россия убоялась допустить сравнение лагерей в присутствии нейтральных, ибо она хорошо знала, что такое сравнение выпадет в пользу Центральных государств.

На первой Стокгольмской конференции Красного Креста в 1915 году были заключены на бумаге взаимные соглашения относительно единообразного содержания и снабжения военнопленных и т. д. В Центральных государствах они за немногими исключениями давно уже были проведены в жизнь. В России же полное их осуществление остается невозможным до сегодняшнего дня.

Весьма характерным является тот факт, что Германии удалось в кратчайший срок посредством личных переговоров в нейтральной стране достигнуть с ее другими врагами соглашений в интересах военнопленных, но что по отношению к России оказалось невозможным склонить русских ответственных лиц к подобных же переговорам в нейтральной стране. Старое правительство в 1915 году восставало против этого предложения;—это было понятно при его отношении к вопросу о военнопленных. По отношению же к новому правительству, которое по его утверждению гуманно настроено, является весьма странным, что оно вновь внесенное ему предложение не принимает.

В этом случае Германия охотно готова подвергнуть подробному обсуждению все предложения. Опыт показывает, что при таких переговорах, если у обеих сторон существует доброе желание, легко достигается единение.

Заведующие делами военнопленных Англии и Франции путем свободных переговоров с заведующим делами военнопленных Германии достигли удовлетворящих обе стороны соглашений в обоюдных интересах их граждан. Там не говорилось о всеобщем мире, — борьба народов попрежнему продолжалась, — там надлежаще уполномоченные представители говорили лишь о военнопленных, об их мире, ибо с точки зрения Германии они являются уже не врагами, с которыми нужно бороться, а людьми, участь которых при сложившихся обстоятельствах должна быть возможно более облегчена.

Тяжелая ответственность за разжигание народных страстей такими сообщениями, которые содержатся в радиограмме от 17 августа, падает в России на тех лиц, которые наоборот призваны к тому, чтобы облегчать судьбу военнопленных.

Настанет время, когда всемирная история произнесет свой суровый приговор и ответет России, если она будет действовать в прежнем направлении, соответствующее место среди культурных народов мира".

Приведенная радиограмма прусского военного министерства представляет собой значительный интерес для выяснения взаимных претензий воевавших государств по поводу содержания военнопленных. Вместе с тем этот документ интересен также и в том отношении, что он наглядно показывает, насколько внимательно германское правительство следило за положением своих военнопленных в России и насколько детально оно было осведомлено о творившихся в России непорядках и об отношении прежнего русского правительства к вопросу о военнопленных. При таких условиях неудивительно, что положение русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии и Австро-Венгрии было сугубо беззащитным. Неудивительно, что им в порядке репрессалий приходилось тяжко расплачиваться за грехи русских властей по отношению к находившимся в России германским и австрийским пленным. Неудивительно, что судьба их, сравнительно с судьбой плененных французов и англичан, была неизмеримо более тяжелой за все три года войны.

Совершившийся под лозунгом немедленного прекращения войны октябрьский государственный переворот, казалось бы, должен был существенно изменить положение русских военнопленных. Истомленные многолетними испытаниями беспримерной мировой войны, изнуренные и обескровленные тяготами и опасностями фронтовой жизни и тяжелыми лишениями в тылу, массы трудящегося народонаселения России утратили всякое доверие ко Временному Правительству, не предпринимавшему никаких шагов к осуществлению решительной политики мира и в то же время оказавшемуся явно бессильным справиться с разрухой внутренней российской жизни, и перешли на сторону Советской власти, начертав на своих красных знаменах

слова: „мир и братство народов". Советское Правительство открыто заявило о своем намерении немедленно прекратить войну. Германия и Австрия заняли по отношению к России выжидательное положение. Военные действия на русском фронте фактически приостановились. В конце 1917 года начались предварительные мирные переговоры между представителями Центральных государств и представителями Советской России, и эти переговоры естественно в первую же очередь коснулись вопроса о военнопленных обеих сторон. Уже при заключении перемирия в Бресте принципиально было решено взаимно улучшить положение военнопленных и немедленно же приступить к взаимному размену цивильнопленными и инвалидами. Для установления плана этого размена и для разрешения конкретных вопросов об изменении положения военнопленных обеих сторон было созвано в Петрограде особое совещание представителей России и Центральных государств.

Петроградское Совещание состоялось во второй половине декабря 1917 года. Работы этого Совещания, на котором при обсуждении вопросов о военнопленных встретились представители противоположных политических воззрений, имеют значительный исторический интерес, но практически они очень мало отразились на изменении положения русских военнопленных. В результате этих работ были установлены подробные правила относительно обмена инвалидов и некоторых категорий цивильнопленных, а также относительно провоза багажа и денег возвращающимися из плена. Но самый основной вопрос об изменении положения военнопленных вызвал лишь очень интересные прения, подробно описанные в „записках—протоколах" члена русской делегации матроса Маслича [1]), однако, по существу остался совершенно неразрешенным. С русской стороны были выдвинуты весьма радикальные требования относительно отмены производительного характера работ военнопленных и относительно применения к этим работам правил о восьмичасовом рабочем дне. Но представители Германии и Австрии с этими требованиями не согласились, открыто заявив, что подневольный труд русских военнопленных является для Центральных государств существенно необходимым. По этому вопросу мы встречаем в протоколе Маслича следующие записи:

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив 1918 года, папка XI № 7.

„Австрийский полковник Штуц: Наша тенденция и стремление требовать от пленных труда, какой пленный способен производить. Пищи, конечно, недостаточно, и пленные страдают от войны столько же, сколько страдает и наше население. Нам интересно сохранять здоровье пленных, так как нам рабочая сила нужна".

„Германский представитель Францекель: Мы присоединяемся к редакции полковника фон-Штуц и говорим, что у нас вся промышленность обрабатывается трудом военнопленных, и если мы с вами согласимся, то вся промышленность прекратится, а этого вы от нас требовать не можете".

Этими официальными заявлениями представителей Австрии и Германии уже без всякой уклончивости констатируется тот факт, что русские военнопленные трактовались в Центральных государствах главным образом как рабочая сила. И так как рабочая сила была необходима Центральным государствам в течение всего времени их войны со странами Согласия, то положение русских военнопленных, несмотря на фактический выход России из войны, продолжало оставаться по-прежнему без существенных изменений.

---

3 марта 1918 года был подписан в гор. Брест-Литовске мирный трактат между Россией и Центральными государствами. Весть о мире глубоко взволновала все население лагерей военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Русские военнопленные стали готовиться к эвакуации на родину. Но их надеждам на скорое возвращение к родным очагам не суждено было осуществиться, так как даже заключением мирного договора вопрос о судьбе военнопленных радикально не был разрешен.

В основном мирном договоре между Россией и Центральными государствами, в статье VIII, заключалось лишь нижеследующее общее постановление о военнопленных: „Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину. Урегулирование связанных с этим вопросов будет предметом особых договоров, предусмотренных в ст. XII".

Статья XII предусматривала дополнительные договоры между Россией и каждым из Центральных государств в отдельности, причем эти договоры должны были составлять существенную часть основного мирного трактата и вступить в силу одновременно с ним.

В дополнительном договоре России с Германией вопросу о военнопленных была посвящена статья 17 главы V, заключавшая в себе нижеследующие постановления:

§ 1. „Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину, поскольку они не пожелают с согласия того государства, которое взяло их в плен, оставаться в его пределах или выехать в другую страну. Начавшийся обмен непригодными к военной службе военнопленными будет производиться наивозможно быстрее.

Обмен остальными военнопленными последует возможно скорее в определенные промежутки времени, подлежащие точному определению путем соглашения.

Россия допустит и будет по возможности поддерживать на своей территории германские комиссии, которым будет поручена забота о немецких военнопленных".

§ 4. „Тотчас после ратификации мирного договора имеет собраться в имеющем еще быть определенном месте комиссия, состоящая из четырех представителей от каждой из сторон для того, чтобы установить предусмотренные в абзаце 3-м § 1 промежутки времени, а также другие детали обмена, в особенности способ и порядок отправления на родину, и для того, чтобы наблюдать за осуществлением принятых соглашений".

В дополнительном договоре между Россией и Австро-Венгрией, в статье 6-й, заключались аналогичные постановления о военнопленных:

§ 1. „Военнопленные обеих сторон будут наивозможно скорее отпущены на родину, поскольку они не пожелают остаться в государстве, где находятся, или выехать в другую страну.

Начавшийся обмен раненых и больных военнопленных будет производиться наивозможно быстрее.

Россия допустит и будет по возможности поддерживать на своей территории австро-венгерские комиссии, которым будет поручена забота об австро-венгерских военнопленных".

§ 3. „Тотчас после подписания мирного договора имеет собраться, в имеющем еще быть определенном месте, комиссия, состоящая из представителей обеих сторон, чтобы установить детали обмена".

Эти постановления о военнопленных германского и австрийского договоров являются почти тождественными с тою лишь разницей, что в германской редакции в § 1

слова: „наивозможно скорее" оказались пропущенными. Опыт наших работ в Русско-Германской Смешанной Комиссии показал нам, что пропуск этих слов в германском договоре не являлся результатом простой случайности, так как при установлении деталей обмена германская сторона весьма определенно ставила вопрос о „наивозможно скором" возвращении военнопленных на родину в зависимости от заключения мира с Францией [1]).

В дополнительном договоре России с Турцией постановления о военнопленных были кратко сформулированы в статье XIII: „все военнопленные—инвалиды или негодные к военной службе—немедленно отпускаются на родину. Все остальные военнопленные, а также все лица, задержанные вследствие военных или общественных мероприятий, подлежат обмену возможно скорее.

Немедленно после ратификации этого договора обмен начнет производиться специальными комиссарами, назначенными обеими сторонами".

Почти тождественные постановления о военнопленных заключались и в дополнительном договоре России с Болгарией в статье 9-й: „все военнопленные—инвалиды или негодные к военной службе—немедленно отпускаются на родину. Все остальные военнопленные, а также все лица, задержанные вследствие военных или общественных мероприятий, подлежат обмену возможно скорее после ратификации этого договора. Обмен будет производиться специальной комиссией, образованной обеими сторонами.

Граждане не военные другой стороны будут сейчас же освобождены".

Вышеприведенные постановления о военнопленных Брестского мирного трактата и дополнительных к нему договоров в общих чертах соответствовали общепризнанным положениям Гаагской конвенции, но на практике оказались совершенно недостаточными для действительного разрешения вопроса о судьбе военнопленных, так как они заключали в себе лишь самые общие принципы, а конкретное установление сроков и порядка обмена военнопленных было предоставлено ими особым смешанным комиссиям, образованным из представителей заинтересованных стран. Такой способ разрешения вопроса о судьбе военнопленных мог бы быть признан правильным лишь в том

[1]) Протокол 10-го заседания Русско-Германской Смешанной Комиссии, Архив Центропленбежа, Научно-Историч. Комиссия, папка V № 10.

случае, если бы в самом мирном договоре заключались определенные гарантии действительно скорого обмена военнопленных, или если бы этим договором предусматривался какой либо конкретный способ нейтрального разрешения возможных споров в случае недостижения соглашений между заинтересованными сторонами. Но таких гарантий и способов разрешения конфликтов Брестский договор не предусматривал, и вследствие этого вопрос о судьбе военнопленных оказался поставленным всецело в зависимость от успешности работ смешанных комиссий, где интересы сторон далеко не всегда совпадали, и где одна сторона имела за собой превосходство реальной силы, а другая сторона была вынуждена занять позицию пассивного сопротивления.

Работы Русско-Германской Смешанной Комиссии, в которых мне, как представителю Московского Комитета, являвшегося главным краснокрестным учреждением помощи военнопленным, в течение всего времени войны, пришлось принять весьма близкое участие, начались в апреле 1918 года и продолжались в течение нескольких месяцев. Всего до перерыва сношений с Германией состоялось 28 пленарных заседаний комиссии и несколько заседаний подкомиссий с участием экспертов обеих сторон. Совместно с германской делегацией в заседаниях Комиссии участвовали делегаты Турецкого правительства и представитель Турецкого Красного Полумесяца. Болгария в переговорах Смешанной Комиссии совсем не участвовала. Приезд австрийской делегации задержался вследствие того, что Брестский мирный договор в течение продолжительного времени не был ратифицирован в Австрии. Австрийские делегаты приехали в Москву лишь в середине лета 1918 года, и для переговоров с ними была образована особая Русско-Австрийская Смешанная Комиссия.

В заседаниях Русско-Германской Смешанной Комиссии с самого начала ее функционирования шла упорная борьба между русской делегацией и представительством Германии и Турции по вопросам обмена и эвакуации военнопленных. Русская делегация, основываясь на общепризнанных положениях международных конвенций, настаивала на эвакуации военнопленных в максимальных размерах в зависимости от наличных транспортных ресурсов обеих сторон.

Германская делегация с своей стороны выдвигала принцип равномерности обмена военнопленных обеих сторон, обещая увеличивать отпуск русских военнопленных „по мере возможности" и соглашаясь на предоставление максимальных транспортных средств лишь после заключения общего мира. Принцип равномерности обмена надолго затягивал возврат русских военнопленных на родину, так как их число более чем в десять раз превышало число находившихся в России германских пленных, провоз которых из Сибири при условиях русской революционной жизни был сопряжен с большими затруднениями и большой затратой времени. В виду этого русская делегация не могла согласиться на германское предложение. Переговоры затягивались и затем неожиданно для русской делегации завершились заключенным уже непосредственно русским представительством в Берлине специальным соглашением с германским правительством от 24 июня 1918 года. По Берлинскому протоколу в основу обмена военнопленных полагался принцип: „голова за голову и чин за чин". Такая легализация принципа равномерности в его наиболее резкой форме должна была неблагоприятно отразиться на судьбе русских военнопленных, так как она давала германскому правительству возможность задерживать возвращение русских военнопленных до получения последних партий германских пленных, которых между тем собрать из отдаленных углов Сибири при начавшейся гражданской войне было крайне трудно. Русские делегаты Смешанной Комиссии подали в коллективную отставку, но их отставка не была принята Советом Народных Комиссаров, и им было предложено продолжать выполнение их обязанностей. Однако работы Русско-Германской Смешанной Комиссии не могли возобновиться вследствие от'езда германской делегации в Псков после убийства графа Мирбаха.

Работы Русско-Германской Смешанной Комиссии, касавшиеся изменения условий содержания русских военнопленных, оставшихся в лагерях и на работах в Германии, привели лишь к некоторым частичным облегчениям участи военнопленных. Так, в результате настояний русской делегации германскими властями были изданы приказы относительно более удобного распределения русских военнопленных по лагерям, увеличения числа групповых прогулок вне лагерей, выдачи отпусков военнопленным в свободное от работ время, увеличения числа получаемых

и отправляемых писем, разрешения переписки с родственниками в других лагерях Германии, более мягкого осуждения при преступлениях, назначения более кратковременных и более мягких наказаний, разрешения письменных и непосредственных сношений с органами русского посольства в Берлине и т. п. (приказы от 27 мая и 4 июня 1918 г.[1]). Но самый существенный вопрос об освобождении русских военнопленных от рабских условий труда и о приравнении их к свободным рабочим остался неразрешенным, так как все касавшиеся этого вопроса попытки русской делегации были аннулированы Берлинским протоколом 24 июня, согласно которому русские военнопленные не только по отношению к условиям содержания, но и по отношению к работам были приравнены к солдатам германской армии, что фактически оставляло русских военнопленных в прежнем подневольном положении.

Работы Русско-Австрийской Смешанной Комиссии начались лишь в середине лета 1918 года и продолжались около месяца. Здесь принципиальных разногласий между обоими делегациями не возникало, так как числа русских военнопленных в Австрии и австрийских военнопленных в России определялись приблизительно одинаковыми цифрами, и следовательно интересы обеих сторон относительно скорейшего размена военнопленными почти совпадали. В результате работ Русско-Австрийской Смешанной Комиссии был установлен детальный план перевозки военнопленных из Австрии и из России. Но фактическое осуществление этого плана оказалось сопряженным с непродолимыми затруднениями вследствие постоянно возникавших осложнений в Украине и в Польше. Военнопленных приходилось провозить через Германию, которая отказывалась предоставлять свои поезда. Да и в самой Австрии наладить транспорт военнопленных было крайне трудно, так как летом 1918 года австрийская империя уже находилась накануне своего развала.

Турецкая делегация в Русско-Германской Смешанной Комиссии из'явила готовность на немедленный размен всеми наличными военнопленными. Но непосредственная перевозка

[1]) Военно-Ученый Архив, Специальный Архив Московского Комитета, 1918 г., папка XI № 20.

военнопленных из Турции и обратно летом 1918 года оказалась совершенно невозможной вследствие событий гражданской войны на юге России. Поднятый нами вопрос о перевозке русских военнопленных из Турции через Германию был отклонен на том основании, что самой турецкой делегации пришлось затратить около месяца времени, чтобы проехать из Константинополя в Берлин. Фактически вопрос о транспорте военнопленных из Турции остался неразрешенным.

Так же остался неразрешенным и вопрос об эвакуации русских военнопленных из Болгарии. Болгарская делегация в работах смешанных комиссий совсем не участвовала, а болгарский дипломатический представитель приехал в Москву лишь незадолго до окончательного разрыва сношений Советской России с Западной Европой.

При изложенных условиях положение русских военнопленных в Центральных государствах и после заключения Брестского мира продолжало оставаться крайне тяжелым. Когда в середине лета 1918 года стали прибывать в Россию первые партии эвакуированных туберкулезных и увечных военнопленных, они принесли с собой потрясающие рассказы о вопиющей нужде, царившей в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Советское Правительство, признававшее за делом военнопленных громадное государственное значение, предписало специальному органу—Центральной Коллегии о пленных и беженцах—принять самые энергичные меры к возможному облегчению участи военнопленных. Центральная Коллегия, снабженная широкими полномочиями и располагавшая значительными государственными средствами, проявила весьма интенсивную деятельность. Она организовала сеть местных учреждений, урегулировала в пределах фактической возможности транспорт военнопленных, устроила питательные пункты в местах их следования и взяла на себя заботу по приему и размещению возвращавшихся военнопленных. Но материальная помощь остававшимся в Центральных государствах военнопленным из России была в это время уже невозможна, так как тяжкие испытания трехлетней войны и невзгоды непрерывно продолжавшихся внутренних волнений исчерпали все экономические ресурсы страны и в дело транспорта и снабжения внесли величайшее расстройство. Советское Правительство было озабочено организацией помощи русским военнопленным непосредственно на территории Германии и Австрии.

Но и это дело было сопряжено с большими осложнениями. По Брестскому мирному трактату и дополнительным к нему договорам Германии и Австрии было предоставлено право иметь свои комиссии попечения о военнопленных на территории России. О праве России иметь такие же комиссии в Германии и Австрии в договорах упомянуто не было. Русская делегация в Смешанных Комиссиях, основываясь на началах взаимности, возбудила вопрос и о допущении русских комиссий попечения в Центральные государства. После продолжительных пререканий вопрос этот был разрешен в положительном смысле, и к концу лета 1918 года русские комиссии попечения получили возможность осуществлять свою деятельность на территории Германии и Австрии. Ими были приняты меры к широкой постановке дела помощи военнопленным. Их представителями был совершен об'езд лагерей и рабочих команд, делались закупки припасов для военнопленных, предпринимались шаги к получению продовольственной помощи из нейтральных стран, во всех лагерных округах организовывалась юридическая защита интересов военнопленных Но вспыхнувшая одновременно с началом всеобщих мирных переговоров революция в Германии и Австрии неожиданно положила предел деятельности русских комиссий попечения. Все деятели этих комиссий и даже представитель краснокрестных учреждений помощи военнопленным были арестованы германскими и австрийскими властями и были высланы на родину, куда им пришлось возвращаться вместе с первыми волнами стихийно двинувшихся из лагерей Германии и Австрии русских военнопленных.

Стихийное движение русских пленных продолжалось в течение около двух месяцев. Центральная Коллегия и ее учреждения напрягали все усилия, чтобы преодолеть громадные транспортные затруднения и перевести массы русских военнопленных, стекавшихся к демаркационной линии. Им удалось до некоторой степени справиться с этой задачей и перевести внутрь России большую часть русских военнопленных из Германии и Австрии. Но возникшие в начале 1919 года военные осложнения в западных русских областях прекратили дальнейшую эвакуацию военнопленных и вызвали полный перерыв сношений Советской России с Западной Европой. Оставшиеся в Германии и Австрии сотни тысяч русских военнопленных оказались совершенно отрезанными от своей родины. Забота о них перешла к

государствам Согласия и их краснокрестным организациям. Помощь им со стороны России совсем прекратилась.

Судьба оставшихся русских военнопленных является особенно трагичной. Россия раньше всех других воевавших стран вышла из состояния мировой войны. Когда был заключен Брестский мир, все русские военнопленные мысленно устремились на родину. Они с нетерпением стали ждать дня и часа, когда им придется вернуться в свои родные города и села, к своим семьям, делам и хозяйствам. Но их надеждам не суждено было осуществиться. Их ждали все новые и новые разочарования. Наконец, случилось так, что все их французские, английские и бельгийские товарищи покинули лагери военнопленных, а они по-прежнему остались в чужой стране.

Один из освобожденных по моему представлению военнопленных в письме на мое имя так описывет душевное состояние русских пленных за последние месяцы их пребывания в плену: „Каждый военнопленный живет надеждой на свое освобождение, на возвращение к дорогим близким, на свою многострадальную родину. Он старается использовать обилие свободного времени, старается пополнить свое образование, обдумывает прошлое, строит планы на будущее, заботится о том, чтобы впоследствии стать полезным работником семье, обществу и государству. Шли долгие, томительные дни плена, и вот, казалось, настал час освобождения—мир заключен, прежние враги должны стать друзьями, едут на родину первые обмениваемые пленные. Каждый посылает с ними весточку домой о том, что скоро придет и его очередь. Но нет—этому не суждено быть. Новые осложнения, новые недоразумения, обмен приостанавливается. Уныние и отчаяние сковывает душу военнопленного. Луч надежды на освобождение меркнет. Сколько надо усилий воли, борьбы над самим собой, чтобы не дать этой надежде угаснуть совершенно. Ведь тогда бы нечем было жить пленному, тогда смерть".

В таком состоянии колебания между страхом и надеждой остались в Германии и Австрии после заключения всеобщего мира около 600.000 русских военнопленных[1]).

Заканчивая общий обзор особенностей военного плена в условиях мировой войны, я позволю себе вкратце сфор-

[1]) Подсчет Справочно-Статистического Отдела на 1 сентября 1919 г.; архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, папка III № 5.

мулировать здесь нижеследующие общие выводы, вытекающие из вышеприведенных данных:

1) Особенности великой мировой войны, в которой принимали участие все великие державы мира при полном напряжении их народных сил, при всестороннем использовании их государственных рессурсов, при широком применении к делу борьбы мер экономического измора и при необычайном под'еме националистических чувств,—несомненно отразились на положении военнопленных всех воевавших стран.

2) Установившееся за последние сто лет в теории и в практике международного права общее понятие военного плена за время минувшей войны было значительно расширено и распространено не только на законных комбаттантов, участвовавших в вооруженной борьбе сторон, но фактически на всех оказавшихся во власти государств пленения подданных враждебной стороны, свободная деятельность которых признавалась опасной с точки зрения военных задач.

3) Общепризнанный ранее взгляд на военнопленных, как на обезоруженных воинов-профессионалов, имеющих право на содержание в условиях быта военнослужащих государств пленения, подвергся существенным изменениям, так как военнопленные за время минувшей войны повсеместно трактовались в первую очередь как подневольная рабочая сила, имевшая при затяжном характере войны громадное значение для всех воевавших стран.

4) На условиях содержания военнопленных отражались не только экономические последствия затяжной войны, но и проявления того морального одичания, которое захватило все классы общества воевавших стран.

5) В связи с общим игнорированием всеми воевавшими государствами ранее заключенных международных соглашений, международные конвенции о военнопленных не соблюдались и заменялись специальными соглашениями, заключавшимися воевавшими странами уже во время войны.

6) Особенности мировой войны, резко нарушившей все прежние формы интернационального общения народов, существенно влияли на организацию сношений по делам военнопленных и на осуществление дела помощи им с родины и из нейтральных стран.

7) Для дела помощи военнопленным огромное значение за время минувшей войны имела деятельность краснокрест-

ных и нейтральных организаций, но отсутствие действительных гарантий международноправовых норм ставило эту деятельность в зависимость от произвола отдельных воевавших государств.

8) Международное правотворчество военного времени по делам военнопленных приводило к учреждению особых внегосударственных органов контроля над соблюдением заключавшихся соглашений, но при отсутствии международноправовых гарантий деятельность этих органов не имела существенного значения.

9) Положение русских военнопленных в Центральных государствах за все время войны было значительно более тяжелым, чем положение военнопленных других воевавших стран Согласия.

10) Массы русских военнопленных по преимуществу эвакуировались Центральными государствами для тяжелых физических работ в тылу и на фронтах.

11) Беззащитность положения русских военнопленных в лагерях Германии и Австрии в значительной мере зависела от пассивного отношения к их интересам со стороны русского правительства в первые годы войны.

12) Дело помощи русским военнопленным с родины не могло быть правильно поставлено, так как русское правительство в отличие от правительств других воевавших стран относилось к этому делу отрицательно в течение первых лет войны и стесняло деятельность общественных организаций.

13) Тяжелое положение русских военнопленных усугублялось теми репрессалиями, которые предпринимались Центральными государствами по поводу имевших место в России непорядков по отношению к германским и австрийским пленным.

14) После государственного переворота отношение русского правительства к делу помощи военнопленным изменилось, но осуществление этого дела оказалось сопряженным с непреодолимыми затруднениями, обусловленными результатами войны и внутренних волнений.

15) Положение русских военнопленных не изменилось и после заключения Брестского мира, так как условия мирного трактата не гарантировали скорого возвращения военнопленных на родину и фактически оставляли за Центральными государствами возможность пользоваться военнопленными, как рабочей силой.

16) Принятые Советским правительством меры к облегчению участи русских военнопленных не могли быть осуществлены вследствие перерыва сношений Советской России с Западной Европой.

17) Германская революция обусловила стихийное движение русских военнопленных на родину, но последовавшие за тем военные осложнения в западных русских областях снова задержали часть русских военнопленных в Центральных государствах, где они были вынуждены оставаться и после заключения всеобщего мира.

Вышеприведенные данные необходимо иметь в виду для учтения действительного положения русских военнопленных в той исключительной обстановке, которая была создана мировой войной и бурными событиями в ходе внутренней государственной жизни России. Дальнейшие части настоящего труда будут посвящены более детальной обрисовке положения русских военнопленных в Центральных государствах и отношения к ним со стороны русского государства и общества за отдельные периоды минувшей мировой войны.

ЧАСТЬ II.

Исторический обзор положения русских пленных в центральных государствах.

Первый период—от начала войны до Стокгольмской конференции 1915 года.

Характерной особенностью истории военного плена минувшей мировой войны по отношению к России является тот факт, что в начале войны и русское правительство, и русское общество оказались совершенно неподготовленными к практическому разрешению вопроса о военнопленных соответственно его действительному государственному и общественному значению.

Когда началась война, сопровождавшаяся в России, как и повсеместно в других воевавших странах, необычайным подъемом патриотических чувств, все слои русского общества приняли в ней живое участие. При этом главное внимание со стороны русского общества было направлено на медико-санитарные нужды войны. Органы земского и городского самоуправления немедленно образовали Земский и Городской Союзы и приступили к созданию сети учреждений, имевших своей задачей облегчение участи больных и раненых воинов. Многочисленные общественные организации, торговые фирмы и частные кружки стали устраивать госпитали и лазареты. Повсеместно в городах России, и в первую очередь в ее столицах, на многих общественных, школьных и частных зданиях появились флаги с эмблемой Красного Креста. Городские дамы и девицы спешно сшили себе костюмы сестер милосердия и начали готовиться к уходу за ранеными. Во многих семьях заки-

шла работа по шитью белья и заготовке предметов оборудования для лазаретов.

Так готовилось русское общество к делу облегчения участи жертв войны. Но при этом никто не думал, что среди жертв великой мировой войны наряду с миллионами раненых окажутся и миллионы военнопленных, нуждающихся в заботе и попечении со стороны родины.

По постановлениям Гаагской конвенции, подписанной всеми цивилизованными государствами мира, все воевавшие страны в самом начале войны должны были учредить справочные бюро и особые организации для попечения о военнопленных. Такие организации действительно в самом начале войны появились не только во всех западно-европейских воевавших государствах, но и во многих нейтральных странах, и в первую очередь в Швейцарии, где Женевский Интернациональный Комитет Красного Креста немедленно же принял энергичные меры к развитию деятельности образованной при нем „интернациональной комиссии по делам военнопленных". Только у нас в России никаких общегосударственных мер в этом направлении предпринято не было. Лишь на четвертый месяц войны в среде русского общества проявились первые попытки приступить к делу заботы о военнопленных кустарным способом.

В первую очередь русскому обществу пришлось позаботиться о судьбе русских граждан, оказавшихся заграницей в момент об'явления войны и устремившихся на родину в первые дни и недели войны. Положение этих граждан в условиях всеобщей сумятицы было критическим, и русским общественным организациям пришлось спешно придти им на помощь. Инициативу в этом деле взяло на себя московское городское общественное управление, которое в первые же дни войны организовало комитет помощи застигнутым войной заграницей и приняло меры к облегчению им проезда в Россию. Значительная часть „застигнутых" не смогла во-время вернуться на родину и застряла в Центральных государствах и в нейтральных странах. Московскому Комитету и возникшим в нейтральных странах местным комитетам пришлось взять на себя заботу об этих людях, оказавшихся частью уже в положении цивильнопленных, и помочь им установить письменные сношения с их родными и близкими в России. Таким образом начали осуществляться первые акты помощи цивильно-пленным из России. Осенью 1914 года, когда после гибели Самсонов-

ской армии в Германии оказалось уже много десятков тысяч русских военнопленных, в Москву впервые стали поступать единичные обращения от русских военнопленных, которые не могли найти прямого способа сношений с родиной и обратились к содействию находившихся в Германии цивильно-пленных, успевших к этому времени добиться переписки с своими родными при посредстве агентур Московского Комитета и аналогичных организаций в нейтральных странах. С течением времени в Московский Комитет стали поступать обращения по конкретным делам отдельных военнопленных от местных комитетов из Копенгагена, Роттердама и Мастрихта (Голландия), из Женевы, Берна, Цюриха и Лозанны, из Монпелье, Ниццы и Гренобля и из Сан-Себастьяно (Испания). Тогда Московский Комитет помощи застигнутым войной заграницей счел необходимым расширить свои функции, вошел с соответствующим представлением в Московскую Городскую Думу и взял на себя осуществление первоначальных видов родственной помощи русским военнопленным в Центральных государствах.

Такими окольными путями при напоминаниях со стороны маленьких заграничных организаций русское общество начало приходить к сознанию необходимости заботы о судьбе плененных граждан России. Русское правительство отнеслось к этому вопросу с еще большей пассивностью. В течение первого полугода войны никаких признаков государственной заботливости об участи русских военнопленных ни в чем не замечалось. Лишь настойчивые представления германских краснокрестных учреждений, требовавших упорядочения дела регистрации находившихся в России германских пленных и указывавших на возможность применения репрессалий к русским военнопленным в Германии, побудили русское правительство и русское общество Красного Креста до некоторой степени упорядочить деятельность Центрального Справочного Бюро и принять необходимые меры к организации сношений по делам военнопленных.

Такое своеобразное отношение русского правительства и русского общества к вопросу о военнопленных с самого же начала войны отразилось на положении русских пленных в Центральных государствах.

ГЛАВА V.

Положение русских граждан, застигнутых войной заграницей.

Вспыхнувшая в самый разгар летнего сезона 1914 года европейская война застигла в западно-европейских странах многие сотни тысяч русских граждан, приехавших туда для летних заработков, для учебных занятий, для отдыха или для лечения на курортах. В момент об'явления мобилизации в Германии и в Австрии массы находившихся там русских хлынули на родину и в условиях военной сумятицы оказались в критическом положении. Нормальное пассажирское движение на всех железных дорогах в самый момент об'явления мобилизации было нарушено; банки приостановили выдачу и размен иностранных денег; внезапно надвинувшаяся опасность взволновала все слои германского и австрийского народонаселения и вызвала возбуждение против врагов, в положении которых оказались и русские путешественники; проводившаяся в необычайно широких размерах спешная мобилизация резко изменила весь ход нормальной жизни европейских стран и всюду внесла тревоги, спешку, хлопоты и волнения. В таких условиях пришлось возвращаться на родину русским путешественникам, и неудивительно, что при этом возвращении им пришлось перенести не мало мытарств, обид, стеснений и тяжелых физических и моральных переживаний.

Всем памятны многочисленные рассказы о проявленных по отношению к русским путешественникам „немецких зверствах". В начале войны, в течение продолжительного времени столбцы всех русских газет и многих журналов были заполнены описаниями этих зверств. И в прессе, и в общественных собраниях эта тема широко была использована для под'ема антинемецких чувств. И даже годы спустя ссылками на эти немецкие зверства по отношению к русским путешественникам некоторые газеты во главе с „Русским Словом" оправдывали те эксцессы германофобства, которые проявились в происходивших во многих русских городах и местечках погромах и избиениях лиц с иностранными фамилиями.

Но справедливость требует отметить, что об'ективные данные, заключавшиеся в делопроизводстве Московского Городского Комитета, который в начале войны был главной организацией помощи застигнутым войной заграницей, и который принимал все зависевшие от него меры для всестороннего выяснения действительного положения русских граждан в Германии и в Австрии и в пути их следования на родину,—эти данные рисуют несколько иную картину, во многом отличающуюся от созданных газетами представлений о положении русских, застигнутых войной в Центральных государствах.

В обширных материалах, заключающихся в делах и в переписке Московского Комитета за вторую половину 1914 года и за весь 1915 год [1]), мы не встречаем никаких определенных указаний на какие-либо специфические немецкие зверства по отношению к русским гражданам, оказавшимся в Центральных государствах в момент об'явления войны. В собранных Московским Комитетом показаниях вернувшихся русских граждан имеются жалобы на перенесенные ими в пути мытарства, но в общем эти мытарства об'ясняются не чьей-либо злой волей, а теми условиями предвоенного напряжения, в которых оказались все захваченные войной европейские страны. Во многих случаях русским путешественникам приходилось сталкиваться с проявлениями грубости и недоброжелательства со стороны отдельных германских офицеров, железнодорожных служащих и частных лиц; но в большинстве показаний отмечается, что в общем отношение германских должностных лиц было корректное, и что со стороны некоторых элементов местного населения русским путешественникам нередко приходилось встречать активное сочувствие и поддержку.

В настоящем обзоре я позволю себе привести для примера некоторые наиболее типичные показания опрошенных Московским Комитетом лиц, вернувшихся из-заграницы в самом начале войны.

Первый из опрошенных Московским Комитетом 12 октября 1914 года студент Гейдельбергского университета Я. М. Альпер дал следующее показание:

„В Гейдельберге жил три года.—Был задержан в качестве русского подданного,—освобожден по договору, заключенному между Россией и Германией о высылке неспособ-

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив Московского Комитета, 1914 и 1915 года папки №№ 1—37.

ных к военной службе, на основании свидетельства известного Гейдельбергского профессора о чрезвычайной близорукости, 23 сентября 1914 г. Содержались в Донауэшингене (Баден) в 6-ти часах от Гейдельберга, куда были отправлены дней через пять после об'явления войны.

Первые дни.

Озлобление публики; хозяйки отказывали жильцам; но были случаи и сердечного отношения—возвращали деньги, заплаченные за квартиру, на дорогу и т. д.

Отношение военных после ареста—самое корректное;—помещение грязное.

Режим заключения.

Первое время спали на соломе, не раздеваясь, кормили плохо. Затем дали койки на сорок человек в казарменном бараке. Выдали по три одеяла, белье, полотенца меняли каждый день, воздух хороший.

Большой двор, куда без особого разрешения не пускали.

Приехал американский консул, установивший совместные прогулки.

Пища—солдатский паек,—кофе без сахара, обед сносный. Баня каждую неделю.

Путь возвращения.

Через Берлин Сасниц (порт) Треллеберг.—Выдали свидетельство, по которому ехали до Мангейма. Там образовали партию и повезли в Берлин. В Берлине встретил нас представитель Еврейского Вспомогательного Общества и дал билеты до Кефле (Швеция). В Кефле встретил русский консул и дал неимущим билеты до Раумо, в Раумо неимущим выдали билеты до Петрограда. Инициатива перевозки через Германию принадлежит Еврейскому Вспомогательному Обществу, которое в Берлине многих освобождало из заключения и содержало на свои средства [1]).

Интересным является нижеследующее показание опрошенного 20 января 1915 года гражданина Комарихина, рисующее те условия, в которых при возвращении на родину

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив Московск. К-та, 1915 г., папка V—1 № 1.

находились неимущие русские граждане, вынужденные проживать и переезжать на казенные средства:

„Павел Алексеевич Комарихин. Выехал в Германию—Бреславль 15/28 июля 1914 г., поступил для лечения в клинику „Aller Heiligen" (Клиника всех Святых), по-немецки понимаю, но говорю не вполне свободно. Было заплачено за некоторое время вперед. В клинике пролежал 43 дня, затем, поправившись, выписался, был направлен, как не имеющий средств в Armenhaus (дом для бедных), вновь заболел и через 10 дней был снова принят в клинику, где пробыл месяц, затем был вновь направлен в дом для бедных, где пробыл до 22 ноября—5 декабря.

В клинике пользовался уходом наравне с остальными больными, доктор был внимателен, вообще на обращение ни в чем пожаловаться не могу. Испытывал только первое время некоторые затруднения из-за недостаточного знакомства с немецким языком.

В доме для бедных—инспектор и служащие относились хорошо, пища и работа наравне с остальными содержавшимися в доме, причем формально инспектор меня от работы освободил, но младшие служащие все же заставляли работать.

Пища (утром $^1/_2$ литра кофе без сахара, 12 ч. обед—суп, в 4 ч. $^1/_2$ литра кофе и в 7 ч. ужин—суп) была бы удовлетворительна, если бы не недостаток хлеба, которого выдавали 3 булочки утром, не хватало, приходилось прикупать.

Чистота в помещениях полная, кровати хорошие, белье менялось еженедельно, выдавалось носильное белье, еженедельно чистый носовой и шейный платок, сапоги, платье.

Но весьма строгая дисциплина, и, конечно, влияние приниженного положения всех вообще в Armenhaus.

Отношение находившихся в Armenhaus бедных — самое дурное—брань, толчки, так возможность оставаться создавалась только заступничеством старшего в комнате—поляка.

5 декабря нового стиля, по об'явлении запрещения пребывания иностранцев в районе крепости, был выслан этапным порядком в Нейссе. Обращение в дороге отличное. Маленьких детей, следовавших с транспортом, какая то добрая душа угощала конфетами.

В Нейссе поместили в театральном зале. Пища была лучше. Помещение хуже, т. е. не было кроватей—дали по матрацу и по два одеяла. Обращение со стороны заведую-

щего — вахмистра — вполне корректное. Пробыл там до 18 января нового стиля. В помещении было очень холодно, бегали крысы, несмотря на то, что магистрат получал на каждого взрослого 90 пфеннигов и на каждого ребенка 75.

Еще в Бреславле, по указанию Испанского консула, было подано прошение Испанскому посольству в Берлине, оттуда уже в Нейссе пришло 100 марок. Консул же выхлопотал разрешение выехать и дал на дорогу до Копенгагена 35 марок. Дорогой все обстояло благополучно. В Копенгагене Пьянков дал помещение и стол у себя, в квартире, выдал фуфайку, шарф и термос и выдал 70 крон на билет и дорогу до Карунги. Дал письмо к Вербицкому в Карунге. Он отнесся к просьбе Пьянкова о внимании ко мне иронически, сказал, что все пойдет обычным порядком, т. е. он получит шубу, санки и завтрак. Однако, завтрак и шубу я не получил, а за санки, в которые я сел по указанию Вербицкого, с меня взяли в Торнео 6 крон. Тон Вербицкого был далеко не внимательный.

В Торнео по указанию жандарма пошел в Пожарный Дом, где устроено помещение для приезжающих русских.

В помещении спали в повалку, на общей подстилке, еды не дали, купил за свой счет, словом, много хуже, чем в Бреславле и даже в Нейссе.

Утром в 7 ч. уехал в Петроград, купив билет за свой счет.

В Петрограде на вокзале был встречен служащим Городской Управы и направлен по трамваю (бесплатно) в Особое Присутствие по надзору и призрению нищих, где пробыл три дня.

Первую ночь спать не пришлось за недостатком места в доме на улице Заречные Пряжки.

Помещение чрезвычайно плохое и грязное, много хуже, чем в Бреславле, Нейссе и даже Торнео, где было все же просторнее и чище. Пища обильнее, чем в Германии, но не так чисто подается — миски, чашки и ложки видимо никогда не моются. Мало сахару дают.

„Случаются кражи. Вообще, обстановка очень тяжелая". [1])

В описанных условиях приходилось возвращаться на родину большинству русских граждан. Трудность положения этих граждан усугублялась тем, что русские дипломатические представители заграницей, привыкшие к условиям спокойной комфортабельной жизни, во многих

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив Московского К-та, 1915 г., папка V—I № 5.

случаях оказались совершенно неспособными проявить инициативу и энергию для облегчения участи их соотечественников при созданных надвинувшейся войной исключительных обстоятельствах. В заседании подкомиссии Московской Городской Думы 17 сентября 1914 года, (с. ст.) при обсуждении вопросов об организации помощи возвращающимся из-заграницы русским подданным, вернувшийся из-заграницы гласный Думы Тесленко заявил, что „наши дипломатические представители заграницей не только не оказывали помощи русским подданным, но даже скрывались от них, когда те пытались получить от них справку или совет, не говоря уже о более существенной помощи. Русские консулы даже не всегда понимают русский язык, как например консул в Мальмэ [1]). Это подтверждается и адресованным Московскому Комитету письмом Харьковской жительницы Миклашевской от сентября 1914 года [2]). В этом письме сообщается, что застигнутая войной в Швейцарии Миклашевская по поводу получения пересланных ей через консульство денег обращалась к русскому консулу в Берне, но ответа добиться не могла; тогда она обратилась к посредничеству испанского консула, и тот сообщил ей, что „русский консул не разрешает разговаривать по телефону и не отвечает даже и ему, испанскому консулу".

Русские путешественники были предоставлены своим собственным средствам и силам. В первые дни мобилизации они устремились на родину обычным путем через Берлин. Но проехать в Россию через восточную границу удалось лишь немногим счастливцам в самые первые моменты мобилизации. Затем восточная граница был закрыта; и скопившимся в Берлине русским гражданам пришлось направляться на север в Скандинавские страны.

В Берлине весьма деятельную помощь русским гражданам оказывало Еврейское Вспомогательное Общество, которое не только облегчало выезд отдельным неимущим лицам, но и организовывало отправку целых групп русских путешественников. Так, например, ему удалось достать даже отдельные вагоны для русских учителей и учительниц. Энергичную поддержку русским гражданам оказывали и некоторые общественные деятели Берлина, в особенности

---

[1]) Журнал заседания подкомиссии Московской Городской Думы от 17 сентября 1914 года, Спец. Архив Московского К-та, папка 1—1—а' № 1.

[2]) Тот же Архив, папка 1—1—а' № 22.

гласный Берлинской Думы д-р Натан и член рейхстага д-р Бернгардт Кан.

О деятельности д-ра Бернгардта Кана, направленной на оказание помощи задержанным в Берлине русским, вернувшийся из-заграницы проф. Н. И. Кареев сообщил Московскому Комитету, который в заседании 7 ноября 1914 года (с. ст.) постановил обратиться к д-ру Кану с просьбой оказать содействие Комитету в выполнении его задач по осуществлению помощи русским в Германии и в Австрии. В ответ на письмо Московского Комитета от 12 ноября 1914 г. д-р Кан письмом от 12 января 1915 г. сообщил, что он охотно принимает на себя сотрудничество Комитету и просит пользоваться его услугами во всех нужных случаях [1]). Позволю себе отметить здесь, что д-р Бернгардт Кан действительно оказал делу помощи русским пленным много ценных услуг. Он не только в течение всех лет войны отзывчиво помогал русским пленным во всех случаях обращения к нему, но и в ликвидационной период войны, когда мы были совершенно отрезаны от общения с Турцией, где находилось несколько десятков тысяч русских военнопленных, он по своей инициативе взял на себя задачу по обследованию положения русских пленных в Турции и сделал представление русскому посольству в Берлине относительно организации помощи этим военнопленным при содействии местных нейтральных учреждений. Такое отзывчивое отношение к нуждам русских пленных со стороны германского общественного деятеля, не связанного с нами никакой общностью национальных интересов и руководившегося исключительно гуманитарными задачами, представляло собой одно из редких светлых явлений на мрачном фоне того шовинистического отчуждения, которое разобщало все нации Европы в тяжелые годы войны.

Из Берлина потоки застигнутых войной русских граждан направлялись в Сасниц и оттуда в северные нейтральные страны. По подсчету агента Московского Комитета в Копенгагене Л. К. Пьянкова в первый же месяц войны скопилось в Скандинавских странах свыше двухсот тысяч русских граждан, частью путешественников, но главным образом русских рабочих, находившихся на заработках в Центральных государствах. Положение их, по сообщению Пьянкова, было крайне бедственным. Они лишились всего

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив Московск. К-та, 1915 г. папка VIII—I, № 10.

багажа и не имели денег. Правительство нашло возможным ограничиться только выдачею нуждающимся на весь путь следования (около 10 дней) до Петрограда 2 датских или шведских крон на продовольствие и соответствующую сумму на билет III класса жел. дороги и палубный билет на пароходе. Забота об остальном всецело была предоставлена сердобольным датчанам и шведам, которые за свой счет и кормили, и лечили, и всячески благодетельствовали русским подданным. Датчане даже собрали для них из своих скромных средств — 40.000 крон, каковые в первые дни были розданы проезжающим. Большинстве этих путешественников составляли больные люди, женщины и дети. Переезд их в тонких летних костюмах на открытой палубе в холодную осеннюю пору был сопряжен с опасностью для здоровья и жизни [1]).

Из Дании возвращавшиеся русские граждане направлялись в Швецию, где первоначальную помощь им оказывал „Русский Комитет", образовавшийся в первые дни войны при русской дипломатической миссии в Стокгольме. Те условия, в которых совершался переезд русских граждан через Швецию, характеризуются нижеследующими выдержками из отчета Стокгольмского „Русского Комитета" за первые два периода его деятельности во время войны:

„Первый период, начало войны, когда масса проезжающих, исстрадавшихся, измученных, волной проходила через те пункты Швеции, из которых открывалась возможность ехать на родину. На этих местах „Русским Комитетом" были организованы питательные пункты, материальная помощь. О подсчете проезжающих в этот период не могло быть и речи, особенно вначале. Потом когда главному, бедному контингенту проезжающих была предоставлена прямая дорога на Евле-Раумо, и „Русский Комитет" устроил свое отделение в Евле, где поезда подвозились прямо к пароходу, каждому нуждающемуся выдавался бесплатный билет прямо до Петрограда. Здесь же на месте была организована бесплатная столовая; была возможность приблизительно вести подчет: за месяц проехало через Евле 20.000 человек. Это было уже в сентябре, и если сравнить эту цифру с той массой, которая хлынула через Швецию в начале войны, то можно себе представить, какую большую работу несли члены комитета в этот период. Российская

[1]) Журнал совещания Моск. Городск. Управы № 36 от 13 сентября 1914 г.; Военно-Учен. Арх.; Архив Моск. К-та, V—I—a¹ № 1в.

миссия уплатила по счетам провозда за этот период 600.000 крон.

Второй период деятельности комитета наступает приблизительно с начала ноября и начинает принимать другой характер.

Проезжающих уже не так много. Едут большей частью из Англии, Франции, Америки и других стран, и опять по своему географическому положению прямая дорога всем лежит через Швецию, через Стокгольм и немудрено поэтому, что вся тяжесть работы опять-таки ложится на „Русский Комитет" в Стокгольме, как неминуемый пункт всех проезжающих. За этот период одних рабочих из Америки прошло более 5000 человек. Через комитет же проходят и те единицы, которым удается вырваться из немецкого плена, а также врачи и сестры милосердия, взятые в плен уже во время войны. Каждому проезжающему дается по мере надобности материальная помощь, около 10—15 крон, теплая одежда, медицинская помощь и всевозможные справки и т. п. Тяжело больных комитет отправляет в больницы" [1]).

Наибольшие мытарства возвращающимся русским гражданам приходилось переносить при переходе северной русской границы в местечках Хапаранда и Торнео, находящихся почти на черте северного полярного круга. Уполномоченный Московского Комитета Л. Г. Пьянков, которому было поручено принять возможные меры к оказанию помощи возвращавшимся русским гражданам в пути их следования, так описывает в своем докладе те условия, в которых в то время совершался переезд русской границы при Торнео:

„Наши путешественники попадают в Финляндию или через Раумо, или через Торнео. В первый пункт они попадают или непосредственно из Стокгольма, что бывает очень редко, или через шведский портовой город Гефле, куда приезжают из Треллеборга, минуя Стокгольм. Во второй пункт они попадают также двояким путем: или через конечную железнодорожную станцию к границе России „Карунга", от которой едут по грунтовой дороге 27 километров до пограничного местечка „Хапаранда" и оттуда пешком через пограничный мост в Торнео; или же шведская железная дорога подвозит наших соотечественников до порта в северо-восточном углу Ботнического залива „Люлео" и от-

[1]) Военно-Учен. Архив; Спец. Архив Московск. К-та, 1915 г., папка 1—1—а° № 220.

туда уже пароходом до Хапаранды. Путешествие через „Люлео" совершается на очень маленьких и плохих пароходах и с наступлением морозов должно быть прекращено.

Путь через Карунга — Хапаранда — Торнео крайне неудобен. 27 километров (25½ верст) нужно ехать на автомобилях или лошадях; последних достать труднее, а автомобиль обходится в 30 крон,—за багаж берут отдельно и довольно дорого; автомобили четырехместные и сверху только покрыты брезентом. Дорога узкая, извилистая; раз'езжаться автомобилю с обыкновенной крестьянской подводой очень трудно. Крестьянские лошади здесь пугливые и на пути то и дело шоферу приходится останавливать машину, сворачивать на край дороги и ожидать, пока воз проедет мимо. Подвод же на пути встречается много. Местность вокруг открытая, местами холмистая; ветры сейчас сильные и ехать холодно; нужно непременно одеваться тепло и, кроме того, покрываться полостью. Торнео имеет всего две гостинницы (на 10 и на 5 комнат), которые почти всегда заняты торговым людом, едущим из Швеции в Россию и обратно. Два училищных здания заняты учащимися, а вокзал маленький, тесный и совершенно не приспособленный к приему сотен пассажиров, посему нет ничего удивительного, что наша публика, приехавшая сюда из Швеции, ночевала под открытым небом прямо на земле, несмотря на дождь и холод. Но, если так было в августе и сентябре, то ни в каком случае этого не должно быть сейчас, когда уже наступает зимняя стужа.

Пограничная стража, состоящая из 6—7 жандармов и вахмистра, помещается в тесной будке, куда постороннему человеку еле возможно втиснуться, а между тем здесь производится визирование паспортов и должен производиться осмотр багажа русских путешественников, который за теснотой помещения осматривается обыкновенно во дворе; и на вещи пассажиров, и на них самих льет дождь. Пассажиры прибывают сюда обыкновенно в 5—6 часов вечера из Швеции, когда уже темно в это время, и принуждены ожидать поезда до 3-х часов ночи; если же пассажиров тысячи, то им приходится ожидать здесь и двое, и трое суток.

Чтобы получить в „Карунга" автомобиль или лошадей, нужно непременно заранее телеграфировать из Стокгольма в Хапаранда, оттуда они выезжают в заказанном количестве. Кто же не успел телеграфировать или не может, тот

принужден итти на вокзал Торнео пешком. Это большой недостаток в пути русских к своей родине и как раз у самой границы ее. Мост, соединяющий Хапаранду и Торнео, длиною около четверти версты (проходит через два рукава устья реки Торнео) и шириною в $2^1/_2$ аршина, до того ветх, что по нему небезопасно ходить. Бургомистр г. Торнео заявил, что когда впервые нахлынула на него толпа русских, то мост дрожал, и все боялись, что он проломится, а починять его не разрешают. Я видел этот мост и ходил по нему и удостоверяю, что он не безопасен для ходьбы: его нужно в эту зиму перестроить непременно. Вещей по нем возить нельзя, даже и на ручной тележке, и вещи везутся кругом на протяжении пяти километров.

В Торнео поезд приходит из России только раз в сутки, в 11 час. ночи, а уходит отсюда обратно в 3 часа ночи. Других поездов нет. В Корунга поезд приходит тоже только один раз в сутки из глубины Швеции, в половине третьего дня и отходит обратно на ст. Буден и Стокгольм в 3 часа дня. „Корунга"—очень маленькая станция, где для ожидания пассажиров—одна маленькая комнатка" [1]).

Переезд возвращавшихся русских граждан через Финляндию в первое время также был сопряжен с большими затруднениями вследствие неприспособленности северного финляндского железнодорожного пути к массовому пассажирскому движению. Но уже в первые недели войны финляндскими властями были приняты спешные меры, которые до некоторой степени урегулировали проезд через Финляндию. Условия проезда возвращавшихся русских граждан через Финляндию охарактеризованы в нижеследующем отношении финляндского генерал-губернатора на имя председателя Московского Городского Комитета от 4 февраля 1915 года:

„С об'явлением войны пассажирское движение через Финляндию постепенно увеличивалось и временами достигало небывалых еще до сего времени размеров. Дабы урегулировать и облегчить следование пассажиров, направлявшихся через Финляндию, было открыто пароходное сообщение со Швецией.

Вслед за появлением первых же признаков массового передвижения пассажиров местными органами управления, по предложению Главного Начальника края, были пред-

[1]) Военно-Учен. Архив, Спец. Архив Московск. К-та, 1915 г., папка 1—1 а' № 31.

приняты экстренные меры к беспрепятственному и возможно удобному следованию возвращающихся через Финляндию русских путешественников. Одною из первых же принятых мер было увеличение числа поездов по главным железнодорожным линиям, связующим пограничные пункты с Петроградом. В Управление Генерал-Губернатора стали поступать в огромном количестве ходатайства как отдельных лиц, так и целых групп о предоставлении им мест и даже вагонов в заранее указанных поездах и все эти просьбы незамедлительно удовлетворялись. Затем при содействии железнодорожной администрации, а также губернских и общинных властей, были устроены на пограничных станциях буфеты и питательные пункты на пути следования пассажиров, отпускавшие съестные продукты за небольшую плату, а лицам неимущим даже безвозмездно. Независимо от сего, особые комитеты на пограничных пунктах были заняты размещением прибывающих пассажиров и снабжением их всем необходимым. В тех же целях для скорейшего пропуска следовавших с пассажирами вещей в указанных пунктах были увеличены составы таможенных чинов и командированы туда умеющие говорить по-русски чины полиции, коим вменялось в обязанность оказывать пассажирам всякое содействие при проезде. Железнодорожное ведомство с своей стороны много способствовало удобному переезду пассажиров и продовольствию их в пути; его же попечением выдавались бесплатно билеты лицам, не имевшим возможности за отсутствием средств приобрести себе билеты на проезд до Петрограда[1]).

В таких условиях совершалось возвращение на родину русских граждан, застигнутых войною заграницей.

Бедственное положение русских граждан, застигнутых войною заграницей, создало необходимость организации им помощи из России. Первым обратило внимание на этот вопрос московское городское общественное управление. Уже через несколько дней после об'явления войны, в заседании соединенного совещания Московской Городской Управы и комиссии гласных Думы 26 июля 1914 года (с. ст.) было решено снестись с организациями, которые могли бы принять участие в обеспечении положения русских, находившихся за-

[1]) Военно-Ученый Архив; Спец. Архив Московск. К-та, 1915 г., папка 1—1—а' № 120.

границей, и обратиться к Министру Иностранных Дел и Испанскому Послу с просьбой указать пути и способы снабжения русских заграницей деньгами[1]).

Поступившие от Л. Г. Пьянкова сообщения, указывавшие на неотложную необходимость принятия спешных мер для удовлетворения нужд возвращавшихся русских граждан, побудили Московскую Городскую Управу образовать особую подкомиссию для выяснения вопросов, связанных с организацией помощи этим гражданам. Эта подкомиссия, заслушав в заседаниях 17 и 20 сентября 1914 года личные сообщения Л. Г. Пьянкова, пришла к следующим выводам:

Русское общество не может равнодушно относиться к судьбе десятков тысяч соотечественников, застигнутых войной в разных иностранных государствах и стремящихся возвратиться на родину. Та помощь, которая оказывается им русским правительством, обеспечивает им лишь стоимость проезда на родину и ничтожную сумму (2 кроны на 10 дней пути) на продовольствие. Во всем остальном они предоставлены сами себе и заботливости датчан и шведов, через страны которых по преимуществу направляется поток возвращающихся в Россию.

Рассчитывать далее на благотворительность со стороны иностранных государств несовместимо с национальным самолюбием русского народа. Пользование помощью иностранцев, отзывчивых на людское горе, находило себе оправдание только в первые дни после войны, когда находящиеся в России не могли быть осведомлены о том бедственном положении, в котором очутились их соотечественники заграницей.

В настоящее время такому оправданию нет места. Многочисленные рассказы очевидцев и газетные корреспонденции с достаточной яркостью осветили то море нужды и горя, в которое погружены русские путешественники, возвращающиеся из Германии после пережитых ими потрясений. Разбитые нравственно, измученные физически, полуголодные, без денег, без багажа, без теплого платья, часто даже в рваном, грязном белье, они принуждены совершать переезд по морю и далее в холодную погоду, рискуя потерять последние сохранившиеся еще остатки здоровья. Задача русского общества и государства—организовать широ-

[1]) Журнал Соединенного Совещания Московской Городской Управы № 8 от 26 июля 1914 года (с. ст.).

кую, всестороннюю помощь своим соотечественникам заграницей, ставшим невольными жертвами войны. Необходимо найти средства, которые дали бы возможность организовать розыск русских подданных, затерявшихся во враждебных государствах, затем накормить их, одеть, снабдить деньгами,—словом, облегчить этим страдальцам возвращение на родину[1]).

В виду этого подкомиссия признала необходимым войти в центральные органы Московского городского самоуправления с представлением о желательности образования особого комитета для оказания помощи возвращающимся из-заграницы русским подданным.

Согласно этому представлению подкомиссии, Московским городским общественным управлением на основании постановления Московской Городской Думы от 14 октября 1914 года (с. ст.) был образован Московский Городской Комитет помощи застигнутым войной заграницей, которому впоследствии суждено было сделаться центральной всероссийской организацией помощи русским военнопленным за все время войны.

Московским Городским Комитетом с первых же дней его основания был принят ряд мер для облегчения положения возвращавшихся на родину русских граждан. Так, при участии комиссии Московского Совета Присяжных Поверенных, образованной первоначально для констатирования германских жестокостей по отношению к застигнутым войной русским путешественникам, а затем взявшей на себя некоторые функции по оказанию им помощи, Московским Городским Комитетом была образована ежедневно функционировавшая консультация для выдачи справок, советов и раз'яснений родным и близким русских подданных, оказавшихся заграницей в момент об'явления войны.

В целях организации помощи русским гражданам заграницей Московский Городской Комитет вошел в сношения с магистратами Копенгагена, Стокгольма и Торнео и с образовавшимися в начале войны организациями помощи русским гражданам в Швейцарии, Франции, Испании, Голландии, Дании и Швеции[2]). Л. Г. Пьянков был командирован Комитетом для непосредственной работы в Скандинавских странах.

---

[1]) Журнал Московской Городской Думы № 22 за 1914 год.

[2]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив Московского К-та, 1915 г., папка 1—1—а' №№ 1, 119, 145, 220 и 281.

Для облегчения условий переезда через северную границу России Московским Городским Комитетом было сделано в Управление по сооружению железных дорог представление о необходимости соединения непрерывным рельсовым путем шведских и финляндских железных дорог. Соответствующие меры были приняты; русский рельсовый путь был удлинен, и уже к 1 января 1915 года расстояние между пограничными железнодорожными станциями на севере Финляндии было сокращено до трех верст[1]). Вместе с тем Московский Комитет возбудил ряд представлений перед финляндскими властями относительно устройства и приспособления станционных и таможенных зданий и устройства питательных пунктов для русских путешественников. Им были также приняты меры для снабжения этих путешественников теплой одеждой на время переезда северной границы Финляндии. Но Московский Городской Комитет не успел развить своей деятельности в этом направлении. Вследствие выяснившегося об'ема войны, захватившей все массы народонаселения воевавших стран, а также вследствие начавшихся в России эксцессов по отношению к лицам германского происхождения, германскими властями, почти одновременно с образованием Московского Комитета, все находившиеся в Центральных государствах русские граждане были задержаны в качестве заложников и фактически были переведены на положение пленных.

При таких условиях Московскому Городскому Комитету пришлось видоизменить свою деятельность и принять на себя выполнение функций по оказанию помощи русским цивильно-пленным в Центральных государствах.

ГЛАВА VI.

Русские цивильно-пленные в центральных государствах.

В самый момент об'явления войны в Центральных государствах оказалось значительное число русских граждан, которые были лишены права и возможности выехать на

[1]) Тот же Архив, папка 1—1—а' №№ 19, 20 и 34.

родину. К этой категории задержанных были отнесены все, т. н. военнообязанные, т. е. все мужчины призывного возраста, которые у себя на родине должны были бы отбывать воинскую повинность. По мере расширения сферы войны и привлечения к участию в ней разных слоев населения воевавших стран, категории лиц, признававшихся опасными с точки зрения военных задач, все более и более расширялись, и уже к концу третьего месяца после начала войны все находившиеся на территории воевавших государств подданные враждебной стороны фактически оказались в положении пленных. У нас в России германские и австрийские подданные без различия пола и возраста ссылались на житье в Вятскую губернию и в Тургайскую область. В Германии русским гражданам уже к октябрю 1914 года выезд на родину был воспрещен; они были задержаны в Центральных государствах сначала как заложники, а затем как цивильно-пленные.

Понятие цивильного плена не было ранее известно теории международного права и практике прежних войн. Вследствие этого положение русских цивильно-пленных в начале войны было весьма неопределенное. В некоторых местностях Германии и Австрии задержанные русские граждане были интернированы в особых помещениях, в других местностях они были подвергнуты полицейскому надзору, а в Гамбурге и некоторых других северо-германских городах они фактически пользовались почти полной свободой [1]).

По сообщению уполномоченного Московского Комитета в Копенгагене Л. Г. Пьянкова, сделанному в заседании подкомиссии Московской Городской Думы 17 сентября 1914 года (с. ст.), в Германии находилось в начале войны около 200.000 русских рабочих и около 65.000 русских граждан интеллигентных профессий [2]).

Независимо от степени тех ограничений свободы, которым подвергались русские цивильно-пленные в разных местностях Германии и Австрии, положение их в общем было довольно бедственное. Всем им было трудно материально устроиться в условиях военной жизни Центральных государств. Многие из них оказались без денег, без теплой одежды и необходимых вещей. Их родные и близкие в

[1]) Военно-Ученый Архив, Спец. Архив Московск. К-та 1915 г., папка 1—1—а[3], № 230.

[2]) Журнал подкомиссии Московской Городской Думы № 1 за 1914 г.

России естественно беспокоились об их судьбе, но были лишены возможности оказать им помощь вследствие полного перерыва нормальных сношений с Центральными государствами. В Московский Городской Комитет, который уже в самом начале войны приобрел некоторую известность, благодаря своей деятельности по оказанию помощи застигнутым войной заграницей, стали поступать из разных городов и местечек России многочисленные просьбы о наведении справок об оставшихся заграницей лицах и об оказании им помощи. Вместе с тем в Копенгагенскую агентуру Московского Комитета начали обращаться возникшие заграницей местные организации помощи русским гражданам с просьбами изыскать способы сношений русских цивильнопленных с их родными и близкими в России. Московское городское общественное управление через городского голову обратилось в Министерство Иностранных Дел и в Испанское Посольство с просьбой указать возможные способы сношений по делам задержанных заграницей русских граждан, но никакого ответа на это обращение не получило. Московскому Городскому Комитету пришлось самому разрешать трудную проблему установления сношений по делам цивильно-пленных, и в этом отношении ему удалось достигнуть некоторых практических результатов, благодаря его Копенгагенской агентуре. С помощью этой агентуры ему удалось вступить в сношения не только с общественными организациями в нейтральных странах, но и с красно-крестными учреждениями Германии и Австрии, с администрацией отдельных германских курортов, с учебным начальством германских и австрийских школ и с комендантами некоторых лагерей для русских пленных.

Первоначальные формы разрешения вопроса об установлении сношений по делам пленных и отношение к этому вопросу со стороны германских и австрийских учреждений характеризуются нижеследующими данными, заключающимися в докладе члена Московского Комитета Л. С. Поляка от 5 марта 1915 г. (с. ст.), составленном на основании всей совокупности материалов Комитета за первое полугодие войны [1]).

Останавливаясь на рассмотрении корреспонденции с германскими и австрийскими организациями Красного Креста, административными учреждениями и частными лицами, докладчик отмечает, что среди всех этих корре-

[1]) Приложение к журналу Московского Городского Комитета № 14 за 1915 год.

спондентов особняком стоит Справочное Бюро Красного Креста в Вене: оно чрезвычайно определенно заявляет, что сношения между ним и аналогичным Бюро в Петрограде налажены непосредственно, и ни в каких посредниках для содействия своим задачам или их облегчения Венское Бюро не нуждается. Тон писем Бюро, кстати сказать, вполне корректный, и весьма ясная формулировка его точки зрения заставляют думать, что рассчитывать в какой бы то ни было мере на его содействие и сочувствие в вопросах, касающихся даже справок об единичных лицах, отнюдь не приходится.

Совсем иные выводы приходится сделать относительно положения, занятого в интересующем нас вопросе учреждениями Германского Красного Креста. Насколько можно судить по отрывочным и довольно случайным упоминаниям в тексте писем, к работе в учреждениях Красного Креста привлечены общественные элементы, и это обстоятельство видимо делает их более эластичными, более жалающими приспособиться к тем гуманитарным задачам, которые непосредственно выдвигаются самой жизнью для всех заинтересованных сторон. Основной принцип для совместной с ними работы—это принцип взаимности. Он подчеркнут и в письмах Ахенского местного Управления и, главным образом,—Гамбургского. Последнее, видимо, сосредоточило у себя всю розыскную работу по установлению местопребывания германских военнопленных и военнообязанных и пользуется всякой возможностью, чтобы получить какие-либо данныя, проверить циркулирующие в Германии слухи и т. д. К индивидуальным запросам Гамбургское Управление Красного Креста относится в высшей степени внимательно, по мере имеющихся у него возможностей, и готово служить и в дальнейшем, однако, я позволил бы себе заметить, что—вероятно—только по вопросам об определенных отдельных лицах можно рассчитывать на ценное содействие Гамбургского местного Красного Креста. Получение от него Уполномоченным Комитета списков лиц, находящихся в определенном пункте, представляется и для них самих совершенно неосуществимым. Следует заметить, что переписка с отдельным административными органами в Германии, как то: с президентом полиции в Наугейме, Киле, с комендантами концентрационных лагерей для военнопленных в Гютерсло, Виттенберге и Альтен-Грабове—приводит к тем же результатам. Они все охотно отвечают на

письма, и даже дают себе труд пересылки запроса вслед, если данное лицо переезжало или пересылалось с места на место (интересно в этом отношении одно письмо—запрос г. Пьянкова с целым рядом печатей различных полицейских управлений и комендатур), но, в конечном счете, ответы даются и здесь об отдельных лицах; списки всех лиц, находящихся в том или ином месте, не сообщаются, при чем это мотивируется тем, что „мы не имеем возможности исполнить Вашей просьбы", „мы не в состоянии этого сделать".

По вопросу о положении русских цивильно-пленных в Германии докладчик отмечает следующее:

„Так же, как и учреждения Красного Креста, административные лица не упускают случая подчеркнуть, что нашим соотечественникам, особенно из категории военнообязанных, живется не плохо, что им не мешают заниматься их обычными делами, что они находятся на свободе, и никто из них не интернирован. Все эти указания настоятельно просят сообщить надлежащим учреждениям в России, довести их до сведения тех, от кого зависит отношение к соответствующим категориям германцев в России, чтобы, опять-таки по возможности, провести в жизнь упомянутый выше „принцип взаимности".

Склонны к небольшим любезностям (kleine Gefälligkeiten) по отношению к содержащимся в лагерях военнопленных и коменданты, и военные цензоры некоторых таких лагерей. Но в какую конкретную форму выливаются эти „любезности", как, в конце концов, живется там нашим военнопленным, на это, к сожалению, имеющийся у нас в руках материал не дает возможности определенно ответить. Одно кажется нам несомненным—а именно, что при последовательном и планомерным проведении принципа взаимности, хотя бы и не в особо широких и далеко идущих формах, при возможности взаимодействия между нами и аналогичными учреждениями и организациями здесь в Германии, безусловно, можно достичь значительных успехов, как в деле розыска отдельных лиц и помощи им, так и в более широкой сфере воздействия на общее положение находящихся в Германии пленных разных категорий.

Что касается помощи Комитету в его задачах со стороны начальства и директоров различных учебных заведений, то для суждения об этом у нас имеются письма учебного начальства политехникумов в Фридберге (Гессен)

и Брюнне (Австрия), лесной академии в Тарандте (Саксония) и высшей школы в Кальве (Вюртенберг). Все эти письма доказывают полную готовность давать справки, производить розыски, и, больше того, указывают на весьма симпатичное и сердечное отношение к подобного рода запросам и к судьбе отдельных студентов и учеников.

На основании рассмотрения материалов переписки Московского Комитета докладчик приходит к следующему выводу.

„Из всего вышесказанного следует, что, к счастью, и в тяжелую годину, ныне переживаемую нами и всей Европой, и несмотря на старания убедить друг друга в противном, все же везде встречаются люди в истинном значении этого слова. И есть возможность для гуманитарных задач нашего Комитета воспользоваться этим отрадным обстоятельством.

Надо только памятовать, что единственный путь для того, чтобы использовать эту рассеянную в разных местах и странах добрую волю и любовь к ближнему, лежит в самом широком взаимодействии: как мы отнесемся к ним, так и они отнесутся к нам. И в изыскании способов осуществить этот принцип взаимности, не ограничивая его формально-канцелярской стороной дела, чем хочет удовлетвориться Венский Комитет, в изыскании способов взаимного ознакомления с тем, что делается в этом направлении лежат, по мнению, которое я позволю себе высказать, ближайшие практические задачи Комитета, как общественной организации, которая преследует и должна преследовать не только цели любви к ближнему и помощи ему, но и цели высокого и истинного патриотизма".

В приведенном докладе, принятом и одобренном в заседании Московского Комитета 7 марта 1915 года (с. ст.), была правильно намечена та краснокрестная позиция, которую с самого же начала войны занял Московский Комитет при осуществлении его гуманитарной деятельности. В отличие от других русских общественных организаций, которые под влиянием охватившего все слои общества шовинизма относились с сильной враждебностью ко всему немецкому и распространяли эту враждебность на все без исключения формы взаимоотношений враждовавших народов, Московский Комитет стал на ту точку зрения, что такая огульная враждебность не должна иметь места в деле заботы об обезоруженных жертвах войны и взял на себя инициативу

проведения в жизнь начал взаимности по отношению к пленным обеих сторон. Благодаря такой позиции, Московский Комитет получил возможность широко развить свою деятельность, которая впоследствии имела большое значение для облегчения участи русских военнопленных в Центральных государствах.

Для характеристики положения русских цивильнопленных в Австрии позволю себе привести здесь нижеследующую выдержку из доклада сестры милосердия А. В. Тарасевич, посетившей лагери и места водворения русских пленных в Австрии и Венгрии.

„Военнообязанные в Австро-Венгрии разделяются на „конфинированных", живущих на свой счет в определенных городах или провинциях, и „интернированных" — живущих в лагерях. Лагери эти различны. В одних, по сведениям, сообщенным мне австрийцами, помещена более „feine Publicum", в других, по их же определению, „низшие элементы русского государства". После запрещения немецким сестрам посетить в России интернированных, о чем было сообщено Австрийскому Военному Министерству телеграммой, которую они нам также сообщили, и нам не полагалось посещать такие лагеря, но, по моей просьбе, основанной на том, что Дрозендорф имеет крайне плохую репутацию, и я желала бы ее проверить, меня повезли в Дрозендорф, Раабс и Грессау. Положение конфинированных, имеющих личные средства и живущих в Раабсе и в Дрозендорфе (вне лагеря), вполне сносно. Грессау это небольшой лагерь, в нем находятся русские, французы, англичане и несколько негров. Ни англичанам, ни французам, ни даже неграм не приходится особенно жаловаться; положение их ясно и определенно; заступником их интересов является американский посланник; все они получают питательные продукты с родины. Положение русских значительно хуже; почти никто из них не получает ничего из России, тем более, что многие захвачены при наступлении австрийцев и потеряли связь с родственниками. Многие из них подлежат по закону возвращению на родину, но не имеют возможности добиться по этому поводу каких бы то ни было результатов.

Добиться заступничества со стороны испанского посланника крайне трудно, и эти несчастные—судьба каждого из них сплошная, длящаяся уже третий год драма— брошены совершенно на произвол судьбы и на благоусмо-

трение австрийцев. Среди них священники, учителя, учительницы, старики, матери, разлученные с детьми, оставшимися в России, курсистки, и т. д. Одним словом, самые разнообразные элементы русского общества. Живут они в бараках; помещение довольно тесное, но чистое. Есть госпиталь. Внешняя организация лагеря и отношения с австрийской администрацией—удовлетворительны, но ни духовной, ни материальной поддержки ролина им не проявляет. Если такова судьба „feine Publicum", то каково же должно быть положение интернированных в лагере Дрозендорфе. Лагерь этот в первое время представлял из себя, по рассказам, нечто ужасное; теперь в нем устроены хорошие бараки, бани, есть водопровод, одним словом, все по образцу других больших лагерей, где содержатся военнопленные. Но внутренняя жизнь Дрозендорфа—положительный ад. В него входят самые разнородные элементы. Вина этих людей заключается в том, что они не имеют средств, чтобы жить на собственный счет, как „конфинированные", и некоторые из них настолько обнищали, что признаются австрийцами низшей расой, не достойной внимания. Среди них есть бывшие преподаватели, священники из пограничных мест, студенты, народные учителя, целые семьи крестьян с Волыни и других пограничных местностей, проститутки, нищие, мальчики-подростки и т. д. Между различными национальностями отношения, видимо, враждебные. Со многими не пришлось даже поговорить, так как сразу нас обступила оборванная и голодная масса и в течение двух часов, которые мы провели в этом лагере, перебивая, перекрикивая и упрекая друг друга, пыталась изложить свои горести, умоляя нас о защите, о помощи, а главное о пище. Большинство из интернированных и здесь посылают на работы, не разбираясь в их профессии, и даже мало обращая внимания на состояние здоровья. Комендант—человек молодой, видимо, мало входящий жизнь своего лагеря. Весь его интерес направлен только на госпиталь, который хорошо оборудован, но питание больных здесь также плохо, как и везде. Контроль над нижними чинами очень слаб, и много жалоб было на грубость, побои и несправедливые наказания[1]).

Приведенная в докладе А. В. Тарасевич обрисовка положения цивильно-пленных в общем подтверждается и

[1]) А. В. Тарасевич: „Обследование лагерей и мест водворения в Австро-Венгрии".

другими материалами Московского Комитета за 1915 год, а также и данными доклада представителя Женевского Интернационального Комитета Красного Креста Эйкслера, который в 1915 году обследовал положение французских пленных в Центральных государствах и между прочим посетил некоторые лагери, в которых вместе с французами и англичанами находились и русские цивильно-пленные[1]).

Установившиеся по делам цивильно-пленных сношения Московского Комитета с иностранными учреждениями в дальнейшем имели большое практическое значение, так как ими были подготовлены некоторые способы обслуживаний нужд русских военнопленных во время войны.

ГЛАВА VII.

Положение русских военнопленных в центральных государствах за первый период войны.

В течение первых месяцев войны никаких сведений о положении русских военнопленных в центральных государствах в России не было. Верховное командование и Военное Ведомство держали все сведения, касающиеся военнопленных, под покровом непроницаемой тайны. Министерство Внутренних Дел никаких шагов к выяснению положения военнопленных не предпринимало. Русское Общество Красного Креста занималось исключительно организацией медико-санитарной части и вопросу о военнопленных не уделяло внимания.

Русским военнопленным пришлось самим искать путей для сообщения о себе сведений на родину. Для этого они воспользовались посредничеством тех общественных организаций, которые возникли в Москве и в нейтральных странах для оказания помощи русским гражданам, застигнутым войной за-границей. Первыми обратились к содействию „Русского Комитета“ в Голландии бывшие ранее в Бельгии русские студенты, которые после оккупации Бельгии Германией были переведены из Льежа в

[1]) S. I. de C. R. Documents publiés à l'occasion de la guerre européenne m. p.

Мюнстерлагерь и там фактически были поставлены в положение военнопленных. Председатель Голландского Комитета Шелгунов сообщил о них Московскому Городскому Комитету[1]). Другие военнопленные обращались к содействию находящихся в Германии цивильно-пленных и через них—к посредничеству русских Комитетов в Швейцарии, Испании, Франции, Дании, Голландии и Швеции. Эти комитеты пересылали просьбы военнопленных в Московский Городской Комитет через его Копэнгагенскую агентуру. В Москву же направлялись и касавшиеся положения русских военнопленных сообщения из союзных стран. Так, один английский врач, освобожденный из германского плена в конце 1914 года, прислал Московскому Городскому Голове письмо следующего содержания:

„В Бурге и Магдебурге я имел честь и удовольствие встретить многих русских офицеров. Они выразили желание, чтобы я написал Вам и об'яснил обращение с ними, а также просили через посредство Вашего влияния огласить их нужды.

Главные нужды их следующие:

I. Место отведенное, особенно в Магдебурге, недостаточно для количества там содержимых офицеров, также санитарные условия очень плохи.

II. Офицеры протестуют против обыска и удаления их вещей, как-то часов, колец и т. д.—действия, которые они считают несоответствующими правилам Женевской конвенции.

Особенно меня просили указать Вам на то, что мирные поляки, взятые в плен или теперь в Польше, или снятые с кораблей на Балтийском море, находятся в очень тяжелом положении. Они не имеют теплого платья на зиму; количество пищи недостаточно, и они живут в Магдебурге над коровниками; мужчины, женщины и дети все вместе. Мужчин и мальчиков заставляют чистить улицы, а также исполнять грязную работу в лагере пленных.

Я желаю, чтобы Вы приняли во внимание, что я сам не имел случая убедиться в этом, а получил сведения от поляка, говорящего по-английски. Он проживает обыкновенно в Америке. Они были очень благодарны за папиросы и всякие предметы одеяния, которые им могли уделить офицеры.

---

[1]) Отчет Голландского Комитета, журнал М. К. от 15 ноября 1914 г. В. У. А. Архив М. К., 1915 г., п. 1—1—а[1] № 6.

Я не знаю, как помочь этим людям, но они желают, чтобы их нужды были бы известны в России“ [1]).

В то же время родные и близкие русских военнопленных, встревоженные отсутствием сведений об их судьбе, стали обращаться в Московский Комитет с просьбами о наведении справок относительно отдельных военнопленных в Центральных государствах и о пересылке им писем и денег.

Это побудило Московский Городской Комитет расширить свою деятельность и включить в число своих задач заботу о судьбе русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии.

В заседании Московского Городского Комитета 26 ноября 1914 г. (с. ст.) было постановлено „признать желательным расширение программы деятельности Комитета путем включения в число его задач заботы об облегчении положения русских военнопленных и, по мере возможности, оказания им материальной помощи“ [2]).

На основании этого постановления Московский Городской Комитет вошел в Соединенное Совещание Московской Городской Управы и гласных Думы с особым представлением, в котором мотивировал необходимость расширения задач Комитета следующими доводами: „Той категорией лиц, на которую должна была бы распространиться деятельность Комитета, являются наши военнопленные и военнообязанные, задержанные в Германии и Австрии. Помощь им могла бы быть оказываема двоякая: материальная и моральная. По имеющимся у Комитета сведениям, наши соотечественники испытывают большую нужду в теплой одежде, белье и многих других необходимых вещах, не говоря уже о деньгах. У многих из них нет в России родных и близких, которые могли бы позаботиться о них и послать им денег или необходимые вещи. По удостоверению представителя Центрального Справочного Бюро о военнопленных при Главном Управлении Красного Креста, проф. В. М. Устинова, участвовавшего в заседании Комитета по этому вопросу, положение русских пленных в Германии и Австрии несравненно хуже положения пленных германских и австрийских подданных в России. В то время, как последним помогают и их правительства, и различные национальные общества, как напр., Чешский Ко-

[1]) В. У. А., арх. М. К. 1915 г., папка У—1 № 8.
[2]) Журнал М. Г. К. № 8 за 1914 г.

митет в Москве,—помощь русским военнопленным совершенно не организована, и если бы Комитет взял на себя заботу о них, то этим он заполнил бы существенный пробел в общей схеме помощи жертвам войны".

Соединенное Совещание, соглашаясь с доводами Московского Комитета, в заседании 19 декабря 1914 г. (с. ст.) постановило: 1) признать необходимым расширение деятельности Комитета, включив в число его задач оказание помощи русским военнопленным и застигнутым войною заграницей, а также тем русским подданным, которые, по возвращении в Россию, попадают в безвыходное положение; 2) соответственно изменению главной задачи Комитета, переименовать его в „Состоящий при Московском Городском Управлении Комитет помощи русским военнопленным и застигнутым войною за-границей" [1]).

Это постановление Соединенного Совещания было утверждено Московской Городской Думой в ее январском заседании, и с начала 1915 г. Московский Городской Комитет приступил к выполнению своих функций по оказанию помощи русским военнопленным в Германии и в Австро-Венгрии.

Для выяснения положения русских военнопленных и для оказания им первоначальных видов помощи Московский Городской Комитет вошел в сношения со всеми возникшими в иностранных государствах организациями помощи русским гражданам и с краснокрестными учреждениями нейтральных стран. Для облегчения сношений по делам военнопленных им было организовано Бюро в Копенгагене и были поручены агентские функции русским Комитетам в Голландии и Швейцарии.

Так началось осуществление помощи русским военнопленным из России.

Собранные Московским Городским Комитетом в течение 1915 года данные дают возможность до некоторой степени уяснить положение русских военнопленных в Центральных государствах за первый период мировой войны.

Наиболее обстоятельная обрисовка положения русских военнопленных в лагерях и на работах в Германии в первый год войны заключается в показаниях бежавших из

[1]) Доклад Московской Городской Управы № 1 от 9 января 1915 г. (с. ст.)

плена солдат и возвращенных из плена на основании п. 20 Женевской конвенции русских врачей.

Приведу здесь некоторые наиболее типичные показания вернувшихся из плена в 1915 году.

Бежавший из германского плена солдат Афанасий Гришин дал Московскому Комитету следующее показание:

„27-го сентября 1914 года я был взят в плен под Новой Александрией во время боя при отступлении наших войск. Был доставлен в лагерь близ города Бранденбурга. Когда мы пришли, то застали там уже около 3.000 человек, забранных в плен раньше. Они также находились под открытым небом, но у них в это время были уже матрацы, набитые стружками.

Стали жить вместе с ними. Заставили нас возить материал со станции для постройки бараков, а вначале находились в землянках, которые вырыли сами для себя. Первоначально продовольствием заведывали немцы. Кормили нас: утром ½ фун. хлеба и, вместо чая, какой-то красный навар из травы, на обед выдавалась бурда из бураков и моркови в виде супа, на ужин болтушка из каштанов и орехов. Каждому была выдана миска и ложка. Хлеб выдавал немецкий унтер-офицер, разрезали хлеб машиной и каждому выдавали кусок по пол-фунта весом, а суп наливал немецкий солдат черпаком через окно. Все пленные были разделены на роты по 300 человек. Заведывал немецкий солдат до тех пор, пока не появились заболевания тифом. Дисциплина основывалась на побоях. Переводчики были русские солдаты-евреи, которые говорили по-немецки. Постройкой бараков заведывал тоже немец. Он относился ничего, а зато конвой принудительно заставлял работать. Бараки начали строить в октябре, а кончили в декабре 1914 года. Материал был заготовлен. Строили из тонкого теса, которым покрывали основу, сделанную из рельс, а крышу покрывали толем. Всех было построено двенадцать бараков, каждый в 45 саж. длины, нары были устроены в три яруса. На каждый барак имелось по две железных печки, топлива давали не более полутора пуда. Печи быстро остывали и в бараках было холодно. Гоняли в окрестности города на работы, строить шоссе. Возили все на себе, песок, бетон и т. п. Среди русских пленных было 100 французских инвалидов, раненых и выздоравливающих. С ними обращались вежливее, так как русских считали за свиней.

Первые письма в лагере были получены через 6—7 месяцев. Письма пленных посылались весьма редко, по 5 писем из роты в 300 человек каждый месяц, так что каждый мог написать только через два месяца. Переписку с родными установить было трудно. Первоначально посылки приходили и выдавали их через забор, выкликая, но посылок приходило очень мало. Французы же посылок и денег получали много, каждый день. Наши пленные предполагали, что это зависит от того, что за дальностью расстояния и трудностью доставки многие посылки теряются в дороге. Потом из деревни писали, что посылки не принимают на почту.

С декабря в лагере в Бранденбурге начались заболевания сыпным и брюшным тифом. В это время немцы сняли всех своих, оставили только часовых за забором и выдавали съестные продукты через забор. Тогда пленные стали сами собой управлять, и в это время начались у них кражи и всякие неприятности. Крали зауряд-прапорщики, обращались грубо, а офицера в лагере ни одного не было. Жили мы между собой в ссоре, а ссоры происходили, конечно, больше всего из-за пищи. Выдачу пищи из окна немцы прекратили, так как заметили, что происходят неправильности, один и тот же солдат по несколько раз подходил к окну за пищей, а другие совсем не получали и оставались голодными, так как пищи не хватало. Тогда немцы сделали для пищи кадки на 75 человек каждая. Было хорошо, пока наши старшие не забрали верх, а потом им немцы дали право колотить и сечь нас розгами, и со своими старшими стало хуже. Когда вспыхнула эпидемия сыпного и брюшного тифа, то первоначально ни лазаретов, ни госпиталей не было. Больные лежали в бараках вместе со здоровыми. Немецкие доктора ушли, пригнали из других лагерей русских врачей, но медикаментов не было и помочь было нельзя. Лежали на волю Божью. Из 10.000 пленных от эпидемии умерло 800 человек, а 200 человек, которые были больны тифом, отморозили себе ноги и остались калеками, т. к. ноги были отняты. Я перенес сыпной тиф. До 20 июня 1915 г. я был в Бранденбурге. Одежды за это время не выдавали. Одеяла мы имели полутеплые, байковые, никакой стирки не видели. В конце мая сего года немцы стали строить бани.

Все мы до такой степени были покрыты насекомыми, что с утра и до обеда успевали только управиться с ними.

Любопытные немцы наблюдали нас за этими занятиями через забор и некоторые любители снимали даже фотографические карточки. В лагерь к нам ни немецкие солдаты, ни частные лица не допускались. Нам совершенно не позволяли ни с кем разговаривать. Если кто знал по немецки, мог спрашивать только по делу. Грязь в лагерях была, конечно, большая, нечистоты сначала выносились пленными в кадках на себе, а затем немцы дали бочки.

При лагере была лавка, в которой продавались селедки, спички, колбаса, сахар, но купить в ней ничего нельзя было, так как за размен нашего рубля брали 40 коп. Наши евреи устроили стачку с немцами. Когда начались эпидемии, то лавка закрылась.

До отбытия никто, ни Испанский консул, не посещал нас. В июне месяце немцы произвели дезинфекцию. Вся одежда пленных истрепалась. Немцы дали кое-что из белья, напр. рубашки, а вместо сапог давали деревянные колодки. Верхнего платья никто не получил.

Из Бранденбурга отправили нас в Лимбург. Там в бараках была темнота, пища была несколько лучше. Начальство было немецкое. В Лимбурге делали предохранительные прививки. После Лимбурга нас раскассировали по партиям, при чем я попал в г. Нудберг, близ реки Реи (Рейн), на работы в угольные шахты. Работали в две смены, по десять часов в сутки каждая. Кормили плохо. Утром давали кофе и, кроме всего того, что давалось прежде, прибавили по 3 фун. картофеля. Немецкий подрядчик обращался жестоко, колотил за малейшую провинность. Работать очень уставали. Кровавые мозоли были на руках и ногах. Я работал два с половиной месяца, июль и август. Жили мы в частном доме, спали на нарах, которые здесь были устроены в один ряд. Было очень тесно. Барак был разделен на две части: в одной — спальня, в другой — столовая, но в столовой спала первая смена. Из этого помещения вместе со мной бежал еще один солдат, а трое других бежали из других бараков, при чем границу мы перешли в разных местах. Приметили выход наверх в сарае, залезли на потолок, остальных товарищей немцы заперли, а мы двое сидели в сарае и ждали, пока часовой не пошел к себе в сторожку. Тогда мы спустились и ушли через проволочное заграждение в поле. Шли по звездам только ночью, а утром лежали, где-нибудь спрятавшись. Пока шли, никого не встретили, на границе же наткнулись

на часовых, переплыли две речки, подошли к станции, где решили сделать разведку. На рельсах увидели вагон, в котором думали найти карту, т. к. знали, что в Германии в каждом вагоне даже IV класса имеется на стене карта. Мы хотели взять эту карту, чтобы руководствоваться ею в пути. По названию станции мы увидели, что это Люксенбургская губ., город Ситарде. Тогда мы остановились отдохнуть до рассвета. Утром зашли в ближайшую деревню попросить хлеба. Встретились с тремя другими солдатами, которые бежали из других казарм. Нам всем дали хлеба. Потом мы пошли в город, и первые попавшиеся жители, а это были голландцы, обрадовались и накормили нас. Нас спросили, желаем ли мы остаться или же хотим на родину. Мы просили отправить нас к консулу. Консул в Роттердаме дал нам одежду и мы прожили у него три дня. Затем сели на пароход и отправились в Лондон. В дороге от консула до консула нас везде провожали. В Англии из посторонних нас никто не встречал. Затем через Норвегию и Швецию нас отправили в Россию. В Москву я приехал 30 сентября в запасный батальон 5-го Гренадерского полка, но этот батальон ищу и пока не нашел... Нет тяжелее наказания, чем плен“ [1]).

Вернувшийся из германского плена врач Абрамович сделал в заседании Московского Комитета в присутствии гласных Думы следующее сообщение о своем пребывании в плену:

„Я был взят в плен с армией генерала Самсонова 16 августа 1914 года. Пешком прогнали нас 35 километров до Алленштейна, где мы ночевали. В этот день на нас и наших раненых выдали мешок сухарей; так что мы получили по 2—3 сухаря на человека. Утром нас посадили в вагоны третьего класса по 6 человек и по 2 часовых в каждое купе, и так мы катались трое суток по Германии. За эти трое суток ни питья, ни еды не получали. Среди часовых попадались поляки. На станциях им раздавали еду, и они делились с нами. Только этим мы и кормились. Выйти из купе было запрещено.

На первую стоянку привезли нас в Гаммерштейн. Там нас поместили ночевать в конюшни, и вот мы спали в стойлах. На следующий день был наш первый обед. Это было, значит, на 4-й или 5-й день по взятии в плен.

---

[1]) В. Ц. А., Арх. М. К. 1915 г., папка I—1—а' № 221.

Состояние было такое подавленное, что ничего не хотелось ни есть, ни пить. На станциях всюду собирался народ. Кричали нам „нах Берлин", срывали пуговицы, погоны. Толпе было предоставлено забавляться нами.

Потом поместили нас в крепости Кюстрин-форт-Цорндорф. В этом форту я пробыл с 22-го августа до конца ноября. Спали мы в казематах на полу. Тюфяки и подушки были набиты стружками, одеяла валеные. Утром давали нам кофе без сахара, без молока и одну маленькую булочку. В обед мы получали винигред из брюквы, картофеля и кусочка сала. Вечером—тоже кофе, иногда селедку, иногда картофель.

В свободные промежутки нас водили гулять во двор. Собственно говоря, это был не двор, а канава между двумя стенами, отделенная решеткой. Мы должны были ходить попарно.

Нам, врачам, устраивали проверочный экзамен, желая убедиться, врачи мы или нет. После экзамена мы думали, что нас отправят домой, но нас вернули обратно в крепость. Тогда мы подали им заявление, что к нам, как к врачам, должна быть применена Женевская Конвенция. Немцы ответили, что к нам будет применена Женевская Конвенция, но, когда начались эпидемии сыпного тифа, нас отправили в солдатские лагери. Я, лично, был отправлен в лагерь Шнейдемюле. В этом лагере я находился до 5-го августа нынешнего года.

Когда мы приехали в этот лагерь, солдаты содержались там в ужасной грязи. Они были не мыты, не меняли белья и все в насекомых. Конечно, одного, двух случаев было достаточно, чтобы эпидемия вспыхнула. Бараки не отапливались и не освещались. Только перед нашим приездом солдаты были переведены из землянок в бараки. Большинство солдат ходило в одеялах, так как не имело верхней одежды, и босыми.

Больные лежали в повалку, один возле другого, в этой грязи. Потом уже, в конце декабря, когда солдаты начали выздоравливать, им начали делать что-то вроде ванн и выдали им белье. Из 28.000 солдат, бывших в лагере, не болело сыпным тифом, может быть, тысячи три. Умерло больше 5000 человек.

Пищу солдаты получали следующую: утром кофе и вечером кофе. 200 грамм хлеба (Кригсброд—75% картофеля в хлебе). В обед они получали болтушку из кукурузной

крупы с кипяченой водой и иногда с кусочками мяса. Кроме того, вечером получали немного картофеля, а иногда селедку. Для сытости *это было далеко недостаточно.*

Один раз в лагерь приехал немецкий профессор Пфейфер. Он об'езжал больных и сказал, что они содержатся невозможно и будут поставлены в лучшие условия. Но условия изменились только тем, что в 2 барака поставили деревянные кровати.

Солдаты были до такой степени голодны, что когда в лагерь привозили воз картофеля, то они набрасывались на него, но за это их жестоко наказывали. Несчастных привязывали на 5 часов к столбу, а потом водили в комендантское управление и давали по 20 палок.

Всю зиму бараки не отоплялись и не освещались. Раненые и больные помещались в лагерях, а потом отстроили лазареты для военнопленных специально.

Состояние духа у наших солдат такое угнетенное, что они очень часто сами ищут смерти. Были случаи, когда хоронили умерших, солдаты умышленно бросались бежать, чтобы их самих пристрелили. Иной раз спросишь солдатика: что пригорюнился. А он отвечает: „до песочка хочется, Ваше Высокоблагородие". Это значит, хочется на кладбище.

По приезде в Петроград меня поместили в клинику Елены Павловны, оттуда отправили на эвакуационный пункт. Там комиссия нас освидетельствовала. Сначала Комиссия пункта, а потом Комиссия Принца Ольденбургского.

Много пришлось пережить мытарств, в виду отсутствия документов. Но был выработан известный пункт для прописки нас.

Не было принято никаких мер, чтобы обеспечить нас. Когда мы приехали, то никто нас не спросил, есть ли у нас пятиалтынный в кармане. Нас кормили, поили, за нами ухаживали, но денег никто нам не дал" [1]).

Приведенное показание врача Абрамовича произвело сильное впечатление на присутствовавших в заседании Московского Комитета гласных Городской Думы. Когда доктор Абрамович закончил свой рассказ, все присутствовавшие встали и молчаливым поклоном докладчику выра-

[1]) В. У. А., Арх. М. К. 1915 г., папка I—1—а' № 222.

зили свое сочувствие страданиям русских пленных в Центральных государствах.

Из присланных военнопленными в 1915 году писем в Россию заслуживает внимания нижеследующее доставленное Московскому Комитету письмо военнопленного Евгения Меньшова из лагеря Квидлинбург:

„Я был бы признателен г.г. русским цензорам за содействие в пропуске сего письма адресату, т. к. пишу помимо местной цензуры.

Дорогой Вася, пишу тебе 2 письма, как и в первом, прошу пособить мне присылкой продуктов питания — я голодаю, как и все не имеющие постоянной поддержки посылками. Утром получаем литр черной бурды (кофе) без сахара; полфунта „хлеба“ в день на человека, состоящий из картофеля, молотого мха и опилок; в 12—обед из моркови, бураков, брюквы или картофеля или бобов без мяса; в 6 ч. вечера бурду Бог весть из чего—это изо дня в день. Изредка пол селедки на человека. Одно время нас заставляли насильно посылать открытки с отпеч. меню, никогда нами не получавшимся. Конечно отказались. Лично я работаю в почтов. для пленных отд. по отделу писем. Вообще в лагерях оставлено минимальное число для хоз. работ—остальные отправлены на разные работы. Почти все отрасли труда исполняются пленными. Работают у Круппа и по устройству окопов и укреплений тыла. В лагере нечистоты вывозят на пленных. Обращение скверное. Режим и дисциплина суровые. Бьют и жалобы остаются без внимания. Я тоже не избег этого. Это ужасно действует на нервы. Мы имеем мал. библ., но все перечитано. А без книг тоска и скука. Дороговизна здесь чертовская. В имеющейся лавке, кроме искусств. консервиров. фр. сельдей, сол. огурцов, ничего нет. В городах введена карточная система на все: хлеб, мясо, молоко, яица и пр. Мясо разрешено есть два раза в неделю. От недостатка в нашей пище жиров и белка и при избытке крахмала и однообразия овощной пищи — у многих образовались отеки ног—специальная болезнь пленных. При организованности помощи с родины. фр., ам., англ. и бельг.—они, хотя и дорого, избытки хлеба и консервов продают русским. Это единственный источник питания для имущих. А большинство русских бедняки. Может быть случайно это письмо попадет в печать — так желательно, чтобы имеющие в плену сыновей, мужей, братьев высылали им, кто может,

почаще—первое и главное—колбасы, сала, мясн. консервов и второе—баранки, сухари, какао, чай, сыр, табак и папиросы. Не надо верить немецким известиям, что они хорошо кормят пленных — и хотели бы, да не из чего. Функционирующий в нашем лагере ком. помощи русск. пленным пока еще мало получает поддержки, поэтому продукты раздают пока исключительно больным, раненым и чахоточным, белье и одежду дают немцы и надобности в них нет. Лично я, дорогой Василий, давно принимаю от малокровия рыбий жир и мышьяк, но что толку при хронической голодовке. Пожалуйста, родной, если возможно, организуй с мамой по очереди присылку жратвы — да не дожидайся известий о получении—нужно отдать справедливость, посылки и письма в Германии доставляются исправно—и я все получил, что посылала мама, Нина. Нас охраняют старые-ратники и молодежь. Некоторые такие, которых освободили из нашего плена, как инвалидов,—сами рассказывали. Ружья у них или франц., или наши. Эти постоянно следящие за тобой часовые ужасно действуют на нервы, вместе с тремя рядами провол. решетки и стоящими на горке против лагеря 4 орудиями“ [1]).

Для сравнения положения русских военнопленных с положением пленных французов и англичан за первый год войны значительный интерес представляет собой нижеследующее письмо представителя Американского христианского союза молодых людей А. Херта, посланное им Московскому Городскому Голове 23 мая 1915 года:

„6-го марта наша организация получила разрешение работать среди военнопленных в Германии. В некоторых пунктах мы строили помещения для военнопленных мужчин (всего 3 здания), в других же случаях приходили на помощь иными способами. Ожидали только моего возвращения в Германию, чтобы организовать Комитет и увеличить его личный состав. Французы получают много посылок, заключающих в себе печенье, шоколад, табак, ветчину и другие съестные припасы, а также белье (рубашки и носки). Повидимому, они щедро также снабжены и деньгами. Англичане начали получать посылки из дому и от многочисленных, вновь возникших в Англии обществ для оказания помощи английским военнопленным в Германии. У них также имеются большие суммы у посланника Се-

[1]) В. Ц. А., Арх. М. К., 1915 г., папка V—I № 9.

веро-Американских Соединенных Штатов в Берлине. Из этих сумм я получил недавно 12000 марок для снабжения с'естными припасами пленных, взятых при Ипре.

Одежда также закуплена в большом количестве и оплачена посольством.

Когда я уезжал из Германии, русские почти совсем не получали помощи. Очень немногие получили деньги и очень незначительное число посылок. Посылки не выше определенного веса могут отправляться военнопленным бесплатно и беспошлинно. Они не должны заключать в себе ни писем, ни газет; адрес должен быть написан четко и с обозначением отправителя и места отправления. Почтовые денежные переводы могут быть посланы тоже бесплатно.

С величайшей готовностью я сообщу желающим список лиц, на имя которых можно отправлять посылки или деньги для военнопленных; также я сам лично могу передавать их по назначению.

Два наших здания заполнены почти исключительно русскими, и мы надеемся выстроить помещения и в Касселе, где находятся 12.000 русских. — У меня имеются деньги, полученные из Нью-Йорка через Р. Мотт и из других источников для закупки с'естных припасов и т. п. наиболее нуждающимся русским, а также для приобретения для них музыкальных оркестровых инструментов.

Русские просят хлеба, чаю, табаку, мяса, денег, белья (рубашек и носков) и пр. Всякая помощь с Вашей стороны была бы в высшей степени ценной и оказала бы очень большую услугу.

Наш комитет работает также в настоящее время в Англии и во Франции. Я прилагаю копию моего письма, которое на днях я отправил в Петроград и очень буду рад сообщить Вам, если Вы того пожелаете, более подробные сведения.

Берлинские власти и тюремное начальство в местах заключения, где я работал, были очень любезны, и в каждом городе многие оказывают помощь, и еще более значительное число лиц предлагает свои услуги" [1]).

Американский христианский союз молодежи, представителем которого было прислано вышеприведенное письмо, являлся одной из крупнейших организаций помощи воен-

[1]) В. Ц. А., Арх. М. К., 1915 г., папка У—1 а' № 261.

нопленным за время мировой войны. Деятельность этой организации, в которой принимали участие Президент Северо-Американских Штатов Вильсон, два его предшественника и многие известные американские ученые, филантропы и коммерсанты, была направлена за время войны на оказание помощи военнопленным в Германии, Англии, Франции, России, Японии и Индии. В первый период войны, когда русские военнопленные почти не получали помощи с родины, эта американская организация оказывала им много услуг филантропического характера.

Нужды русских военнопленных охарактеризованы в нижеследующем письме швейцарского жителя Поццо, посланном им на имя гласного Московской Городской Думы А. Д. Алферова 1 июля 1915 года:

„Я уже давно живу здесь, около Базеля, и очень часто приходилось мне слышать, приходится слышать и в настоящее время, от лиц, бывших в Германии и посетивших немецкие лагери для русских военнопленных, какое прекрасное впечатление своею кротостью, приветливостью и всем своим нравственным обликом производят наши солдаты и офицеры. Но неизменно вместе с тем указывалось на плачевное их состояние в плену: в то время, как пленным бельгийцам, французам и англичанам давно уже с родины их оказывается организованная помощь, и они находятся в хороших условиях (имеют постоянно табак, чисто одеты, пользуются обедом в своей консуме и т. д. и т. д., имеют книги, музыкальные инструменты и т. п.),—*положение русских* по общему отзыву их видевших лиц *ужасно*—они все *обносились*, у них нет никогда табаку и денег, чтобы купить или сообща организовать как-нибудь доставку в лагерь самого необходимого. *Внешний вид их удручающий.*

Я поехал в Берн, чтобы проверить все это на месте в „Комитете помощи русским военнопленным“ и разузнать, как работает Комитет, в какого рода помощи нуждается он со стороны нашего общества.

В Комитете мне прямо сказали—русские в плену нуждаются *решительно во всем*: табак, пища, одежда, книги,—ничего у них нет. Солдаты довольны столом, но в России привыкли есть больше, особенно не хватает им *хлеба* (и... гречневой каши). К зиме и даже осенью будет ощущаться *нужда в белье* и, вообще, *в одежде* (меня просили обратить внимание жертвователей на желательность получать пол-

ный состав нижнего белья—*рубах, кальсон*, портянок, тогда как зачастую присылают только рубахи, почему-то минуя кальсоны, в которых поэтому недостача). Наконец, замечается *огромная нужда в книгах*: солдаты и офицеры, в одинаковой мере, голодают книжным голодом. Есть обращения с просьбой от офицеров и прапорщиков прислать им научные книги, т. к. некоторые офицеры намерены продолжать в заключении свои занятия по своим специальностям.

Другие думают изучать новые языки и хотели бы иметь самоучители для занятий, словари, грамматики. Наконец, просто хотят читать хорошие книги. Солдаты тоже нуждаются в самых разнообразных книгах; между прочим, требуются азбуки и учебники (от первоначальных до учебников средней школы); требуются книги для самообразования по всевозможным отраслям знания, Библия, а так как в плену не одни христиане, то есть потребность в священных книгах разных религий, верований, толков, сект... В минуты отдыха между работой, необходимы разумные развлечения (особенно когда пленные вынуждены на долгое и полное бездействие), но у них нет никаких музыкальных инструментов, никаких игр (шахматы, шашки, лото). Вот Вам—размер нужды.

В отчете Вы найдете письма, присланные в благодарность за подарки Отделу. Они присланы солдатами, офицерами, врачами и т. д. Таких писем мне показали целую массу—она достаточно ярко (особенно в своей совокупности) рисует нужду наших пленных и их нравственное состояние.

Часто пленные упоминают, что уже думали, что их совсем забыли. Они обещают помнить тот день, когда их вспомнили, „побаловали“: за подобные случаи они хватаются, как за связь, совсем было утерянную с Россией. Письма искренни, трогательны, написаны с достоинством. Стиль солдатских в особенности поражает своей старательностью, изысканностью... Справедливость требует отметить в общем полную готовность комендантов лагерей идти на встречу Отделу; были случаи, когда *сами* коменданты обращались в Комитет и просили помочь „*их*“ пленным, указывая характер и размеры нужды. Положение пленных в лагерях, особенно в Баварии, вполне сносное“ [1]).

[1]) В. Ц. А., арх. М. К., 1915 г., папка У—1 № 16.

Приведенные показания вернувшихся из плена и письма военнопленных и нейтральных лиц дают довольно полную обрисовку тех конкретных условий жизни и труда в которых находились русские военнопленные в Германии в первые месяцы войны.

Относительно положения русских военнопленных в Австро-Венгрии точных сведений в России не было в течение всего первого периода войны. Австрийское Общество Красного Креста в начале войны не вступало в сношения с русскими общественными учреждениями помощи военнопленным, ограничиваясь перепиской с Центральным Справочным Бюро относительно обмена списками военнопленных. В Московский Комитет за первый период войны поступило из австрийских лагерей сравнительно немного писем, заключавших в себе лишь отрывочные сведения о положении русских военнопленных. Более подробные и точные сведения о положении русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Австрии начали поступать лишь в 1916 году после об'езда австрийских лагерей русскими сестрами милосердия и представителями Испанского Посольства. Эти сведения заключают в себе данные, выясняющие положение русских военнопленных в Австрии в начале второго периода мировой войны, когда условия содержания военнопленных уже были урегулированы общими нормами, и когда определилось значение труда военнопленных для экономической жизни воевавших стран. В виду этого, характеристику положения русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Австрии я позволю себе отнести к следующей части настоящего труда, касающейся второго периода мировой войны. В настоящем же предварительном очерке замечу лишь, что поступившие к концу 1915 года в Московский Комитет и в Российское Общество Красного Креста сведения из лагерей; Эстергом, Соморья, Терезиенштадт, Иозефштадт, Дебречин, Будапешт, Фельдбах и Линц дают основание предполагать, что положение русских военнопленных в Австрии в общем близко подходило к положению военнопленных в Германии, как в отношении общих условий содержания и труда, так и в отношении оторванности от родины и отсутствия правильно организованной помощи в течение всего первого периода войны.

К моменту истечения первого года войны в Германии уже было 147 мест водворения и 160 лазаретов для военнопленных, где было размещено 905.339 пленных русских солдат, 7.833 русских офицеров и 73.934 цивильно-пленных[1]).

Для ознакомления с общим положением русских военнопленных в Центральных государствах, для выяснения их нужд и для организации первоначальных видов помощи им Московский Городской Комитет весною 1915 г. делегировал за-границу своего представителя Д. С. Новашина, который пробыл в Дании и Швеции два с половиною месяца и по возвращении представил в Московский Городской Комитет, в Особый Комитет Российского Общества Красного Креста и в Голицынский Комитет подробные доклады о положении русских военнопленных и о выяснившихся их нуждах[2]).

При составлении этих докладов были использованы сообщения посещавших лагери Германии представителей нейтральных учреждений, письма военнопленных, проходившие через Копенгагенское Бюро Московского Комитета и Русский Комитет в Стокгольме, печатные материалы учреждений по делам военнопленных, показания освобожденных из лагерей цивильно-пленных и показания бежавших из германского плена русских солдат и офицеров.

В этих докладах мы встречаем следующую общую характеристику положения русских военнопленных в Германии в течение первого периода войны:

Германское правительство снабжает военнопленных лишь тем, что совершенно необходимо для поддержания жизни.

Помещение военнопленным предоставляется весьма различное—от благоустроенных казарм до казематов крепостей и временных бараков и палаток.

Пища тоже до некоторой степени разнится по лагерям, в зависимости от внимания комендантов к исполнительности подрядчиков, которым сдается продовольствование военнопленных.

В среднем эту пищу должно признать для полной сытости совершенно недостаточной.

---

[1]) Оффициальные германские данные о численном составе лагерей военнопленных на 10 сентября 1915 г., Архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, папка 111 № 7.

[2]) Приложение к журналу М. К. № 19 за 1915 г. (папка 1—1—а).

Обмундирование военнопленных, по усвоенным германской администрацией правилам, должно производиться из „военной добычи". Иными словами, военнопленные остаются в той одежде, в которой они были взяты, обычно после пребывания в окопах и бою, изорванной, у раненых и окровавленной. Особенно тяжело положение именно раненых, одежду которых распределяют между здоровыми, отправляемыми на работу, на их же долю при выписке из лазаретов остаются только сборные лохмотья.

Чаю, сахару и табаку военнопленные не получают, не могут и купить, потому что продажа этих продуктов, равно как и хлеба, в лагерных лавках запрещена.

Самый режим содержания характеризуется исключительно жестокой и грубой дисциплиной. Военнопленные чувствуют себя как бы брошенными в громадную машину, непреклонно распоряжающуюся ими, не видя и не слыша. Но, с другой стороны, необходимо отметить чрезвычайную точность и быстроту исполнения всех касающихся до военнопленных административных действий, как-то: передача посылок, денег, писем и выдача справок комендантами. Особенно тщательно поставлены цензуры и выдача справок. В этой области часто наблюдается со стороны местного начальства явное сочувствие и желание помочь военнопленным.

В докладах представителя Московского Комитета констатируется, что дело сношения русских военнопленных с родиной было поставлено крайне неудовлетворительно:

Благодаря существующей системе обмена списками между Центральным Справочным Бюро Красного Креста и соответствующим германским центральным учреждением, возможность получить в названном Бюро справку о военнопленном поступает только через несколько месяцев после пленения.

Переписка же военнопленных, благодаря нашей военной цензуре, в такой мере замедлена, что совершенно не обеспечивает сколько-нибудь правильных сношений с родиною. От германской администрации это не зависит, ибо ее почтовая часть поставлена вполне удовлетворительно.

Полное неустройство почтовых сношений с родиной, к сожалению, зависящее, при этом, всецело от наших учреждений, является основной причиной большинства бедствий наших военнопленных.

Так, прежде всего, военнопленный оказывается лишенным возможности известить о себе близких и получить известия от них, а от этого зависит и его душевное спокойствие, и возможность получить родственную помощь.

Трудно исчислить, сколько страданий военнопленным и их близким принесло настоящее положение вещей.

Можно сказать, что во всех без исключения письмах военнопленных повторяются жалобы на то, что письма и ответы на них теряются или находятся много месяцев в пути.

При этом нельзя не указать на то, что все возможное для военнопленного успокоение и отрада зависят от сношения с родиной. Трудно представить себе, в какой мере все помыслы и чаяния военнопленных сосредоточены на их переписке, столь ненадежной и замедленной.

Не меньшее значение имеет и то, что означенные условия лишают военнопленных возможности—в первые месяцы плена во всяком случае—получить помощь от родных, общественная же помощь только начинает организоваться.

Характеризуя отдельные нужды военнопленных, представитель Московского Комитета отмечает полное отсутствие культурно-просветительной помощи военнопленным:

Наши воины в плену обречены—или к принудительным работам, или к не менее тягостной праздности.

Вне сомнения, необходимость и желательность заполнить ее полезным трудом, которым прежде всего может быть разумное чтение и обучение более образованными элементами среди военнопленных менее образованных.

До нас доходят сведения о соответствующих попытках учреждения в лагерях библиотеки и школ взаимного обучения.

Но нет книг, учебников, бумаги, карандашей.

Военнопленные принуждены составлять рукописные учебники, использовать каждый клочек бумаги.

Принимая во внимание значительность числа военнопленных и вероятность долгого срока их пребывания в плену—вышеизложенное необходимо признать одним из существеннейших вопросов жизни военнопленных.

В своем докладе Голицынскому Комитету представитель Московского Комитета указывал на необходимость принятия срочных мер для облегчения участи русских военнопленных, так как их получение в Центральных го-

сударствах представляло собой большую государственную и национальную опасность для России. Это утверждение мотивировалось следующими доводами:

„Наши военнопленные живут среди самых тяжких лишений, без помощи с родины, без возможности даже сколько-нибудь правильных сношений с нею.

Они живут рядом с англичанами и французами, следственно не могут не сравнивать своего положения с их, столь облегченным заботливой помощью с родины.

При этом германская администрация прилагает все усилия для того, чтобы раз'яснить нашим военнопленным, что плачевное положение переписки и осведомления не от нее зависит. С этой целью в письма военнопленных даже вкладываются гектографированные записки. Очевидно, что эти раз'яснения весьма легко подтвердить ссылкою на беспрепятственные сношения с родиной англичан и французов.

Нельзя считать особой слабостью, если при описанных условиях людьми овладевает отчаяние, некоторыми же и озлобление.

Число наших военнопленных велико. Слишком прискорбно представить себе столь большое число русских граждан, доведенных до отчаяния и озлобления, живущих в условиях, которые, если не будет спешно оказана помощь, грозят превратить их в нравственных и телесных калек.

Не меньшее значение имеет то впечатление, которое положение русских военнопленных не может не производить на наших союзников.

Вспомним, что большинство их Россию прежде не знало и едва ли будет иметь случай когда-либо проверить свои сейчас создавшиеся мнения.

У сотен тысяч французов и англичан неизбежно останется воспоминание о русских, как о жалких оборванцах забытых родиной, не имеющих даже возможности известить близких о том, что они в живых.

После войны, когда перед союзными державами встанут новые сложные вопросы,—не малое значение будет иметь мнение сотен тысяч людей, которых на долгие месяцы свело общее несчастье плена.

Германия сильна не только своей технической и административной организацией. Огромное значение имеет созданная талантливой и настойчивой пропагандой руководя-

щих кругов фанатическая вера народа в обеспеченность успеха, в свое расовое и культурное превосходство.

Неистощимым источником аргументов для этой пропаганды служит настоящее жалкое положение наших русских военнопленных.

Самым своим видом—оборванные, немытые, истощенные, унылые—наши военнопленные невольно помогают немцам утверждаться в мысли о русской неорганизованности и скудости, служат подтверждением тезисов, что в „России вообще ничего нет", т. е. в смысле организации и средств, что „кто знает Россию, тот не может ее бояться, что русские—низшая раса".

На долю немецкой прессы остается только доказывать, что жалкая картина, которую представляют наши военнопленные, является верным отражением русской действительности.

Среди потрясающих картин войны, среди вопиющих бедствий, свершающихся близко от нас,—труднее сосредоточить внимание на военнопленных, далеких неслышных.

Но в жизни народной и в жизни народов, быть может, величайшее влияние имеют подземные явления, все значение которых оказывается впоследствии.

Настоящее положение военнопленных имеет величайшее и государственное значение и улучшение его—вопрос государственного и национального достоинства России".

Резюмируя вышеприведенные данные, мы приходим к нижеследующим выводам относительно положения русских военнопленных в Центральных государствах в течение первого периода войны:

Русские военнопленные в Центральных государствах терпели крайние материальные лишения. Их сношения с родиной были не упорядочены. Родственная помощь им была затруднена; государственная—совершенно отсутствовала. Их духовные нужды оставались без удовлетворения. Они по преимуществу эксплоатировались Центральными государствами для тяжелых физических работ, причем на их работу не распространялись обычные правила охраны труда. В общем положение русских военнопленных было значительно более тяжелым, чем положение бельгийских, французских и английских пленных в течении всего первого периода войны.

ГЛАВА VIII.

Отношение русского правительства и общества к русским военнопленным в течение первого периода войны.

Отношение русского правительства к вопросу о военнопленных в течение первого периода войны весьма наглядно иллюстрируется нижеследующим рассказом бывшего особоуполномоченного Московского Городского Комитета помощи военнопленным Д. С. Навашина, занесенным в протокол пленарного заседания Первого Всероссийского С'езда представителей учреждений и организаций помощи военнопленным 18 октября 1917 года (с. ст.):[1])

„Я помню, что в начале войны в Москве почти не знали, что есть ли вообще у нас в России оффициальное место, куда можно обращаться по делам о военнопленных. Когда мне в Петрограде пришлось узнать, что такое место имеется, то я нашел его в Музее Александра III, и оказалось, что это Центральное Справочное Бюро о военнопленных, которое работало тихо и старалось, чтобы публика о нем как можно меньше знала. О военнопленных знали их семьи, но сделать для них что либо они не могли. Письма от военнопленных шли по 3-4 месяца. Тогда мы не знали в каком положении военнопленные находятся. Первый, кто захотел в этом разобраться, был Московский Городской Комитет. К весне 15 года у нас была большая в этом направлении работа.

Дело наших военнопленных началось с недоразумения. Мы не получали списков, не знали куда их направлять. Но потом мы начали получать их, но не знали куда их разносить. За 6 месяцев ни одного военнопленного в картотеке справочного Бюро не было.

Но с весны 15 года, когда заговорили о том, что нашим военнопленным предстоят самые решительные, самые жестокие репрессии, потому что в Германии и в Австрии считают, что мы не исполняем самых правил взаимности, и указали нам, что списков вражеских военнопленных мы не присылаем, да и деньги и посылки и письма до них не доходят. С этого момента начинается полное обособление

[1]) В. У. Архив, Архив I с'езда по делам военнопленных, папка VII, № 12

наших военнопленных от союзников в условиях их содержания. К весне 15 года между Германией, Австрией и союзниками были заключены правильные соглашения о переписке, об обмене инвалидами. В первые 6 месяцев войны о нас было то мнение, что чего либо добиться от нас нельзя. Я помню то тяжелое впечатление в Датском Красном Кресте, где серьезно и горячо работавшие люди говорили с отчаянием, что из России получить ответа о военнопленном нельзя. Все равно о русском или немце. Мне показывали копии телеграмм и говорили: ответа нет и не было.

В 1915 году летом Московский Городской Комитет начал пытаться выступить с общим планом, с общими указаниями на то, что надо помочь, надо упорядочить дело. Писались бумаги, составлялся целый ряд докладов, но дело в сущности почти не двигалось. Я думаю, что в то время самой существенной причиной положения военнопленных, была не подготовленность Германии и Австрии к принятию такого большого числа военнопленных. Тогда не было рабских работ, но были громадные полчища людей. Согнанные в Германию они лежали голодные, холодные, оторванные от родины и видели, как английские военнопленные переписываются с родиной, получали деньги, письма, получали возможность арендовать места для фут-бола, получали продовольствие с родины и начинали жить гражданами. Я помню, как тогда особенно страшным и тяжелым нам казалось политическое значение положения наших военнопленных. Не только то страдание нас заражало, не только казалось справедливым обеспечить им кров и одежду, но казалось страшным, что они оказались париями. Эта сторона нами всячески подчеркивалась и выдвигалась. Нами говорилось, что это—страшная государственная опасность. Тогда нами был намечен и передан некоторым членам Государственной Думы законопроект об организации государственной помощи военнопленным. Это было в конце июля 1915 года. Этот проект предусматривал в сущности то, о чем нам приходится говорить. Он требовал учреждения государственного попечения о военнопленных, их защиты, упорядочения их переписки, справок о них и требовал ассигнования 10 миллионов рублей. И почти одновременно с этим возник Комитет бывшей государыни Александры Федоровны: Этот комитет поставил сразу работу так, что даже при громадных средствах, которыми он обладал, он

не мог развиться и встать в то положение, в котором он мог бы действительно обеспечить военнопленных всем, что им необходимо. Это была чисто диллетантская работа. Когда понадобилось купить белье, то купили его в Испании и привезли сначала через Архангельск в Петроград на осмотр и затем опять через Архангельск отправили по лагерям. Этот комитет оказывал непреодолимые препятствия для каких бы то ни было реформ. На дело помощи военнопленным Комитет этот смотрел, как на привиллегию Александры Федоровны, никто же другой, по его мнению, в это дело вмешиваться не должен и прежде всего не должна вмешиваться Государственная Дума, так как Государственная Дума часто разгонялась, сессии прекращались и опять начиналось то безнадежное положение, безконечные разговоры, из которых никаких общих перемен в положении не проистекало. Так прошел весь 1915 год."

В этом рассказе правильно очерчено то пассивное положение, которое заняло наше русское правительство по отношению к вопросу о военнопленных в течение всего первого периода войны.

Русское общество к участи русских военнопленных в начале войны также относилось довольно безучастно. Почин в деле работы о судьбе русских военнопленных, как об этом упоминалось выше, взял на себя Московский Городской Комитет, которому естественно пришлось столкнуться с вопросом о военнопленных при осуществлении его деятельности по оказанию помощи русским гражданам, застигнутым войною заграницей.

Приступив к делу организации помощи русским военнопленным, Московский Городской Комитет принял ряд мер, чтобы привлечь к этому делу внимание со стороны русских общественных организаций. Он обратился к Городскому и Земскому Союзам и ко многим органам городского и земского самоуправления Европейской России и Сибири. Первым откликнулся Городской Союз, который 23 октября 1914 года (с. ст.) назначил в Московский Городской Комитет двух своих представителей и ассигновал в распоряжение Комитета 10.000 рублей. [1]) Земский Союз первоначально ответил на обращение Московского Комитета отказом принять участие в его деятельности, мотивируя этот отказ тем, что в задачи Союза входит лишь забота о больных и раненых

[1]) В. У. Архив, Архив Московск. Комит. папка I—I—a¹ №7.

воинах.[1]) Но затем, последовав примеру Городского Союза, Земский Союз в заседании Главного Комитета 14 ноября 1914 года (с. ст.) постановил делегировать в Московский Комитет двух свои представителей и передать в распоряжение Комитета 5.000 рублей.[2]) В дальнейшем однако, как Городской так и Земский Союзы никакого активного интереса к вопросу о военнопленных в течение всего первого периода войны не проявляли и лишь в начале 1916 года приступили к самостоятельной деятельности по оказанию помощи военнопленным. Некоторые органы городского и земского самоуправления ответили на призыв Московского Комитета ассигнованием небольших денежных сумм на осуществление его деятельности.

Осенью 1914 года Московский Комитет вошел в сношения с организациями помощи русским пленным во Франции и в нейтральных странах, организовал свое бюро в Копенгагене и поручил свои агентские функции председателю Русского Комитета в Швеции В. А. Шелгунову и Председателю Центрального Комитета помощи русским гражданам в Швейцарии Рейхесбергу.

В начале 1915 года в Москве было учреждено Московское Отделение Особого Комитета Российского Общества Красного Креста, имевшее своей задачей выполнение некоторых функций по устроению вражеских военнопленных в России. В виду того, что многие вопросы, касавшиеся облегчения положения русских военнопленных, могли быть разрешены лишь в порядке взаимности, Московский Комитет должен был уделить свое внимание положению германских и австрийских военнопленных и войти в контакт с Московским Отделением Особого Комитета. Часть помещения Московского Комитета, была предоставлена канцелярии Московского Отделения Особого Комитета, которое в дальнейшем работало в тестной связи с Московским Комитетом в течение всех лет войны.

Весною 1915 года Московским Комитетом было реорганизовано его Копенгагенское Бюро. Во главе Бюро были поставлены: датчанин консул Эрик С. Генниус и Уполномоченный Московского Комитета Л. И. Баум, которые в тесном сотрудничестве с Датским Красным Крестом повели дело на новых широких началах. Военнопленным в Германии и Австрии был разослан особый циркуляр, опове-

[1]) Тот же Архив, I—I—а' №8.
[2]) Тот же Архив, I—I—а' №16.

щавший об открытии Бюро и о формах его деятельности. Это был первый русский циркуляр, разосланный военнопленным с начала войны. Затем были разосланы 300.000 осведомительных карточек, носивших печатный адрес Бюро для того, чтобы военнопленные могли на них при посредстве Комитета давать сведения о себе родным. В Стокгольме по инициативе Шведского Красного Креста имел место непосредственный обмен мнениями с представителями Германского Красного Креста относительно помощи военнопленным на началах взаимности. Впервые наметились мысль о возможности более правильных совещаний между представителями краснокрестных организаций воюющих держав, впоследствие осуществленная по инициативе принца Карла Шведского в виде Стокгольмской Конференции. Этот обмен мнениями и, главное, сведениями, имел большое значение, потому что до этого сношения между русским и германским Красным Крестом были чрезвычайно отрывочны и недостаточны, и у обеих сторон существовало убеждение, что неудовлетворительное положение переписки и справочного дела, обусловленное недостаточной организованностью нового дела, являлось результатом недоброжелательного отношения со стороны правительств соответствующих стран. Доведением до сведения немецких представителей и нейтральных организаций данных о постоянном улучшении этого дела в России и о направленных к этому усилиях Московского Комитета и вновь открытого Московского Отделения Особого Комитета были предотвращены готовившиеся в Германии в отношении к нашим военнопленным репрессии.

К лету 1915 года деятельность Московского Комитета приобрела широкую известность в России и заграницей, и к нему во множестве стали поступать обращения из лагерей Германии и Австрии и от родственников военнопленных из разных городов и местечек Европейской России и Сибири. Фактически уже к этому времени Московский Комитет превратился в центральное всероссийское учреждение по делам помощи военнопленным, но формально он до конца войны продолжал оставаться при органах московского городского управления.

Выяснившийся об'ем нужд русских военнопленных и недостаточность сил и средств для удовлетворения этих нужд побуждали Московский Комитет добиваться внимания к вопросу о военнопленных со стороны русского прави-

тельства и общественных организаций. В течение лета 1915 года Московским Комитетом были сделаны подробно мотивированные представления о необходимости усиления помощи военнопленным в Комиссию Государственной Думы, в Особый Комитет Российского Общества Красного Креста и в некоторые центральные правительственные учреждения.

Отмечу здесь, что Московскому Комитету при осуществлении его деятельности постоянно приходилось сталкиваться с теми предубеждениями по отношению к вопросу о военнопленных, которые были созданы в широких кругах русского общества под'емом шовинистического настроения и пропагандой столичных газет, неустанно усердствовавших в разжигании чувств ненависти и вражды к немецкой нации. Под влиянием этой газетной агитации в среде русского общества создавались неправильные представления о том, что будто бы все посылки военнопленным в Германии разграблялись или конфисковались германским правительством. Это сеяло тревогу среди родственников военнопленных и удерживало их от отправки посылок. В Московский Комитет по этому поводу постоянно поступали запросы и от частных лиц и от общественных учреждений. Так, например, Тюменьский Комитет прислал Московскому Комитету телеграмму от 3 марта 1915 года (с. ст.) такого содержания: „Возможно или нет через Вас отправлять пищевые продукты в частности сухари русскому комитету в Стокгольме для русских военнопленных находящихся в Германии. Если эта помощь нашим воинам осуществима без риска конфискации продуктов германским правительством, население Тюмени и уезда горячо откликнется на Ваш призыв. Телеграфируйте“ [1]).

При обсуждении вопросов о помощи военнопленным выдвигались принципиальные возражения против материальной помощи военнопленным из России. В этих возражениях отмечалось, что материальное содержание русских военнопленных должно было производиться из экономических рессурсов Германии, и что при таких условиях всякая материальная помощь военнопленным из России усиливала экономические рессурсы Германии и тем облегчала ей ведение войны. Выдвигая такое возражение оппоненты очевидно не учитывали того обстоятельства, что

[1]) В. У. Архив, Архив Московск. Комит. 1915 г., папка 1—1—а [1] № 161.

при желательном для них крайнем ослаблении экономических ресурсов Германии в первую очередь должны были бы погибнуть миллионы пленных русских граждан.

Даже в среде гласных Московской Городской Думы, которая первою откликнулась на нужду военнопленных, отношение к вопросу о военнопленных было неодинаковым. Так, в заседании Соединенного Совещания Московской Городской Управы и Комиссии гласных Городской Думы 10 июля 1915 года (с. ст.), при обсуждении ассигнований на дело помощи военнопленным, председатель Совещания Челноков усиленно подчеркивал, что печальное положение русских военнопленных об'ясняется виной Германии, нарушающей „Женевскую" Конвенцию, и что необходимо сократить продовольственный паек находящимся в России германским пленным, а гласный Думы Щенков признавал широкие ассигнования на улучшение быта военнопленных рискованными, так как: „такие ассигнования могут вызвать у слабовольных элементов нашей Армии представление, что Государство относится снисходительно к таким нежелательным явлениям, как сдача в плен здоровых солдат; между тем с таким представлением нужно всячески бороться". Однако большинство членов Совещания признало усиление помощи военнопленным необходимым и постановило: „1) ассигновать в распоряжение состоящего при Московском Городском Управлении Комитета помощи военнопленным и застигнутым войной заграницей 50.000 р. на развитие его деятельности по облегчению положения русских военнопленных; 2) просить Городского Голову обратить внимание Военного Министра, Председателя Государственной Думы, а равно и других должностных лиц и учреждений на необходимость улучшения положения русских военнопленных" [1]).

Чтобы привлечь к вопросу о военнопленных внимание широких кругов Московского населения, Московским Комитетом 31 октября—1 ноября 1915 г. (с. ст.) был устроен в Москве однодневный сбор под названием: „Москва—русским воинам в плену". Было собрано около 100.000 рублей, состоялось несколько публичных собраний и было распространено около 300.000 летучек с призывом принять участие в деле помощи военнопленным.

[1]) Журнал Соед. Совещ. Моск. Гор. Управы № 85 за 1915 год.

Принятые Московским Комитетом меры вызвали к концу 1915 года значительное оживление его деятельности. При Комитете возник ряд новых отделов, именно: Отдел по изготовлению трафаретных посылок, имевший задачей облегчить родственную помощь военнопленным и создать удобный способ для оказания материальной помощи военнопленным со стороны отдельных лиц; отдел „Общения русского солдата в плену с семьей и родиной", осуществлявший разнообразные виды индивидуальной помощи военнопленным, и отдел культурно-просветительный, собиравший и пересылавший книги и учебные пособия для военнопленных.

Одновременно значительно расширилась и деятельность Копенгагенского Бюро Московского Комитета и его Голландской агентуры. В эти учреждения в огромном количестве стали поступать осведомительные карточки и письма от военнопленных и их родных. Значительные размеры приняли также операции этих учреждений по пересылке денег военнопленным и по отправке им продовольственных продуктов за счет получавшихся от их родственников денежных сумм.

При таких условиях Московский Городской Комитет к концу первого периода войны превратился в центральное всероссийское учреждение по оказанию помощи русским военнопленным. Однако все принимавшиеся им меры далеко не соответствовали об'ему действительной нужды русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Попытки Московского Комитета добиться государственной постановки дела помощи военнопленным во всероссийском масштабе оставались безрезультатными, так как русская государственная власть продолжала занимать по отношению к вопросу о военнопленных пассивное положение в течение всего первого периода мировой войны.

ГЛАВА IX.

Первоначальные виды помощи русским военнопленным в течение первого периода мировой войны.

а) Справочная часть.

Самой острой, самой насущной нуждой военнопленных всегда являлась и является потребность их общения с родиной. Каждый попадающий в плен томится желанием дать о себе весточку своим родным и близким, которые естественно находятся в страхе и тревоге за его судьбу.

В виду этого вопрос об организации сношений военнопленных с их родиной уже много лет тому назад привлекал к себе внимание культурных народов Европы и неоднократно был предметом обсуждения на международных совещаниях. Так, еще на международных краснокрестных конференциях в Базеле в 1870 году и в Триесте в 1877 году этот вопрос обсуждался в интернациональном масштабе, причем было признано желательным образование специального международного учреждения, которое во время войны должно было бы заведывать обменом списками военнопленных между воюющими государствами с их родственниками. В этих целях на IX международной конференции Красного Креста в Вашингтоне в 1912 году было решено образовать при Женевском Центральном Комитете Красного Креста особую интернациональную комиссию для установления сношений между воюющими государствами по делам военнопленных и для об'единения деятельности тех национальных справочных бюро, которые в силу п. XIV Гаагской конвенции 1907 г. должны учреждаться в каждой воюющей стране в самом начале войны.

В том же 1912 году такая интернациональная комиссия была учреждена в Белграде на время Балканской войны. Этот первый опыт оказался вполне удачным. Белградская комиссия успешно справилась с своими задачами по установлению краснокрестных сношений по делам военнопленных между Балканскими государствами.

В самом начале минувшей мировой войны Международный Комитет Красного Креста организовал в Женеве непосредственно при своем центральном органе особый

интернациональный комитет по делам военнопленных под названием „Ageance internationale de secours et de renseignements en faveur des prisonniers de guerre". Это интернациональное агентство немедленно же приступило к сношениям с воевавшими государствами, затребовав от них списки военнопленных. Председатель комитета, известный швейцарский государственный деятель Густав Адор, взял на себя задачу организации сношений по делам военнопленных между Германией и Францией, лично ездил в Берлин и в Бордо, и благодаря его энергии уже в самом начале сентября 1914 года между французскими и германскими краснокрестными учреждениями начался регулярный обмен списками военнопленных.

Для установления сношений по делам военнопленных между Центральными государствами и Россией и Англией интернациональный комитет предполагал об'единить деятельность Центрального Справочного Бюро в Петрограде, Centr. Nachweis-Bureau в Берлине и Prisoniers of Wor Information Bureau в Лондоне, которые должны были обменивать списки военнопленных при посредстве Центрального Женевского Комитета Красного Креста. Кроме того предполагалось организовать в Вене центральный пункт краснокрестного обслуживания четырех юго-восточных государств при посредстве учреждений Красного Креста в Нише и Бухаресте.

Но несмотря на то, что Центральный Женевский Комитет мобилизовал все свои силы для обслуживания нужд интернационального комитета, в котором уже в самом начале войны работало свыше 400 сотрудников, ему не удалось справиться с организацией сношений по делам военнопленных в международном масштабе. Запросы о военнопленных стали поступать в Женевский Комитет десятками и сотнями тысяч, и удовлетворить все эти запросы интернациональный комитет оказался не в состоянии. К тому же при обусловленном войной расстройстве прежних форм интернационального общения, сношения через Женеву для некоторых государств, и в частности для России, оказались чрезвычайно затруднительными. В силу этого Женевский Комитет уже в начале войны был вынужден децентрализовать международную регистрацию военнопленных и по отношению к русским военнопленным поручил Датскому Обществу Красного Креста взять на себя посредничество по организации обмена списками между

национальными краснокрестными учреждениями России и центральных государств.

Однако в первые месяцы задача составления списков военнопленных оказалась непосильной, а для некоторых национальных краснокрестных учреждений и в первую очередь для нашего Петроградского Центрального Справочного Бюро.

Составление ведомостей о военнопленных на эвакуационных пунктах и в местах водворения, препровождение их в Центральное Справочное Бюро, проверка, переписка и занесение в списки и на карточки, — все это у нас в России требовало многих месяцев работы, так как эта работа осложнялась и громадностью русских расстояний, и недостатком делопроизводственных сил на местах, и разноязычностью военнопленных, и малограмотностью военных писарей, постоянно искажавших иностранные фамилии и имена военнопленных.

Русские списки военнопленных запаздывали, и это в первые же месяцы войны создало большие осложнения в деле оффициальной регистрации военнопленных России и Центральных государств.

Уже в ноябре 1914 года Копенгагенский уполномоченный Московского Комитета Л. Г. Пьянков сообщал в Москву, что поступавшие первоначально из Германии списки военнопленных Датский Красный Крест отсылал в Российский Красный Крест в Петроград, при чем просил его немедлено переслать в Копенгаген списки немецких и австрийских военнопленных, но из Петрограда несмотря на двукратное подтверждение своей просьбы, он ответа не получал. После этого Германский Красный Крест уведомил Л. Г. Пьянкова, что он прекратит составление списков русских пленных, если не получит в свою очередь через Л. Г. Пьянкова или через Датский Красный Крест списков своих пленных в России. Уведомляя об этом, Л. Г. Пьянков просил Комитет ходатайствовать перед подлежащими властями о высылке ему, как уполномоченному Комитета, или Датскому Красному Кресту списков германских и австрийских военно-пленных.[1])

Московский Комитет обращался к центральным органам правительственной власти с представлениями о необходимости урегулирования справочной части о военнопленных,

[1]) Журнал Москов. Город. Комитета № 7 от 22 ноября 1914 г.

но это дело в Петрограде налаживалось крайне медленно. Между тем в Московский Комитет во множестве стали поступать просьбы о наведении справок относительно отдельных военнопленных. Для удовлетворения этих просьб Московскому Комитету к началу 1915 года пришлось самостоятельно организовать справочную часть о военнопленных при содействии своих заграничных агентур и главным образом при содействии своего Копенгагенского Бюро, которое по этому поводу вступило в сношения не только с германскими краснокрестными учреждениями, но и непосредственно с комендатурами германских лагерей, воспользовавшихся для этого изданным в начале 1915 года приказом Германского Военного Министерства, разрешившим лагерным комендатурам высылку справок о военнопленных в ответ на запросы краснокрестных учреждений.

В этом приказе Германского Военного Министерства (от 16 февраля 1915 г.), отмечалось, что опыт сношения германских краснокрестных учреждений с Францией привел к весьма благоприятным результатам, так как французские лагерные комендатуры очень охотно давали справки о судьбе отдельных военнопленных, чем избавляли их родственников от многих тревог и забот. В виду этого Германское Военное Министерство предписало комендантам лагерей и старшим врачам лазаретов для военнопленных высылать сведения о состоянии здоровья военнопленных, об их перемещениях и о получении ими писем и посылок с родины. Эти сведения, в ответ на запросы, должны были высылаться центральному комитету Германского Общества Красного Креста, Интернациональному Комитету Красного Креста в Женеве, центральным краснокрестным учреждениям враждебных государств и отдельным родственникам военнопленных[1]).

На основании этого разрешения Германского Военного Министерства, Копенгагенское Бюро Московского Комитета поступавшие из Москвы запросы о положении отдельных военнопленных посылало непосредственно в лагерные комендатуры и получавшиеся оттуда ответы пересылало в Москву для сообщения родственникам военнопленных. Для наведения таких справок Московским Комитетом был выработан особый технический прием: при запросах об отдельных военнопленных посылались в лагерные комендатуры особые

[1]) Erlas des Kriesministeriums № 2648 пом. 16. 2. 1915 ВУА арх. МОС. КОМ. 1915 г. папка V—I № 43.

бланки с отрывными купонами, которые заполнялись лично военнопленными и пересылались обратно в Москву через Копенгагенское Бюро. В середине 1915 г. это дело индивидуального наведения справок о военнопленных было поставлено Московским Комитетом довольно широко, причем во все лагери Московским Комитетом были разосланы особые, так называемые осведомительные карточки, которые должны были заполнять для отправки в Копенгагенское Бюро Московского Комитета все вновь поступавшие в лагери военнопленные. Такие же карточки рассылались по лагерям в России при посредстве Московского Отделения Особого Комитета и по заполнению доставлялись через Копенгагенское Бюро в Германию и Австро-Венгрию. В конце 1915 года Стокгольмская конференция русского, германского, австрийского и шведского Общества Красного Креста признала этот метод осведомительных карточек единственно целесообразным, отвечающим условиям почтовой разрухи в России и возложила обмен осведомительными карточками на Московский Комитет.

В результате этой деятельности к концу первого периода войны в Московском Комитете образовалась обширная картотека индивидуальных карточек военнопленных. Составление общих списков военнопленных в течение всего первого периода войны находилось в ведении Петроградского Центрального Справочного Бюро. Обмен списками военнопленных с краснокрестными учреждениями Германии и Австрии был урегулирован постановлениями Стокгольмской конференции, которая состоялась в самом конце 1915 года.

б) Почтовые сношения.

Уже с начала войны выяснилось, что русские почтовые учреждения и цензура с перепиской военнопленных и их семейств справиться не могли. И на почте, и в цензуре образовались многомиллионные залежи писем и посылок. Можно сказать, что с начала 1915 года обмен письмами на почте брал до 6 месяцев, т. е. в сущности как русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии, так и военнопленные этих стран у нас были фактически лишены возможности сообщаться с родиной. В виду этого Московским Комитетам был организован специальный путь для сношений военнопленных через его Копенгагенское Бюро. Письма из России как от родственников русских военно-

пленных, так и от вражеских военнопленных стекались в Московский Комитет, откуда они в особых пакетах пересылались в Копенгаген, причем Московский Комитет наблюдал за ускоренным прохождением этими пакетами цензуры. Весною 1915 года Уполномоченный Московского Комитета имел в Стокгольме частное совещание с представителями Гамбургского Областного Комитета Красного Креста, на котором был намечен этот путь пересылки писем, и посредством обещания Московского Комитета приложить все усилия к его осуществлению, было предотвращено готовившиеся тогда в Германии в качестве репрессий запрещение переписки русских военнопленных. Из Германии и Австро-Венгрии письма стекались в Копенгагенское Бюро Московского Комитета, откуда в таких же пакетах пересылались в Москву для доставки по адресам. Технически эта система была создана путем изготовления Московским Комитетом для распространения среди населения и Копенгагенским Бюро для распространения среди военнопленных громадного количества двойных карточек с ответами и конвертов с печатным адресом Копенгагенского Бюро и Комитета, при помощи которых эта переписка и производилась. В Германии эти карточки и конверты распространялись через лагерные комитеты, которые раздавали их военнопленным, не имевшим в течение долгого времени сообщения с родными.

В течение 1915 года через Копенгагенское Бюро Московского Комитета прошло около 90,000 писем военнопленных и их родственников. В следующем году это число пересылавшихся через Копенгагенское Бюро писем возросло уже до 1.400.000 отправлений.

в) Материальная помощь.

Материальная помощь из России в течение первого периода войны оказывалась русским военнопленным в самых ничтожных размерах. В то время, когда все другие воевавшие государства с самого же начала войны ассигновали на помощь военнопленным многомиллионные средства, русское правительство в течение первого периода войны не только не оказывало русским военнопленным никакой государственной помощи, но даже и делу общественной помощи военнопленным причиняло стеснения. Летом 1915

года со стороны Ставки последовал даже запрет посылать военнопленным по почте хлеб и сухари, чтобы не увеличивать продовольственных ресурсов Германии, но понадобилось вмешательство Голицынского Комитета для отмены этого запрета. Настроение русского общества в первые месяцы войны также не благоприятствовали делу материальной помощи военнопленным. В широких кругах русского населения распространялись слухи о том, что будто бы посылавшиеся русским военнопленным посылки расхищались в Германии или конфисковались Германским правительством. Вследствие этих слухов многие родственники военнопленных и некоторые общественные организации воздерживались от посылки военнопленным съестных припасов. Между тем в действительности пропажа посылок в Германии далеко не представляла собой такого общего явления, как об этом писалось в русских газетах. Посылки чаще пропадали в пути еще до границ Германии. В этом отношении весьма характерным является следующее письмо генерал-майора Иваненко, полученное Московским Комитетом 10 ноября 1915 года:

„Сын мой, капитан артиллерии, будучи искалеченным, еще в августе пр. г. попал в германский плен и теперь находится в лагере г. Оснабрюк в Ганновере. Судя потому, что пишут вообще об участи наших военнопленных в Германии, этот лагер надо признать исключительным. Из самых верных источников я знаю, что комендант у них прекрасный честный старик, очень заботящийся о возможном улучшении их участи, обращение корректное, за заболевающими уход прекрасный, но они голодают потому, что везде недостача продуктов, и вся надежда на нашу помощь, а из нее выходит вот что: сын пишет:

„М—м В... (из Москвы) выслала мужу 16 посылок (непосредственно почтой) и мне 4. Ни одна не получена. Посылки приходят к нам с русскими печатями, с немецкой аккуратностью вскрываются в нашем присутствии и, в большинстве, оказываются обокраденными. „Ищи злодеев у себя".—Вот зло на которое, мне кажется, Комитету следует обратить внимание и помочь несчастным, доведя до сведения г. Министра Вн. Дел. Подлинные письма—жалобы храню и всегда могу их представить в доказательство". [1]).

[1]) В. У. А. арх. М.-К. 1915 г. папка V—I № 42.

На систематическую пропажу продовольственных припасов из адресованных русским военнопленным посылок было обращено внимание и Германским Военным Министерством, как это явствует из его приказа от 10 октября 1915 года за № 6889.

В этом приказе отмечается, что пограничными германскими учреждениями констатировано много случаев доставки в эти учреждения посылок для русских военнопленных в поврежденном виде, причем при сравнении содержимого этих посылок с описями оказывалось, что из них в пути были вынуты продовольственные припасы, как например, сухари, печение, сало, колбаса, и т. п. По мнению Военного Министерства имеется основание предполагать, что эта систематическая пропажа продовольственных припасов из русских посылок происходит не случайно, а об'ясняется стремлением некоторых русских кругов затруднить для Германии содержание русских военнопленных и тем содействовать „измору" Германии. В письмах родственников военнопленных часто встречаются жалобы на то, что русские почтовые учреждения часто отказываются принимать продовольственные посылки русским военнопленным, об'ясняя этот отказ тем, что—будто бы в Германии адресованные русским военнопленным с'естные припасы с'едаются самими немцами. С своей стороны Германское Военное Министерство находит, что это недоразумение следует устранить прежде всего в интересах русских военнопленных, находящихся в более тяжелом положении, чем бельгийские, французские и английские военнопленные, которые постоянно получают с родины множество посылок со всевозможными с'естными припасами, причем эти посылки всегда доходят до них в полной сохранности [1]).

По поводу отказов местных почтовых отделений в приеме продовольственных посылок для русских военнопленных Московскому Комитету приходилось обращаться в Центральные почтовые учреждения, которые раз'ясняли, что такие посылки должны приниматься беспрепятственно.

В целях облегчения родственной помощи русским военнопленным, Московский Комитет в начале 1915 года взял на себя посредничество по пересылке денежных сумм и продовольственных продуктов для русских военнопленных в лагеря Германии и Австро-Венгрии и уже в тече-

[1]) Erlas d. Kriegsministeriums И. 5, В. У. А., арх. Мос. Ком., 1915 г., папка V—I № 44.

ние первого периода войны значительно упорядочил это дело при содействии своих заграничных агентур. Благодаря переводу Копенгагенскому бюро авансовых денежных сумм в соответствующей валюте и массовой заготовке в Дании, так называемых, тарифных продовольственных посылок для военнопленных Московскому Комитету удалось существенно упростить наиболее громоздкие при общем расстройстве транспорта операции, именно доставку военнопленным денежных переводов и родственных индивидуальных продовольственных посылок. При таком порядке, родственники военнопленных вносили предназначенные ими для переводов или для покупки продовольственных посылок денежные суммы в кассу Московского Комитета, а Комитет посылал своему Копенгагенскому Бюро письменные или телеграфные приказы доставить указываемым военнопленным соответствующие денежные суммы или соответствующие продовольственные посылки от имени их родственников. Благодаря этому не только достигалось значительное ускорение операций, но и устранялась всякая опасность пропаж денег и посылок, или порчи продуктов в пути следования.

Опыт деятельности Московского Комитета понятно показал, что выработанные практикой жизни приемы и способы осуществления дела помощи военнопленным имели весьма существенное значение, так как при обусловленном войной расстройстве транспорта, при особых военных стеснениях, при разнообразных внутренних и внешних осложнениях, при всех этих затруднениях военного времени от техники дела помощи военнопленным во многих отношениях зависил успех самого дела, зависила возможность удовлетворения самых насущных материальных и духовных нужд военнопленных. И это относилось не только к таким значительным актам деятельности Московского Комитета, как, например, организация им его собственных агентур в Дании, Голландии и Швейцарии, существенно облегчавших для него разрешение наиболее сложных проблем внешних сношений, но и ко многим мелким деталям техники, начиная с формы открытых писем, способов цензурного опечатывания пакетов, размера и веса посылок и т. п. Даже способы переупаковки родственных посылок и сортировка их содержимого играли в деле обслуживания военнопленных весьма важную роль, так как в начале войны нередко бывали случаи, когда вследствие помеще-

ния в родственные посылки портящихся продуктов и вследствие неправильной их упаковки гибли, в пути и на складах, целые транспорты посылок. В этом отношении Хозяйственному Отделу Московского Комитета пришлось затратить не мало усилий и изобретательности на правильную организацию приема, переупаковки, транспорта и доставки родственных индивидуальных посылок военнопленным. Вместе с тем, независимо от заготовки трафаретных посылок в Дании, Московскому Комитету пришлось взять на себя и заготовку аналогичных трафаретных посылок внутри России, причем оказалось, что сравнительно с посылками, заготовлявшимися самими родственниками военнопленных, посылки Комитета являлись и более дешевыми и значительно более практичными, так как при установлении их содержания, формы, веса и упаковки Московским Комитетом были учтены все особенности транспорта посылок для военнопленных и их военноцензурного досмотра в России и заграницею.

Организованная при содействии Московского Комитета родственная помощь до некоторой степени заменяла ту государственную помощь, которую русское правительство не считало нужным оказывать своим гражданам в плену. Но сравнительно с об'емом материальной нужды, царившей в лагерях Германии и Австро-Венгрии, эта помощь была крайне недостаточной и неравномерной, вследствие чего положение огромного большинства русских военнопленных оставалось сугубо тяжелым в течение всего первого периода мировой войны.

ГЛАВА X.

Стокгольмская конференция 1915 года.

К середине 1915 года выяснился затяжной характер мировой войны, во всех воевавших странах оказались массы военнопленных, и создалась необходимость общего урегулирования их положения и установления интернациональных сношений краснокрестных организаций по делам помощи военнопленным.

Между краснокрестными организациями Центральных государств и соответствующими учреждениями Англии и Франции состоялся в течение 1915 года ряд соглашений, на основании которых в этих странах были учреждены комитеты по делам военнопленных, образованные из представителей нейтральных посольств, национальных краснокрестных организаций и интернационального Комитета Красного Креста. Эти комитеты имели своей задачей участие в осуществлении разных видов помощи военнопленным, посещение лагерей военнопленных нейтральными лицами, надзор за распределением подарков военнопленным и урегулирование почтовых сношений и регистрацию военнопленных. Деятельность этих организаций уже в течение первого периода войны привела ко многим практическим результатам, отразившимся на облегчении положения военнопленных обоих вступивших в сношения сторон.

Сношения русских организаций помощи военнопленным с краснокрестными учреждениями Центральных государств в течение первого года войны не были урегулированы. Русское правительство и русское общество относились к сношениям с немецкими учреждениями, хотя бы и краснокрестными, крайне отрицательно, и это отражалось на деятельности Российского Общества Красного Креста, которая по делам военнопленных ограничивала свои задачи лишь регистрацией военнопленных и составлением списков. Первые сношения с германскими и австрийскими краснокрестными учреждениями по отдельным конкретным делам военнопленных были установлены Московским Комитетом и его заграничными агентурами. С течением времени выяснилась необходимость более определенного взаимоотношения краснокрестных организаций обоих воевавших сторон, касавшихся осуществления помощи военнопленным. По этому поводу летом 1915 года состоялись в Копенгагене частные совещания между агентами Московского Комитета и деятелями Гамбургской краснокрестной организации, развивавшей в Германии наиболее активную деятельность по оказанию помощи военнопленным. В результате этих совещаний установилось некоторое взаимодействие между организациями помощи военнопленным обеих стран. В этом деле большое значение имело посредничество обществ Красного Креста Дании и Швеции. Председатель Шведского Красного Креста, принц Карл Шведский, взял на себя за-

дачу содействовать дальнейшему сближению краснокрестных организаций и обратился к России и к Центральным государствам с предложением делегировать своих краснокрестных представителей на особую конференцию в Стокгольм.

Со стороны Австрии и Германии последовало немедленное согласие на участие в краснокрестной конференции по делам военнопленных. В России вопрос об участии в этой конференции был разрешен не без некоторых междуведомственных трений. Главное Управление Российского Общества Красного Креста принципиально согласилось на участие в конференции; но со стороны Военного Ведомства предложение Карла Шведского не встретило сочувствия. Было созвано особое междуведомственное совещание, на котором вопрос о программе конференции и о полномочиях ее участников был подвергнут детальному обсуждению.

По сообщению одного из участников этого совещания Московскому Комитету [1]), здесь были высказаны следующие мнения по вопросу о характере предполагавшейся конференции:

Представитель Военного Ведомства, не возражая против созыва конференции по делам благотворительного характера, входящим в круг ведения Обществ Красного Креста, высказался за придание этой конференции характера осведомительного и заявил, что Военное Ведомство не считает для себя возможным ставить, с своей стороны, какие либо вопросы на обсуждение конференции и принимать на себя какие либо обязательства по изменению установленного порядка содержания неприятельских военнопленных.

Представитель Министерства Иностранных Дел настаивал на желательности и необходимости созыва конференции, на выработке точной программы занятий с тем, чтобы не было уже никаких от нее отступлений, и на участии в выработке программы представителя Военного Ведомства, дабы уполномоченные Красного Креста могли поднять те вопросы, которые интересуют Военное Ведомство.

Представитель Центрального Справочного Бюро настаивал на необходимости урегулирования вопроса о регистрации и обмене списками.

Член Особого Комитета при Главном Управлении Красного Креста высказался за непременное участие в ра-

[1]) В. У. А. арх. М. К., 1915 г., папка VII № 6.

ботах конференции, несмотря на отрицательное отношение со стороны Военного Ведомства, так как даже простой обмен может дать благоприятные результаты.

Представитель Петроградского Областного Отдела Городского Союза находил участие в конференции нежелательным и полагал, что самая идея о ее созыве подлежит еще обсуждению с точки зрения ее уместности и своевременности.

Несмотря на таксе расхождение мнений, вопрос об участии России в Стокгольмской конференции был разрешен в положительном смысле, и Российское Общество Красного Креста делегировало на эту конференцию двух своих представителей.

Конференция состоялась в Стокгольме в ноябре 1915 года.

По первоначальному плану эта конференция должна была носить характер совещания представителей краснокрестных обществ воевавших стран. Но с самого же начала конференция вышла далеко за пределы лишь краснокрестных задач и включила в свою программу обсуждение вопросов, касавшихся правительственных мероприятий для урегулирования положения военнопленных обеих представленных на конференции сторон, причем участники конференции обязались представить заключения конференции на утверждение своих правительств. Постановления Стокгольмской конференции впоследствии частно были приняты к исполнению правительствами всех представленных на конференции стран, вследствие чего они приобрели значение международно-правовой конвенции между Россией и Центральными государствами. Это был первый акт международноправового урегулирования вопроса о военнопленных минувшей мировой войны.

Заседания Стокгольмской конференции открылись под председательством принца Карла Шведского 22 ноября 1915 года.

Со стороны России присутствовали два представителя Российского Общества Красного Креста Арбузов и Маркозов; со стороны Германии—принц Макс Баденский, председатель германского Общества Красного Креста Кернер и представитель гамбургской краснокрестной организации Петерсен; со стороны Австрии—председатель австрийского

Общества Красного Креста барон Шпигельфельд; со стороны Венгрии—граф Аннонъи и со стороны Швеции—Дидринг, председатель шведского краснокрестного Комитета помощи военнопленным.

На конференцию обеими сторонами были представлены материалы, характеризовавшие тяжелое положение военнопленных в России и в Центральных государствах в течение первого периода войны [1]).

Представляя свои материалы германские делегаты оговорились, что они не имели возможности проверить те данные, которые им были сообщены военнопленными и нейтральными лицами, и просили русскую делегацию проверить указываемые ими факты, и если эти факты подтвердятся,—принять соответствующие меры к их устранению.

По мнению германских делегатов, тяжелое положение германских пленных в России в первую очередь было обусловлено тем, что германские военнопленные по распоряжению русского правительства водворялись в далекой Сибири. Суровый климат Сибири с резкими колебаниями температуры летом и зимой несомненно был опасен для здоровья и жизни большинства германских пленных, привыкших к мягкому среднеевропейскому климату.

Отдаленность Сибири от Центральной Европы при недостаточности железных дорог до крайности затрудняла сношения военнопленных с родиной и оказание им помощи.

Самая перевозка их в Сибирь, осуществлявшаяся в большинстве случаев в нетопленных товарных вагонах, в которых они должны были находиться в течение весьма продолжительного времени, несомненно была сопряжена для них с большими мучениями и с вредом для здоровья. Особенно мучительной и смертельно опасной такая перевозка являлась для больных и раненых военнопленных, которые нередко направлялись в Сибирь прямо с поля битвы без надлежащей медицинской помощи.

По мнению германских делегатов эта ссылка в Сибирь чрезвычайно отягчала положение германских пленных сравнительно с положением русских пленных, которые все водворялись в здоровых местностях Средней Европы.

Далее германские делегаты указывали на крайнюю неудовлетворительность помещений для военнопленных в

[1]) Annexe 3 au procès verbal de la cinquième séance.

местах их водворения в Сибири, на отсутствие теплой одежды для них, на плохое питание и на отсутствие медицинской помощи и санитарных мероприятий, вследствие чего германские военнопленные тысячами гибли в Хабаровске, в Красноярске и в других сибирских лагерях.

Для иллюстрации положения военнопленных германские делегаты представили ряд подлинных писем военнопленных из разных мест водворения в Сибири и с пути следования в Сибирь.

Я позволю себе привести здесь в русском переводе некоторые из этих писем.

Письмо военнопленного Браунинга из лагеря Ново-Николаевска:

„В этом лагере нам приходилось спать на голых досках без одеял и без какой либо подстилки. Зимой плохо топили. Питание, в начале применительно к обстоятельствам, было терпимым, но впоследствии стало хуже. В начале этого года еда была очень плохой, хлеб—несъедобным, вследствие чего дезинтерия, тиф и другие болезни страшно свирепствовали. Я сам по утрам видел, как на нарах лежало по шести—семи трупов, один подле другого, причем не принималось никаких мер для перевода других тяжко больных в лазареты. Больные были настолько слабы, что, выходя для своих потребностей, они часто падали. Отхожее место представляло собой простую яму, через которую были перекинуты доски. Приспособлений для сидения не было, так что все отправления приходилось выполнять стоя. Этим отхожим местом должны были пользоваться все без исключения, как здоровые, так и больные. При этом к несчастью часто случалось, что слабые больные, выходя в отхожее место в ночное время, теряли равновесие и падали в яму, где они погибали ужасной смертью. Я сам в феврале 1915 года видел в яме двух мертвых товарищей; другие военнопленные их вытащили из ямы и перенесли в мертвецкую [1]).

Письмо вольноопределяющегося Зауэра:

„Пятичасовой переезд через Москву без одежи и без одеяла при сорокаградусной лихорадке. После операции четырехдневный транспорт в товарном вагоне без одеяла, без соломы, на голых досках. Один раз горячая пища в течение четырех дней“ [2]).

[1]) Annexe 3 p. 31.
[2]) H. p. 32.

Письмо унтер-офицера Тобиена:

„В начале марта мы прибыли в Омск. Был мороз в 38 градусов. Нас поместили в старом здании, где раньше содержались ссыльные. Камеры темные и полны насекомыми. Оконные стекла разбиты, отопления нет. Теснота такая, что военнопленным приходилось лежать на подоконниках и на цементном полу без подстилки и одеял... Питьевой воды не было; приходилось оттаивать снег или брать воду из водосточных труб, вследствие чего многие заболели тифом“... [1]).

Письмо раненого офицера Гетца:

„Все виденные мною госпитали полны насекомыми. Лицам санитарного персонала строго запрещено говорить по немецки, хотя бы они и знали немецкий язык. Это приводит к печальным результатам, так как больные часто не могут об'яснить свое состояние врачу или сестре милосердия“ [2]).

Письмо увечного пленного Кальмейера:

„В Красноярске из 8000 пленных ежедневно умирало по два по три человека. Пленные офицеры сообщили нам, что за зиму умерло здесь около 2000 военнопленных“ [3]).

Другие представленные германской делегацией письма военнопленных рисуют столь же тяжелые картины положения военнопленных в сибирских местах водворения.

Доводя эти данные до сведения конференции германская делегация просила русских представителей оказать содействие к облегчению положения германских пленных в России.

От имени австрийской и венгерской делегации барон Шпигельфельд представил конференции свыше ста писем австрийских военнопленных из разных лагерей и мест водворения Европейской России и Сибири, именно: из Ачинска, Астрахани, Акмолинска, Березовки, Хабаровска, Гадяча, Каннска, Каинска, Казани, Казалинска, Кирилова, Кишимского, Коканда, Красноярска, Мариинска, Нерчинска, Никольск-Уссурийска, Ново-Николаевска, Омска, Песчанки, Покрова, Раздольного, Самарканда, Спасского и Сретенска Забайкальской области [4]).

---

[1]) Ibidem p. 33.
[2]) Ib. p. 33.
[3]) Ib. p. 34.
[4]) Annexe 3 au procès verbal de la cinquième séance p. 35—45.

Для примера приведу здесь некоторые из этих писем.

Письмо из Хабаровска, июль 1915 года:

„Дизентерия и тиф; пятьсот умерших; питание дурное, обращение также. Денег не выдают. Жалобы не помогают. Мы лежим без шинелей и соломы на досках; множество вшей и других насекомых. Одежда изорвана, ходим полунагими; почти все больны; лазареты переполнены; нет врачей".

Письмо из Казалинска (Сыр-Дарьинской области), июль 1915 г.:

„Живем плохо. Тиф и другие болезни. Мертвые по нескольку дней лежат среди больных. Условия содержания бесчеловечны; голые нары, почти нечего есть, нет одежды".

Письмо из Коканда (Ферганской области), июль 1915 г.:

„Много смертей, климат невыносим, страшная жара, плохая вода, тиф".

Письмо из Красноярска, сентябрь 1915 г.:

„С нашими солдатами в рабочих командах обращаются жестоко. Правительство должно что-либо предпринять. При сооружении дорог наши солдаты не получают денег. Инженеры все присваивают. Очень плохое питание. Казаки нещадно бьют нагайками. Среди наших солдат нет ни одного, у кого не было бы шрамов на спине или на лице. Даже офицеров избивают. У людей нет обуви, а между тем они должны работать, стоя в воде".

Письмо из Раздельного Приамурской области, октябрь 1915 г.:

„Нет обуви, босые, тяжелые дорожные работы, разбиваем камни, бьют кнутом за малейшую провинность, нет одежды. С четырех часов утра до темной ночи работа. Питание жалкое. Мы все восемь тысяч людей погибаем. Те, которые получают что либо от родных, кое-как перебиваются".

Письмо из Никольск-Уссурийска, июнь 1915 г.:

„Мое состояние плохо, я уже дважды оперировался, но все таки надеюсь увидать родину. Мы давно погибли бы, если бы за нами не было ухода со стороны самоотверженных австрийских врачей, которых мы не знаем как благодарить. Если бы мы могли предвидеть то, что здесь нас ожидало, то мы предпочли бы самоубийство, ибо здешняя земля поглотит многих тех, кто добрался сюда и находит здесь свою могилу вдали от родины".

Представляя эти письма, барон Шпигельфельд отметил, что им отобраны лишь те письма, которые обрисовывают особенно тяжелые условия содержания австрийских военнопленных в России. Но он не скрывает, что в распоряжении Австрийского Общества Красного Креста имеются и другие письма, свидетельствующие об удовлетворительном положении австрийских пленных в некоторых местностях России. По поводу приведенных данных представитель Австрийского Общества Красного Креста просил русскую делегацию проверить отмечаемые ими факты и принять меры к их устранению.

От имени русской делегации сенатор Арбузов, не представляя конкретных материалов, в общей форме сделал заявление о том, что положение русских военнопленных особенно тяжело в лагерях: Альтен-Грабове, Бромберге, Ване, Графенвере, Денгольме, Ингольштадте, Кенигсбрюке, Кюстрине, Лаубане, Люгум-Клостере, Стендале, Тондерне, Нейссе, Шнейдемюле, Галле, Гаммерштейне и Цоссене.

В частности, русский делегат отметил, что во многих германских лагерях помещения для военнопленных построены неудовлетворительно; бараки слишком легки и зимою не держат тепла. В некоторых крепостях казематы сырые и тесные.

Далее он указал на то, что военнопленные постоянно жалуются на недостаток одежды и белья, на отсутствие обуви и шинелей и на дурное питание. Пищу для военнопленных в Германии русский делегат вообще находил недостаточной и в подтверждение этого ссылался на тот факт, что русским военнопленным приходится подбирать об'едки и искать себе пропитание в мусорных ящиках.

Работы русских военнопленных в Германии русский делегат признавал чрезмерно изнурительными и отмечал, что в некоторых местах военнопленным приходится работать по колено в воде.

Более подробно русский делегат останавливался на описании применяемых к военнопленным наказаний, которые в некоторых лагерях носят характер истязаний.

Для иллюстрации положения русских военнопленных в Германии, представитель русской делегации привел рассказ эвакуированного из лагеря Нейссе офицера Матвеева. В этом рассказе описываются тяжелые условия содержания

русских офицеров в лагерях Германии. Матвеев констатирует, что после взятия в плен он вместе с другими был помещен в сырые казематы крепости. Всем заключенным были сделаны предохранительные прививки от холеры, скарлатины и тифа. Под предлогом, что у русских офицеров имеются насекомые, лейтенант Калида приказал заключенным выстроиться и по одному с наклоненной головой подходить к немецкому санитару Мюллеру. Кругом собиралась толпа и потешалась этим зрелищем. Три раза в день производилась проверка военнопленных, причем за неотдание чести военнопленные заключались в карцер на 14 дней. В лагерях помещения военнопленных были окружены проволочными заграждениями. Мест для прогулок не было. Один раз военнопленных водили для прогулок за город, но когда они под конвоем возвращались, местным жителям было сказано, что это ведут новых военнопленных, и толпа встречала их насмешками и оскорбительными замечаниями.

Относительно положения русских военнопленных в Австро-Венгрии сенатор Арбузов, ссылаясь на ранее посланные в Австрийский Красный Крест сообщения Российского Общества Красного Креста, ограничился общим указанием на то, что содержание русских военнопленных особенно дурно в лагерях: Терезиенштадте, Иозефштадте, Миловице, Фельдбале, Дебречине, Линце, Эстергоме, Будапеште, Соморьи и Комароме.

По поводу представленных участниками конференции данных, характеризующих положение военнопленных в России, Германии и Австро-Венгрии, конференцией были выяснены нижеследующие положения.

„Совещание пришло к соглашению о том, что каждая делегация, ознакомившись с относящимися к содержанию военнопленных фактами, которые были взаимно приведены во время совещания, обязуется предпринять шаги перед властями своей страны с целью проверки достоверности означенных фактов. Совещание также согласилось в том, что если дознание по поводу означенных фактов подтвердит наличность злоупотреблений, то делегации обязуются предпринять необходимые шаги перед властями с целью предупреждения повторения подобных злоупотреблений в будущем [1]).

---

[1]) Protocôle de clôture p. 66.

На девяти заседаниях Стокгольмской конференции были подвергнуты подробному обсуждению многие вопросы, касавшиеся урегулирования положения военнопленных и организации важнейших видов помощи им. В результате этого обсуждения, конференцией был выработан подробный кодекс правил об условиях содержания военнопленных, о службе справок, обмена списками и почтовых сношений, о медико-санитарном уходе за больными и ранеными военнопленными, о доставке посылок и распределении пожертвований, об удовлетворении духовных нужд военнопленных, об учреждении комитетов помощи военнопленным и об образовании смешанных комиссий, как органов внегосударственного контроля над соблюдением состоявшихся соглашений по делам военнопленных.

Выработав эти правила, все участники конференции единогласно постановили предложить своим правительствам принятие намеченных конференцией мер и их осуществление на началах взаимности.

Постановления Стокгольмской конференции *по вопросу об урегулировании общего положения военнопленных* в России, Германии и Австрии сводятся к следующему:

Пункт 7 Положения, приложенного к Гаагской Конвенции от 18 октября 1907 г., касающейся законов и обычаев сухопутной войны, предусматривает специальное соглашение по вопросу о содержании военнопленных. Основываясь на означенном пункте, предлагается соглашение между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией, с другой стороны, основанное на следующих принципах:

1) военнопленные не должны водворяться в местностях, климат которых был бы для них вреден; не следует обязывать их к работам, сверх их физических сил;

2) военнопленные офицеры должны получать безукоризненные, в гигиеническом отношении, помещения, объемом не менее 15 куб. метров на человека и допускающие вентиляцию; в помещения должен проникать полный дневной свет, и они должны быть в достаточной мере отапливаемы и освещаемы. Желательно помещение в одной комнате возможно меньшего числа офицеров и предоставление отдельных комнат пожилым офицерам. Отопление, освеще-

ние и нижеперечисленные предметы должны предоставляться администрацией того государства, во власти которого пленные находятся, а не за счет водворенных. Для каждого офицера требуется кровать с матрацом, подушкой, соответствующим бельем и одеялом, стул или табурет, помещение для одежды и съестных припасов (если возможно шкаф или комод), умывальная чашка, стакан, полотенце, ведро; за общим столом каждому офицеру должно быть отведено особое место. Для личных услуг офицерам в офицерских лагерях должны быть водворены военнопленные солдаты той же армии и говорящие, по возможности, на общем с офицерами языке, не менее одного на четырех офицеров; эти солдаты обязаны чистить платье, убирать помещения, дворы, коридоры и т. п. Они должны обслуживать отопление и служить за столом;

3) военнопленные унтер-офицеры и рядовые должны получать здоровые помещения, доступные вентиляции, с содержанием воздуха не менее 5 куб. метров на человека. Постели должны состоять из мешков, сшитых из материи (мешки для соломы), наполненных соломой, древесной шерстью или тому подобной набивкой. Каждый пленный имеет право на шерстяное одеяло, полотенце и столовый прибор.

В помещениях для пленных должно быть необходимое количество столов, стулья, кружки для напитков, приспособления для подвешивания платьев, этажерки для помещения припасов и мелких вещей.

В каждом лагере для пленных должна иметься баня и и прачечная для стирки белья.

Власти должны заботиться о том, чтобы помещения в достаточной мере отапливались и освещались, если возможно, электричеством.

а) Пища и одежда офицеров.

Так как офицеры должны сами платить за свою одежду и пропитание из жалования, уплачиваемого им враждебным государством, необходимо, чтобы офицеры на эти деньги получали ежедневно достаточную пищу. Состав этой пищи должен, по возможности, разнообразиться. Цены должны быть умеренны, дабы у офицеров оставались средства на удовлетворение их мелких ежедневных потребностей, как стирка белья и т. п.

В каждом лагере должна быть устроена лавка, в которой было бы возможно покупать простые съестные припасы, если офицерам не будет разрешено делать покупки в другом месте. Цены в этих лавках не должны превышать цен, которые существуют в торговле окрестных лагерей.

б) Пища унтер-офицеров и рядовых солдат.

Военнопленные должны получать простую и достаточную пищу. В особенности она должна соответствовать в отношении количества и состава тем работам, которые будут возлагаться на пленных.

По возможности необходимо считаться с привычками пленных. Пища должна им выдаваться три раза в день.

1) Завтрак.
2) Еда в 12 часов.
3) Еда вечером.

Во всяком случае ежедневная порция должна соответствовать физиологическим потребностям. Провизия должна быть хорошего качества и блюда должны быть чисто приготовлены.

Пища военнопленных должна подвергаться постоянному и добросовестному контролю. Должно заботиться, при содействии врачей и лагерных комитетов, о том, чтобы пища была по возможности разнообразна. Пленные должны иметь право получать в лагерной лавочке, по ценам умеренным и без запроса, съестные припасы, белье, мыло и т. п. Цены в лавочках не должны превышать цен в торговле окрестных лагерей.

в) Одежда унтер-офицеров и рядовых.

Правительство государства, во власти которого находятся военнопленные обязано снабжать их одеждой, соответствующей климату места водворения и защищающей, главным образом, от холода. Это правило относится равным образом к обуви. Каждый солдат должен быть снабжен двойной сменой белья в исправном состоянии.

г) Обращение.

По соглашению воюющих держав должны быть установлены правила обращения с офицерами, а также должны

быть установлены категории лиц, имеющих пользоваться правами офицеров. В особенности заслуживают внимания вольноопределяющиеся одного года и солдаты с высшим образованием.

Всякая жестокость по отношению пленных безусловно воспрещается и должна быть строго наказуема.

Больные и раненые не должны перевозиться до тех пор, пока путешествие может помешать их выздоровлению, разве бы ход военных операций того требовал.

Как общее правило обязательно, чтобы перевозка производилась в условиях, соответствующих физическим силам перевозимых и требованиям гигиены.

Инвалиды, могущие подлежать обмену, не должны пересылаться в отдаленные местности.

Пленный, которого врач признает больным, не должен посылаться на работы, впредь до выздоровления.

Совещание высказывает пожелание, чтобы было разрешено офицерам, а по возможности и солдатам, страдающим некоторыми болезнями, в роде чахотки, ревматизма и т. п., просить о переводе их в более подходящие для них местности с мягким климатом или в лечебные места.

д) Гигиена.

Во всех лагерях для военнопленных должны быть устроены отхожие места, отвечающие требованиям гигиены и подвергаемы постоянной дезинфекции. В качестве дезинфекционного средства следует, главным образом, употреблять негашеную известь. Испражнения должны быть удаляемы как можно скорее. Отхожие места должны быть покрыты крышей и иметь крепкие стены. Число сидений должно быть расчитано так, чтобы имелось одно на каждые 50 человек. Для офицеров должно быть устроено достаточное количество клозетов.

Необходимо озаботиться, чтобы в каждом лагере имелась здоровая вода для питья и умывания.

е) Дезинфекция.

Пленные, немедленно по их прибытии и, в случае необходимости, во время нахождения их в плену, должны быть подвергнуты основательной дезинфекции, обнимающей

их самих, их одежду, их белье и их койки. Нужные для производства дезинфекции аппараты должны иметься на лицо.

В каждом лагере, или по близости такового, должны быть отведены особые помещения для больных и медицинского персонала. Точно также каждый лагерь должен быть снабжен достаточным количеством медикаментов. Больные, страдающие заразными болезнями, должны быть размещены отдельно.

ж) Свобода передвижения для офицеров.

Всем пленным офицерам должна быть предоставлена возможность свободного передвижения на свежем воздухе, а также свобода спортивных упражнений и продолжительных прогулок вне лагерей [1]).

По вопросу *об организации справочной части* конференция признала целесообразным рекомендовать следующие меры:

Германцам, австрийцам и венгерцам, которые впредь попадут в русский плен, будут выдаваться уже на первом этапе или при поступлении их в лазарет почтовые карточки с адресом Московского Комитета помощи и одновременно с адресом получателя в Германии или Австро-Венгрии. Эти карточки будут отсылаться в Московский Комитет, который будет пересылать их в пакетах русскому Комитету помощи в Копенгагене. Этот последний будет отправлять их по назначению обыкновенным почтовым путем, зачеркнув адрес Московского Комитета.

Таким же образом будут раздаваться русским военнопленным в Германии Австрии и Венгрии почтовые карточки с адресами русского Комитета помощи в Копенгагене и получателя в России. Эти карточки будут пересылаемы Русскому Комитету в Копенгагене, который будет передавать их в пакетах Московскому Комитету помощи для дальнейшей отправки.

Эта система будет соблюдаться впредь до улучшения, в отношении быстроты и аккуратности, непосредственных почтовых сношений. Она может быть изменена по соглашению заинтересованных Обществ Красного Креста [2]).

---

[1]) Protocôle de clôture p. 66.
[2]) Protocôle de clôture p. 63.

Стокгольмская конференция обратила внимание на необходимость урегулирования *почтовых сношений* военнопленных с их родными и близкими и по этому вопросу выработала следующие положения:

Установлено, что главными причинами неправильностей в ходе почтовых сношений между военнопленными и их родиной (корреспонденция, почтовые посылки и денежные переводы) являются следующие:

Существующий способ регистрации, неполнота адресов, частое перемещение военнопленных, цензурные затруднения, громадные расстояния в Сибири и существование в Сибири лишь одной железнодорожной магистрали.

Делегации принимают на себя обязательство употреблять все усилия к тому, чтобы указанные неудобства были устранены.

Например, будут приняты меры к введению во всех заинтересованных странах одинаковой системы регистрации, число цензоров будет увеличено соответственно потребности.

Совещание высказывает мнение, что если бы опыт доказал, что цензура не может успеть пропустить аккуратно все количество закрытых писем и почтовых карточек, допускаемое действующими правилами, возможно было бы в общих интересах ограничить корреспонденцию пленных солдат либо двумя закрытыми письмами и двумя почтовыми карточками, либо одним закрытым письмом и тремя почтовыми карточками в месяц. Это ограничение не должно касаться корреспонденции офицеров.

В отношении денежных переводов признано необходимым:

1) чтобы военнопленные не были обязаны подписывать расписки, пока деньги, присланные для них, либо не вручены им наличными, либо не записаны на их текущий счет;

2) чтобы расписки были подписываемы самими военнопленными, и

3) чтобы им пред'являлся подлинный перевод.

Каждая сумма, которая не вручена пленному наличными деньгами, заносится на текущий счет, который должен быть открыт для каждого пленного. В случае перемещения пленного в другой лагерь, лист его текущего счета должен его сопровождать.

Имея в виду, что между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией, с другой стороны, не существует соглашения относительно максимальных количеств денег, которыми могут располагать военнопленные, предлагается установить размер этих сумм в 40 марок, 50 крон, 20 р.,—для офицеров и кандидатов к ним всех категорий и тех из числа солдат, которые принадлежат к тому же общественному классу, в особенности для вольноопределяющихся одного года; 20 марок, 25 крон, 10 р.—для остальных солдат каждые 10 дней.

Признано желательным, чтобы военнопленные могли, при посредстве администрации лагерей, покупать, поскольку их средства позволяют, неотложно необходимые им предметы [1]).

По вопросу о *культурно-просветительной помощи* военнопленным Стокгольмская конференция признала, что коллективные посылки книг, изданных ранее 1913 г. и предназначенных военнопленным в России, должны быть адресуемы на имя Петроградского Комитета помощи, который возьмет на себя цензуру и передачу их в лагери. Посылки должны сопровождаться списком с указанием названий книг, подписанных одним из членов подлежащего Комитета помощи. В отношении книг, написанных на венгерском и других не общеизвестных языках, должен быть приложен перевод названий на французском языке. Аналогичная процедура будет применяться и к отправкам книг русским пленным в Германии, Австрии и Венгрии. Допускаются к посылке как новые, так и подержанные книги, при единственном условии, чтобы на них не было никаких пометок пером, карандашом или каким-либо другим способом.

Что касается именных посылок книг для военнопленных, то таковые могут быть сделаны по почте при условии, чтобы книги были не державные и изданы ранее 1913 года.

Стокгольмская конференция признала целесообразным санкционировать представительство военнопленных в форме *лагерных комитетов*. Организация этих лагерных комитетов определялась следующими положениями:

---

[1]) Protocole de clôture p. 66.

В каждом лагере для военнопленных, как офицеров, так и солдат, должен быть учрежден комитет в составе пленных офицеров и врачей, принадлежащих к одной с пленными национальности, и в числе, пропорциональном количеству водворенных в данном лагере пленных.

На обязанности комитета будет лежать выслушивание пожеланий и жалоб пленных и переговоры по поводу таковых с лагерными властями, наблюдение за соблюдением в лагере гигиенических условий, за пищей, за обращением с пленными и т. д., доведение до сведения лагерных властей о непорядках и надзор за распределением присылаемых для пленных пожертвований [1]).

Относительно *организации комитетов помощи военнопленным* конференция постановила: так как Комитеты помощи военнопленным, учрежденные на основании пункта 15 Положения, приложенного к Гаагской Конвенции от 18 октября 1907 г., касающейся законов и обычаев сухопутной войны, уже функционируют в Вене, Будапеште и Петрограде, то русская делегация свидетельствует, что, в виду заявления о взаимности со стороны германского Красного Креста, Петроградский комитет примет на себя заботу и о военнопленных германцах.

Аналогичный Комитет помощи будет учрежден в Берлине. Комитеты помощи военнопленным согласны по мере необходимости и по ходатайствам заинтересованной стороны учреждать местные отделения для оказания помощи военнопленным в центральных местах. Отделения будут состоять из подданных той страны, где учреждено отделение, и из нейтральных лиц; сии последние будут назначаться на тех же основаниях, как и нейтральные члены центральных Комитетов.

В настоящее время и под условием воспоследования по сему предмету соглашения, признается желательным открытие таких отделений, кроме Москвы, где таковое уже функционирует, в Казани, Ташкенте, Тобольске, Иркутске, Омске, Владивостоке и Чите или в другом городе Забайкальской области.

Подобные отделения будут открываться в Германии и Австро-Венгрии по ходатайству Петроградского Комитета помощи.

---

[1]) Protocôle de clôture p. 65.

Означенные местные отделения будут главным образом оказывать содействие к выяснению нужд военнопленных, а также к облегчению пересылки и распределения подарков и к контролю над ними [1]).

Для надзора за соблюдением состоявшихся соглашений, а также для ознакомления с действительным положением военнопленных в России и в центральных государствах, Стокгольмская конференция признала желательным образование нейтральной *Смешанной Комиссии*, состав и функции которой должны были определяться следующими положениями:

Смешанная Комиссия должна быть учреждена для воюющих держав, а именно: для Германии, Австро-Венгрии и России. Она должна состоять из девяти членов, три из которых будут указаны Обществом Красного Креста Дании, Швеции и Швейцарии; из остальных шести по одному будет назначено Обществами Красного Креста Германии Австрии и Венгрии и три—Российским Обществом Красного Креста. Комиссия должна избрать председателя и секретаря из числа нейтральных членов. Председатель и бюро комиссии будут иметь постоянное пребывание в Стокгольме.

Комиссия, находясь в постоянных сношениях с Центральными Комитетами помощи военнопленным поименованных стран, будет иметь главной задачей предпринимать путешествия в воюющие страны с целью ознакомления с содержанием военнопленных не только в местах водворения, но и во время их пересылки из одного лагеря в другой и во время работ на службе у общественных учреждений или частных лиц.

Комиссии должна быть предоставлена полная свобода посещать, с разрешения военных властей, лагери водворения, разговоривать с пленными на их родном языке и без свидетелей, знакомиться с способами и приемами пересылки их и требовать от подлежащих властей все сведения необходимые для осуществления возложенной на нее задачи.

Комиссия должна будет посылать, с возможной быстротой, подробные отчеты о своих наблюдениях Президиуму Шведского Общества Красного Креста, которое будет осведомлять о них заинтересованные Общества Красного Креста.

---

[1]) Protocôle de clôture p. 62.

В случае нарушения действующих договоров, Общество Красного Креста той страны, в которой злоупотребление было установлено, должно будет обратиться к своему правительству с целью вызвать необходимые мероприятия; оно известит о них Шведское Общество Красного Креста.

Расходы по комиссии будут отнесены в равных частях на счет Германии, Австро-Венгрии и России. Расходы по перевозке лиц и вещей будут относиться на счет держав, в пределах которой они производятся.

Если комиссия, ознакомившись с положением военнопленных в воюющих странах, сочтет это полезным, она должна будет обратиться к Шведскому Обществу Красного Креста с целью добиться созыва нового Совещания заинтересованных Обществ Красного Креста [1]).

Заключительный протокол Стокгольмской конференции был подписан членами русской, германской, австрийской и венгерской делегаций 1 декабря 1915 года. Перед подписанием протокола участники, конференции, „в твердой надежде, что они смогли содействовать облегчению участи военнопленных", обязались держать Шведское Общество Красного Креста в курсе результатов имеющих быть предпринятыми ими шагов.

ГЛАВА XI.

Международно-правовое положение вопроса о русских военнопленных в конце первого периода мировой войны.

Постановления Стокгольмской конференции представляют собой значительный интерес как первый акт международного правотворчества по делам русских военнопленных за время минувшей мировой войны.

Великая мировая война, ознаменовавшаяся в самом своем начале резкими нарушениями ранее заключенных международных соглашений, разобщила все народы Европы;

[1]) Protocôle de clôture.

но вместе с тем она же создала необходимость восстановления интернациональных общений в первую очередь для гуманитарной защиты общечеловеческих интересов военнопленных всех воевавших стран.

В постановлениях Стокгольмской конференции мы несомненно видим попытку укрепления и развития прежних международно-правовых соглашений по делам военнопленных. Эти постановления исходят из признания положений Гаагской конвенции 1907 г. Так, первое постановление Стокгольмской конференции об учреждении комитетов помощи военнопленным сформировано как осуществление пункта 15-го Гаагской конвенции, а постановления об общих условиях содержания военнопленных оформлены в виде специального соглашения между Россией и Центральными государствами, заключаемого на основании пункта 7-го Приложения к Гаагской конвенции.

Но в отличие от Гаагской конвенции, заключающей в себе лишь самые общие положения о военнопленных, Стокгольмский протокол характеризуется тенденцией к детализации отдельных международно-правовых норм, касающихся условий содержания военнопленных и организации важнейших видов помощи им. В некоторых постановлениях Стокгольмской конференции эта детализация доходит до самой мелочной регламентации техники устроения быта военнопленных, их регистрации и почтовых сношений.

Такое стремление участников Стокгольмской конференции к детализации международно-правовых норм о военнопленных является вполне понятным, ибо опыт первого года войны наглядно показал, что в условиях великой мировой войны даже такие детали, как наличность одеял или мешков с соломой имели весьма существенное значение для здоровья и жизни многих и многих тысяч военнопленных. Стараясь возможно подробнее предусмотреть условия содержания военнопленных и технику их регистрации и корреспонденции, участники Стокгольмской конференции, очевидно, надеялись путем установления детальных норм гарантировать самые насущные интересы военнопленных и обеспечить им возможность общения с родиной. Закрывая конференцию, принц Карл Шведский выразил уверенность в том, что на этой конференции найдена база для осуществления высокого дела Красного Креста и установлены способы для облегчения тяжелой участи военнопленных

всех заинтересованных стран. Представитель германской, австрийской и венгерской делегаций принц Макс Баденский в своей заключительной речи также подчеркивал, что результаты работ конференции улучшат положение военнопленных и на будущее время будут иметь большое значение для всего страдающего человечества. Представитель русской делегации Арбузов, с своей стороны, констатировал, что в результате работ конференции „дело помощи русским пленным надлежит считать систематически организованным", и что „отныне русские военнопленные могут быть спокойны за судьбу отправляемых им с родины посылок, которые будут доставляться им скоро и без задержек" [1]). И самое подписание заключительного протокола сопровождалось выражением „твердой уверенности всех участников конференции в том, что они смогли содействовать облегчению участи военнопленных".

Но опыт дальнейших лет войны показал нам, что постановления Стокгольмской конференции в реальной действительности оказались недостаточными для существенного изменения положения военнопленных в России и в Центральных государствах. В обстановке мировой войны, которая всюду внесла великие осложнения, разруху и моральное одичание, единообразное применение постановлений Стокгольмской конференции к миллионам военнопленных, рассеянных повсеместно в Европе и в Азии, фактически оказалось невозможным. К тому же при всей своей детализации постановления Стокгольмской конференции при их применении к конкретной действительности все таки оказались слишком общими и допускающими различное толкование. Как на характерный пример сошлюсь на постановление Стокгольмской конференции о том, что „военнопленные не должны водвориться в местностях, климат которых был бы для них вреден". Это постановление, занимающее первое место в специальном соглашении об общих условиях содержания военнопленных, было вынесено на основании подробно мотивированного представления германских делегатов и было направлено против водворения германских и австрийских пленных в отдаленных местностях северной Сибири с ее сорокаградусными морозами или в Кокандской области с ее невыносимой жарой. Но когда вопрос об осуществлении этого постановления

[1]) Procès verbal de la séance de clôture p. 61.

обсуждался в Главном Управлении Российского Общества Красного Креста, и был запрошен отзыв Военного Ведомства, представитель Генерального Штаба заявил, что „Военное Ведомство считается с личностью военнопленных, и если здоровье того или иного лица требует пребывания в климате с какими либо определенными особенностями, постоянно перемещает такое лицо в соответственное место“ [1]).

Главное Управление Российского Общества Красного Креста удовлетворилось этим заявлением, и вопрос о водворении вражеских военнопленных в России остался в прежнем положении.

Подробно регламентируя условия содержания военнопленных, постановления Стокгольмской конференции оставили в стороне самый существенный для русских военнопленных вопрос об использовании их государствами пленных как подневольной рабочей силы. Положение русских военнопленных в Центральных государствах особенно отягощалось теми рабскими условиями труда, в которых они должны были подневольно выполнять самые тяжелые, самые опасные физические работы. Выработанные западноевропейской практикой правила охраны труда, как известно, на военнопленных не распространялись. Для них не существовало нормировки рабочего дня. Они не имели права выбора работы. Они не получали за эту работу никакого вознаграждения, ибо 30 пфеннигов или 15 коп. за день работы нельзя было рассматривать как эквивалент труда. На них не распространялись правила страхования. Они не имели права на вознаграждения за увечье и утрату трудоспособности. Такое бесправное в экономическом отношении положение военнопленных, несомненно, было известно всем участникам Стокгольмской конференции, но они обошли этот вопрос молчанием, быть может, именно потому, что в условиях пережитой мировой войны рабочая сила военнопленных имела особенно важное значение для всех воевавших государств. Точно так же не коснулась Стокгольмская конференция и осуществлявшегося обеими воевавшими сторонами принудительного привлечения военнопленных к военным работам в явное нарушение прежних международно-правовых традиций и соглашений. Таким образом самая характерная особенность военного плена минувшей мировой войны—использование военнопленных в

[1]) Журнал заседания Особой Комиссии Р. О. Кр. Кр. от 14 дек. 1915 г. (с. ст.) стр. 25.

качестве рабочей силы в интересах государства пленения— осталась без международно-правовой регламентации, и уже в силу одного этого, даже и в том случае, если бы они были проведены в жизнь, положение русских военнопленных не могло бы существенно измениться.

Но на полное проведение в жизнь всех постановлений Стокгольмской конференции нельзя было рассчитывать уже по той причине, что эти постановления, также как и постановления прежних международных договоров, были лишены какой либо определенной санкции, и при обусловленном мировой войной расстройстве интернационального общения не было таких органов, которые могли бы гарантировать действительное выполнение принятых на себя договорившимися государствами обязательств. Правда, участники Стокгольмской конференции, по инициативе Председателя Шведского Общества Красного Креста, принца Карла Шведского, пытались создать такой орган внегосударственного контроля в форме Смешанной Комиссии, которую предполагалось образовать из представителей краснокрестных организаций России, центральных государств и трех нейтральных Скандинавких стран, и которая должна была взять на себя функции надзора над положением военнопленных во всех договорившихся государствах и заботу о принятии мер к устранению нарушений состоявшегося соглашения. Но этой Смешанной Комиссии, которую принц Макс Баденский в своей заключительной речи называл „высшим достижением Стокгольмской конференции, обеспечивающим всем ее резолюциям живую действительную силу", не суждено было осуществиться в реальной действительности. Со стороны Германии, как это явствует из приведенной в первой части настоящего труда Стокгольмской радиограммы прусского Военного Министерства, не было препятствий к образованию Смешанной Комиссии. Но в России и этот вопрос встретил междуведомственные осложнения. Учрежденная для обсуждения постановлений Стокгольмской конференции Особая комиссия и затем Главное Управление Российского Общества Красного Креста принципиально высказались за учреждение Смешанной Комиссии, при чем для русских представителей в этой комиссии была даже выработана подробная инструкция, согласно которой они должны были руководствоваться в своей деятельности не только постановлениями Стокгольмской конференции, но и всеми нормами международных

конвенций, касающихся военнопленных. Министерство Иностранных Дел с своей стороны выразило согласие на образование Смешанной Комиссии. Но Военное Ведомство отнеслось к этой комиссии несочувственно, и вследствие пассивного отношения к вопросу о военнопленных со стороны центральных правительственных органов России, фактически вопрос об организации Смешанной Комиссии так и не был разрешен до самого конца войны. Резолюции Стокгольмской конференции остались таким образом без той гарантии, которая должна была обеспечить „их живую действительную силу".

Надзор над соблюдением постановлений Стокгольмской конференции по отношению к русским военнопленным в значительной мере был осложнен также и тем, что у нас в России эти постановления фактически держались под покровом тайны. Этими постановлениями устанавливались за всеми категориями военнопленных некоторые определенные права и возлагались на правительства государств пленения некоторые определенные обязанности. При таких условиях, казалось бы, необходимо было сообщать эти постановления всем учреждениям и лицам, ведавшим защиту интересов военнопленных, и довести их до сведения широких кругов русского населения, чтобы родственники военнопленных, почтовые учреждения и общественные организации могли руководствоваться ими при оказании помощи русским военнопленным из России. Однако, у нас в России Стокгольмский протокол не только не был нигде опубликован, но даже до сих пор полностью не был еще переведен на русский язык. При таких условиях получилось, что реальное постановление Стокгольмской конференции к делам русских военнопленных фактически находилось в зависимости от доброй воли соответствующих германских и австрийских учреждений. Со стороны России надлежащих мер для надзора над соблюдением этих постановлений предпринято не было.

Ненормальность отношения русского правительства к вопросу о военнопленных отражалась решительно на всем, и в миллионах конкретных случаев она лишала русских военнопленных фактической возможности пользоваться даже теми правами, которые бесспорно признавались за ними на основании международных соглашений.

Неудивительно, что при таких условиях выраженная участниками Стокгольмской конференции „твердая уве-

ренность в том, что они смогли содействовать облегчению участи военнопленных", по отношению к *русским* военнопленным далеко не оправдалась. Им суждено было в наибольшей мере нести все тяготы военного плена еще в течение многих томительных лет мировой войны.

Резюмируя приведенные во 2 части настоящего труда данные, мы приходим к нижеследующим выводам относительно положения русских военнопленных и отношения к ним со стороны русского правительства и общества в течение первого периода мировой войны:

1) В начале войны русское правительство и русское общество оказались совершенно неподготовленными к практическому разрешению вопроса о военнопленных в общегосударственном масштабе.

2) Первые способы сношений по делам военнопленных кустарным способом были установлены Московским Городским Комитетом, который приступил к этому делу в связи с осуществлявшейся им работой по оказанию помощи застигнутым войной в Центральных государствах русским цивильно-пленным.

3) В течение всего первого периода войны Московский Городской Комитет оставался центральным Всероссийским учреждением, осуществлявшим элементарные виды родственной и общественной помощи русским военнопленным при равнодушном и даже недоброжелательном отношении к этому делу со стороны центральных и местных органов русского правительства.

4) Вследствие пассивного отношения к вопросу о военнопленных со стороны русского государства, положение русских военнопленных с самого начала войны было несравненно более тяжелым, чем положение военнопленных других воевавших стран. Они терпели крайние материальные лишения. Их сношения с родиной были неупорядочены. Родственная помощь им была затруднена; государственная—совершенно отсутствовала. Их духовные нужды оставались без удовлетворения.

5) Положение русских военнопленных с самого начала войны отягчалось тем, что они в наибольшей мере эксплоатировались центральными государствами как рабочая сила, при чем на их работу не распространялись правила охраны

труда и русским государством не принимались меры для международно—правовой защиты их интересов.

6) В начале всего первого периода войны деятельность общественных организаций помощи русским военнопленным была направлена главным образом на установление их сношений с родными и близкими в России и на организацию первоначальных видов родственной помощи им. Материальная помощь была организована крайне недостаточно и осуществлялась в ничтожных размерах.

7) Со стороны краснокрестных организаций нейтральных стран и русских эмигрантских комитетов заграницею, с самого начала войны был проявлен активный интерес к делу помощи русским военнопленным, но при отсутствии надлежащего содействия со стороны русского государства деятельность этих организаций не могла получить широкого развития.

8) Регистрация германских и австрийских военнопленных в России и почтовые сношения по их делам в первые месяцы войны совершенно не были упорядочены, что грозило репрессиями по отношению к русским военнопленным. Эти репрессии были предотвращены деятельностью Датского и Шведского Обществ Красного Креста и заграничных агентур Московского Городского Комитета, которым в течение первого периода войны удалось установить некоторые способы сношений между Россией и Центральными государствами по делам военнопленных.

9) Состоявшееся при содействии нейтральных обществ Красного Креста некоторое сближение русских и германских краснокрестных организаций привело к сознанию необходимости общего урегулирования вопроса о положении военнопленных в России и Центральных государств. В этих целях в конце первого периода войны была созвана первая Стокгольмская конференция представителей обществ Красного Креста России, Германии, Австрии и Венгрии.

10) Стокгольмская конференция, исходившая из утверждения постановлений прежних международных конвенций по делам военнопленных, выработала целый кодекс подробных правил об условиях содержания военнопленных и организации важнейших видов помощи им.

11) Постановления Стокгольмской конференции несомненно были отмечены гуманным характером и были направлены к ограждению самых насущных интересов военнопленных. Но при всей своей детализации эти постано-

вления заключали в себе существенные пробелы, так как ими был оставлен в стороне самый основной вопрос об условиях труда военнопленных как подневольной рабочей силы.

12) Проведение в жизнь состоявшихся постановлений Стокгольмской конференции оказалось ничем не гарантированным, так как во время мировой войны фактически не существовало никаких внегосударственных органов контроля над соблюдением международных соглашений, а попытка Стокгольмской конференции создать такой орган в форме нейтральной Смешанной Комиссии не осуществилась вследствие препятствий со стороны русского правительства.

В действительности постановления Стокгольмской конференции оказали весьма слабое влияние на изменение положения русских военнопленных, которое и в дальнейшие годы войны продолжало оставаться несравненно более тяжелым, чем положение военнопленных других стран Согласия. Более подробной характеристике положения русских военнопленных в лагерях и на работах в Германии и Австро-Венгрии будет посвящена следующая часть настоящего труда, касающаяся истории военного плена за второй период мировой войны, когда вполне уже определилось положение военнопленных всех воевавших стран и когда окончательно выяснилось отношение к русским военнопленным со стороны русского правительства и общественных организаций. Русские военнопленные в течение всех лет войны оставались беззащитными, несмотря на наличность новых международно-правовых норм, направленных на облегчение их жизненных интересов.

Судьба постановлений Стокгольмской конференции лишний раз подчеркивает бессилие международно-правовых норм в тех условиях интернациональных соотношений, в которых решающее значение имеют силы милитаризма и великодержавные интересы. С этой точки зрения одиссея русских военнопленных является особенно красноречивой, и она несомненно не останется бесследной по отношению к истории грядущего созидания новых форм интернациональной жизни народов.

ЧАСТЬ III.

Исторический обзор положения русских военнопленных.

Второй период: от Стокгольмской конференции 1915 года до первого русского государственного переворота.

К началу 1916 года вполне определился затяжной характер великой мировой войны; была об'явлена борьба на истощение. Открыто ставился вопрос об истреблении целых наций.

Все это определяло и положение русских военнопленных в течение второго периода мировой войны. К началу этого периода в Германии и в Австрии уже оказались миллионные массы русских военнопленных, среди которых было много раненых, больных и увечных. Согласно прежним международным конвенциям и традициям, Центральные государства должны были содержать всех этих пленных в тех же условиях, в каких содержались соответствующие чины их собственных армий. При ограниченности экономических ресурсов и при громадных расходах на войну такое содержание целых армий военнопленных могло бы оказаться для Центральных государств тяжелым бременем, если бы они не имели возможности использовать военнопленных как рабочую силу. Рабочая сила в это время и для Германии, и для Австрии была крайне необходима, так как их собственное работоспособное население (не только мужское, но в значительной части и женское) было привлечено к участию в военных действиях и к обслуживанию военных нужд тыла. Между тем для удовлетворения текущих потребностей государства и для содержания армии являлось необходимым максимальное напряжение промышленной и сельско-хозяйственной деятельности, требовав-

шей громадного количества рабочих рук. При таких условиях не удивительно, что правительства Центральных государств прибегли к самой широкой эксплоатации рабочей силы плененных русских рабочих и крестьян.

В течение второго периода войны ясно обозначилось, что экономическая политика правительств Центральных государств по отношению к русским военнопленным ставила своей задачей достижение минимума затрат на их содержание и максимума использования их труда. Как и все в Германии, управление делами военнопленных было централизовано и подчинено военным властям, при чем все общие условия содержания военнопленных и использование их рабочей силы были тщательно регламентированы специальными правилами, гарантировавшими их единообразное применение во всех частях государства. В Австрии общий режим военнопленных во многих отношениях определялся германским образцом.

Постановления Стокгольмской конференции 1915 года, хотя и проведенные отчасти в жизнь, не могли гарантировать русским военнопленным тех условий их жизни и работы в плену, которые соответствовали бы духу Гаагской конвенции, так как самая существенная экономическая сторона быта военнопленных определялась не конвенциями, а теми реальными условиями, которые были созданы небывалыми размерами мировой войны и ее исключительными особенностями.

Режим военнопленных в течение второго периода мировой войны в некоторых отношениях определялся также и теми мерами сугубой предосторожности, которые применялись Центральными государствами перед лицом грозившей им государственной опасности. Боязнь шпионажа и внутреннего разложения побуждала правительства Центральных государств проводить в жизнь меры самого тщательного надзора за военнопленными во всех случаях их соприкосновения с местным населением. Фактически все русские военнопленные, и в особенности пленные офицеры, за все время их пребывания в плену, жили в условиях сурового заключения в лагерях и строгого окарауливания на местах работ. Во время второго периода, когда уже вполне выявился затяжной характер мировой войны и отпадали надежды на ее скорое окончание, эти стеснения свободы военнопленных, обреченных изо дня в день подвергаться им в течение неопределенного времени, мучи-

тельно отражались на их душевном строе и обусловливали собой то состояние моральной депрессии, проявление которой замечалось во многих обращениях русских военнопленных к их родным и близким в России.

Психическое состояние военнопленных в значительной мере отягчалось тем, что обусловленное затянувшейся мировой войной расстройство всех прежних путей и способов интернационального общения до крайности осложняло их сношения с родиной, откуда по многу месяцев они не имели ни вестей, ни поддержки.

Сравнительно с положением пленных бельгийцев, французов и англичан положение русских военнопленных продолжало оставаться неизмеримо более тяжелым, так как отношение русского правительства к вопросу о военнопленных попрежнему было пассивным.

Помощь русским военнопленным по преимуществу осуществлялась русскими общественными организациями, деятельность которых в течение второго периода войны достигла широкого развития и до некоторой степени восполнила недостаток государственной помощи. За это время русские общественные организации, считаясь с особыми условиями мировой войны, не только организовали разные виды родственной помощи военнопленным, но и установили многие практические способы для облегчения их сношений с родиной и для удовлетворения их разнообразных массовых и индивидуальных нужд.

В настоящее время имеется возможность использования материалов, выясняющих положение вражеских военнопленных у нас в России. Вопрос этот несомненно заслуживает внимания, так как от положения германских и австрийских военнопленных во многих отношениях зависила и судьба русских военнопленных, которым в порядке репрессий приходилось нередко нести незаслуженную ответственность за упущения и злоупотребления русских властей.

В виду этого я считаю необходимым в дальнейших главах вкратце коснуться и вопроса о положении германских и австрийских пленных в России за описываемое время.

ГЛАВА XII.

Положение русских военнопленных в Германии в течение второго периода войны.

К началу 1916 года вся Германия была покрыта целой сетью мест водворения русских военнопленных. В официальных германских списках, поступивших в Россию в марте 1916 года, значилось 1065 лагерей и отделений для военнопленных и около 200 специально предназначенных для военнопленных лазаретов и лечебных заведений. Число германских рабочих команд, образованных из русских военнопленных, по подсчету делегатов Женевского Интернационального Комитета Красного Креста Бланшада и Шпейзера достигало в 1916 году нескольких десятков тысяч, а по подсчету других двух делегатов того же Комитета—Шультгесса и Тормейера—превышало 100,000; не считая громадного числа отдельных фабрик, заводов, копей, рудников и других постоянных мест работы русских военнопленных.

В отличие от России, где германские военнопленные отправлялись вглубь страны и водворялись в самых отдаленных местностях Европейской России и Сибири в расстоянии многих сотен и даже тысяч верст от театра военных действий, в Германии места водворения военнопленных были расположены не только в центре страны, но и повсеместно, во всех частях государства, не исключая и пограничных областей, находившихся в непосредственной близости к зонам военных операций. Так, много крупных лагерей для военнопленных было устроено в Прирейнской области, в Восточной Пруссии и даже в оккупированных местностях (Калиш и Сувалки).

В этих местах водворения, согласно официальным германским спискам по 24 военным округам за сентябрь 1915 г., было размещено 1,327,000 пленных; из них свыше 900,000 русских солдат и около 8000 русских пленных офицеров.

Главным лагерем, в который по преимуществу направлялись русские военнопленные после взятия в плен, был лагерь Гейльсберг в Восточной Пруссии. В одном этом лагере к началу 1916 года значилось 93,388 русских воен-

нопленных. Из постоянных мест водворения для русских военнопленных были предназначены главным образом лагери XVII-го армейского округа в Северо-Восточной Пруссии, где в шести лагерях (Данциг, Черек, Бютов, Гаммерштейн, Леба и Тухель) к началу 1916 года было сосредоточено 168,319 русских пленных офицеров и солдат. Но и во всех лагерях других двадцати армейских округов, гвардейского округа и округов Баварии, Саксонии и Вюртемберга русские военнопленные были размещены в значительном количестве по нескольку тысяч человек в каждом лагере, при чем в некоторых крупнейших лагерях (Гюстров, Нархим, Шнейдемюле) число русских пленных солдат достигало 40,000 чел. в каждом лагере.

Относительно общих условий содержания русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии в течение второго периода войны у нас были в 1916 году весьма разнородные сведения.

Письма русских военнопленных, прошедшие через Московский Комитет и его Копенгагенское Бюро в 1916 году в количестве около двух миллионов, давали возможность судить о чрезвычайно разнообразных нуждах русских военнопленных, но относительно общего их положения заключали в себе лишь отрывочные данные, так как строгости военной цензуры очевидно лишали военнопленных возможности сообщать полные сведения об условиях их жизни в плену.

Индивидуальные показания бежавших и возвращенных из плена были крайне разнообразны в зависимости от того, в какие условия жизни и работы в плену попадали отдельные военнопленные и с какими людьми сталкивала их судьба в Германии.

Нейтральные представители Шведского Красного Креста, приезжавшие в Россию после посещения лагерей военнопленных Германии, делали подробные сообщения о внешних условиях жизни русских военнопленных, при чем отмечали, что в общем их положение было удовлетворительным, но что они мало получали помощи и тяготились своей судьбой вследствие оторванности от родины, стеснений их свободы и неопределенности их положения при затянувшейся войне. Однако, беседы с этими нейтральными представителями убеждали нас в том, что при не-

знании ими русского языка, лишавшем их возможности говорить с военнопленными, и при поверхностном ознакомлении с условиями жизни лишь в лагерях, а не в рабочих командах, они в своих сообщениях не могли дать верной картины общих условий содержания русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии и их действительного положения в плену.

Появлявшиеся в русских газетах в течение 1916 года сведения о том, что в Германии русские военнопленные истреблялись при самом взятии в плен, а в Австрии вся Галиция была покрыта трупами русских военнопленных,— явно не соответствовали действительности. Более или менее верные сведения о положении русских военнопленных и не могли появиться в русской печати того времени, так как военное ведомство в течение всех лет войны, по военно-политическим соображениям, не допускало оглашения об'ективных данных об условиях жизни в плену. По этим же военно-политическим соображениям русская военная цензура не пропускала в Россию даже групповых фотографических снимков военнопленных и разрешала Московскому Комитету лишь вырезать из этих снимков изображения отдельных военнопленных и пересылать их по адресам родственников. Мотивировалось это тем, что групповые снимки иногда производят впечатление благоприятных условий жизни в плену.

Опубликованные в 1916 году, в виде отдельной книги под заглавием „Наши враги", результаты работ Кривцовской чрезвычайной следственной комиссии носят определенно односторонний характер, так как эта комиссия, как это явствовало уже из вступительной речи сенатора Кривцова, ставила своей задачей не всестороннее обследование условий жизни в плену, а констатирование таких фактов, которые должны были уличить Германию в варварстве. В книге „Наши враги" приведены многочисленные показания вернувшихся из плена лиц о конкретных случаях жестокости со стороны некоторых немецких солдат и офицеров по отношению к отдельным русским военнопленным при взятии их в плен и при их содержании в лагерях и рабочих командах. Этими показаниями, за которыми, разумеется, нельзя отрицать доли истины, в некоторых случаях ярко иллюстрируются ужасы войны и конкретные проявления обусловленного ею людского озверения. При надлежащей проверке эти показания могли бы иметь значение

обвинительного материала по отношению к отдельным конкретным случаям злоупотреблений, которых, разумеется, было не мало там, где во взаимном истреблении участвовали миллионы людей. Но составители книги „Наши враги", следуя обычному прокурорскому методу обобщения отдельных обвинительных данных, попытались дать общую характеристику условий содержания русских военнопленных в целом ряде германских лагерей. Такая характеристика, основанная на единичных показаниях потерпевших лиц, конечно, не может претендовать на об'ективную достоверность. Она не дает правильной картины тех действительных условий, в которых жили в лагерях Германии сотни тысяч русских военнопленных. Многие приводимые в этой книге обобщенные данные, относящиеся к устройству лагерных помещений, продовольственным рационам, общему лагерному режиму и т. д., оказались несоответствующими тем об'ективным данным, которые могли быть проверены каждым побывавшим в лагерях военнопленных в Германии. При таких условиях, при об'ективном исследовании положения русских военнопленных в Центральных государствах за время минувшей войны необходимо отнестись к результатам работ Кривцовской Комиссии с большой осторожностью.

Весною 1916 года по просьбе русского правительства Женевский Интернациональный Комитет Красного Креста делегировал двух своих представителей—Шультесса и Тормейера для осмотра лагерей русских военнопленных в Германии. Ими были осмотрены лагери северной и западной Германии и некоторые лазареты для военнопленных, и отчеты опубликованы Женевским Комитетом в 11-м выпуске „Documents publiésà l'occasion de la guerre européenne". Заключающиеся в них данные несомненно носят вполне об'ективный характер, но они касаются лишь внешних условий жизни русских военнопленных в лагерях Германии и не дают общей картины их действительного положения в плену. В некоторые лагери краснокрестные делегаты совсем не были допущены. Так, из списка намеченных ими 25-ти лагерей германской администрацией были исключены пять лагерей: один, находившийся в районе военных действий (там очевидно были пленные, посылавшиеся на фронтовые работы), и четыре т. н. „лагеря пропаганды" (Auflaerungs lager), где были сосредоточены пленные разных национальностей. Рабочие команды, где находилось громадное боль-

шинство работавших русских военнопленных, Женевскими делегатами совсем не были осмотрены. При таких условиях их отчеты являлись далеко не полными.

Большей полнотой и обстоятельностью отличались отчеты и доклады представителей Испанского Посольства, которыми в течение августа—ноября 1916 года было осмотрено в Германии 44 офицерских лагеря, 130 солдатских, 190 лазаретов и значительное число рабочих команд и отдельных мест работы русских военнопленных. В результате этих осмотров испанскими делегатами было прислано русскому правительству 195 донесений. Но все эти донесения Министерство Иностранных Дел держало в строгой тайне, и заинтересованным учреждениям были сообщены лишь извлечения из этих донесений при следующем пояснительном замечании Министерства: „Как явствуют из этих донесений, испанские делегаты нашли большинство осмотренных ими мест водворения наших пленных в Германии удовлетворительными во всех отношениях, за исключением довольствия, крайне недостаточного, как они подтверждают, решительно во всех лагерях и рабочих командах. Ниже приводятся выдержки лишь из тех донесений, в коих делегатами отмечаются отрицательные явления“ [1]). Таким образом эта сводка извлечений из отчетов испанских делегатов носит определенно односторонний характер и не заключает в себе об'ективной картины общих условий жизни русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии.

Наиболее подробные и обстоятельные сведения о положении русских военнопленных в Германии в течение второго периода мировой войны заключались в докладах русских сестер милосердия, посетивших лагери Германии осенью 1915 г. и летом 1916 года. Вопрос о поездке сестер милосердия был разрешен в порядке взаимности правительствами России и Центральных государств при посредничестве со стороны Датского Общества Красного Креста. Согласно выработанным Датским Красным Крестом условиям делегированные для осмотра лагерей сестры милосердия должны были иметь право свободного доступа в места водворения военнопленных, право свободного об'яснения с военнопленными и принятия от них жалоб и просьб. Для русских сестер милосердия Главным Упра-

[1]) В. У. А.; Арх. М. К., 1916 год, папка V—1 № 4.

влением Российского Общества Красного Креста была выработана подробная инструкция, возлагавшая на них задачу всестороннего обследования жизни и быта русских военнопленных и выяснения их насущных нужд. Эта инструкция не могла быть в полной мере выполнена делегацией сестер милосердия, так как некоторые лагери и многие рабочие команды остались для них недоступными и их об'яснения с военнопленными нередко стеснялись присутствием переводчиков и представителей германской администрации. Тем не менее сестры милосердия имели достаточную возможность и по личным наблюдениям, и по жалобам, просьбам, заявлениям и рассказам военнопленных, ознакомиться с их общим положением в лагерях и рабочих командах Германии. По возвращении из Германии сестры милосердия Самсонова, Клюева, де-Витт, Голицына, Шуберская и Мусина-Пушкина сделали в заседании Главного Управления Российского Общества Красного Креста 15 ноября 1916 г. подробные доклады, во многих отношениях осветившие вопрос о действительном положении русских военнопленных в Германии к концу второго года войны.

При таком разнообразии материалов крайне трудно дать общую обрисовку положения русских военнопленных в Германии за время второго периода мировой войны, тем более, что конкретные условия жизни и работы огромного числа русских военнопленных, рассеянных по всему пространству германских государств, были крайне разнообразны в зависимости от той реальной обстановки, в которую попадал тот или иной военнопленный.

Пленные русские офицеры.

Пленные русские офицеры в Германии небольшими группами были размещены во многих солдатских лагерях, где для них были устроены особые помещения. Но в большинстве случаев пленные офицеры помещались в специальных офицерских лагерях. Для этой цели в разных местах Германии были использованы форты внутренних крепостей, старинные замки, здания некоторых курортов, старые казармы и корпуса бездействовавших фабрик.

В отчетах иностранных делегатов и русских сестер милосердия констатируется, что устройство офицерских

лагерей в Германии было довольно разнообразно в зависимости от местных условий. Так, сестра милосердия Голицына, посетившая семь офицерских лагерей в Баварии, отмечает в своем отчете, что военнопленные офицеры в Баварии помещаются большей частью в старых замках, которые расположены высоко на горе, окружены рвами и густым лесом. Вокруг небольшой двор или площадка, обнесенные колючей проволокой или высокой каменной стеной — единственное место, где пленные офицеры проводят бесконечно-тянущиеся дни. В некоторых лагерях есть площадки для тенниса и других игр. По количеству офицеров лагери эти не велики, вмещают не более 200 человек. Внутреннее устройство их очень различно. Есть лагери, как, например, Гиршберг, красивый старинный замок, внутри заново отделанный, который прекрасно содержится. Офицеры помещаются по 5—7 человек в комнате, есть отдельная комната-читальня. По устройству своему и местоположению лагерь этот не оставляет желать ничего лучшего. Другие же, как например, Вюльцбург и Плассенбург запущены, неудобны для жизни, производят мрачное впечатление" [1].

Сестра милосердия Клюева, осмотревшая офицерские лагери в Саксонии, Силезии, Восточной Пруссии и Мекленбурге, констатирует, что в этих частях Германии „офицерские лагери часто расположены в красивой местности и такой простор кругом — но увы, только кажущийся простор — везде те же заборы, та же колючая проволока и часовые на каждом шагу.

В некоторых лагерях офицеры помещены скверно, например, в Добельне в старых солдатских казармах, в других довольно хорошо, а в лагере Фюрстенберг — прямо хорошо" [2].

Расположенные в центре Германии и в округах Бадена и Франкфурта офицерские лагери, по утверждению осматривавшей их сестры милосердия Шуберской, были устроены не всегда удовлетворительно: „офицерские лагери часто по своему устройству уступают солдатским. Помещения — казармы или бараки; штаб-офицеры помещаются в комнате от 8 до 16 человек, большею частью очень тесно, иногда, чтобы поставить стол и была бы все-таки возможность пошевелиться, кровати приходится ставить в два яруса; обстановка самая примитивная: грубо сколоченные стулья

[1] Журнал Гл. Упр. Росс. Общ. Кр. Кр. № 1418 от 15 (23) ноября 1916 г. стр. 41.
[2] Отчет Клюевой, журнал № 1418 стр. 18.

или табуреты, простой деревянный стол в роде наших кухонных, и за эту обстановку еще вычитали с наших офицеров, оценивая мебель очень дорого. Матрацы на кроватях набиты соломой или стружками. Дворы всюду небольшие, так что места для движения сравнительно мало, кроме Штральзунда и Гютерсло, которые расположены широко; повсюду устроены тенисы и крытые помещения для гимнастики; лагери обнесены колючей проволокой" [1]).

Особенно неудовлетворительными надлежит признать те помещения, которые были отведены для пленных офицеров в фортах крепостей. Мне самому пришлось посетить офицерский лагерь, устроенный в форте Цорндорф крепости Кюстрин в Пруссии. Там русские пленные офицеры были размещены в полутемных казематах, окруженных высокими земляными валами, расположенными в нескольких метрах расстояния от окон жилых помещений. Между этими валами и стенами казематов оставался узкий проход, по которому, как по дну глубокого рва, заключенные военнопленные могли передвигаться во время прогулок. Такая крепостная обстановка крайне удручающе действовала на психику заключенных. Все находившиеся в этом лагере пленные русские офицеры производили впечатление людей ненормальных. Об'ясняться с ними было крайне трудно. На все успокоения и обещания они реагировали болезненно и раздраженно, заявляя, что все равно ни один из них здоровым на родину не вернется.

Такое же тяжелое впечатление производили и другие лагери, расположенные в крепостных фортах. Так, сестра милосердия Голицына констатирует, что худшим из всех виденных ею лагерей был лагерь в крепости Ингольштадт: „офицеры — около 200 человек — размещены в 5 фортах. Как само местоположение, так и помещение сырое и темное, бесконечные, совершенно темные, подземелья, скудное керосиновое освещение — производят удручающее впечатление. Здесь офицеры были как то особенно нервны и возбуждены. Большинство из них находится там около двух лет. Дальнейшее пребывание в таких условиях грозит их здоровью" [2]).

Согласно международным конвенциям и традициям, пленные офицеры должны были иметь помещения со всей необходимой обстановкой. Это правило в Германии соблю-

[1]) Отчет Шуберской, журнал № 1418 стр. 26.
[2]) Отчет Голицыной, журнал № 1418 стр. 42.

далось в начале войны. Пленным русским офицерам предоставлялась бесплатно необходимая обстановка, правда—самая простая. Но в течение второго периода войны, вследствие полученных Германией сведений о том, что германские пленные в Сибири не получали необходимой обстановки и должны были приобретать ее за собственный счет, русские пленные офицеры в порядке репрессий были лишены права пользоваться бесплатной обстановкой, и необходимые предметы были им оставлены при условии оплаты их стоимости путем ежемесячных взносов в размере от 20 до 40 марок. По этому поводу краснокрестные организации обоих стран делали представления своим правительствам, но вопрос этот был разрешен в духе прежних традиций лишь к осени 1916 года, после того, как русское правительство сделало *местным* военным властям распоряжение о предоставлении пленным германцам—офицерам необходимой мебели бесплатно.

На расходы по своему содержанию пленные офицеры, согласно постановлениям Гаагской конвенции и специальных соглашений, должны были получать от правительства государства пленения ежемесячное жалование, равняющееся половине того жалования, какое причиталось им на родине до взятия их в плен. В течение второго периода войны эта половина месячного жалования пленных офицеров в русской валюте определялась следующими суммами: для генералов—125 руб., для офицеров в чине капитана и полковника 75 руб. и для младших офицеров—50 руб. При переводе этих сумм на германскую валюту нередко возникали недоразумения. Так, в некоторых случаях, при выплатах жалования русским пленным офицерам русский рубль приравнивался 1 марке 75 пф., при чем такой курс об'яснялся соответствующими расчетами в русских почтовых учреждениях. По этому поводу также была переписка между краснокрестными организациями обоих стран, и в результате сделанными правительствами обоих стран распоряжений был установлен довоенный курс рубля и марки. По этому довоенному курсу младшие пленные офицеры получили в Германии около 113 марок, а старшие—около 170 марок в месяц.

При существовавшей в Германии уже в течение второго периода войны дороговизне продовольственных продуктов, питание пленных русских офицеров, при тех скромных денежных средствах, которыми они располагали, не

могло быть вполне достаточным. Обычно лагерной комендатурой, на которую возлагались заботы по довольствию пленных офицеров, удерживалось из жалования пленных на этот предмет по 40—60 мар. в месяц. На такие деньги трудно питаться сытно, и неудивительно, что те офицеры, которые не получали поддержки с родины, фактически жили впроголодь. В некоторых лагерях пленные офицеры сами организовывали свое хозяйство. Но и при такой постановке дела справляться с продовольствием было не легко. В течение второго периода войны многим пленным офицерам уже удалось при посредстве местных красно-крестных организаций и Копенгагенского Бюро Московского Комитета установить связь с родными и близкими, от которых они получали материальную помощь. Но в каждом лагере было не мало и таких пленных, которым родные не могли или не находили способов помогать. Положение их в материальном отношении было тяжелое, так как государственная и общественная помощь и в течение второго периода войны продолжала оставаться недостаточной и ни в какой мере не могла обеспечить всех военнопленных необходимой поддержкой.

Условия обращения с русскими пленными были различны в зависимости от личного состава лагерной администрации. И в отчетах сестер милосердия, и в докладах нейтральных представителей, и во многих письмах пленных русских офицеров констатируется, что в некоторых лагерях были заботливые и корректные коменданты, и это отражалось на отношении к пленным русским офицерам со стороны всей лагерной администрации. Но в общем режим был очень строгим и нередко унизительным. Все офицеры находились под постоянным строгим надзором; их подвергали частым обыскам и личным осмотрам: по городу водили как арестованных. В лагерях в большинстве случаев для прогулок были отведены очень тесные пространства.

Описывая свою жизнь, русские пленные офицеры чаще всего жаловались на их вынужденную праздность, которая была особенно тягостна в виду полной неопределенности срока их заключения. Правда, почти во всех лагерях устраивались развлечения для пленных и принимались меры для предоставления им возможности разумно использовать их досуг: устраивались их спектакли, кинематографические сеансы и концерты, организовывались хоры и

оркестры, практиковались занятия спортом и подвижными играми. При лагерях имелись библиотеки и читальни. Читались эпизодические лекции, а в некоторых лагерях самими пленными были устроены систематические курсы по сельско-хозяйственным наукам и прикладным знаниям. Но все эти занятия были ограничены тесными пределами каждого данного лагеря.

Для иллюстрации повседневной жизни в офицерских лагерях позволю себе привести здесь некоторые наиболее типичные письма пленных русских офицеров, адресованные их родным в Россию.

Письмо военнопленного из лагеря Целле.

„На всякий случай, повторяю Вам мой порядок жизни пленного. Зимою встаю в 7 с половиной, чищу свои сапоги, обмываюсь холодной водой, из под крана, с ног до головы, ем у своей кровати казенный хлеб с моим маслом или медом, орехи, или яблоки, иду в кухню и покупаю чашку какао и 1 яйцо. В 9 час. перекличка и раздача писем и газет, потом до $12^1/_2$ прогулка вокруг замка и занятие языками. В 12 с половиной ч. казенный обед, 5 раз в неделю большая миска сытного супа, 2 раза мясо, после этого покупаю чашку легкого кофе в кухне. Опять прогулка до 4, когда опять раздача писем. После 5 ч. прогулки вокруг замка воспрещены (замок из XVI столетия, напоминает окрестности Царицына). Во дворе мы можем гулять до 10 ч. вечера. В 4 ч. покупаю за 5 пф. кипятку и приготовляю себе из полученного от тебя какао 1 чашку (иногда с яйцом) и съедаю кусок казенного черного хлеба. В половине седьмого мы получаем (2 раза в неделю) по блюду супа или картофеля с селедкой, а в остальные дни чашку чаю и через 2 дня какао, который отличается от нашего домашнего. Я покупаю для ужина холодные закуски. Перекличка в 5 с половиной и в 9 час., когда я сейчас ложусь спать, так что последняя перекличка в кроватях (в 11 час. вечера) проходит для меня часто незамеченной. В кровати читаю из подаренной папой книги. Ночи сплю теперь хорошо, хотя двое из находящихся в комнате англичан здорово храпят. Если шум слишком громок, то у нас в комнате принято засвистеть, после чего становится тише. Вообще здесь плодотворное место для эгоизма и мы друг другу надоедаем. В числе пленных некоторые с разнородными талантами иногда устраивают концерты, спектакли. Библиотека наша русская состоит из 50 книг. Один

благотворительный концерт для русской вспомогательной кассы дал около 400 марок, но нужда у некоторых значительна. Замечательно работает Английский и Французский Красный Крест для пленных" [1]).

Письмо пленного прапорщика О. из лагеря Бад-Штюера:

„Лето все было очень дождливое, холодное, теперь же стоит бабье лето, но дни стали короткие и нам приходится больше сидеть дома, а в комнатах, пока не топят, очень неуютно, холодно и сыро. Это тоже действует на настроение. Кроме того, как то начали вспоминать Москву, перешли на воспоминания о семействах, так еще тоскливее стало. Одно время все утро у меня и у многих уходило на прогулку. Прогулка была—приятное с полезным—так как гуляли по лесу и собирали грибы. Я теперь уже кое какой толк в грибах знаю и мы с Женей устраивали себе очень вкусное блюдо. Вообще „самопропитание" у нас занимает много времени и приносит много забот. Раньше Гретхен посылала кое что, да из Швейцарии выписывали; как теперь будет—не знаю. Прогулки теперь нам запрещены, т. к. в России тоже запрещены пленным, или не при таких условиях там гуляют, как здесь. Короче—репрессия. Это слово положительно получило право гражданства и употребляется очень часто. А по моему—паны дерутся, а у холопов чубы трясутся" [2]).

В приведенных письмах описывается повседневный порядок жизни тех пленных русских офицеров, которым жилось в плену сравнительно благополучно. Но в таком положении находились далеко не все пленные офицеры.

На положении русских пленных офицеров особенно тягостно отражались те репрессивные меры, которые нередко применялись к ним германским правительством по поводу мероприятий и отдельных действий русских властей по отношению к германским военнопленным в России.

Так, летом 1916 г. пленные русские офицеры в лагерях IV. армейского корпуса (Магдебург, Бург при Магдебурге, Галле и Торгау) и в некоторых других лагерях были лишены права переписки с родными. Этот запрет переписки мотивировался следующим приказом, вывешенным в лагерях военнопленных: „Уже несколько месяцев почтовое сообщение немецких военнопленных в Примор-

[1]) В. У. А., Спец. Арх. М. К. 1916 г. папка V—I № 40.
[2]) В. У. А., Спец. Арх. М. К. 1916 г. папка V—I № 51.

ской области (Восточная Сибирь) и в Красноярске (Сред. Сибирь) почти совершенно прекращено. Дипломатические протесты по этому поводу до сих пор остались со стороны русского правительства, несмотря на угрозы встречных мер, без ответа. Вследствие этого военное министерство распорядилось, чтобы всем русским военнопленным (офицерам и солдатам) с 10/X-16 г. всякое письменное сообщение с родиной было прервано. Военнопленные не должны с этого дня ни сами писать, ни получать прибывшую для них почту. Исключение составляют при этом посылки, из которых, однако, все письменные сообщения должны быть удаляемы. Все военнопленные могут до 10/X-16 г. разъяснить своим родственникам причину перерыва почтового сообщения" [1]).

Насколько такие репрессивные меры, лишавшие пленных офицеров самого ценного для них права сношения с родиной, усугубляли тяготу их положения об этом можно судить по нижеследующему письму пленного капитана Ж. из лагеря Альтенау:

„Из приведенного приказа ты видишь, что репрессии накладывается не только на военнопленных, но и на их родных и знакомых, так как ваши письма нам не будут выдаваться. Для нас, военнопленных, это слишком тяжелое запрещение. В письмах мы находили единственное утешение, письма спрашивали нашу бедную жизнь; письма нам служат единственной связью с теми, о ком мы думаем и болеем душой каждую минуту и нас теперь лишают этой главной поддержки... У нас, у русских, есть поговорка, согласно которой „лежачего не бьют", но мы на себе видим, как можно жестоко бить лежачего. Теперь я должен спросить: за что это. Я служил родине до последней возможности: четыре раза был ранен, в плен попал тяжело раненым и отравленным газом... Казалось бы, имею право пользоваться элементарными правами культурного человека, а вместо этого меня лишают даже таких прав, какими пользуются заведомо преступники, сидящие в каторжных тюрьмах. Спрашивается, за что же. Где же справедливость. Или ее нет для военнопленных. Очевидно правда, что для нас не существуют международные законы... [2]).

Надлежит отметить, что германское правительство вообще весьма внимательно следило за положением своих

[1]) В.-У. А., Спец. Арх. М. К., 1916 г., папка V—1 № 50.
[2]) В.-У. А., Спец. Арх. М. К., 1916 г. папка V—1 № 45.

пленных в России и реагировало репрессивными мерами на всякое действие русских властей, казавшееся им неправильным. Иногда эти репрессивные меры касались даже деталей одежды военнопленных, как это явствует из нижеследующей выдержки из письма того же капитана Ж. из лагеря Альтенау: „Несколько дней тому назад немцы нам об'явили, что в Омском военном округе генерал Сухомлинов, в приказе от 5 марта с. г. за № 138, отдал распоряжение, согласно которому на левом рукаве одежды немецких офицеров нашивается суконная полоска с буквами В. П. Теперь немцы, в виде репрессии, вырезают на левых рукавах наших кителей, гимнастерских рубах и пальто круговые полосы шириною в 2 верш., вместо них вшивают куски материи кирпичного цвета с нашитыми буквами K. G. F. Само собой разумеется, что наша одежда, после подобной операции, делается непригодной для носки после войны".

В некоторых случаях репрессивные меры носили характер массового возмездия ни в чем неповинным за действия их правительств. Так, напр., в ответ на действия астраханских военных властей, которые установили в местном лагере строгий режим по поводу побега четырех военнопленных, германское правительство перевело значительную группу русских пленных офицеров в условия сурового заключения в лагере Оснабрюк. Эти репрессии продолжались около четырех месяцев: с 28 мая по 22 сентября 1916 г. Сестра милосердия де-Витт посетила лагерь Оснабрюк через восемь дней после окончания этих репрессий и в своем докладе так описывает вынесенные ею впечатления от этого лагеря:

„Должна сознаться, что в этом лагере я не видела ни одного нормального человека, до того они были все издерганы и нервно расстроены, что является прямым последствием перенесенного режима, который состоял в следующем: было собрано 300 офицеров из разных лагерей до чина капитана; офицеры были положены в комнаты в двойном количестве против обыкновенного, устроены нары; проход оставался только посреди, где стоял длинный стол; естественные надобности отправлялись в той же комнате, тут же и принимали пищу. Окна были закрыты железными болтами, запертыми на замок; по вечерам света не полагалось; гуляли один час в день во дворе, из этого часа 20 минут отсчитывалось на обед. Вставали в 6 часов

утра, ложились в 9 час., четыре поверки в день. Было запрещено: 1) читать все, кроме Библии, писать, рисовать, вырезать, петь, свистеть и громко разговаривать; 2) переходить из комнаты в комнату; 3) курить разрешалось только в своем помещении; 4) при прогулках запрещено стоять на месте или сидеть; 5) каждое разбитое стекло заменялось жестяной доской. 1 августа сто офицеров были отпущены в другие лагери, 200 оставлены на прежнем режиме. 14 сентября офицеры, выведенные из терпения, разбили по сигналу окна во всех комнатах. На вопрос приезжего генерала, почему это было сделано, они ответили: „Чтобы спустить воздух, так как мы задыхаемся". Генерал на это ответил: „Ваше правительство о вас не заботится, а потому мы можем с вами делать все, что хотим". Эта же фраза была повторена 11 октября в заседании рейхстага ген. Фридрихом.

Особенно тяжелым было положение тех пленных русских офицеров, которые в числе тысячи человек (т. е. почти одной десятой части всего наличного состава русских офицеров в германском плену) были переведены в карательный лагерь Штроермоор вследствие общей репрессивной меры, предпринятой германским правительством в ответ на грехи русских властей по отношению к германским военнопленным при постройке Мурманской железной дороги, где эти военнопленные, как известно, тысячами гибли от цынги и других болезней. Условия жизни в этом карательном лагере ярко очерчены в нижеследующем письме военнопленного прапорщика Ш., адресованном его родственнику, врачу одной из московских городских больниц. Опишу картину лагеря: трущоба, кругом болота, посреди несколько бараков, обнесенных проволокой колючей, по углам башни с пулеметами. Для пленных—4 барака по (только) 250 человек. Нары в два этажа: полагается тюфяк, т. е. мешок с болотной травой без подушки, без простыни, но дают 2 одеяла и полотенце. Дальше: миска, ложка, вилка и ножик. Гулять можно 2 раза в день по 2 часа... Кормежка происходит 2 раза в день: приносят лохань с хлебом под названием „всякого жита по лопате", и вот мы в очередь подходим и наливаем себе эту еду в миску; потом сами должны миску вымыть, равно как и прибор. Из этой же миски пьем утром кофе. Денщиков не полагается. Все сами, сапоги чистить, белье стирать—хотя не видно места где бы это можно было делать. Должны сами носить воду из колодца и мыться упрощенным спо-

собом. О бане ничего пока не могу сказать—есть или нет. 4 раза в день поверки [1]).

Относительно общего душевного состояния русских пленных офицеров мы встречаем нижеследующие строки в докладе сестры милосердия Голицыной, подробно обследовавшей их быт в лагерях Германии: „Душевное состояние наших пленных офицеров производит крайне тягостное впечатление. Люди, пробывшие два года в плену в таких условиях, люди, которых гнетет постоянно и неотступно мысль о постигшей их неудаче, обреченные на полную бездеятельность, отрезанность от родины, с постоянным грозным вопросом в душе — как смотрит на них родина, так болезненно ими любимая—не могут быть причислены к категории вполне здоровых людей. Нервы их натянуты до последней степени.

Во всех их речах, порою возбужденных, порою сказанных глухим однообразным голосом, слышится такое страдание, такая безысходная грусть, что только мы, сестры, непосредственно видевшие и слышавшие их, можем всецело понять ту душевную драму, которую они переживают. Они все — солдаты и офицеры — видят, чувствуют, болезненно ощущает ту разницу, которая существует между их положением и обеспеченностью, заботой, которую видят их союзники от своей родины [2]).

Жалобы на тяжелое моральное положение русских пленных офицеров красной нитью проходит через все их сообщения, поступившие в Россию в течение второго периода мировой войны. И несомненно такое их состояние в значительной мере зависело от отсутствия поддержки со стороны родного государства, которое в течение всего этого периода продолжало пассивно относиться к вопросу о военнопленных.

Пленные русские солдаты.

Для размещения пленных русских солдат в Германии в первую очередь были использованы все более или менее пригодные для массового заселения пустовавшие помещения (казармы, фабричные корпуса, сараи, склады и т. п.). Но при той массе русских пленных, которая была в Гер-

[1]) В.-У. А., Спец. Арх. М. К. 1916 г., папка V—I № 25.
[2]) Журнал. Гл. Упр. Р. О. Кр. Кр. № 1418 стр. 43.

мании в первый год войны, этих готовых зданий оказалось недостаточно, и германскому правительству пришлось спешно озаботиться возведением для русских военнопленных специальных помещений. Первоначально, для них устраивались особые землянки, где они временно размещались до постройки предназначенных для них деревянных бараков. К началу второго периода войны вся Германия уже была покрыта множеством таких барачных городков. При их сооружении германское правительство очевидно стремилось к наибольшей экономии строительных материалов и рабочих сил, но при соблюдении всех важнейших требований санитарии и гигиены.

В течение второго периода войны солдатские лагери в Германии были подробно осмотрены делегатами испанского посольства, представителями Женевского Комитета Красного Креста и русскими сестрами милосердия. Их отзывы относительно устройства помещений для военнопленных сходятся в смысле признания удовлетворительности этих помещений и в общем дают довольно единообразную картину внешнего вида солдатских лагерей в Германии.

Сестра милосердия де-Витт, осматривавшая лагери для пленных в Тюрингене, Гессен-Дармштадте и Ганновере, констатирует, что „лагери для нижних чинов устроены более или менее по одному шаблону: это целый городок, огороженный проволочными заборами снаружи, в несколько рядов, и внутри разделенный теми же проволочными заграждениями на много частей. Бараки, в которых живут пленные;—деревянные, легкого летнего типа, с щелями на потолке и в полу, вследствие чего вентиляция является естественной. Отапливаются большею частью железной или чугунной печью с проведенными от нее трубами. Освещение везде электрическое. Люди спят на нарах, в 2—3 этажа, без постельного белья и даже подушек, на мешках, набитых соломою или стружками, каждый получает по 2 тонких шерстяных одеяла. В санитарном отношении лагери обставлены прекрасно; везде канализация, хорошая питьевая вода, чисто содержатся отхожие места; во всех лагерях имеются бани и души, прекрасно оборудованные, так же, как и приспособления для дезинфекции. Во многих лагерях стрижка и бритье происходят при помощи электрических приспособлений. Прачечная, сушильня, каток обслуживаются электричеством; к сожалению, эти прекрасные прачечные работают почти исключительно на фран-

цузов, англичан и на лазареты; русские же солдаты говорят: „нас туда не пускают“, и они большею частью у колодца, без горячей воды и без мыла, стирают свое белье“[1]).

Приблизительно такую же картину представляли собой и лагери в Баварии и в Пруссии, где было размещено большинство пленных русских солдат.

Первоначальные землянки (Erdbaraken) к началу второго периода войны сохранились лишь в немногих лагерях. При произведенных в 1916 году осмотрах лагерей такие землянки оказались в лагерях Гаммерштейн, Тухель и Коттбус-Мерцдорф. По описанию швейцарских делегатов Шультесса и Тормейера[2]), в лагере Коттбус-Мерцдорф бараки для военнопленных на половину находились в земле. В подземной части внутренние стены бараков не были даже обшиты тесом; на них росла трава; в бараках было сыро и темно. Эти помещения были признаны осматривавшими их наименее удовлетворительными.

Особенной оригинальностью отмечался лагерь Данциг-Тройль, устроенный на реке в виде плавучего городка. Лишь небольшая часть лагерных помещений (здания для служебного персонала, лазаретные помещения и некоторые бараки для военнопленных) была устроена на берегу. Большинство военнопленных было размещено на 28 больших барках и трех пароходах, соединенных между собой переходами и прикрепленных к набережной. Каждая барка была разделена перегородками на несколько отдельных камер, в которых помещалось по сорока военнопленных. При таких условиях размещения свобода передвижения военнопленных несомненно была стеснена, но за то они в большей мере, чем при обычном поселении в бараках, пользовались светом и воздухом. В случае появления заразных болезней изоляция и дезинфекция значительно облегчались тем, что соответствующие барки отцеплялись и отводились в сторону. По свидетельству швейцарских делегатов Шультесса и Тормейера, осматривавших этот лагерь в 1916 году[3]), лагерная администрация относилась здесь к интересам военнопленных с особенной заботливостью. При лагере была устроена школа для неграмотных русских солдат. Существовала библиотека и читальня. Был организован большой оркестр. Часто устраивались спектакли и кинематографи-

[1]) Журнал Гл. Упр. Р. О. Кр. Кр. № 1418, стр. 45.
[2]) Documents publiés à l'occasion de la guerre européenne t. XI p. 30.
[3]) Documents publiés à l'occasion de la guerre européenne t. XI p. 51

ческие сеансы. Функционировало фотографическое ателье, выпускавшее ежемесячно до 3000 фотографических карточек военнопленных. В лагере издавалась даже, под редакцией двух русских военнопленных, своя лагерная газета, переписывавшаяся на пишущей машине.

Во всех германских лагерях все лагерные работы: обслуживание кухни, булочной, лагерных мастерских, чистка камер и т. п., выполнялись самими военнопленными. По свидетельству нейтральных делегатов эти работы в общем не были изнурительны и разнообразились в зависимости от индивидуальных свойств отдельных военнопленных. Более слабые военнопленные назначались на работы по уходу за лагерными садами и огородами. Часть военнопленных могла работать в художественных мастерских, которые были устроены во многих лагерях.

Самый существенный из всех вопросов содержания военнопленных—*вопрос питания*—был урегулирован во всех лагерях Германии особыми общегосударственными нормами. Продовольственные ресурсы Германии, как известно, с самого начала войны были весьма ограничены. В 1916 году продовольственный кризис в Германии особенно обострился, и правительству удавалось справляться с ним лишь при строгом регулировании потребления во всем государстве. При таких условиях неудивительно, что германское правительство стремилось расходовать на содержание военнопленных минимум продовольственных ресурсов. Но с другой стороны, для использования рабочей силы военнопленных, которая в то время особенно необходима была Германии для преодоления экономических трудностей войны, надлежало обеспечить военнопленных достаточным питанием. Для разрешения этой проблемы при центральных органах военного управления Германии были образованы особые пищевые учреждения, в которых при участии ученых специалистов устанавливались нормы питания военнопленных применительно к особым условиям военного времени. Эти нормы особыми приказами сообщались для обязательного применения всем управлениям армейских корпусов и лагерным комендатурам.

В качестве основного правила, которым должны были руководствоваться военные власти при установлении норм питания военнопленных, было признано, что каждый военнопленный для сохранения его работоспособности должен ежедневно получать такое количество питательных веществ,

которое производило бы не менее 2900 калорий. В этих целях основным приказом от 7 октября 1915 года об урегулировании питания военнопленных было предписано выдавать каждому военнопленному ежедневно такую порцию питательных веществ, которая содержала бы в себе 90 грамм белков, 30 грамм жиров и 500 грамм углеводов. Для военнопленных, занятых физическим трудом, а также для лиц слабого питания количество питательных веществ должно было увеличиваться на 10 процентов.

Этим правилом обязаны были руководствоваться все лагерные комендатуры при составлении ежедневных меню военнопленных. Им было предписано точно высчитывать питательность веществ, входящих в состав этих меню, с тем, чтобы строго была соблюдена общеустановленная норма питания.

Особой секцией питания при германском военном министерстве были выработаны для лагерных комендатур образцовые еженедельные меню, в которых было точно указано какое количество грамм каждого продукта должен получать каждый военнопленный в течение одной недели. Эти образцовые меню было предписано вывесить во всех лагерях военнопленных.

Согласно установленным нормам, каждый военнопленный должен был получать в день 300 грамм хлеба, выпеченного из 80 частей муки и 60 частей картофеля. Каждому военнопленному ежедневно полагался утренний завтрак, обед и ужин. Утренний завтрак должен был состоять из чая, кофе или какао с 20—30 гр. сахара или из 100 гр. супа. Обед—из 600—1000 гр. картофеля и 200—300 гр. овощей и кроме того три раза в неделю—из 100 гр. мяса без костей, два раза в неделю—из 150—200 гр. рыбы и два раза в неделю—из 150 гр. сухих овощей с жирами. Ужин—из 600—800 гр. картофеля с 150 гр. селедки, или—100 гр. колбасы, или 100 гр. сыра. К обеду и ужину полагались приправы в точно высчитанном количестве.

Для примера приведу здесь выписанное женевским делегатами Шультесом и Тормейером меню лагеря Франкфурт на Одере на 9—15 апреля 1916 года:

Воскресенье. Завтрак: суп из маисовой крупы 100 гр. Мука маисовая 50 гр., сахар 25 гр. Обед: консервированное мясо 60 гр., картофель 900 гр., шинкованная капуста 150 гр., мука из вики 30 гр. Ужин: чай 2 гр., сахар 50 гр. сыр 100 гр.

Понедельник. Завтрак: пюре из ячменя 100 гр., мука маисовая 50 гр. маргарин 10 гр. Обед: колбаса 100 гр., картофель 1000 гр., морковь 250 гр., масло из вики 10 гр., мука из вики 10 гр. Ужин картофель 600 гр., селедка 150 гр., кофе 3 гр., сахар 50 гр.

Вторник. Завтрак: мука из бобов 50 гр., мука из маиса 50 гр., маргарин 10 гр. Обед: сало 10 гр., бобы 150 гр., картофель 1000 гр., мука из гороха 20 гр. Ужин: каша 40 гр., сушеные фрукты 50 гр., мука из маиса.

Среда. Завтрак: суп из мансовой крупы 50 гр., мука мансовая 50 гр. маргарин 10 гр. Обед: консервированное мясо 60 гр., морковь 500 гр., картофель 800 гр., мука из вики 20 гр. Ужин: перловая крупа 50 гр., мансовая мука 50 гр., сахар 25 гр.

Четверг. Завтрак: суп из мансовой крупы 50 гр., мука мансовая 50 гр. маргарин 10 гр. Обед: консервированное мясо 60 гр., шинкованная капуста 100 гр., картофель 1000 гр., морковь 250 гр., мука из вики 80 гр. Ужин: икра 50 гр., картофель 600 гр., мука из бобов 20 гр.

Пятница. Завтрак: суп из мансовой крупы 100 гр., мука мансовая 50 гр., маргарин 10 гр. Обед: соленая рыба 100 гр., картофель 1000 гр., масло из вики 10 гр., мука мансовая 20 гр. Ужин: каша 40 гр., сушеные фрукты 50 гр., муки мансовая 50 гр.,

Суббота. Суп из мансовой крупы 100 гр., мука из бобов 50 гр., маргарин 10 гр. Обед: консервированное мясо 60 гр., репа 350 гр., картофель 800 гр., мука из вики 20 гр., мука из маиса 20 гр. Ужин: икра 50 гр., картофель 600 гр., мансовая крупа 20 гр.

По общему правилу, предписания секции питания соблюдались во всех лагерях Германии. Но во множестве конкретных случаев по поводу питания военнопленных возникали постоянные недоразумения, так как и лагерным комендатурам трудно было справляться с продовольствием, и при распределении продуктов внутри лагерей трудно было достигнуть полной равномерности. Несмотря на то, что суп обычно раздавался в лагерях определенными мерками (черпак в полтора литра вместимости), а хлеб разрезался машинами, всегда среди десятков тысяч военнопленных оказывались обделенные, жаловавшиеся на недополучение продуктов. Во избежание нареканий в германских лагерях был введен такой порядок, что сдача продуктов на кухню производилась в присутствии представителей военнопленных, которые должны были проверять соответствие этих продуктов установленным нормам питания. Но фактически проверять питательность продуктов было очень трудно, тем более, что при продовольственной нужде в Германии очень часто одни продукты заменялись другими, не всегда доброкачественными.

Для русских пленных солдат установленные германским правительством нормы питания повсеместно оказывались недостаточными, так как у себя на родине русские люди привыкли к значительно большему количеству хлеба и горячей жидкой пищи. Жалобы на недоедание мы постоянно встречали во множестве писем военнопленных, адресованных на родину в течение второго периода войны. Эти жалобы приходилось выслушивать решительно всем посетителям германских лагерей военнопленных. Это отмечается и в отчетах испанских делегатов, и в сообщениях женевских краснокрестных представителей, и в докладах

русских сестер милосердия. Так, сестра милосердия Клюева, посетившая наиболее крупные лагери русских военнопленных в Саксонии, Силезии, Мекленбурге, Шлезвиг-Гольштейне и Восточной Пруссии, констатирует в своем докладе, что „пища вообще недостаточна и не питательна; утром питье, напоминающее слегка кофе; в обед водяной суп, в котором иногда плавают волокна мяса, в ужин тот же суп, или как называют пленные „малафейка" — вода с мукой; эту „малафейку" я встречала часто и в лагерях, и в рабочих командах, и ее особенно не любят наши пленные.

Иногда на ужин дают картофель, сыр или 2 галеты с мармеладом. Картофель часто гнилой, перезрелый. Днем военнопленные, почти во всех лагерях, где я была, могут получать кипяток и заваривать свой чай.

Хлеба 300 гр. по положению, но часто только 250. Купить что-либо из съестного на свои деньги нет никакой возможности, так как в лагерной лавке, кроме папирос и лимонада, ничего достать нельзя.

В лазаретах люди получают ту же пищу, что особенно тяжело для больных катарром желудка. Только в очень редких случаях им дают молочную кашу и немного белого хлеба.

Там, где работают русские врачи, больные в лучших условиях; врачи заботятся о том, чтобы присылаемые комитетами галеты и сгущенное молоко шли главным образом для больных.

Пленный постоянно голоден; за несколько галет он стирает белье пленному французу, за черный сухарь он променяет все, что у него еще осталось из собственных вещей.

Как часто приходилось мне слышать от французов „ah, les russes ne reçoivent presque rien, ils sont toujours affamés". Мне приходилось видеть очень много пленных французов, а также англичан и бельгийцев. Они не голодают.

При мне во многих лагерях выгружали посылки, целой горой наваленные на воз, присланные Францией своим пленным. Должна сказать, что этот вечный голод, испытываемый нашими военнопленными, удручающе действует на них; человек сытый несравненно легче перенес бы все тягости плена. Кроме того, у наших пленных является

совершенно понятное чувство горечи и зависти к французам и англичанам, которым посылки идут в изобилии“ [1]).

То же отмечает в своем докладе и сестра милосердия Голицына, осматривавшая солдатские лагери в Пруссии и в Баварии.

Материальная необеспеченность русских военнопленных, при сравнении их положения с положением пленных французов и англичан, резко бросалась в глаза всякому посетителю лагерей военнопленных в Германии. Когда мне пришлось осматривать солдатский лагерь Мюнхеберг близ Берлина, мне было показано лагерное помещение, предназначенное для хранения продовольственных посылок военнопленным с родины. Это был большой сарай, разделенный перегородками на особые отделения, отведенные отдельным группам военнопленных для хранения посылок. Из десяти таких отделений девять было предоставлено для пленных французов и англичан, и только одно отделение (в момент осмотра пустовавшее) было оставлено для русских военнопленных. А между тем в этом лагере находилось около 5000 русских военнопленных и только 400 пленных французов и англичан. Уже из этого с наглядностью явствовало, что пленные французы и англичане более чем в сто раз были лучше обеспечены продовольственными посылками, чем наши русские военнопленные.

Такая материальная необеспеченность отражалась и на общей бесправности положения русских пленных солдат в лагерях Германии. Описывая жизнь русских военнопленных в солдатских лагерях, сестра милосердия де-Витт подчеркивает, что „они являются не военнопленными, а бесправными рабами германцев, которые, при всяком удобном случае, им указывают, что русское правительство о них не заботится, что родина их забыла, что они находятся во власти германцев, которые в праве распоряжаться их жизнью и смертью. Положение англичан и французов совсем иное, обращаются с ними несравненно лучше; на особенно тяжелые работы их не назначают, а главное, они всегда сыты, так как получают систематически прокормление от своей родины.

С какой болью в сердце и краской стыда приходилось видеть и слышать, как русские пленные стирают грязное белье нашим союзникам, чинят их платье ради 3—4 сухих

[1]) Журнал Гл. У. Р. О. Кр. Кр. № 1418 стр. 12.

галет, которые они от них получат за свою услугу. Я видела случаи, когда русские пленные получали из французских комитетов посылки, благодаря своим французским товарищам, которые, видя их бедственное положение, сообщают о них в свои комитеты" [1]).

Приведенные в первой части настоящего труда цифровые данныя статистической разработки результатов опроса первой десятитысячной партии вернувшихся из германского плена, установившие большой процент туберкулеза и других болезней, являвшихся следствием истощения, подтверждают, что для значительного числа русских военнопленных в лагерях Германии питание было действительно недостаточным.

Одним из наиболее мрачных моментов истории военного плена за время минувшей мировой войны являлось *положение русских пленных солдат на работах в Германии*. Это относится не к лагерным работам, которые по общим отзывам не были особенно изнурительными, и не к работам сельскохозяйственным, к которым стремились почти все русские военнопленные, и при том не только пленные солдаты, в громадном большинстве вышедшие из среды русского крестьянства, но и многие пленные офицеры, нередко обращавшиеся к нам с просьбами добиться для них права работать на земле. Это относится к работам на фабриках, рудниках и в разнообразных рабочих командах, где труд русских пленных солдат действительно эксплоатировался в максимальной степени.

Тяжелое положение русских солдат на работах в Германии было отмечено русскими сестрами милосердия в их докладах о посещении лагерей. Так, в докладе сестры милосердия Голицыной мы встречаем следующее описание положения русских военнопленных на фабриках и в рабочих командах: „Рабочих мест в Германии неисчислимо много. Все обслуживается трудами наших военнопленных. В полях, на дорогах, на заводах только и видны наши серые фуражки. О помещениях опять-таки должна сказать, что в большинстве случаев они вполне удовлетворительны, а на некоторых фабриках, как, например Грюнталь—Роденбах в Баварии, военнопленным жилось вполне хорошо. Люди помещаются в каменных домах близ завода или фабрики, всюду соблюдается чистота, условия жизни почти

[1]) Доклад де-Витт, стр. 53.

те же, что в лагерях. Плата работающим на сельских работах, к которым относятся и работы на торфяных болотах, рытье канав для осушки болот, починка дорог и прокладка новых, оплачивается 30 пф. в день. Работают с 6 часов утра до 6 часов вечера с часовым перерывом. В летнее время, во время уборки хлеба, рабочий день достигал 16—17 часов в сутки. Мною был осмотрен целый ряд рабочих команд, принадлежащих к лагерю Ашаффенбург, где военнопленные роют новое русло р. Майн.

Военнопленные, работающие у крестьян или у помещиков, живут в отдельном помещении в деревне, под охраной часового. На полевые работы стремятся все пленные, это напоминает им родину, они видят солнце и свет. Настроение у них бодрее и вид здоровее.

Положение работающих на фабриках, а в особенности на угольных шахтах, которых в Баварии очень много, неизмеримо хуже. Они работают по 10—11 часов под землею, не видя света, в полной зависимости от немецких рабочих. Всех военнопленных русских и французов, работающих в угольных шахтах и на фабриках железных изделий, угнетает мысль, что работа их идет на военные нужды, что, таким образом, они работают против родины. Плата за эти работы колеблется, начиная от 60 пф. до 1 м. 50 пф. в день. Расчет еженедельный, не настоящими деньгами, а условными знаками. Покупать что-либо на заработанные деньги военнопленные не имеют возможности, т. к. съестных продуктов в Германии вообще мало, а в местных лавочках, кроме лимонада, табака и спичек, ничего приобрести нельзя. Русские пленные, работающие в шахтах, исполняют самую тяжелую работу. Вообще, должна отметить, что на всех фабриках и рабочих местах я всегда слышала, что на долю наших пленных выпадает всегда самая тяжелая или грязная работа. Люди, работающие в шахтах, произвели на меня крайне тяжелое впечатление. Выглядят они скверно, подавлены, взгляд мутный, движения вялы. Когда я говорила с ними о родине, о том, что я прислана проведать их, передать им поклон из России,— они плакали, как дети.

Если иметь в виду, помимо изложенных условий, еще скудную пищу, только в некоторых местах улучшенную работодателями, то станет ясным тот большой процент туберкулезных, который имеется среди употребляемых на работы военнопленных. Баварское военное министерство, в

лице майора фон-Браун, обещало мне обратить внимание на работающих в шахтах, но истечении нескольких месяцев такой работы сменять их, а также разрешило прогулки по воскресеньям в поле. Не легка также жизнь тех, которые находятся в полном распоряжении частных предпринимателей; они смотрят на пленных как на вьючных животных, не верят их заболеваниям, всячески оскорбляя их человеческое достоинство. В самых ужасных условиях находятся т. н. рабочие батальоны, которые работают близ нашего или французского фронта; их принуждают рыть окопы, много погибло среди них и искалечено нашими или французскими снарядами. Они лишены всякой поддержки, не получая ничего с родины, будучи совершенно отрезанными от лагерей" [1]).

Приблизительно такими же чертами обрисовывает положение русских военнопленных на работах в Германии и сестра милосердия Шуберская: „Больных и слабых тут не признают; вместо того, чтобы отвести больного к доктору, часовой ударами приклада гонит его на работу, если пленный не идет, его обвиняют в уклонении от работ „Arbeitsverweigerung" и сажают под арест или привязывают. Нам всюду заявляли, что часовые не смеют бить, но я сама читала приказ, где сказано, что часовой обязан всеми способами принудить пленного работать, должен его „anfassen", а в случае неповиновения могут „толкать" прикладом ружья; как толкают прикладом—ясно из того, что я видала людей с поломанными костями, часто встречаются штыковые раны в спину—это часовой подгонял пленного. На работах по осушке болот пленным не позволяют одевать сапоги, так как они от сырости портятся, а работать приходится почти по-колена в воде круглый год [2]).

Относительно положения русских военнопленных на работах в Германии в течение второго периода мировой войны наиболее подробные сведения заключались в докладах Женевских представителей Интернационального Красного Креста Бланшод и Шпейзера и в донесениях испанских делегатов. В составленной Отделом о военнопленных при Министерстве Иностранных Дел сводке извлечений из этих донесений заключается много данных, иллюстрирующих тяжелые условия труда русских пленных солдат на некоторых работах общегосударственного характера и

[1]) Доклад Голицыной стр. 38.
[2]) Журнал Гл. У. Р. О. Пр. Кр. № 1418, стр. 25.

на многих отдельных фабриках и заводах в Германии. Несмотря на то, что эта сводка носит определенно односторонний характер, так как в ней, по заявлению ее составителей, собраны лишь отрицательные данные и обойдены молчанием описания тех мест работ, где условия труда были более сносными, я позволю себе привести здесь некоторые извлечения из этой сводки, иллюстрирующие самую существенную особенность военного плена минувшей мировой войны, именно—использование военнопленных государствами пленения в качестве рабочей силы.

Насколько тяжелы были условия труда на некоторых отдельных германских фабриках и заводах, об этом можно судить по нижеследующим донесениям испанских делегатов:

В Врешене на сахарном заводе работают по принуждению унтер-офицеры. К работам принуждаются и больные. Работают в две смены от 7 до 7, в воскресение „дополнительные работы". Пища скверная, порции очень маленькие, ночная смена за всю ночь не получает никакой пищи. (Исп. дел. 7 дек. 1916 г.). На фабрике Вингоф и Якрон (относится к лагерю Мюнстер) солома в матрацах не освежалась в течение целого года. Для прогулок отведено крайне недостаточное место. Не дозволяются прогулки на фабриках стальных изделий „Архимедес" в Бреславле. То же самое и на фабрике химических продуктов в Гельзенкирхен—Шельне (относится к лагерю Бургстейнфурт), где вырабатываются кислоты на выделку снарядов, и где воскресный отдых возмещается непрерывной 16-ти часовой работой. На всех упомянутых фабриках довольствие неудовлетворительно и недостаточно. (Исп. дел. 10 авг., 15 авг., 16 авг. 1916 г.). В плохих условиях находятся пленные и на бумажной фабрике в Франкфурте на Одере (Шульт и Торм, стр. 25).

Делегаты Международного Общества Красного Креста, посетившие некоторые лагеря военнопленных французов в Германии, в марте и апреле 1916 года предприняли статистику на посещенных ими рудниках и шахтах. Оказалось, что около 40% пленных было эвакуировано из упомянутых пунктов работы, вследствие увечий, болезней и неспособности к труду (Бланшод и Шпейзер стр. 17).

На копях Эвальд (Буэр—Рессе) каждый день в среднем было 10% новых заболеваний или увечий среди пленных (Бланшод и Шпейзер). На заводе Круппа на 560 фран-

цузов и 195 русских в среднем приходилось 30—45 новых заболеваний ежедневно (Бланшод и Шпейзер).

В донесениях испанских делегатов и в докладах швейцарских краснокрестных представителей мы встречаем нижеследующие описания условий работ на некоторых отдельных рудниках и копях Германии:

„Рудник Атрендорф в Пруссии (к лагерю Квеллинбург). Продолжительность работы от 6 утра до 3 дня, перерыв $^3/_4$ часа. Каждый пленный обязан выбить, нагрузить и выгрузить 25 вагонов лигнита в день, или же 24 вагона и прорыть канаву для отвода воды. Невыполнившие этой работы лишаются права на обед, по выходе из рудника. Плата в среднем 1 марка в день (Бланшод и Шпейзер).

На руднике Сицилия Захтлебен в Силезии к 13 апреля 1916 года из общего числа 852 пленных, 365 были уже эвакуированы из-за увечий, болезней и неспособности к труду (Бланшод и Шпейзер).

В пыльной атмосфере, нередко при температуре 39 градусов, заняты пленные работой без передышки от 6—2 дня на копях Ассе у Витмара в Брауншвейге. Довольствие плохое. Все работают по принуждению (Исп. дел.).

Рейнгаузен, копи Фридрих—Альфред.

При заработной плате от 30 до 85 пф. пленные работают в две смены, по 12 час., с перерывом для отдыха в $1^1/_2$ часа, причем ночная смена становится дневной лишь через две недели; в день смены ночная партия продолжает работать и днем, т. е. всего работает подряд 24 часа. Некоторые работы крайне тяжелы и вредны для здоровья, т. к. получающаяся при производстве пыль в некоторых мастерских вызывает боль в желудке и язвы в дыхательных органах. Пища для пленных приготовляется небрежно и отпускается в неодинаковом количестве.

В бараках очень тесно и неопрятно; солома в матрацах не освежалась в течение 15 месяцев; отопление зимой недостаточное. Получаемая пленными папиросная бумага уничтожается. С апреля месяца 1916 г. германские власти начали взвешивать 5%; оказалось, что по 15 августа 1916 г. вес пленных уменьшился в среднем на 3 килогр. (Исп. дел.).

На руднике Гагенбек в Эссен (Рур) часовые бьют пленных прикладами, некоторые же мастера расправляются

---

[1]) В.-У. А., Спец. арх. М. К. 1917 г. папка V—I.

с ними палками. В случае недостатка в рабочих руках, напр., для погрузки вагонов, посылают в больницу за больными, которых и принуждают работать. Делаются вычеты из заработной платы от 10 пф. до 1 марки, если работа не понравится соответствующему мастеру, который сам лично выбирает из жалующихся на ту или иную болезнь тех, которые могут пойти потом к доктору за советом. (Исп. дел. 29 сен. 1916 г.).

Собрать точные сведения об участии военнопленных в военнопринудительных работах в Германии посетители лагерей не имели возможности, так как германским правительством были приняты меры к недопущению их в те места водворения, из которых военнопленные направлялись на фронтовые работы. Тем не менее и испанским делегатам, и русским сестрам милосердия удалось констатировать такие факты, из которых с несомненностью явствует, что в течение второго периода войны труд военнопленных в Германии в широких размерах применялся и к военным работам.

Делегат испанского посольства, посетивший 2 октября 1916 г. лагерь, сообщил следующее: к лагерю Сольдау принадлежат русские рабочие баталионы №№ 19, 20, 40, 75 и 92, каковые были отправлены на рытье траншей и на постройку железных и шоссейных дорог на французском фронте, причем работы производились под огнем французов, вследствие чего эти баталионы понесли потери убитыми и ранеными.

Сестре милосердия Шуберской удалось увидеть в лазарете в Шнейдемюле вернувшихся с работ на нашем фронте и заболевших там от голода особого рода водянкой.

Факт привлечения военнопленных (и не только русских, но и французских) к военным работам на германских снарядных и оружейных заводах был констатирован женевскими делегатами Бланшодом и Шпейзером, которым несмотря на противодействия сопровождавшего их германского офицера Рольсгаузена удалось описать следующий приказ, вывешенный комендантом лагеря на фабрике пушек и снаряжений Эрхардта в Дюссельдорфе: „Все средства, если нужно — сила, должны быть применяемы, чтобы принудить военнопленных к работам на фабрике в тех случаях, когда они подозревают, что работают на военные нужды. Пленные не имеют права ссылаться на приказы и законы их собственных стран; в настоящее время они

подчиняются единственно распоряжениям германского правительства—германское правительство само берет на себя ответственность перед французским правительством и со дня его освобождения об'явит о каждом пленном, что он силою был принужден к работам на фабрике. (Бланшод и Шпейзер, стр. 57).

Все эти данные, которые были известны русскому правительству еще в 1916 году, с несомненностью устанавливают, что в явное нарушение ранее признававшихся всеми цивилизованными странами международных договоров и традиций, не допускавших принуждения военнопленных к военным работам, противным их чувству долга по отношению к родному государству, в Германии труд русских военнопленных широко применялся к работам на военных заводах и к работам непосредственно в зонах военных действий. Несмотря на этот очевидный факт, русское правительство не предпринимало никаких мер для прекращения этих нарушений международных договоров. Об'ясняется это тем, что в то же время и у нас в России труд германских военнопленных принудительно применялся и к работам на военных заводах, и к работам непосредственно на фронте. Универсальность злоупотреблений положением военнопленных в целях максимального использования их рабочей силы для удовлетворения созданных войною нужд являлась характерной особенностью военного плена минувшей мировой войны.

ГЛАВА XIII.

Положение русских военнопленных в Австрии в течение второго периода мировой войны.

Общие условия содержания военнопленных в Австрии во многих отношениях были сходны с условиями содержания военнопленных в Германии, так как при общности военного командования и при тесном единении Центральных государств в критические для них годы мировой войны Австрия при установлении общего режима военнопленных должна была следовать германским образцам. Однако, вследствие разноплеменности состава народонаселения австрийских стран, вследствие менее шовинистического отношения

к войне австрийских народных масс и вследствие особых условий экономической жизни отдельных частей австрийского государства,—положение русских военнопленных в лагерях и в особенности на работах в Австрии далеко не всегда совпадало с положением русских военнопленных в Германии и в общем было значительно лучше, чем в Германии.

Положение русских военнопленных в Австрии несомненно было крайне тяжело в первые месяцы войны, когда Австрия оказалась совершенно неподготовленной к приему масс военнопленных. Осенью 1914 г. для размещения военнопленных в Австрии отводились большие пустыри, обнесенные изгородями из колючей проволоки. Здесь военнопленным приходилось жить иногда по несколько месяцев в самых примитивных условиях поселения. Им самим приходилось копать себе землянки, устраивать из чего попадется навесы и палатки, укрываться тряпьем, отводить дождевую воду канавами. При наступлении холодов они скученно ютились в землянках и наскоро сколоченных бараках без отопления. Вследствие тесноты и грязи среди них быстро распространился сыпной тиф. От питья сырой загрязненной воды начались холерные заболевания. Эпидемии были констатированы в Эстергоме, Добречине, Мандгаузене и некоторых других местах водворения русских военнопленных [1]). Для прекращения этих эпидемий австрийским правительством были приняты спешные меры при участии германских врачей. Вместе с тем были приняты меры и к устройству помещений для поселения военнопленных. Уже в начале 1915 года в разных местах государства были устроены обширные лагери по принятой в Германии барачной системе со всеми необходимыми приспособлениями для соблюдения требований санитарии и гигиены. Эпидемии были прекращены и в широких размерах уже не повторялись в течение всех дальнейших лет войны.

К началу второго периода мировой войны в Австрии существовало свыше 300 мест водворения русских военнопленных, при них около 50 крупных солдатских и офицерских лагерей, рассеянных во всех частях государства. В этих местах водворения было размещено около миллиона русских военнопленных.

---

[1]) Материалы Чрезвыч. следств. комиссии, изд. 1916 г., стр. 172 и сл.

Места водворения русских военнопленных в Австро-Венгрии были осмотрены делегациями русских сестер милосердия при участии представителей Датского Общества Красного Креста. Осмотр лагерей и рабочих команд производился в конце 1915 года и в течение лета 1916 года. План осмотра был установлен Датским Обществом Красного Креста в результате его сношений с краснокрестными организациями России и Австрии. При этом осмотре делегациям была предоставлена довольно широкая возможность ознакомиться не только с внешней стороной устройства мест водворения военнопленных, но и с условиями их жизни и работы в плену. Датское Общество Красного Креста принимало с своей стороны все меры к тому, чтобы при посещении лагерей и рабочих команд делегации могли детально ознакомиться с бытом военнопленных. Но при этом оно с полной определенностью отклонило от себя участие в обследовании вопроса о политической пропаганде среди военнопленных и вопроса о применении труда военнопленных к работам военного характера. Это мотивировалось тем, что нарушения международного права по отношению к содержанию военнопленных совершались равномерно обеими воевавшими сторонами, вследствие чего датчане не считали себя в праве вмешиваться в их взаимные притязания.

Делегациями были осмотрены почти все офицерские и солдатские лагери и многие рабочие места водворения военнопленных в Верхней и Нижней Австрии, в Венгрии, в Тироли и в Богемии. Наиболее обстоятельные и об'ективные данныя, обрисовывающие положение русских военнопленных в Австро-Венгрии в течение второго периода войны, заключаются в докладах сестер милосердия А. В. Романовой, Н. Г. Яшвиль и В. Е. Масленниковой, посетивших Австрию в конце 1915 года [1]), и в отчете сестры милосердия А. В. Тарасевич, осмотревшей лагери военнопленных в Нижней Австрии и в округе Пресбурга в Венгрии летом 1916 года [2]).

По общим отзывам русских и нейтральных делегатов, дело устройства русских военнопленных в Австро-Венгрии

[1]) Журнал Глав. Упр. Росс. Общ. Кр. Кр. от 3 марта 1916 г. № 1310.
[2]) А. В. Тарасевич. «Отчет по обследов. лагерей и мест водвор. русских военнопленных в Австрии и Венгрии» изд. 1917 г.

с внешней стороны было поставлено к началу второго периода мировой войны во многих отношениях вполне удовлетворительно.

Так, сестра Масленникова в своем докладе констатирует, что австрийское правительство за время войны затратило большие суммы на постройку новых лагерей, хорошо обставленных в санитарном отношении и, совместно с Красным Крестом, приложило не мало старания к улучшению внешнего быта военнопленных.

Как и в Германии, все управление делами военнопленных в Австрии было строго централизовано и сосредоточено в X Отделении Военного Министерства, которое своими приказами и циркулярами детально регламентировало все вопросы, касавшиеся условий содержания военнопленных в лагерях и рабочих командах. Эти приказы X Отделения Военного Министерства были кодифицированы в виде особого сборника правил о содержании военнопленных и циркуляром за № 3000 от 1 марта 1916 года были преподаны к исполнению всем соответствовавшим учреждениям.

В отношении надзора за положением военнопленных вся Австро-Венгрия была разделена на четыре инспекционных округа. Каждый округ управлялся особым генерал-инспектором, подчиненным непосредственно X Отделению Военного Министерства. Во главе X Отделения Военного Министерства в течение второго периода войны находился полковник Шутц—человек, по общим отзывам, энергичный и добросовестный, сумевший справиться с теми осложнениями, с которыми вопрос о размещении военнопленных был сопряжен в Австрии в начале войны. Добросовестное отношение австрийских властей к постановке дела управления военнопленными было констатировано и в отзывах русских сестер милосердия. Так, сестра Романова в своем докладе отмечает следующее: „Во время нашей работы нам пришлось быть в постоянном соприкосновении с полковником Шутцом и его помощниками, а также с высшими офицерами, заведывающими военнопленными на местах, и мы вынесли впечатление, что те отрицательные явления, с которыми нам неоднократно приходилось встречаться при осмотре, вызываются злоупотреблениями низших чинов на местах. С злоупотреблениями этими высшее начальство борется, и они во всяком случае не являются проявлением системы".

В частности—по отношению к борьбе с эпидемиями в лагерях русских военнопленных были приняты самые тщательные меры. В этом отношении сестра милосердия Романова констатирует следующую характерную деталь: „на чистоту обращено большое внимание и часто приходилось выслушивать от самих солдат, что санитарные условия блестящи. Паразиты, благодаря дезинфекции и чистоте, выведены совершенно. В лагере Клейнмюнхен мне рассказали, что за найденную у одного пленного вошь целый барак был подвергнут взысканию; на мое замечание о строгости этого наказания, комендант сказал мне, что людям дана возможность жить в чистоте, несоблюдение же правил гигиены приводит к эпидемиям, и он предпочитает наказывать здоровых, нежели видеть заболевающих и умирающих“ [1].

В результате принятых австрийским правительством мер места водворения русских военнопленных в Австро-Венгрии повсеместно оказывались благоустроенными. Но эта внешняя благоустроенность помещений для военнопленных, разумеется, не должна служить основанием к каким либо односторонним выводам относительно общего положения русских военнопленных в Австрии. В общем, как об этом свидетельствуют приведенные в первой части настоящего труда результаты опроса первых десятитысячных партий, вернувшихся из плена, положение русских военнопленных было не менее тяжелым, чем положение военнопленных в других воевавших странах, ибо и на их судьбе в полной мере отражались все особенности великой мировой войны. Сестра милосердия Романова правильно называет австрийские помещения для военнопленных „благоустроенными клетками“. Подробно описав устройство лагерей для военнопленных в Верхней Австрии, Тироли и Юго-Западной Венгрии, она добавляет: „такова внешность этих громадных, если не позолоченных, то, во всяком случае, весьма благоустроенных клеток, в которых томятся наши пленные, поставленные в условия, отличающиеся от тюремных разве тем, что они имеют неограниченное право дышать свежим воздухом. Этот тюремный режим связывается решительно со всем“.

Этот тюремный режим действительно отражался на всех сторонах быта русских военнопленных в Австрии,

[1]) Журнал Г. У. Р. О: Кр. Кр. № 1310, стр. 1013.

как это явствует из всех докладов сестер милосердия и нейтральных делегатов, обследовавших австрийские лагери и рабочие команды. Относительно этих докладов у нас в России за время войны неоднократно выдвигались возражения, основанные на том, что будто бы посетители австрийских лагерей имели возможность ознакомиться с бытом военнопленных лишь с показной его стороны. Эти возражения нельзя считать правильными. Все мы, побывавшие в лагерях военнопленных, могли убедиться в том, что, несмотря на присутствие переводчиков, каждый посетитель лагерей по жалобам и рассказам военнопленных имел полную возможность получить верное представление об общей картине жизни военнопленных со всеми ее отрицательными сторонами, так как обычно военнопленные при изложении своих жалоб не стеснялись присутствием переводчиков.

„Первый лагерь, который я посетила, был Шпрацерн; он построен на 40.000 пленных, но налицо в день нашего приезда было только 4.392 человека. Летом большинство пленных находится на работах. В лагере остаются инвалиды, слабосильные, партии, работающие вблизи лагеря, и затем партии, прибывающие в лагерь по окончании своих работ и ожидающие новых назначений. Такие партии являются в лагери из самых различных мест и после самых разнообразных работ. Кроме того, в арестных и штрафных бараках всегда полно ожидающих или отбывающих наказания; в большинстве случаев это пленные, совершившие один, а часто несколько побегов и нередко побывавшие в лагерях и тюрьмах самых разнообразных округов Австро-Венгрии. В силу этого расспросы и беседы, которые ведутся пленными с полной откровенностью (жалоб своих они не скрывают), в одном только лагере дают уже разнообразную и широкую картину условий жизни наших пленных, достаточную, чтобы составить себе понятие не только о жизни данного лагеря, но и об общем положении пленных в других лагерях и на работах. В дальнейшем это первое впечатление только утвердилось“ [1]).

В дальнейшем я позволю себе иллюстрировать обрисовку положения русских пленных офицеров и солдат в Австрии теми извлечениями из докладов посетителей лагерей военнопленных, которые по своему об'ективному харак-

[1]) Отчет А. В. Тарасевич, стр. 5.

теру вполне совпадают и с другими данными, заключающимися в материалах учреждений помощи военнопленным за время второго периода мировой войны.

Пленные русские офицеры.

К началу второго периода мировой войны пленные русские офицеры были размещены в Австро-Венгрии частью небольшими группами в приспособленных для них помещениях, в помещичьих усадьбах, замках, монастырях и старых казармах, частью в специально устроенных лагерях или офицерских отделениях при солдатских лагерях.

По общим отзывам внешние условия жизни русских пленных офицеров в местах их водворения в разных частях австрийского государства были вполне удовлетворительны.

Так, сестра милосердия А. В. Тарасевич, осматривавшая лагери военнопленных в Нижней Австрии и в округе Пресбург в Венгрии, констатирует, что в Нижней Австрии было два типа офицерских лагерей. Одни были расположены в бывших курортах или пансионах (Нейленгбах, Вайдгофен и Зальцербад), в живописной и здоровой местности, и с внешней стороны производили более приятное впечатление, чем специально выстроенные по барачной системе офицерские отделения при больших лагерях нижних чинов (Визельбург, Шпрацерн, Пургшталь, Гарг и отдельная офицерская станция Мюлинг). Все эти лагери были окружены ничем не замаскированной проволочной изгородью и своим внешним видом напоминали постоянно о плене.

Помещение офицеров и обстановка были вполне удовлетворительны, отношение к ним австрийских властей корректное, и жалоб со стороны офицеров по этому поводу не было. Одеты они были прилично, и недостаток белья и одежды ощущался только теми, кто недавно прибыл в лагерь или не имел возможности снестись с родиной и получать помощь от своих родных.

Приблизительно так же были устроены офицерские лагери и в других частях австрийского государства. Так, сестра милосердия Романова, осматривавшая лагери в Верхней Австрии, Тироли и Венгрии, отмечает, что офицерские помещения были там устроены по одному типу и в общем были вполне удовлетворительны. Офицерские бараки вы-

строены по одному удачно выработанному типу. В коридор выходят небольшие комнаты, в которых помещаются по 2, иногда по 3—4 офицера вместе;—старшие имеют отдельные комнаты. Каждый офицер имеет кровать с тюфяком, подушку из морской травы, одеяло и постельное белье, сменяемое каждые две недели. В комнате находятся умывальник, стол, стулья, вешалка; в некоторых лагерях заведены шкафы, ночные столы и т. д. Освещение, почти всюду уже проведено электрическое, совершенно достаточное; где остался еще керосин, освещение плохо. Отопление печами. Ванны имеются в достаточном количестве и пользоваться ими можно свободно.

Для услуг даны русские солдаты, по расчету 1 на 3—4 офицера, кроме работающих на кухне, что в данных условиях вполне достаточно. Денщики живут или в отдельных бараках, или в офицерских бараках, имеют отдельные комнаты; никакого общения с нижними чинами солдатского лагеря они не имеют.

Что касается условий жизни пленных русских офицеров на т. н. офицерских станциях, где они были размещены небольшими группами (от 6 до 60 человек) в зданиях бывших курортов, в замках и в частных домах, то здесь устройство помещений и обстановка были весьма разнообразны, но в общем также признавались вполне удовлетворительными. В некоторых случаях пленные русские офицеры встречали вполне гостеприимное к себе отношение со стороны своих квартирохозяев. Так, сестра милосердия Романова при описании офицерских станций Залазенгрот и Залачани в Венгрии отмечает следующее: „21 офицер живут в помещичьем доме графа Кароли; дом, обстановка и стол вполне хороши; офицеры ведут свое хозяйство. Для ежедневной прогулки отведена очень незначительная часть сада. Отношение с комендантом корректное, жалоб не было.

6 наших пленных офицеров помещены в совершенно особых условиях у одного из венгерских магнатов, графа Баттиани. Они живут в замке графа Залачани на положении гостей, а не пленных. В том же доме помещается стража, но она ни в чем их не стесняет, так же как и наезжающий иногда комендант соседней станции, в ведении которого они состоят. Нет того знака внимания, кото-

рого не оказывали бы члены всей семьи Баттиани нашим офицерам, чтобы облегчить их плен" [1]).

В аналогичных условиях русские пленные офицеры жили и в Богемии, как это явствует из доклада сестры милосердия Яшвиль, осматривавшей лагери военнопленных в славянских частях австрийского государства [2]).

Как и в Германии, русские пленные офицеры получали в Австрии в соответствующей валюте половину того жалования, которое по чину и служебному положению причиталось им у себя на родине: младшие офицеры—по 120 крон, старшие — по 180 крон, штаб-офицеры — по 240 крон в месяц. На эти деньги пленные офицеры должны были и питаться, и одеваться. В некоторых лагерях пленными офицерами самими были организованы их лагерные хозяйства, в других лагерях хозяйство велось по особым контрактам рестораторами. И в том, и в другом случае пленные офицеры могли уделить на стол в среднем лишь около 3 крон с человека в день (так как громадное большинство пленных офицеров получало низший оклад жалования, т. е. по 4 кроны в день). На такие деньги организовать хороший стол было очень трудно, так как уже к началу второго периода войны килограмм мяса стоил в Австрии 9 крон, а килограмм колбасы около 24 крон. Дешевых продуктов в вольной продаже было очень мало. При таких условиях для тех пленных офицеров, которые не получали помощи с родины, питание не всегда было достаточным.

Одеваться пленные офицеры должны были на свой счет. Им была предоставлена возможность заказывать себе одежду в лагерных мастерских или в обычных магазинах. Но при крайней ограниченности денежных средств, для громадного большинства русских пленных офицеров справиться с одеждой было очень трудно. Многие из них, попавшие в плен летом, к зиме оказывались без теплых вещей. Приобретать такие вещи за наличный расчет далеко не все офицеры были в состоянии, тем более, что в это время цены на носильное платье в Австрии стояли уже высокие. Австрийское правительство предполагало открыть неимущим пленным офицерам особый кредит на одежду,

---

[1]) Журнал Гл. У. Р. О. Кр. Кр. № 1310 стр. 1039.
[2]) Доклад Н. Г. Яшвиль, стр. 1052—1054.

но этот вопрос встретил осложнения со стороны русского правительства. Представитель австрийского военного министерства еще в августе 1915 г. обратился через Министерство Иностранных Дел в наше Военное Министерство с изложением этого вопроса и предложением выработать условия снабжения пленных офицеров одеждой в обеих странах по принципу взаимности, или же просто обеспечит неимущих офицеров достаточной суммой денег, возместив уже произведенные на них к тому времени расходы.

В ответе, отправленном из Петрограда в январе 1916 г., предложение австрийского правительства было отклонено, с пояснением, что пленные офицеры одеваться могут из жалования или же из благотворительных сумм.

На это австрийским правительством было сделано вторичное обращение к нашему, с указанием, что офицерского жалования на обмундирование хватить не может, благотворительных же сумм никаких не поступает. Но и это обращение австрийских властей осталось безрезультатным.

Так же, как и в Германии, русские пленные офицеры в Австрии постоянно жаловались на тюремный режим их содержания и на вынужденную праздность.

Громадному большинству пленных русских офицеров действительно приходилось жить в условиях постоянного стеснения их свободы. Для прогулок внутри лагерей им отводились крайне ограниченные пространства. За пределы лагерей пленные офицеры могли выходить не чаще раза в неделю и непременно в сопровождении австрийского офицера и конвоя. Особыми правилами Военного Министерства пленным офицерам было строго воспрещено вступать в какие либо сношения с местным населением. Их общение с пленными русскими солдатами также было затруднено.

Бесконечные часы вынужденного досуга русские пленные офицеры стремились заполнять разнородными занятиями. Повсеместно устраивались лагерные библиотеки, но при отсутствии русских книг и при недостаточной организованности культурно-просветительной помощи с родины эта задача далеко не во всех лагерях могла быть разрешена удовлетворительно. В некоторых лагерях пленные офицеры устраивали лекции и доклады. Очень многие из них занимались изучением иностранных языков и музыкой. Во мно-

гих лагерях были устроены столярные и токарные мастерские и помещения для занятий диллетантскими искусствами. Но работать на воле пленные русские офицеры права не имели.

Подневольность положения, неопределенность срока заключения, вынужденная праздность, оторванность от родины, заботы и тревоги о судьбе близких, все это угнетающе действовало на психику пленных русских офицеров и обусловливало собой то нервное их состояние, которое так же, как и в Германии, бросалось в глаза всем посетителям офицерских лагерей в Австро-Венгрии.

Сестра милосердия Романова так характеризует душевное состояние пленных русских офицеров:

„Психологической особенностью пленного является то, что у него теряется некоторым образом способность воспринимать вещи субъективно. Отсутствие всяких интересов извне делает то, что всякое событие лагеря служит бесконечной темой разговоров. События эти не радостны и не разнообразны: арест, замечание, наказание одного переживаются всеми с такою интенсивностью, что через некоторое время каждый, даже не пострадавший, приходит к искреннему убеждению, что и он перенес наказание.

Таким образом, совершенно искренно, на вопрос, как ему живется или жилось, всякий ответит рассказом о всем, не только пережитом им лично, но и обо всем когда либо виденном и слышанном в лагере и вне его, перенеся все это на себя. Часто, говоря с ними и желая составить себе правдивую, а не пристрастную картину того, что переносят наши несчастные пленные, мне приходилось медленно, чтобы не оскорбить его чувств, выбирать из рассказов то, что относится к нему лично, и убедиться и убедить его, что на его личную долю выпала только часть, иногда очень небольшая, из того, что он сразу рассказал. Этим только путем можно было выяснить себе верную картину их жизни, а главным образом облегчить их тяжелое состояние, сняв с их души часть этих фиктивных переживаний.

Но все же, не это главное страдание наших пленных.

Гнет плена, сознание бесцельности и бесполезности своего существования теперь, когда их силы так нужны для служения родине, вот мысль, неотступно преследующая каждого из них. Второй, не менее тяжелой, была мысль

о том, что родина, для которой они жертвовали всем, отдавая свою жизнь на служение ей и на ее защиту, забыла их, отвернулась от них, что они ей не нужны" [1]).

Пленные русские солдаты.

Пленные русские солдаты к началу второго периода войны были размещены частью в специальных лагерях, частью в многочисленных рабочих местах водворения повсеместно на всем пространстве австрийского государства.

По описаниям сестер милосердия и нейтральных делегатов, осматривавших солдатские лагери в Австро-Венгрии в течение второго периода войны, все эти лагери были устроены по одному типу: они представляли собой особые барачные города, занимавшие пространства в несколько десятков десятин. Площадь лагерей обычно была окружена или деревянной стеной, или чаще проволочными заграждениями в несколько рядов. Внутри каждый лагерь теми же проволочными заграждениями делился на несколько десятков правильных квадратов, заключавших в себе по несколько десятков бараков для военнопленных. Между бараками проходили улицы и дорожки, мощенные камнем или выложенные деревянными брусками и досками. Местами были устроены садики и огороды. Лагерные постройки были разбиты на отдельные группы, каждая из которых являлась самостоятельной единицей. Учреждения, обслуживавшие весь лагерь — канцелярия и почта, хлебопекарня, баня, прачечная, дезинфекционная камера, пожарное депо, мастерские и склады и т. д. были сосредоточены в „центральные" группы; помещения австрийских офицеров, госпиталей, караула были выделены в отдельные группы; остальные группы являлись помещением самих пленных. Каждая из них состояла из ряда жилых бараков с уборными, помещением для умывания, кухней, амбулаторией, починочными мастерскими и помещением для арестованных.

Жилые бараки, рассчитанные на 200—250 нижних чинов, как и все прочие постройки лагеря, были деревянные, обитые толем (иногда с двойными стенами по системе воздушной прослойки); они отапливались печами (углем или дровами); особых жалоб на холод не было. Проветривание окнами, дающими достаточно света. Освещение в большинстве лагерей электрическое и вполне достаточное.

---

[1]) Журнал Гл. Упр. Р. О. Кр. Кр. № 1310, стр. 1031.

Спали люди на нарах, расположенных частью в 2 этажа, частью в один. В последних по времени постройки лагерях было сделано приспособление для под'ема боковых нар, важное для содержания барака в чистоте; середина барака была свободна от нар—тут стояли столы и скамья. Каждый пленный имел сенник и одеяло. В большинстве лагерей вольноопределяющиеся, подпрапорщики и интеллигентные нижние чины были выделены в отдельный барак, где они имели кровати, иногда подушки, и помещение менее тесное. Уборные находились в порядке — в отдельных зданиях при каждом бараке, они были устроены разнообразно: с проведенной водой там, где была канализация, или выгребные—там, где, по условиям местности, нельзя было устроить канализацию; в этих случаях нечистоты сжигались в печах, к которым подвозились в крытых вагонетках по рельсовым путям.

Для ежедневного умывания были устроены специальные бараки; каждый из них обслуживал обыкновенно 4 жилых барака. Проведена была вода, и над общим умывальником был устроен ряд кранов.

В более ранних по постройке лагерях, одна кухня обслуживала от 500—1000 чел., в новых—общая кухня на всю группу до 5000 ч. Котлы были всегда однообразной системы, удобно отапливаемые и доступные для чистки. При каждой кухне была кладовка для расходной провизии и часто помещение для мытья посуды. Почти везде бетонные полы, что облегчало содержание кухонь в чистоте. При осмотре они всегда были в порядке, что, по словам солдат, было обычное явление. Для раздачи пищи имелись особые помещения, в некоторых лагерях крытые для зимы и полуоткрытые для лета. Барак — столовая на 1000 чел. одновременно служила своего рода клубом, где разрешалось собираться. Курение в них, как и во всех зданиях, было запрещено. Каждому пленному выдавалась ложка и миска на руки; в некоторых лагерях вся посуда хранилась вместе и раздавалась перед едой. Для раздачи пищи были большие ведра на 50 чел. Качество посуды было приличное.

Во всех больших лагерях были устроены свои пекарни, при которых имелись специальные души для пекарей. При каждом лагере было помещение для нескольких десятков голов скота и скотобойня.

При лагерях были огороды, обеспечивавшие лагерь одной из главных статей питания—овощами.

Канализация всегда соответствовала правилам гигиены, различие системы зависело от местных условий. Водоснабжение было поставлено хорошо; специальное внимание было обращено на питьевую воду, которую иногда проводили за несколько километров и постоянно подвергали анализам во избежание заболеваний [1]).

Санитарная часть вообще во всех австрийских лагерях была поставлена образцово. В этом отношении сестра милосердия А. В. Тарасевич в своем отчете отмечает следующее: „на борьбу с эпидемиями и заразными заболеваниями в Австрии обращено громадное внимание. В настоящее время нам не пришлось ни видеть, ни слышать о каких либо эпидемиях, и даже отдельные случаи заразных заболеваний встречались редко. Кроме применения таких общих мер предупреждения заразных заболеваний, как предохранительные прививки, строгое изолирование подозрительных случаев и т. п., ни одного здорового пленного не впускают в лагерь, не подвергнув его полной дезинфекции и дезинфекции в специально устроенных для этого дезинфекционных бараках, которые имеются в каждом лагере; в лагере Гарт, вмещающем 40 тысяч пленных, на каждую группу бараков имеется отдельный дезинфекционный барак, что представляет громадное удобство, позволяя в сравнительно короткий промежуток времени подвергнуть полной очистке всех пленных. Во время прошлой поездки сестер пленные часто жаловались, что, подвергаясь такой чистке, они простуживаются, так как приходится долго ждать очереди в холодном помещении и после бани сразу попадать на холод. В настоящее время к таким дезинфекционным баракам сделаны пристройки с железной печью посредине, где пленные одеваются и могут выждать некоторое время перед выходом на холод [2])".

Благодаря гигиеническим мерам, а также хорошей постановке медицинского ухода за военнопленными, нигде при осмотре лагерей военнопленных в течение второго периода войны не было констатировано болезней эпидемического характера. При посещениях лагерей были отмечены лишь единичные случаи инфекционных заболеваний.

---

[1]) Доклад Романовой, стр. 1012.
[2]) Отчет А. В. Тарасевич, стр. 7.

Вопрос о питании миллионной массы русских военнопленных был сопряжен для австрийского правительства с большими затруднениями, так как к началу второго периода мировой войны недостаток продовольственных продуктов остро ощущался во многих частях австрийского государства.

Как и в Германии, дело продовольствования военнопленных в Австрии было тщательно регламентировано особыми постановлениями центральных органов австрийского Военного Министерства.

Основным Циркуляром Военного Министерства за № 493 была установлена следующая пищевая норма на одного военнопленного в день:

Воскресенье. Завтрак: 28 гр. кофе в консервах. Обед: 100 гр. свеж. мяса, 400 гр. картофеля, 10 гр. мягкой муки, 10 гр. жира, 20 гр. соли, 5 гр. луку, ½ гр. перцу. Ужин: 100 гр. бобов, 20 гр. картофеля.

Понедельник. Завтрак: 2 гр. чаю, 15 гр. сахара, 10 гр. жира. Обед—100 гр. трески, 600 гр. картофеля, 10 гр. мягкой муки, 15 гр. жира, 20 гр. соли, 5 гр. луку, ½ гр. перцу. Ужин—100 гр. гороху, 25 гр. крупы.

Вторник. Завтрак: то же, что в предыдущий день. Обед: 350 гр. кислой капусты, 500 гр. картофеля, 10 гр. мягкой муки, 15 гр. жира, 20 гр. соли, 5 гр. луку, ½ гр. перцу. Ужин: 50 гр. бобов, 400 гр. картофеля.

Среда. Завтрак: то же, что в предыдущий день. Обед—100 гр. солонины, 400 гр. картофеля, 10 гр. мягкой муки, 15 гр. жира, 20 гр. соли, 5 гр. луку, ½ гр. перцу. Ужин: 125 гр. крупы, 200 гр. картофеля.

Четверг. Завтрак: 2 гр. чаю, 15 гр. сахару, 10 гр. жира. Обед: 15 гр. трески, 400 гр. картофеля, 10 гр. мягкой муки, 15 гр. жира, 20 гр. соли, 5 гр. луку, ½ гр. перцу. Ужин: 125 гр. бобов, 200 гр. крупы.

Пятница. Завтрак: то же, что в предыдущий день. Обед: 200 гр. кукурузной муки, 120 гр. мягкой муки, 20 гр. соли, 10 гр. мягкой муки, 15 гр. жира, 25 гр. сахар, 10 гр. луку. Ужин: 200 гр. крупы, 50 гр. кукурузной муки.

Суббота. Завтрак: то же что и в предыдущий ден. Обед: 200 гр. картофеля, 200 гр. сельдей, 100 гр. бобов, 10 гр. мягкой муки, 15 гр. жира, 20 гр. соли, 5 гр. луку, 2 гр. уксусу. Ужин—125 гр. гороху.[3]

Питание военнопленных на сельско-хозяйственных и промышленных работах также было урегулировано специальными постановлениями, обязательными для всех государственных, общественных и частных учреждений.

Циркуляром 1 марта 1916 года были преподаны к исполнению нижеследующие предписания относительно довольствования военнопленных: для сельско-хозяйственных рабочих: в партиях военнопленных рабочих, отпущенных на сельско-хозяйственные работы, питание военнопленных рабочих должно быть аналогично питанию местных вольных полевых рабочих; но при всех обстоятельствах оно должно быть достаточно и здорово. Более высокие, чем для местных рабочих, пищевые порции военнопленным воспрещаются, при том, однако, естественном предположения, что местные рабочие питаются удовлетворительно.

Для военнопленных рабочих, занятых в промышленных, фабричных и горных предприятиях: наименьшую порцию на одного человека в неделю для умеренно работающих военнопленных составляет: завтрак на 7 дней 200 гр. стручковых овощей или 140 гр. мягкой муки с 70 гр. жира и с соответственными прибавлениями, как суп, или чай, или кофе с сахаром. в количестве не свыше 200 гр. в неделю.

Обеденная и вечерняя пища соразмеряются соответственно распределению рабочего времени. Мяса и мясных суррогатов полагается: 100 гр. свежего мяса один раз в неделю, 100 гр. солонины не больше двух раз в неделю, один или два раза рыба, а именно 2 селедки на день или 150 гр. сушеной трески: в 2 обязательные не мясные дни суррогатом мяса служит 400 гр. овощей или 150 гр. мягкой муки с 25 гр. сахара; добавления не свыше 70 гр. мягкой муки и 100 гр. жира на человека в неделю для похлебки.

Овощи: 800 гр. картофеля или 250 гр. стручковых овощей, 300 гр. кукурузы, 500 гр. кислой капусты или квашенной репы с 300 гр. картофеля или 500 гр. овощей.

Два раза в неделю квашенные овощи.

Не свыше 3.500 грм. хлеба на человека в неделю.

В случае если порции выдаваемого хлеба будут сокращены, то они должны дополнительно возмещать 500 гр. суррогатов (картофель, репа и т. д.) в день, однако, порция исключая суррогаты, должно быть не меньше той, которая положена для вольного рабочего населения.

Для военнопленных, стоящих на тяжелых работах, напр., для кладчиков, чернорабочих, землекопов и т. д., повышается порция овощей на 50%, порция жира и сахара на 100%. Порция муки, хлеба и мяса не повышается ни в каком случае.

Самое приготовление пищи для русских военнопленных было урегулировано следующим предписанием, опубликованным в сводке правил австрийского Военного Министерства о содержании военнопленных: при изготовлении пищи принимаются во внимание следующее: русские военнопленные особенно ценят количество и плотность пищи. Для этих военнопленных пища должна быть приготовлена в виде густой каши (кукуруза, картофель) и подаваема в чашке, наполненной до краев. Сербские военнопленные почти не отличаются в своих житейских привыч-

ках от нашего крестьянского населения. Варка пищи должна по возможности происходить на самом месте работ, основную еду следует подавать не по окончании дневного труда, но по истечении половины рабочего дня. В каждой трапезе изготовляется похлебка.

Фактически русские военнопленные в Австрии, так же как и в Германии, постоянно жаловались на недоедание. Это отмечается во всех донесениях о положении русских военнопленных в австрийских лагерях. В наиболее обстоятельном докладе сестры милосердия Романовой фактическое положение дела с довольствием русских военнопленных в Австрии обрисовывается следующими чертами: главная статья получаемой пленными пищи — хлеб. Полагается 500 грамм (фунт с четвертью) на человека. Хлеб в декабре 1915 г. выпекался в Австрии из 60% муки диких каштанов и 30% пшеничной. Хлеб тяжелый, невкусный, горчит во рту. В Венгрии хлеб выпекался еще из настоящей муки с небольшой примесью картофеля или кукурузной муки, и в связи с этим жалоб на голод в Венгрии было менее.

Горячая пища получается пленными исключительно в жидком виде. Они получают утром – настой из каких то листьев, главным образом ежевики (называется „чай“) или болтушку, по воскресеньям кофе; в полдень обед из двух блюд—первое похлебка 4 раза в неделю пустая из овощей (капуста, брюква, бобы) раз в неделю со свежим мясом (по 100 гр. на человека), раз с мясными консервами, раз с рыбой. Второе блюдо — тоже жидкое: разваренные бобы, кукуруза, картофель; вечером, к ужину—одно из блюд обеда. Проба пищи в дни посещения всегда оказывалась удовлетворительной, солдаты единогласно заявляли, что это небывалое исключение.

Все питание наших военнопленных можно охарактеризовать так: они получают ровно столько невкусной пищи, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду и не через чур быстро истощаться. Все калории исчислены научно и пленные с голоду пока действительно не умирают, но ощущение голода у них не проходит.

В один лагерь я приехала с трехдневным опозданием и солдаты мне говорили, что если бы я запоздала еще на три дня, они дожили бы после недели улучшенного питания до сытого дня. От хронического недоедания пленные разумеется не мало страдают, и голодный желудок, дей-

ствуя на психику, делает их еще более восприимчивыми к тяготам плена и сопряженным с ними нравственным страданиям. Поразительно, что не взирая на это, солдаты наши ясно отдают себе отчет в главной причине неудовлетворительности их пищи и до известной степени оправдывают австрийцев — „ведь им и самим есть нечего" — что вполне верно. Часто они с большим интересом расспрашивали меня, как кормят австрийцев в России, и выражали уверенность, что у нас, где недостатка нет, конечно, пленные сыты.

Австрийцы же неоднократно говорили, что если бы наше Правительство предприняло посылку продовольствия для наших пленных, они предоставили бы нам (через нейтральных) самый действительный контроль над распределением привозимых продуктов (речь бы шла разумеется о хлебе в форме зерна, муки или сухарей) и ни одна крупинка не попала бы никому, кроме пленных [1]).

Но, как известно, правильная организация массовой продовольственной помощи русским военнопленным из России или из нейтральных стран не могла осуществиться в течение всего второго периода мировой войны вследствие пассивного отношения к вопросу о военнопленных со стороны русского государства.

Общий режим, которому подвергались русские военнопленные в австрийских лагерях, был близок к тюремному. Они постоянно находились под надзором стражи и были подчинены суровой дисциплине. К ним применялись те же наказания, которые были приняты в австрийской армии. В материалах Чрезвычайной Следственной Комиссии констатируется и применение к русским военнопленным таких мучительных наказаний, как подвешивание и сковывание. О применении этих наказаний в отдельных, единичных случаях упоминается и в докладах сестер милосердия и нейтральных делегатов.

Все лагерные работы обычно выполнялись самими военнопленными на их обязанности лежало содержание лагерей в чистоте и порядке и обслуживание всех лагерных учреждений и мастерских. Самая постройка лагарей большею частью была осуществлена трудом военнопленных.

---

[1]) Доклад Романовой стр. 1016.

Почти во всех лагерях были организованы школы и библиотеки для военнопленных, но по общим отзывам всех посетителей лагерей, был недостаток книг так как дело посылки книг из России в течение второго периода войны не было надлежаще налажено.

Во всех лагерях были организованы также и развлечения для военнопленных. Устраивались спектакли и кинематографические сеансы. По словам сестры милосердия Романовой, одним из немногочисленных развлечений, скрашивающих жизнь пленных, было, конечно, пение. Музыкальность русского народа выразилась особенно ярко в этих тяжелых условиях, и почти в каждом лагере составились один или два хора. Трудно себе представить, до какого совершенства дошли они в исполненым как духовного, так и светского пения. В некоторых лагерях есть между пленными специалисты музыканты, тогда это более понятно, в других же под руководством любителя пения тоже достигается высоко художественное исполнение.

Пленные часто говорили, что только в пении они иногда забывают на мгновение плен. Русское пение производит глубокое впечатление на австрийцев: по их словам, его они постигают величие и силу славянской души.

Положение русских военнопленных на работах в Австрии было во всех деталях урегулировано особыми постановлениями, кодифицированными в сводке правил Военного Министерства от 1 марта 1916 года. Эти правила определенно ставили своей задачей самое широкое использование труда военнопленных для удовлетворения обусловленных войною государственных нужд.

Во введении к этим правилам прямо говорится следующее: „Настоящие правила имеют целью полное использование труда военнопленных для нужд народного хозяйства. Для достижения этой цели военнопленные посылаются на те работы, которые наиболее необходимы и неотложны в интересах всего государства".

Этими правилами точно определялась организация подвижных и постоянных партий военнопленных. Подвижные партии находились в распоряжении особого Осведомительного Бюро, которое направляло их на сельско-хозяйственные работы. Постоянные партии были приписаны к лагерям. В них входили те военнопленные, которые находи-

лись на постоянных общественных работах или были заняты в промышленных и горных предприятиях.

Управление военнопленными находилось в ведении военных властей, но некоторые функции надзора за положением военнопленных на работах были предоставлены также и органам гражданской окружной администрации, которым было предписано „поступать с неукоснительною строгостью" во всех тех случаях, когда они заметят" где либо беззастенчивую эксплоатацию военнопленных или бесчеловечное с ними обращение".

Передача военнопленных на частные работы была детально регламентирована особыми правилами, возлагавшими на работодателей точно определенные обязанности по отношению к содержанию военнопленных.

Все находившиеся на работах военнопленные должны были еженедельно или раз в две недели подвергаться медицинскому осмотру, все заболевшие должны были немедленно отсылаться в госпитали и лазареты. Правила о врачебном уходе за военнопленными особенно строго должны были соблюдаться работодателями. В этих правилах было сказано следующее: „За вред, нанесенный здоровью военнопленного или конвойного, умышленным или по небрежности необращением за помощью врача, или несоблюдением его предписания, работодатель отвечает в порядке гражданском и уголовном".

Относительно обращения с военнопленными на работах правилами австрийского Военного Министерства устанавливались следующие основные положения.

„При назначении военнопленных на работы необходимо по возможности сообразоваться не только с физической пригодностью военнопленного, но и с его специальной подготовкой, а также с его специальным уровнем. Работодатель не должен дозволять грубого и несправедливого обращения с военнопленными со стороны смотрителя, выбираемого из их среды; если авторитет конвойного начальника окажется недостаточным, то необходимо прибегнуть к содействию жандармерии".

„Работодателю строго воспрещается применение физического насилия, удлинение рабочего дня сверх дозволенного числа часов, несоблюдение предписанных во время работ перерывов и предписанных дней отдыха. Нарушение этого запрещения наказывается немедленным отчислением

военнопленного местным Осведомительным Бюро Труда или военным начальством".

„Запрещается всякая самопомощь угрозами, принуждением, побоями, отнятием пищи и т. д. и работодатель отвечает за все проистекшие отсюда последствия.

Военнопленные должны рассматриваться не как преступники, отбывающие наказание, а как солдаты, оскорбительное обращение с коими вредит чести государства. Если военнопленные желают посещать богослужение, согласно их вероисповеданию, то следует по возможности итти навстречу этому желанию. Издевательства над военнопленными со стороны вольных рабочих, частных органов надзора или населения не должно быть терпимо и в этих случаях следует немедленно прибегнуть к содействию власти. Участие в развлечениях танцами, равно и посещение гостинниц и трактиров военнопленным воспрещается".

Условия вознаграждения военнопленных определялись следующими правилами:

„Для удовлетворения его небольших потребностей, военнопленному полагается прибавка, не меньше 15 геллеров в день, которую работодатель обязан выдавать без всяких исключений. Выдача прибавки производится ежедневно непосредственно военнопленным, конвойный удостоверяет ее правильность в рассчетной книжке.

За труд по своей успешности выше среднего, работодателю разрешается выдавать более высокие прибавки, если он найдет это нужным; такое повышение может явиться выгодным в интересах поощрения военнопленных.

Где это приложимо, может представить выгоду род сдельной платы, система соглашения или премий.

Военнопленные унтер-офицеры, если заслуживают, имеют предпочтение в получении прибавок.

Назначения прибавок оглашаются для всеобщего сведения в казармах или на местах работ.

Рабочее время. За каждый час труда сверх 12 часов — включая часовой обеденный перерыв, — проработанный военнопленным в фабричном или заводском предприятии, ему полагается особое вознаграждение в 6 геллеров, точно так же как и за каждый час труда в дни отдыха, соответственные вероисповеданию военнопленного.

Разрешение этих прибавок не означает дозволенности воскресной работы сверх допущенной фабричными правилами нормы".

„Там, где в интересах повышения интенсивности труда выдаются усиленные прибавки или усиленная заработная плата, там эти выдачи производится наличными не свыше 50 геллеров в день; остаток записывается в точно ведущуюся расчетную книгу, как сбережение военнопленных".

Самым существенным фактом, резко отличавшим австрийскую внутренне-государственную регламентацию, было распространение на работу военнопленных в Австрии общегосударственных норм охраны труда.

Относительно этого в правилах австрийского Военного Министерства было сказано буквально следующее:

„По общему правилу к военнопленным рабочим применяются в отношении продолжительности рабочего дня, отдыхов, смен, сверхурочных часов, воскресных отдыхов и охраны труда те же законы и предписания, кои применяются к аналогичному труду на аналогичных местах и при аналогичных условиях для вольных рабочих. Охрана труда военнопленных осуществляется таким образом теми же учреждениями, кои исполняют эту функцию и в отношении вольных рабочих. Нарушение этих предписаний и несоблюдение правил в пределах указанного срока со стороны работодателей наказуемы в равной мере, как и в предприятих с вольными рабочими; на ряду с тем может быть предписано со стороны военного начальства отозвание партий военнопленных рабочих.

Однако не все общегосударственные нормы охраны труда были распространены на работу военнопленных в Австрии. Правила обязательного страхования, имевшие большое значение в социальном законодательстве последнего времени, не имели применения к труду военнопленных. Относительно этого мы встречаем в правилах австрийского Военного Министерства следующее общее положение: страхование для военнопленных и конвойных не предусматривается. О происшедшем на работах несчастном случае немедленно сообщается надзирающему врачу, который доносит о сем компетентной власти, как это делается в несчастных случаях с вольнонаемными рабочими; кроме того работодатель обязан при несчастных случаях с военнопленными выдавать врачебные свидетельства через начальника конвоя, чтобы военнопленные, возвращаясь на родину, могли удостоверить перед военным ведомством свои притязания на призрение".

Таким образом ответственность за полученные военнопленными на работах увечья и повреждения здоровья фактически переносились на родное государство военнопленных, которое должно было обеспечить пострадавших в общем порядке призрения. С международноправовой точки зрения такая постановка вопроса, разумеется, не может быть признана нормальной. Но вопрос этот не был предусмотрен прежними конвенциями и в течение войны не мог быт разрешен в международном масштабе. Это один из тех вопросов, которые несомненно в будущем выдвинутся на очередь дня при общем разрешении международноправовых проблем, созданных минувшей мировой войной.

Благодаря тщательной регламентации условий труда, общее положение русских военнопленных на работах в Австрии было значительно легче, чем в Германии. Это единогласно констатируется всеми посетителями австрийских и германских лагерей и рабочих команд.

Фактическое положение русских военнопленных на работах в Австрии обрисовано в докладе сестры милосердия Романовой следующими чертами:

„Около семидесяти процентов пленных нижних чинов в лагерях не живут, а командируются на самые разнообразные работы.

По характеру работ их можно разделить на три категории.

Первая—работы правительственные: дорожные, гидротехнические, строительные; на них командируются партии от 2—3 сот человек до 1000; пленные помещаются вблизи места работ во временных помещениях, устроенных на подобие лагерных, но гораздо проще. Условия жизни примитивнее, чем в лагерях, но за редкими исключениями удовлетворительны. Известный надзор над благоустройством жизни пленных возложен и на местные гражданские власти. Мне случалось слышать выговоры, делаемые моими военными спутниками местным чиновникам, которым вменялся в вину недосмотр за качеством пищи и санитарией. Охрана вообще не многочисленна и состоит из 20—30 ополченцев. Отношение стражи к пленным очень различно. Там, где в составе стражи преобладают мадьяры, пленные обыкновенно горько жаловались на побои и грубое обращение, в других же местах, особенно там, где старшими в команде являлись славяне или итальянцы, между пленными и караулом устанавливаются почти что дружеские отношения

и режим гораздо мягче (допускаются отлучки в город за покупками, на побои жалоб не поступает).

Питание пленных на рабочих местах обильнее, чем в лагерях. Об'яснение этому найти просто,—оставаясь на лагерной пище, они не могли бы продуктивно работать, ибо работа здесь значительно тяжелее лагерной. Обыкновенно к провизии, получаемой из лагерей, прибавляется немного мяса или сала, главным же образом увеличивается как количество (доходящее до одного килограмма), так и качество хлеба. Кормлением заведует работодатель, на казенных работах—заведующий работами. На улучшение пищи удерживается часть заработной платы.

Вопрос заработной платы обстоит крайне разнообразно и неопределенно. Пленные очень часто совершенно не знают, сколько они зарабатывают, и не имеют понятия о том, что из их заработка производится удержание на пищу. По правилам Военного Министерства, каждый работающий пленный (включая приставленных к уборке лагеря) должен получать на руки не менее 20 геллеров. На самом деле это правило не соблюдается; работающие при лагерях очень часто не получают ничего, работающие вне их часто зарабатывают больше.

Вторая группа работ—работы общественные, фабричные и сельскохозяйственные; сюда я отношу работы на фабриках, заводах, железных дорогах (разгрузка вагонов, подача угля) и т. д. На такие работы пленные командируются партиями от 30 до 100 человек и им живется гораздо свободнее. Помещение и пища идут от работодателя и обыкновенно удовлетворительны; охрана сводится к одному или двум ландштурмистам на группу; имеется общение с внешним миром. Работа обыкновенно не слишком изнурительна; выдаваемая на руки плата колеблется между 20 и 70 геллерами в день. На этих работах пленные редко жалуются на свою судьбу; те же, которые в виде исключения все же жаловались, от моего предложения устроить их возвращение в лагерь—отказывались.

Третью группу составляют те военнопленные, которые служат у частных лиц, исполняя самые разнообразные работы. Для них в городе или местечке, где они работают, отводят отдельное помещение с общей кухней, откуда они ходят на работу, или же они живут в частных домах; в обоих случаях живут они обыкновенно хорошо; надзора за ними почти нет, они свободно ходят по городу, делают по-

купки и т. д. Особенно в небольших городах Венгрии я постоянно встречала наших солдат, гуляющих по городу без конвоя.

В гостинницах и частном доме помещика, где я останавливалась, большая часть прислуги были пленные, не раз, узнав о моем приезде, заходившие в мою комнату. Жалованья в большинстве случаев они регулярно не получают, но на это не претендуют, сознавая, что условия их жизни и без того легки; они во всем заменяют ушедших на войну членов семьи. Удивительно, то, что пленные скорее и легче выучиваются говорить по-венгерски, чем по-немецки.

Эта характеристика положения русских военнопленных на работах в Австрии подтверждается и докладом сестры милосердия Масленниковой, которой были обследованы рабочие места в Нижней Австрии и в Венгрии. Масленникова отмечает, что военнопленные, находящиеся на работах в районе Вены у помещиков, крестьян, на заводах и фабриках, находятся в лучших условиях, чем живущие в лагерях и, несмотря иногда на тяжелые работы, благодаря хорошему питанию, выглядят хорошо. Работающие у крестьян едят с ними же, в экономиях же и заводах для них устроены особые кухни. Ночевать они возвращаются в помещения, нарочно для них отведенные; у каждого свой матрац и одеяло. Контроль над хозяевами, берущими военнопленных на работы, удовлетворителен, поэтому военнопленные были прилично одеты и во всех мною посещенных местах получали определенную плату. В Венгрии же в районе Будапешта, контроль гораздо слабее и на ряду с вполне удовлетворительной обстановкой в некоторых местах—в других мне приходилось наблюдать жизнь рабочих военнопленных в тяжелых материальных условиях" [1]).

Общую характеристику положения русских военнопленных в Австрии закончу нижеследующей выдержкой из отчета сестры милосердия А. В. Тарасевич, касающейся последнего этапа жизни тех русских военнопленных, которым судьбою не суждено было вернуться на родину:

„Странный контраст со всем, что пришлось видеть и узнать из жизни пленных, представляют похороны их и кладбища.

Измученного, натерпевшегося при жизни всяких невзгод, хоронят с почестями (в которых принимают участие и

[1]) Журнал Гл. У. Р. О Кр. К. № 1310, стр. 1004.

австрийские конвойные), с музыкой и пением. Похороны, которые я застала при первом же посещении лагеря, произвели на меня самое глубокое трогательное впечатление. Нигде я не слышала, чтобы так пели молитвы, как их поют наши пленные.

Администрация тех лагерей, которые мне пришлось видеть, повидимому, не отказывает в покровительстве тому, что касается религиозных потребностей пленных: певчие и музыканты находятся в особом положении и, в большинстве случаев, избавлены от работы. В Дунасердагели и Шоморье отданы специальные бараки под церковь и затрачены довольно значительные суммы на отделку их.

Кладбища расположены обыкновенно вблизи лагеря, обсажены деревьями, засеяны травой и содержатся в большом порядке. На каждой могиле христианина—крест с именем или № умершего. У евреев и магометан—столбики с надписью.

Этот культ покойника и его могилы, свидетельствующий об уважении к бесмертию человека, служит некоторым утешением нашим пленным".

Заканчивая общий обзор положения русских военнопленных в Центральных государствах в течение второго периода мировой войны, я позволю себе коснуться вопроса об особенностях душевного состояния военнопленных,—о тех их внутренних переживаниях, которые были сопряжены с их многолетним пребыванием в плену и которые не могли остаться без влияния на весь их психический уклад и на их отношения к явлениям внешней жизни.

Эти особенности душевного состояния военнопленных раскрываются перед нами не столько из сообщений лиц, изучавших внешний быт военнопленных в странах пленения, и не столько из протоколов опроса вернувшихся из плена, сколько из совокупности тех индивидуальных писем военнопленных, которые массами проходили через общественные организации помощи военнопленным и их заграничные агентуры.

В этом отношении представляют собой интерес наблюдения представителя Московского Комитета, делегированного в первые годы войны в Данию для постановки дела помощи русским военнопленным и для выяснения их действительного положения в странах пленения. В результате своего ознакомления с функциями Копенгагенского Бюро, через которое в течение второго периода войны проходили

уже многие сотни тысяч писем русских военнопленных, адресованных их родным и близким в Россию, представитель Московского Комитета в своих докладах между прочим отмечал следующее:

„В течение десяти месяцев изо дня в день—мне пришлось просмотреть действительно огромное количество писем военнопленных и военнопленным от их родственников и близких и, именно, это обстоятельство дает мне теперь чувство искреннего понимания всей совокупности условий жизни в плену.

Из писем военнопленных становятся ясными не только лишения и тягости плена; они открывают во всем его значении всестороннее влияние плена на душу пленного.

Читая эти письма, мы присутствуем при незнакомом еще миру зрелище сотен тысяч людей, вырванных из обычной жизни, помещенных за оградой тесной толпой, но живущих в тем горшем душевном одиночестве и непрестанной тревоге за родину; о которой они узнают лишь от врагов,—за близких, от которых нет вестей. Сотни тысяч людей, отданных воспоминаниям, сомнению и тревоге, которые, как бы остановившись на жизненном пути, невольно переоценивают себя и бывшие столь привычными, а теперь вдруг отдалившиеся, явления и образы жизни.

Я убежден, что неправильно и невозможно ограничивать сужденье о положении военнопленных только изображением их крайней нужды и изысканием способов ее облегчить.

То, что нам известно о душевном состоянии военнопленных, требует не меньшего внимания, и духовная помощь военнопленцым, разумея под таковой не только религиозную, но и всесторонее удовлетворение духовных нужд, имеет не меньшее значение, нежели материальная".

В сообщениях этого представителя Московского Комитета мы встречаем нижеследующие данные, характеризующие особенности душевного состояния военнопленных:

„На какие-бы разряды ни делились пленные, к каким-бы классам общества или национальностям они ни принадлежали, будь они русские или немцы, друзья или враги, все решительно в обстановке своей жизни с гражданской точки зрения обобщены, и на них принято смотреть, не только как на рабов покоренных, но как и на рабов преступных. Никто почему-то не затронул вопроса о психологии этого рода людей, несмотря на то, что душевное

состояние тюремщика разобрано всесторонне, и взвешена каждая деталь его материальной и моральной нужды. Всякого рода конвенции относительно положения пленных затрагивали только внешние стороны этого больного в настоящий момент вопроса, но ни одна из них не давала обозрений или правил, ограждающих простор духовным интересам пленного, ставя их на второй план и отдавая заботу о них всецело в руки местного надзора за пленниками, отчего получался полный произвол в руках надзирающих, от индивидуальных особенностей которых стала зависеть и самая судьба пленника.

Пленный, если он не раненый в тело, каковых тоже тысячи, искалечен душевно. Сердце и нервы его исщерены ранами, раскрывающимися тотчас-же, как только он пробудился от сна, который тоже не бывает спокойным и продолжительным. Изо дня в день мучимый неизвестностью о судьбе своей, семьи и родины, гибель которой внушается ему воздухом, его окружающим, напрягает мысли притуплявшиеся в бою, родит фантазию за фантазией страшнее одна другой, и головной мозг, отягченный скорбными думами, рвется наружу из черепа, леденя сердце и сгущая кровь в висках, в затылке, на темени,—и эта боль есть тягчайшее страдание человеческого организма, противостоять которому не может долго никакая крепкая натура.

„Будучи собраны с разных местностей и от разных частей войск, не имея между собой иногда ничего общего, люди эти часто должны отвечать все за одного, и проступок, совершенный одним каким-либо лицом в припадке нервного расстройства, вызывает возмездие на целую группу людей, не принимавших никакого участия в этом проступке: ошибка по неведению младшего отзывается на спокойствии старшего и т. п.

Далее, для пленных нет забот ни об удобствах в помещениях, ни о теплоте в них, ни о достаточном количестве пищи, ни о средствах на приобретение необходимого платья и белья, ни, наконец, о душевном состоянии пленника".

Запрещение заполнить время полезным делом подтачивает устои энергии; переобременение-же тяжелым физическим, часто непривычным, трудом быстро уничтожает и так уже достаточно разбитые силы. Отсутствие книг, непозволение свиданий со своими сородичами, ограничение письменных сношений с родными вызывает не пустоту в

мысленном аппарате человека, на что рассчитывает администрация, предполагая и на этом фазисе наказания высказать свое право сильного. Опять-таки и это ведет к медленному умерщвлению бодрости духа.

„Чтение книг на своем родном языке, специально разрешенных военной цензурой, необходимо; и нельзя ограничиться избранием цикла печатных изданий только религиозно-нравственного содержания; необходимо разрешить читать и иные книги светские, научные и т. п. Плен—не школа, не исправительное отделение, а лишь временное задержание вполне здоровых людей, попавшихся смертью и увечьем, для ослабления силы противника.

Какого-бы содержания не представляла собою книга, и как бы она не действовала на мозг и душу пленника, страна, содержащая пленника, от этого морально страдать не может, а посему было-бы желательно давать им книги научного, беллетристического и юмористического содержания; первые занимали-бы их мысли и интенсивнее сосредоточивали бы их на одном каком-либо излюбленном предмете; вторые поддерживали-бы в них любовь к жизни, к людям и воскрешали-бы надежды на лучшее будущее, а третьи—в минуты отдыха от серьезного чтения или другой работы прогоняли-бы тяжелые думы и, заражая здоровым смехом, оживляли-бы организм. Высылка иллюстраций с видами родины особенно желательна в лагерях пленных: картины из домашней жизни, фотографии близких людей очень ценятся ими, и долго глаза не отводятся от них, и если, что часто случается, потекут из глаз обильные слезы, то это состояние во много раз легче, чем то, когда в больном воображении сменяются ряд за рядом фантастические картины жизни родных в ужасающей и небывалой обстановке".

Такова обрисовка душевного состояния военнопленных по данным их переписки с родными и близкими. И мы знаем, что это обрисовка во многих отношениях соответствует действительности, так как многие военнопленные вернулись на родину с надорванными душевными силами и с поврежденной психикой, на которой неминуемо должны были отразиться все тяжелые переживания за время подневольного нахождения в плену.

В заседании Главного Управления Российского Общества Красного Креста 3 марта 1916 года, посвященном обсуждению сообщений сестер милосердия, вернувшихся после об'езда лагерей военнопленных в Германии, сестра милосердия Мусина-Пушкина закончила свой доклад таким патетическим обращением к русскому правительству":

„Закончив мой доклад об условиях и обстановке, при которых мы выполняли данное нам поручение, я не могу не остановиться на заключении доклада сестры Самсоновой. По ее словам, мы принесли вам здесь *миллионноустый* призыв наших пленных о помощи,—а я скажу—не вам одним, а принесли мы его всей России, и призыв этот—тот же вопль замученного *Остапа*—„слышишь ли ты, батько", на который в свое время Тарас Бульба ответил своим знаменитым:—„*слышу, сынок*".

Чуется мне, что выражу единодушное заветное пожелание всех нас, сестер, если скажу: „*Дай Бог, чтобы мать Россия* достаточно *мощно и действенно* сказала свое „*слышу*", и чтобы это громкое „*слышу*" дошло и до врага, и до союзников, а прежде всего до томящегося в тяжком заточении и оскорбляемого бессовестным глумлением пленного „*родного сына*" России".

Но этой надежде сестры милосердия Мусиной-Пушкиной не суждено было осуществиться. Призыв русских военнопленных остался гласом вопиющего в пустыне, так как бюрократическое русское правительство, к которому через Главное Управление Российского Общества Красного Креста обращалась Мусина-Пушкина, продолжало по отношению к вопросу о судьбе русских военнопленных занимать пассивное положение до самого конца своих дней.

ГЛАВА XIV.

I.

Положение германских и австрийских пленных в России в до-революционный период войны.

В отличие от Германии, где с самого начала войны регистрация и учет военнопленных были поставлены образцово, у нас в России точных данных об общем числе германских и австрийских пленных не было в течение всех лет войны.

В силу постановлений Гаагской конвенции, все вражеские военнопленные, попадавшие в Россию, должны были подлежать точной регистрации. Эта задача регистрирования вражеских военнопленных была возложена на Иностранный Отдел Центрального Справочного Бюро, функции которого были определены п. п. 19—20 „Положения о военнопленных" от 7 октября 1914 г.

Согласно положения о Центральном Справочном Бюро, последнее получало от военных властей и других правительственных и общественных установлений необходимые сведения относительно водворения, перемещения, обмена, побега, поступления в госпитали и смерти военнопленных. Эти сведения заносились на именные регистрационные карточки. Именная карточка должна была содержать все данные, необходимые для определения личности военнопленного, и на ней должны были отмечаться все его перемещения до возвращения на родину. По заключении мира, именная карточка должна была быть передана неприятельскому правительству (гл. 1, § 20 Положения о в.-пл.).

Фактически Центральное Справочное Бюро не имело возможности вести правильной регистрации военнопленных, так как в условиях военной сумятицы те военные учреждения, которые заведывали приемом и переотправкой военнопленных, нередко отказывались от составления списков военнопленных и от отправки соответствующих сведений в Центральное Справочное Бюро. Партии военнопленных зачастую без регистрации направлялись прямо в места водворения, где регистрация также далеко не везде была налажена, вследствие недостатка людей, знающих иностранные языки. Учет военнопленных осложнялся еще тем, что и в местах водворения военнопленные обычно по долгу не задерживались, а передвигались из одного лагеря в другой или рассылались на работы по всей стране. При таких условиях регистрация военнопленных у нас в России далеко не соответствовала тем требованиям, которые пред'являлись всем воевавшим государствам постановлениями Гаагской конвенции.

Это отсутствие правильной регистрации ставило в исключительно трудные положения находящихся в России австрийских и германских пленных, которые вследствие этого на продолжительное время были отрезаны от общения с родиной и не имели возможности сноситься с своими родными и близкими. Вместе с тем это отсутствие правильной регистрации делало невозможным и точный учет военно-

пленных со стороны центральных краснокрестных и правительственных учреждений России.

За время войны учет военнопленных у нас в России производился не только Центральным Справочным Бюро, но и Делопроизводством Генерального Штаба и Штабом Московского Военного Округа. Деятельность этих учреждений не была согласована, и собиравшиеся ими данные о военнопленных не могли претендовать на исчерпывающую полноту и точность.

По собранным Центральным Комитетом по делам военнопленных данным общее число находившихся в России вражеских военнопленных к концу войны определялось следующими цифрами:

Австрийцев	1.587.099	чел.
Германцев	152.760	„
Турок	42.988	„
Болгар	199	„
Всего . .	1.782.966	„

Эти цифровые данные не могли быть точными, так как относительно некоторых групп военнопленных, назначавшихся на военные и железнодорожные работы, у центральных краснокрестных учреждений полных сведений не было до самого конца войны.

Более точный подсчет находившихся в России вражеских военнопленных был произведен уже в революционный период жизни России Статистическо-Справочным Отделом при Центральной Коллегии о пленных и беженцах.

Согласно представленной в январе 1920 года в Научно-Историческую Комиссию при Центропленбеже докладной записке Статистическо-Справочного Отдела в настоящее время имеются следующие данные относительно общего числа иностранных пленных в России за время минувшей войны.

В Статистическо-Справочный Отдел была передана картотека б. Центрального Справочного Бюро о военнопленных, содержащая 2.102.547 карточек вражеских пленных. Подсчет установил, что в составе этих карточек имеется 7¼% дубликатов, т. е. 152.434.

Следовательно, оригинальных карточек в этой указанной картотеке ныне насчитывается 1.950.113.

Кроме картотеки Центрального Справочного Бюро, Отдел унаследовал картотеку б. Штаба Московского Военного Округа, которая заключает карточки вражеских пленных, как расселенных в пределах Московского округа, так и проследших транзитом через Москву числом всего 946.100 шт.

При сравнении этой картотеки с основной картотекой Центрального Справочного Бюро в ней оказалось 378.427 оригинальных карточек, дополняющих основную картотеку.

Следовательно, всего зарегистрированных вражеских пленных по данным, находящимся ныне в распоряжении Статистическо-Справочного Отдела, следует считать около 2.200.000 человек.

Относительно распределения военнопленных по национальному составу точных данных в делах центральных и военных учреждений также не имеется.

В особенности гадательными являются цифровые данные, устанавливающие общее число находившихся в России германских военнопленных. Германские военнопленные, как известно, пересылались в наиболее отдаленные и глухие места Сибири или назначались на такие работы, как работа по постройке Мурманской ж. д., где работавшие массами безвестно пропадали. Центральные краснокрестные учреждения первоначально полагали, что в России было от 150 до 200 тысяч германских пленных. Но когда в Россию после заключения Брестского мира приехали германские комиссии попечения, то им удалось установить наличность в России лишь нескольких десятков тысяч германских военнопленных.

По суммарным данным Генерального Штаба, относившиеся к национальному составу находившихся в России военнопленных числа определялись следующими общими цифрами:

Германцев	около	80.000
Турок	„	50.000
Болгар	„	5.000
Австрийцев	„	2.000.000 [1])

По вопросу об условиях содержания вражеских военнопленных у нас в России в самом начале войны было

[1]) Из них около 65 процентов славян.

издано „Положение о военнопленных“ от 7 октября 1914 года, заключавшее в себе не только общую формулировку прав и обязанностей военнопленных, но и ряд конкретных правил относительно управления военнопленными и определения условий их содержания во время их нахождения в районе расположения действующей армии, во время их перевозки и во время их пребывания в местах водворения и на работах.

В своей общей части это „Положение о военнопленных“ всецело базируется на принципах Гаагской конвенции, все существенные постановления которой относительно признания за военнопленными прав обезоруженного противника, относительно их регистрации и относительно условий их содержания применительно к условиям содержания военнослужащих русской армии, — полностью воспроизведены им в соответствующих параграфах.

Относительно управления делами военнопленных „Положением“ был последовательно проведен принцип военного управления. Они должны были подлежать действию русских военных постановлений, уставов и распоряжений и были подсудны военным судам. При взятии в плен в районе военных действий военнопленные подчинялись соответствующим властям действующей армии. Порядок доставления военнопленных в сборные пункты определялся верховным Главнокомандующим.

В сборных пунктах прием, заведывание и довольствие военнопленных, а также дальнейшее отправление их внутрь страны, возлагались на местных уездных воинских начальников. Условия содержания военнопленных в сборных пунктах должны были определяться применительно к правилам, установленным для пересыльных команд. Размещение военнопленных по вагонам на железных дорогах должно было производиться на основании правил о перевозке русских войск.

Внутри России главное заведывание военнопленными принадлежало Главному Управлению Генерального Штаба. Содержаться внутри России военнопленные должны были при местных войсках в виде команд, непосредственно подчинялись начальникам тех воинских частей, при которых они состояли. Они должны были размещаться в казармах или в частных домах но непременно казарменным порядком. Внутренняя хозяйственная часть в командах военно-

ленных должна была устраиваться на одинаковых основаниях с местными воинскими частями.

Во время транспорта военнопленные солдаты должны были получать кормовое довольствие одинаковое с пересыльными солдатами русских войск. Во время состояния при местных воинских частях они должны были получать продовольствие наравне с солдатами этих воинских частей.

Военнопленные офицеры ни вещевого, ни кормового довольствия не получали. Они должны были получать жалованье соответственно чинам: генералы—1500 р., штаб-офицеры—900 р. и обер-офицеры—600 р. в год.

В дополнение к „Положению о военнопленных" в феврале 1915 года были опубликованы „Правила об отпуске военнопленных на сельско-хозяйственные работы" (Собрание Узаконений 1915 г. № 83).

Согласно этим правилам военнопленные не немецкого и не мадьярского происхождения могли предоставляться сельским хозяевам для земледельческих работ. Эти военнопленные передавались военным начальством в распоряжение местных земских управ, которые предоставляли их сельским хозяевам за соответствующую плату. При этом земские управы должны были наблюдать за тем, чтобы на работах военнопленные получали довольствие по возможности наравне с местными солдатами и пользовались надлежащей медицинской помощью.

Впоследствии эти правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы были распространены на лесные, гидротехнические, мелиоративные и другие работы ведомства Главного Управления Землеустройства и Земледелия с тем различием, что права и обязанности земских управ в этих случаях возлагались на местных начальников управлений земледелия и государственных имуществ (Собр. Узакон. 1915 г. № 134).

В мае 1915 года были опубликованы „Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств" (Собр. Узакон. 1915 г. № 150). Этими правилами вводились уже некоторые отступления от принципа чисто военного управления военнопленными. По вопросу о получении военнопленных заинтересованные ведомства должны были сноситься с Военным Министерством. По доставлении военнопленных к месту работ они поступали в распоряжение начальника работ; военный ка-

раул снимался, и дальнейший надзор за военнопленными возлагался на начальника работ. Начальник работ должен был устанавливать для военнопленных часы работ и определенный рабочий урок, сообразно уроку среднего рабочего дня соответственной работы в данной местности.

Эти правила были распространены также и на работы по постройке железных дорог частными обществами, причем правления этих обществ должны были уплачивать Министерству Путей Сообщения по 25 коп. за каждый рабочий день одного военнопленного.

На основании постановлений Совета Министров от 16 сентября 1914 г., 10 октября 1914 г. и 28 февраля 1915 г. отпуск военнопленных был допущен также для работ в частных предприятиях горной, горно-заводской и фабрично-заводской промышленности и других крупных промышленных предприятий, имеющих государственное или общественное значение. Для получения военнопленных эти предприятия должны были обращаться через соответствующих фабричных инспекторов или окружных инженеров к местным губернаторам, которые направляли их ходатайства в Главное Управление Генерального Штаба. В случае удовлетворения этих ходатайств доставка и обратная отправка военнопленных должны были производиться за счет предприятия.

Довольствие военнопленных должно было производиться по возможности наравне с довольствием солдат. Размер платы за работы военнопленных должен был устанавливаться предприятиями соответственно существовавшим местным ценам для каждой категории работ. Из заработной платы военнопленных одна треть должна была отчисляться в фонд соответствующих министерств, часть платы должна была оставаться у предприятия на покрытие расходов по содержанию военнопленных, а из остальной части могли производиться выдачи военнопленным в размере не свыше 20 коп. за каждый рабочий день на человека. В отношении продолжительности и распределения рабочего времени военнопленные должны были подчиняться общим правилам внутреннего распорядка, установленного для данного предприятия.

В августе 1915 года были опубликованы установленные Военным Советом „Правила о выдаче поощрительного вознаграждения военнопленным за усердный труд при исполнении ими произведенных по военному ведомству

работ". В отличие от „Положения о военнопленных" 1914 г. эти правила, как указывает самое их название, резко расходились с принципами Гаагской конвенции, постановлениями которой определенно запрещается привлечение военнопленных к работам военного характера. Самый факт опубликования этих правил (Собр. Узак. № 314) свидетельствует о том, что к осени 1915 года факт применения труда военнопленных к военным работам представлял собою общее явление для всех воевавших государств.

Действительное положение германских и австрийских пленных в лагерях и на работах в России было чрезвычайно разнообразно в зависимости от разнообразия климатических, географических, культурных, бытовых и этнографических условий отдельных местностей Европейской России и Сибири, где были расселены военнопленные.

При расселении военнопленных внутри России принимался во внимание признак племенного происхождения. Военнопленные германского и мадьярского происхождения отсылались в наиболее глухие и отдаленные места России; германцы—в Иркутский округ и Приамурскую область, венгры—преимущественно в Туркестан. Австрийцы немецкой национальности также по преимуществу направлялись в Сибирь, а австрийцы-славяне нередко водворялись в центральных губерниях России.

Фактическое отношение русского правительства к вражеским военнопленным далеко не всегда соответствовало тем принципам Гаагской конвенции, которые в начале войны были подтверждены „Положением о военнопленных". В материалах Генерального Штаба имеется много характерных данных, иллюстрирующих деятельность русского правительства по использованию для военных целей племенного антагонизма отдельных групп военнопленных, по формированию из военнопленных добровольческих корпусов (сербского, чехо-словацкого, румынского, итальянского, эльзас-лотарингского и хорватского) для непосредственного участия в вооруженной борьбе на стороне государства пленения, по применению труда военнопленных к военным работам, по применению к военнопленным разного рода репрессалий и т. д.

Места водворения германских и австрийских военнопленных неоднократно посещались в течение второго периода войны американскими миссиями, шведскими делегатами, немецкими сестрами милосердия и представителями

нейтральных краснокрестных организаций. Наиболее обстоятельное и беспристрастное описание общих условий содержания военнопленных в России мы встречаем в докладах представителей Женевского Международного Комитета Красного Креста Тормейера и Феррьера, осматривавших лагери военнопленных в Европейской России, в Туркестане и Западной Сибири осенью 1915 года и зимою 1916 года. Отчеты Тормейера и Фаррьера опубликованы Интернациональным Комитетом Красного Креста в XVII серии „Документов европейской войны". „(Женева 1916 года)".

В своих отчетах швейцарские делегаты отмечают те особые условия русской жизни, которые необходимо учитывать при уяснении положения германских и австрийских пленных в России.

К числу этих условий они относят огромность русских расстояний, что несомненно отягощало положение военнопленных в России: „Когда приходится перевозить военнопленных с театра военных действий до Красноводска и Владивостока, подобный переезд, совершаемый медленно и в тяжелых, по необходимости, условиях, составляет, очевидно, для пленных долговременное и суровое испытание. Загромождение линий влечет за собою значительные опоздания, и снабжение съестными припасами не всегда легко в таких условиях".

Огромность русских расстояний несомненно затрудняла и сношения военнопленных с родиной, так как письма, посылавшиеся военнопленными из глухих мест далекой Сибири подолгу залеживались в почтовых и цензурных учреждениях, а письма, адресованные военнопленным, зачастую и совсем не доставлялись, так как при отсутствии правильной регистрации военнопленных в сибирских местах водворения и при частых их перемещениях на работы доставка писем нередко фактически оказывалась неосуществимой.

Другим условием, отражавшимся на положении военнопленных в России, швейцарские делегаты считают суровый русский климат: „Люди, с детства привыкшие к умеренному климату, труднее переносят господствующие в России крайние температуры, колеблющиеся, в течение года, в пределах 80 градусов. В некоторых районах, где климат менее суров и даже приятен, как напр., в Туркестане,

вредно отражаются на здоровьи и влияют на смертность отдельные времена года".

По мнению швейцарских делегатов на положение военнопленных в России влияли и особые привычки русского населения по отношению к питанию и образу жизни:

„Питание населения России, страны почти исключительно земледельческой, зависит естественно от условий хлебопашества. И как ни здорово и количественно-достаточно это питание, оно значительно отличается от пищи, обычной для Западной Европы: пленным, особенно городским жителям, было трудно привыкнуть к ней в первое время. В некоторых случаях эта перемена режима могла иметь влияние на санитарное состояние пленных".

„Образ жизни русского солдата отличается простотою и даже суровостью. Привыкши „жестко спать", довольствуясь обильной, но однообразной пищею, легко перенося и холод и зной, русский солдат легко обходится без комфорта, завоевавшего себе место в других армиях. К военнопленным должно применяться то же самое положение, что и к русским военнослужащим".

Внутри России военнопленные первоначально водворялись в казармах, освобождавшихся вследствие перевода войск на театр военных действий. Затем стали приспосабливать для размещения военнопленных различные здания (Столыпинский Институт в Самаре, летние выставочные помещения в Омске, городские ряды в Новониколаевске и т. п.). Когда же приток военнопленных сделался значительным, для них стали устраивать специальные лагерные помещения.

Обычно лагери военнопленных устраивались по барачной системе. Бараки имели в среднем около 20 сажен в длину, 6 сажен в ширину и 2 сажени в высоту и были рассчитаны на 250—300 военнопленных. В некоторых местах помещения для военнопленных устраивались и в виде землянок, мало пригодных для жилья в сырую погоду года.

Лагери военнопленных в Сибири занимали обширные площади по нескольку десятков десятин каждая. В отличие от Германии лагери в России окружались не проволочными изгородями, а тесовыми заборами. В малолюдных местах Азиатской России лагери нередко устраивались совсем без заграждений.

Внутри бараков устанавливались сплошные двухэтажные (а иногда и трехэтажные) нары вдоль стен с широким

проходом посередине барака. Места для лежания на нарах ничем не разделялись, но фактически обычно каждому военнопленному отводилось место шириною около одного аршина.

Никаких постельных принадлежностей пленным не полагалось.

По этому поводу швейцарские делегаты отмечают следующее: „Русский солдат спит на жестком. Пленные часто жаловались на этот суровый обычай, к которому они с трудом привыкли. В этом деле были испробованы разнообразные улучшения. В некоторых лагерях дали солому. Через несколько дней этот материал, обламываясь и стираясь, обращался в пыль, которая, проникая в рот и нос спящих, делалась очагом заболеваний. Часть соломы, падая на пол, образовывала на нем все увеличивающийся слой подстилки, при котором недостигла цели никакая чистка помещения".

„На койку люди ложатся одетые. Имеющие верхнее платье покрываются им; неимеющие обходятся без прикрытия. Вопрос об одеялах один из тех, которые вызвали наиболее жалоб. Его обсуждали, но не пришли ни к какому результату. Русскому солдату одеяла не дается. Он укрывается ночью своей шинелью. Правительство не считает себя обязанным доставлять военнопленным то, чего не полагается в его собственных войсках. И все таки в этих-то одеялах всего более нуждаются пленные".

Отдельные столовые устраивались не во всех лагерях. Во многих лагерях военнопленные получали пищу в бараках и потребляли ее, сидя на нарах, что естественно загрязняло помещения.

На недостаточность и неудовлетворительность питания военнопленные часто жаловались посетителям лагерей. Согласно „Положению 7 октября 1914 г." военнопленные в России должны были получать обычные пайки русских солдат. Но фактически уже в 1915 году в порядке репрессалий паек военнопленных был уменьшен сравнительно с пайком солдат: вместо полуфунта—четверть фунта мяса и вместо 3 фунтов—2 фунта хлеба в день.

Мясо обычно варилось в похлебке с капустой или картофелем. Вторым блюдом обычно была каша (в количестве около 20 золотников круп на человека в день).

Чай с сахаром выдавался военнопленным лишь в некоторых Туркестанских лагерях. В Сибирских лагерях чай и сахар военнопленные могли получать лишь за деньги в лагерных лавочках.

В отличие от германских и австрийских, лагери в России далеко не блистали особенной чистотой. В них постоянно заводились насекомые, являвшиеся истинным бичом для военнопленных. Относительно этого швейцарские делегаты отмечают следующее: „Нет ничего труднее, как уничтожить насекомых в бараках, раз они в нем заведутся. Пленные от них очень страдают. И в этом отношении особенно достойны сожаления те, которые у себя дома привыкли к образцовой чистоте. То, что для большинства является лишь неудобством, неприятностью, обращается в настоящую пытку для только что указанного меньшинства".

Все обычные работы по содержанию лагерей (доставка воды и дров, уборка помещений, топка печей, приготовление пищи, очистка ям, уборка снега и т. п.) выполнялись самими военнопленными. По общим отзывам лиц, посещавших лагери, эти работы не были обременительны, так как они распределялись между большим количеством людей.

Кроме общих работ по содержанию лагерей, военнопленные выполняли и некоторые специальные лагерные работы: плотничные, столярные, портновские, сапожные и т. п. За эти работы военнопленные получали плату на общих основаниях возмещения труда военнопленных. Но выдача этой платы в русских лагерях не всегда производилась исправно. Швейцарские делегаты отмечают, что по поводу расчета за работы было много жалоб.

По утверждению швейцарских делегатов, и при работах вне лагерей расчет с военнопленными производился не всегда исправно: „В особенности крестьяне имеют привычку затягивать уплату следуемых за работы военнопленных денег, и так как управа лишена возможности производить расчет с пленными из сумм своего собственного бюджета, то расчет этот крайне затягивается. Пленные по окончании работ возвращаются в лагерь, не получив расчета за работу и несколько беспокоятся в ожидании его. Неудобство этого порядка вещей делается еще более заметным в тех случаях, когда пленный, не получив расчета за работу, направляется, по окончании ее, в другой лагерь. В таких случаях проволочка времени значительно усиливается. Проходят целые месяцы прежде, чем пленный сможет получить свой заработок".

Однако, несмотря на неправильность расчета, военнопленные охотно шли на сельско-хозяйственные работы.

Относительно санитарного состояния лагерей военнопленных в России швейцарские делегаты отмечают следующее:

„Посещенные нами в Европейской России и Сибири лагери расположены в непосредственной близости от городских поселений, что служит как бы гарантией их здорового местоположения.

В Туркестане, три четверти которого представляют собою песчаную пустыню, также наблюдается большое климатическое разнообразие, смотря по отдельным местностям и временам года. В общем, климат там, в продолжение большей части года, крайне мягкий, порою даже напоминающий температуру Средиземного бассейна; но летом там зато царит палящий зной. Некоторые же местности Туркестана следует отнести к числу наименее здоровых, вследствие свирепствующей там ежегодно летом болотной лихорадки.

Некоторые из посещенных нами в Туркестане лагерей находятся в возвышенной местности; таковы лагери в предгориях Памирского плато. Одни из них расположены либо на склоне, либо у подошвы горных хребтов, окружающих широкую Ферганскую долину; другие в горной полосе у Персидской границы. Все эти лагери имеют здоровый климат, благодаря относительно обильным водоснабжению и растительности.

Но другие Туркестанские лагери, расположенные в низменных местах, в крупных ли оазисах, или в степи, далеко не представляют собою здоровых местностей. Правда, большинство этих лагерей служило раньше местом расположения русских войск, и, водворяя в них военнопленных, военные власти поставили их таким образом в одинаковые со своими собственными войсками условия. Но следует заметить, что заболеваемость среди изнуренных войною пленных значительно выше, чем в русских войсках, в виду их состояния меньшей сопротивляемости болезням".

Германским и австрийским пленным в России приходилось много страдать от эпидемических инфекционных болезней.

В Туркестане главным бичом военнопленных являлась малярия.

Много страдали военнопленные в России и от эпидемии сыпного тифа во многих районах Сибири, особенно в Забайкалье; и действительно, от него особенно пострадали именно Сибирские лагери.

Наиболее тяжелым в этом отношении периодом оказались зима и весна 1915 года; в некоторых лагерях этою формою тифа переболело более половины военнопленных (Ново-Николаевск). Смертность же колебалась около уровня 35%.

Из других болезней среди военнопленных были распространены дезинтерия, холера, оспа, туберкулез, трахома и экзема.

Процент смертности среди военнопленных не может быть с точностью установлен. Но имеются основания предполагать, что во многих случаях он был весьма высоким. Тормейер и Феррьер отмечают в своем отчете, что во время эпидемий смертность в течение нескольких недель поднималась в некоторых лагерях до 25 и 30% личного состава.

Русские газеты всех направлений в течение всех лет войны постоянно указывали на немецкие зверства по отношению к русским военнопленным. Минувшая мировая война действительно была богата примерами массового людского озверения. Но от этого озверения страдали не только русские военнопленные. От него несомненно страдали военнопленные всех воевавших стран. Не мало страдали от него и находившиеся в России германские и австрийские пленные.

Война приучала людей к расовой ненависти, к жестокости, к игнорированию индивидуальной ценности человеческой жизни. С людьми не церемонились, и они массами гибли не только на полях сражения, но и в лагерях и рабочих командах военнопленных.

Касаясь этой стороны истории военного плена минувшей мировой войны, я позволю себе привести здесь нигде еще не опубликованный документ, характеризующий поистине ужасное положение германских и австрийских пленных в известном Тоцком лагере Самарской губернии.

Этот документ был доставлен в Особый Комитет Красного Креста членом Государственной Думы от Самарской губернии Гладышем при следующем препроводительном письме от 2 февраля 1916 года: „Записка эта о санитарном состоянии лагеря военнопленных в Тоцком прислана мне моими избирателями. Проверена мною показаниями врачей, заболевших сыпным тифом в Тоцком, и отвечает, по их словам, действительности. Н. Гладыш".

Лагерь для военнопленных при селе Тоцком.

„Недалеко от села Тоцкого (по Ташкентской ж. д. от Самары 201 верста) над р. Самаркою в Самарской губ. Бу-

зулукского уезда находится комплекс зданий, состоящий из 45 бараков, предназначенных на летний лагерь в мирное время. Бараки эти расположены на возвышении в открытом месте, доступном для сильных западных ветров, особенно чувствительных в зимнее время.

В начале 1915 года в бараках этих поместили военнопленных, несмотря на то, что бараки были предназначены только для временного пребывания солдат и только летом и совершенно не были приспособлены к постоянному жительству в зимнее время. Необходимо подчеркнуть, что техническо-санитарная комиссия, осматривавшая бараки, категорически высказалась против помещения военнопленных в этом лагере, находя, что устройство бараков до того примитивно, что их никоим образом нельзя приспособить для продолжительного проживания в них. Но когда, несмотря на эти предостережения и не предпринявши никаких, хотя бы и самых ничтожных перемен, в бараках этих в марте 1915 года поместили военнопленных, которых после эвакуации славян и офицеров осталось в Тоцком лагере около 17.000 чел., последствия этого шага не замедлили обнаружиться. В самом непродолжительном времени, уже в апреле появились очень частые и самые разнообразные заболевания среди военнопленных. Были также и случаи сыпного тифа. Трудно сейчас установить, каким образом возник сыпной тиф, но есть много данных, что бараки в Тоцком уже издавна были заражены, загрязнены вшами, и что в них никогда не была произведена основательная дезинфекция. Но если причина возникновения сыпного тифа и не установлена с точностью, то не подлежит никакому сомнению, что антисанитарные условия лагеря очень благоприятствовали развитию этой болезни, и что ответственные власти ничего не предпринимали, чтобы прекратить эпидемию с самого начала, когда это было еще сравнительно делом не трудным. Но и впоследствии, когда опасность все увеличивалась, власти не принимали решительно никаких мер, чтобы бороться с этой роковой болезнью, а единственным их старанием было, по возможности, скрывать и затушевывать перед начальством и обществом существование эпидемии. Доказательством этой тенденции могут служить многочисленные приказы главного врача Туберозова, чтобы врачи с самой большой осторожностью ставили только диагноз сыпного тифа. По отношению к другим различным болезням, свирепствовавшим

в лагере, таких приказов не было. Еще более убедительным доказательством может служить факт, что до последнего времени, когда эпидемия сыпного тифа поглощала уже тысячи жертв, указывалось, как причина смерти больных, умерших несомненно от сыпного тифа, всякого рода другие болезни: воспаление легких, воспаление почек, туберкулез и т. п., а ни разу не упомянуто о сыпном тифе. Ничего удивительного нет, что, благодаря антисанитарным условиям в бараках, в связи с преступным бездействием ответственной власти, ужасная эпидемия, опасная уже в самом зародыше, с каждым днем увеличивалась, приняла через некоторое время размеры массовой катастрофы, поглощающей сотни и тысячи жертв, которых можно было бы спасти, если бы оказалась хоть частичка человеколюбия и доброй воли. Катастрофа эта не ограничивается лишь теми, которые принуждены жить в зараженном лагере, она уже и теперь вышла за его пределы, а с распространением весны распространится и на более отдаленные местности.

II.

Бараки, составляющие лагерь в Тоцком, построены из дерева. В каждом из них, по вычислению, должно помещаться до 600 чел. Внутри бараков нет никакой обстановки, кроме нар в три яруса вдоль стен, на которых спят военнопленные. Нет ни тюфяков, ни соломы, ни подушек, ни одеял. Вследствие этого военнопленные не только страдают от того, что им приходится лежать на твердых досках, а главным образом от того, что они не могут раздеться на ночь и вынуждены оставаться в платьях. Как ни неправдоподобно это звучит, но факт остается фактом, что военнопленные, которые до сих пор каким то чудом ушли от смерти, за все время своего пребывания в Тоцком, т.-е. от марта 1915 года, еще ни разу не раздевались. Лишнее распространяться, в какой степени это обстоятельство благоприятствует появлению и развитию эпидемий, в особенности если принять во внимание, что военнопленные и даже больные имеют только то белье, которое носят на себе. Военнопленные все без исключения покрыты вшами, этими общепризнанными распространителями инфекционных болезней.

Бараки освещаются керосином. Освещение это антисанитарно и сопряжено с опасностью пожара. Не понятно,

почему употребляется керосин для освещения бараков, когда в лагере имеется электрическая станция. Но электричество проведено только в канцелярию и помещение русских офицеров и врачей.

Клозеты, хотя неудовлетворительно и примитивно устроенные, имеются почти во всем лагере (один на два барака), и нет их по какой-то странной случайности в бараках, которые предназначены для помещения больных.

В лагере находятся два колодца, из которых один почти всегда испорчен, из другого же воды еле-еле хватает для кухонных надобностей. Вследствие этого пленные пили летом воду из Самарки, зимою же утоляют жажду, глотая снег.

Осенью 1915 года в каждом бараке установили по четыре печки, но этих печек, не исключая и бараков для больных, ни одного раза не топили в течение всей зимы, хотя временами морозы доходили до 30°. Но и при меньших морозах, из за сильных ветров холод в бараках прямо невыносимый. Вода в бараках замерзает, замерзают чернила в будке, построенной для санитарной службы, но, несмотря на это, помещение не отапливается. Вследствие низкой температуры все чаще и чаще повторяются случаи отморожения конечностей у пленных, все чаще и чаще наступает гангрена.

Не известно, были ли ассигнованы деньги на отопление, и тонули ли они в карманах ответственной власти, или же денег таких вообще не имелось; но следует заметить, что главный врач и главный виновник Тоцкой катастрофы, г. Туберозов не разрешил перевозить пленных с отмороженными конечностями для лечения в Самару или Оренбург. На месте же врачи не могли делать нужные операции, за неимением хирургического отдела, инструментов и перевязочного материала. Итак мы видим, что, вследствие того, что бараки не отапливаются, большое число пленных погибло и погибает мучительной смертью от гангрены, развивающейся на почве отморожения, которое совершенно не стараются лечить.

Во всем лагере до последнего времени не было ванны, не только для здоровых, но и для больных. А ведь всем известно, что грязь и запущение главный очаг эпидемий, а ванны при сыпном тифе и вшах, этих ужасных бичах Тоцкого, считаются главным терапевтическим средством.

III.

В предыдущих главах мы видели, что устройство лагеря в Тоцком было прямым издевательством над всеми санитарными предписаниями, и при бездействии и безчеловечном отношении властей возникновение эпидемии было неминуемо.

Насколько ужасны, насколько чудовищны условия жизни в бараках для здоровых, в эпидемических бараках они еще ужаснее, еще чудовищнее. Поэтому больные прилагают все усилия, чтобы остаться среди своих здоровых товарищей. На первый взгляд это явление кажется странным. Ведь, в эпидемических бараках они ждут улучшения, они могут надеяться на врачебную помощь, на исцеление. Однако, явление это легко об'яснить.

Пищу пленные приносят из кухни. Они сами отправляются за нею, и каждый приносит порцию для себя и четырех товарищей в одном сосуде. Больной, остающийся среди здоровых, может всегда с уверенностью рассчитывать на то, что получит свой паек от одного из товарищей. В бараках для больных у него этой уверенности нет, там никто не следит за тем, чтобы больные питались. Эти бараки считаются убежищем смерти, некому заботиться о попавших туда, и повторяется сплошь и рядом, что больные, истощенные болезнью, умирают от голода. Бывает, что 2—3 дня они не получают совершенно пищи и готовы руки целовать за кусок черного хлеба. Кроме того, в бараках для здоровых, имея деньги, он может получить сверх своего пайка что нибудь с'едобное, в бараках для больных у него этой возможности нет.

IV.

Такова судьба тех пленных, которых врач при осмотре или же по указанию товарищей нашел больными или подозрительными. Госпиталей и лазаретов в Тоцком до последнего времени не было; выделено из общего состава пять бараков для заразных (названных общим именем № 1) и несколько бараков для внутренних болезней. Больные в бараке № 1 почти все без исключения больны сыпным тифом, но и в бараках для внутренних болезней в большинстве слу́чаев лежат тоже тифозные больные. Един-

ственная разница между бараками для здоровых и больных та, что в бараках для больных нет отхожих мест.

В бараке больной предоставлен своей судьбе, никто о нем не заботится, ухода за ним нет никакого, да и не может быть при условиях, о которых еще речь впереди. Тело больного, как уже упоминалось, покрыто вшами, вследствие грязи и запущения, в большинстве случаев появляется и чесотка, больной чешется непрерывно, и тело его, как, впрочем, и у здоровых, одна сплошная рана, так что врач часто не в состоянии распознать тифозную сыпь.

Мы упоминали уже, что в бараках для больных нет отхожих мест, и при общих условиях, о которых мы говорили уже, разумеется, что нет также и судна, каких бы то ни было сосудов для мочи и кала. Больные, которые еще в состоянии двигаться и которые лежат на нижних нарах, выходят, иногда ползя от бессилия, из барака и тут же у дверей исполняют свои естественные надобности. Перед входом в барак лежат целые горы кала, которые никто не убирает. Тяжело больные, которые лежат на верхних ярусах, при которых, кстати, нет даже лестницы, мочатся и испражняются на нарах, и моча и кал стекают через одежду на тех, которые лежат ниже. Воздух в бараках убийственный и ошеломляет здоровых—что же говорить о больных, истощенных от голода, холода и жара. Воды для питья, которой так жаждет больной в жару, совершенно не имеется. Кто может двигаться, выходит за двери, набирает горсть загрязненного мочей снега, с жадностью проглатывает его и берет еще вторую горсть для умирающего от жажды соседа.

О диэте, конечно, нет и речи, но мы уже упоминали, что и свои обыкновенные пайки больные получают раз в 2—3 дня.

Мы знаем уже, что бараков не отапливают. Больные от холода еще больше страдают, чем здоровые, и случаи отморожения конечностей с гангреной и впоследствии смерти от нее здесь еще чаще. Часты также заболевания воспалением легких; плевритом, бронхитом больны почти все тифозные. Бывают, однако, случаи, когда больной, без содействия власти имущих, сам старается отчасти охранить себя от холода. Случается это, когда ближайший сосед умирает. Умерших выносят из барака только на следующий день после наступления смерти; до этого момента они остаются на своих местах. Едва больной испустил последний вздох,

как сосед снимает с него покрытый вшами, загрязненный мочей и калом мундир, белье, шинель и накрывается всем этим, на голый труп кладет свою изболевшую от тифа и твердых досок голову. В бараках, кроме тифа, свирепствуют еще дифтерит, оспа и другие инфекционные болезни. И только с декабря 1915 г., после долгих ходатайств со стороны врачей постановлено разделять больных по болезням и таким образом охранять их от взаимной инфекции, что до этого времени постоянно случалось.

Все эти условия, вместе взятые, делают из этих бараков, в которых больные должны бы пользоваться уходом, попечением, где они могли бы восстановить здоровье, настоящий ад. Десятки больных бегут из них и ищут смерти в Самарке или в Тоцких снегах. Не бегут они, а выползают на верную смерть, которая для них избавление. Уходить из бараков очень легко, так как присмотра нет никакого. Тела умерших заносят в деревянную постройку и сбрасывают в одну кучу. Хоронят ежедневно только незначительное количество по сравнению с числом умерших. Таким образом создалась целая гекатомба из больше, чем тысячи пятисот трупов. Этот памятник Туберозова медленно гниет и разлагается и ждет весны, чтобы разнести зародыш смерти по всей России.

V.

Сколько пленных вообще умерло в Тоцком и сколько в частности от сыпного тифа, невозможно в точности установить, благодаря политике затушевывания со стороны управления. Приблизительно можно сказать, что до конца октября 1915 года умирало средним числом ежедневно по 30 человек и, таким образом, от апреля до конца октября, т.-е. за 7 месяцев, умерло около 6.000 человек. Что же касается трех месяцев: ноября и декабря 1915 года и января 1916 года, то среднее число смертных случаев поднялось до 120 ежедневно, так что число умерших за эти месяцы составляет 11.000, а всего вместе было 17.000 случаев смерти. Число это на первый взгляд кажется нам невероятным и не имеющим об'яснения, если даже примем во внимание, что почти все пленные подвергаются сыпному тифу, и что процент смертности представляет 40. Сначала мы сказали, что в Тоцком поместили около 17.000 здоровых пленных, а если из этого числа умерло—17.000, то, собственно, в

Тоцком не должно быть ни одного пленного. Однако, там еще находится до 10.000 здоровых и больных. Как об'яснить это противоречие? Если верить слухам, то об'яснение этой загадки не менее страшно, чем все то, что мы до сих пор слышали о Тоцком. Молва гласит, что еще до ноября 1915 года направляли в Тоцкое свежие транспорты пленных, приговоренных, таким образом, к смерти, как их предшественники. С уходом Туберозова, условия в Тоцком несколько изменились к лучшему. Выстроили 16 лазаретов по 50 коек в каждом, поставили в них печи, устроили ванную комнату, клозеты, ввели некоторую чистоту в палатах, а больные (возможно, что и здоровые) получили смену белья.

Тоцкая трагедия была не единственной за время нахождения германских и австрийских пленных в России. Много десятков тысяч германских и австрийских пленных погибло на работах по сооружению Мурманской железной дороги, в лагерях Восточной Сибири и на острове Нарген в Каспийском море.

При таких условиях едва ли были правы те русские публицисты, которые постоянно обвиняя в варварстве немцев, закрывали глаза на творившиеся у нас внутри России ужасы войны. В этом отношении несомненно более правильной является точка зрения сестры милосердия Яшвиль, которая свой доклад о результатах осмотра лагерей русских военнопленных в Австро-Венгрии закончила следующими словами:

„В заключение скажу, что если Красный Крест имел в виду не только констатировать положение наших пленных в Австро-Венгрии, но и действительно желает облегчения их участи,—то необходимо возможно чаще нам самим проверять положение неприятельских военнопленных у нас в России, так как, по моему глубокому убеждению, улучшения положения наших военнопленных можно добиться только принципом взаимности не в ветхозаветном смысле: „око за око и зуб за зуб“, а в христианском духе, согласно словам: „Как хотите чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки“.

ГЛАВА XV.

Отношение русского правительства и общества к русским военнопленным в течение второго периода войны.

К концу 1916 года центральные органы русской правительственной власти были вполне осведомлены о действительном положении русских военнопленных в лагерях и рабочих командах Германии и Австро-Венгрии.

9 ноября 1916 года Главным Управлением Красного Креста был заслушан доклад сестер милосердия, вернувшихся из Австро-Венгрии, а 15 ноября прочли свои доклады сестры, вернувшиеся из Германии.

При докладах сестер милосердия присутствовали председатель Государственной Думы и некоторые члены Государственной Думы и Совета. При обсуждении заслушанных докладов признавалось, что положение военнопленных не только было чрезвычайно тяжелое, но и представляло собою грозную государственную опасность:

1) Опасность политическую, ибо масса военнопленных, чувствуя себя брошенной без защиты и помощи на произвол немцев и сравнивая свое положение с положением англичан и французов, постепенно озлоблялась и начинала поддаваться немецкой пропаганде;

2) Опасность военную, ибо голод принуждал наших военнопленных браться за всякую работу, притуплял у них постепенно чувство долга, лишал их стойкости;

3) Опасность хозяйственную, ибо громадная смертность среди военнопленных и вероятная инвалидация большей их части грозила лишить Россию в будущем сотен тысяч необходимых работников;

4) Опасность внешне-политическую, ибо бессилие или нежелание России помочь своим военнопленным, тогда как все воевавшие державы своим всячески помогали—указывалась врагами, как наглядный пример российской дезорганизации.

Однако, с своей стороны, и после заслушания докладов сестер милосердия Главное Управление Российского Общества Красного Креста никаких официальных шагов к изменению постановки вопроса о государственной помощи военнопленным не предпринимало. В частном порядке принц Ольденбургский предоставил возможность одной из сестер милосердия, вернувшихся из Германии, сделать доклад в

Царском Селе. В результате доклада принцу Ольденбургскому было поручено принять меры к улучшению помощи военнопленным. Был выработан проект об ассигновании Голицынскому комитету ежемесячно по 10 милл. руб. на оказание помощи военнопленным, но Советом Министров в заседании 16 декабря 1916 г. этот проект был отвергнут.

Краснокрестными организациями была сделана попытка добиться образования такового Центрального Органа, который мог бы об'единить деятельность всех общественных организаций и правительственных учреждений по делам военнопленных и с'организовать дело помощи военнопленным в общегосударственном масштабе путем привлечения к этому делу государственных средств и сил. Вопрос этот обсуждался в Главном Управлении Российского Общества Красного Креста в заседании 30 декабря 1916 г. и был разрешен в положительном смысле, но когда выработанный на основании этого постановления проект Центрального Комитета по делам военнопленных был доложен председателем Главного Управления Российского Общества Красного Креста б. царице Марии Федоровне, она с этим проектом не согласилась на том основании, что уже существовал Голицынский Комитет, который было неудобно и нежелательно подчинять новому центральному органу.

Таким образом до самого конца второго периода войны вопрос об изменении постановки дела помощи русским военнопленным остался нерешенным центральными органами русской государственной власти.

В предыдущем изложении неоднократно отмечалось, что отношение центральных и местных органов русской государственной власти к вопросу о военнопленных в начале войны было не только пассивным, но и недоброжелательным. Таким же недоброжелательным оно продолжало оставаться и в течение всего второго периода мировой войны.

Это с полной очевидностью явствует из нижеследующих документальных данных, наглядно иллюстрирующих отношение русского правительства к делу помощи военнопленным.

4 апреля 1916 г. Главным Управлением Российского Общества Красного Креста был разослан во все учреждения помощи военнопленным циркуляр за № 3174, такого содержания:

При рассмотрении в заседании Главного Управления Российского Общества Красного Креста вопроса о распространении путем печати воззваний о сборе пожертвований в пользу наших военнопленных, присутствовавший в заседании Член Главного Управления кн. Н. В. Голицын доложил, что вопрос о допустимости опубликования мер, принимаемых к улучшению положения наших военнопленных, находящихся во вражеских странах, обсуждался в трех заседаниях Совета Министров, при чем выяснилось, что начальник штаба верховного главнокомандующего стоит на точке зрения о недопустимости какой бы то ни было в этом отношении гласности.

При всеподданнейшем докладе о сем кн. Голицыным императрице Александре Федоровне, ее величеству благоугодно было указать на необходимость подчиниться высказанному начальником штаба верховного главнокомандующего взгляду, с тем, чтобы все организации по оказанию помощи военнопленным не только не допускали никаких воззваний, но и не печатали в повременных изданиях ни отчетов, ни благодарностей по производству сборов с указанием на их назначение".

Такое абсолютное запрещение гласности при осуществлении дела помощи военнопленным должно было парализовать деятельность всех общественных организаций, так как при отсутствии широкой гласности поставить на надлежащую высоту дело общественного обслуживания нужд трех миллионов русских военнопленных было совершенно немыслимо.

Продолжало оставаться отрицательным и отношение к делу помощи военнопленным со стороны местных властей. В предыдущем изложении было упомянуто о деятельности Акмолинского губернатора Кашуро-Масальского, который до крайности стеснял деятельность Омской организации помощи военнопленным и требовал от общественных организаций, чтобы они помогали не всем военнопленным, а только тем, кто „свято исполнил свой долг перед отечеством", что фактически общественные организации не могли выполнить, ибо разбираться в мотивах сдачи в плен отдельных военнопленных они не имели никакой возможности. На деятельность этого губернатора главноуполномоченным городского союза была принесена жалоба, на которую последовал нижеследующий характерный ответ в форме отношения Главного Управления Российского Общества Красного Креста от 16 апреля 1916 г. за № 3334:

„Главное Управление Российского Общества Красного Креста, заслушав в заседании своем 11 марта с. г. телеграмму Вашего Превосходительства, в коей Вы ходатайствовали об оказании содействия к невмешательству Акмолинского губернатора Масальского-Кошуры в организацию дела помощи военнопленным, постановило просить Заведывающего Особым Комитетом помощи военнопленным при Центральном Справочном Бюро о военнопленных принять меры, необходимые для выяснения настоящего вопроса. Ныне сенатор А. Д. Арбузов сообщил Главному Управлению, что Директор Департамента полиции, с коим было сделано сношение по поводу Вашей телеграммы о затруднениях, чинимых в Омске по сбору пожертвований в пользу русских военнопленных, уведомил, что разрешение вопроса о распространении путем печати воззваний о сборе пожертвований в пользу наших военнопленных предоставлено Министерством Внутренних Дел усмотрению Акмолинского губернатора.

К изложенному почитаю долгом присовокупить, что по имеющимся у меня сведениям наше правительство за последнее время приняло точку зрения, согласно коей представляется нежелательным, чтобы какие бы то ни было организации предавали широкой гласности путем печати принимаемые ими меры к улучшению положения наших военнопленных во вражеских странах, а также, чтобы они не выпускали каких бы то ни было воззваний о помощи военнопленным или печатали в повременных изданиях отчеты и благодарности по производству сборов с указаниями на их назначение“ [1]).

Приведенный документ является чрезвычайно характерным для всей административной политики нашей российской бюрократии. В данном случае оказалось, что разрешение вопроса о притеснениях, чинившихся Акмолинским губернатором, было предоставлено усмотрению самого же Акмолинского губернатора.

Насколько своеобразны были опасения русского военного ведомства, всячески стеснявшего осуществление дела помощи военнопленным, это с особенной наглядностью явствует из нижеследующего отношения начальника Генерального Штаба к председателю Особого Комитета от 9 декабря 1916 года за № 110:

---

[1]) В. У. А., Арх. Моск. Ком. 1916 г., папка 1—2-б. № 8.
[1]) В. У. А., Арх. Моск. Ком., 1916 г., папка 1—2-б. № 6.

„В мае 1916 г. Главное Управление Генерального Штаба воспретило пересылку заграницу на имя наших военнопленных предметов в металлических упаковках, в предположении, что Германия, испытывая недостаток в металле, использует металлическую упаковку для своих военных надобностей.

Ныне означенное предположение следует считать неподтвердившимся, так как английские и французские, а особенно германские и австро-венгерские военнопленные получают от соотечественников с родины посылки в металлических укупорках.

Признавая, что при таком положении вещей существующее запрещение не только является лишним, но и лишает наших пленных возможности получения с родины многих весьма полезных и даже необходимых предметов, Военный Министр изъявил согласие на отмену вышеуказанного запрещения“ [1]).

Столь необычайно предусмотрительным оказывалось наше Военное Ведомство, усматривавшее военную опасность даже в жестяных банках для консервов, которыми все другие воевавшие страны без всяких ограничений спокойно обменивались в течение всего времени войны. В результате такой чрезмерной предусмотрительности, наши русские военнопленные целых полтора года были лишены возможности получать от своих родственников и от общественных организаций из России самые питательные молочные и мясные продукты, которые фактически нельзя было пересылать иначе, как в консервированном виде в жестяных банках.

Второй период мировой войны был богат красноречивыми проявлениями своеобразного отношения русского правительства к вопросу о военнопленных. Это отношение отражалось и на дипломатической деятельности по защите интересов военнопленных, и на регламентации работы общественных и краснокрестных организаций, и на цензурных, почтовых и транспортных порядках, и на деятельности административных и военных учреждений, касавшейся обеспечения семейств военнопленных. Но на приведении относящихся сюда многочисленных правительственных актов я останавливаться не буду. Бесспорным является тот факт, что прежнее русское правительство, в

[1]) В. У. А., Арх. Моск. Ком., 1916 г., папка VI—2 № 55.

отличие от правительств всех других воевавших стран, относилось к делу ограждения интересов русских военнопленных и удовлетворения их насущных нужд не только безучастно, но и отрицательно, вплоть до самого момента первого русского государственного переворота.

Русское общество относилось к положению русских военнопленных более сочувственно, чем русское правительство. Однако, при полном отсутствии гласности и при созданных русскими военными и административными властями стеснениях, деятельность общественных организаций не могла достигнуть широкого развития, и вследствие этого общественная помощь русским военнопленным из России в течение всего второго периода мировой войны продолжала оставаться недостаточной.

Насколько в этом отношении Россия отставала от всех других воевавших стран, это с наглядностью явствует из сопоставления постановки дела общественной помощи военнопленным в России с постановкой такого же дела в Англии.

Как уже упоминалось выше, число английских военнопленных было во много раз меньше числа русских военнопленных в Центральных государствах. По официальным германским данным к началу второго периода мировой войны во всех местах водворения военнопленных в Германии находилось около 25.000 пленных англичан (24.313 солдат и 660 офицеров). К этому же времени по тем же данным число русских военнопленных в Германии уже приближалось к миллиону (905.339 солдат и 7.833 офицеров). Таким образом число русских военнопленных почти в сорок раз превышало число плененных англичан. При таких условиях, казалось бы, размер общественной помощи военнопленным из России должен был бы во много раз превышать размер общественной помощи из Англии. Однако, в действительности оказывается, что несмотря на сравнительно незначительное число английских военнопленных общественная помощь военнопленным была поставлена в Англии во много раз шире и развивалась во много раз интенсивнее, чем у нас в России.

В Англии дело помощи военнопленным в первую очередь осуществлялось двумя мощными центральными организациями: Британским Обществом Красного Креста и Орденом Иоанна Иерусалимского, пользовавшимся при полной своей самостоятельности всеми правами и прерогативами национальных краснокрестных учреждений.

Кроме этих двух главных организаций, располагавших значительными средствами и силами, помощь военнопленным оказывалась всеми английскими полковыми комитетами, причем в обязанность каждого такого комитета входила забота о его плененных однополчанах. Помимо этого, уже в самом начале войны в разных местах английского королевства возникло множество мелких общественных организаций, принимавших участие в осуществлении дела помощи военнопленным. По подсчету Британского Военного Министерства в 1916 году таких организаций функционировало уже более тысячи.

Так широко была поставлена в Англии общественная помощь военнопленным. Неудивительно, что при таких условиях английские военнопленные во всех отношениях были прекрасно обеспечены, как в местах их водворения, в Германии, так и в местах их интернирования в Швейцарии, где они имели возможность без нужды жить вместе со своими семьями и посвящать свое время отдыху, лечению или полезным занятиям.

В течение второго периода войны выяснилось, что помощь английским военнопленным с родины в некоторых отношениях была даже чрезмерной. В виду этого английским правительством и краснокрестными организациями был выработан и осуществлен новый план централизации дела помощи военнопленным.

Английский план организации помощи военнопленным заслуживает серьезного внимания, так как при его выработке были использованы указания опыта минувшей войны. Я позволю себе дать здесь краткую обрисовку постановки дела помощи военнопленным на основании подлинных английских документов.

Постановка дела помощи военнопленным в Англии в течение первых лет войны и план ее реорганизации с наибольшею точностью очерчены в нижеследующем циркуляре Британского Военного Министерства:

„Секретарь Военного Министерства имеет честь сообщить, что правительство одобрило некоторые предложения, касательно помощи британским военнопленным, сделанные новым Центральным Комитетом о военнопленных Британского Общества Красного Креста и Орденом Св. Иоанна Иерусалимского в Англии.

Цель этих предложений обеспечить, насколько это осуществимо, такое использование и распределение денеж-

ных сумм и материалов, чтобы каждый британский военнопленный, как в неприятельских, так и в нейтральных странах, мог получать ту помощь, в которой нуждался.

Современное устройство.

Прекрасной работе, исполненной ранее существовавшим Комитетом помощи военнопленным под председательством Сэра Чарльза Люкаса, мешал недостаток власти для того, чтобы согласовать между собой и направить в одну сторону все усилия, сделанные с целью оказать помощь британским военнопленным. Правительство до сих пор не решалось вмешиваться каким либо образом в это дело, но последовавшие неудовлетворительные результаты указывают на необходимость известного контроля со стороны центральной власти.

1. Ныне помощь оказывается как многочисленными организациями и отдельными лицами, так и родственниками военнопленных. В эти организации входят не только полковые комитеты, но и разные местные общества, также организации общественного характера (и подобные таковым, напр., газеты) и некоторые другие частные организации, основанные отдельными лицами.

2. В настоящее время существует более тысячи организаций помощи военнопленным, и полный список их не может быть составлен.

3. Ничто не препятствует какой либо организации или частному лицу отправлять посылки отдельному военнопленному без ведома полкового комитета.

4. Поэтому полковые комитеты не могут контролировать помощь, оказываемую пленным.

5. Недавний подсчет посылок, отправленных военнопленным в течение двух недель, показал, что хотя общее число посылок с пищей в Германию более чем достаточно, в общем, для всех военнопленных, там находящихся, но распределены они весьма неравномерно.

6. Значительное число пленных снабжается недостаточно, и в то же время тысячи других получают больше, чем надо для их потребления, вследствие снабжения отдельных военнопленных разными организациями и лицами.

7. В некоторых случаях излишек этот продается немцам. Таким образом благотворительные организации и лица, отправляющие посылки без должного внимания к необходимости в них, рискуют уменьшать запасы продовольствия в своей стране в пользу неприятеля.

8. Часто посылки отправляются одному лицу по двум или более адресам.

9. Посылки отправляются уже возвращенным из плена.

10. Адреса часто бывают написаны плохо и неправильно.

11. Причиняется излишний расход отправлением несоответственных вещей, которые и не могут дойти по назначению в хорошем состоянии.

12. Некоторые посылки так плохо упакованы, что не могут дойти по назначению без вторичной упаковки на почте.

13. Некоторые посылки запакованы в сырых опилках, что портит не только их, но и другие в том же почтовом мешке.

14. Некоторые посылки разваливаются в дороге, стеклянные кружки разбиваются; сахар, рис, овсяная мука высыпаются из мешков.

15. Посылками пользуются для отправления запрещенных вещей и сведений пленным или врагам в таком размере, что они должны быть тщательно досматриваемы перед отправлением их от нас, чему они также подвергаются и у неприятеля.

16. Цензура эта состоит не только в отправлении и распаковке посылок у нас, но в некоторых портится и содержимое, так—в частности, протыкаются и разрезаются хлеб, сладкие булки.

Первое из этих зол—неравномерность, существует в таких больших размерах по отношению к военнопленным в Германии, что теперь германское правительство приказало не вручать посылок адресатам, а передавать их в Британский благотворительный Комитет, если таковой в лагере существует, а если нет, то коменданту лагеря, для раздачи нуждающимся военнопленным, в случае, если адресаты уже снабжены необходимым. Комендант или Комитет уведомляет и адресата, и отправителя о назначении, данном посылке.

Посылки „крестных матерей“ рассматриваются Германским Красным Крестом, как „подарки“, подлежащие

передаче комитетам. Об'яснение этого приказа то, что некоторые пленные, особенно хорошо умеющие писать письма, вступают в переписку со многими „крестными родителями" и в результате, получая большое количество подарков, к невыгоде их более скромных товарищей, значительную часть этих подарков продают.

Такой порядок с первого взгляда может казаться разрешающим вопрос, но неизвестно еще, как он будет применяться. Порядок этот имеет недостатки:

а) будет затруднительно родственника военнопленного, не носящего одной фамилии, отличить от „крестного",

б) лица недобросовестные легко могут избегнуть применения этих правил,

в) порядок этот не обеспечивает достаточного снабжения лагерей с малым числом британских военнопленных,

г) не разрешает других затруднений в способах оказания помощи военнопленным.

Утвержденный теперь проект.

Для улучшения дела будет введен в действие следующий план.

Он будет применен ко всем британским пленным-морским, военным и гражданским, кроме офицеров. Посылки для офицеров останутся в прежнем положении.

I. Никакая посылка не может быть послана военнопленному без досмотра или упаковки Центрального Комитета о военнопленных или другой организации, на то уполномоченной этим Комитетом в соответствии с правилами, установленными правительством.

II. Каждому пленному посылки будут отправляться одной, и на то установленной организацией.

III. Незадолго до введения в действие этого плана, во всех почтовых конторах будут вывешены списки уполномоченных организаций, с указанием для каких полков каждая организация будет принимать деньги или отправлять посылки.

IV. Каждому пленному будет посылаться уполномоченными организациями из собственных запасов, но не чрезмерное количество с'естных припасов.

V. Общий вес посылок с с'естными припасами (включая хлеб), посылаемых каждому пленному, не должен превышать 30 ф. в неделю.

На посылках, отправляемых уполномоченными организациями будет находиться специальный ярлык, как гарантия со стороны организации в соблюдении существующих правил; все посылки с этим ярлыком не будут подвергаться цензуре.

Можно надеяться, что и неприятельская цензура найдет излишним их просмотр.

Для того, чтобы снабдить в будущем нуждающихся военнопленных соответственным количеством посылок, а для некоторых, получающих слишком большое число их, его уменьшить-необходимо вмешательство в существующее положение; правительство полагает, что вышеуказанный план представляет возможно меньшее вмешательство в работу ныне существующих благотворительных организаций и что не представится необходимости и желательности уменьшить их участие в деле улучшения положения военнопленных, хотя бы и было найдено необходимым несколько изменить способы деятельности".

Выработанный английским правительством и красно-крестными учреждениями план централизации дела помощи военнопленным был осуществлен к концу 1916 г., как это явствует из нижеследующего циркулярного обращения, подписанного председателем Соединенного Военного Комитета Артуром Стенли и председателем Центрального Комитета о военнопленных Джемсоном:

„Центральный Комитет о военнопленных, недавно учрежденный Британским Обществом Красного Креста и Орденом Св. Иоанна, по уполномочию правительства выработал систему, необходимую, для согласования и контроля над работой разных Обществ и лиц, ныне отправляющих посылки британским военнопленным в Германии и других неприятельских и нейтральных странах.

Система имеет в виду обеспечить:

1. Получение каждым пленным соответственного количества пищи и других необходимых предметов.

2. Возможно меньшее расстройство превосходной деятельности ныне существующих обществ и отдельных лиц.

3. Уменьшение расходов до минимума.

Мы уверены в желании осуществления этих целей, и для достижения их установлены следующие правила:

1. Все посылки должны отправляться через посредство Центрального Комитета или организаций, им уполномочен-

ных; список таких организаций будет вывешен в каждом почтовом учреждении.

2. Отдельные лица не могут посылать от себя свои с'естные припасы, а должны обращаться с заказами на них в уполномоченные организации, указанные в списке. Подробности о с'естных припасах, о цене их и другие сведения сообщаются по требованию Центральным Комитетом или подлежащими обществами.

Центральному Комитету о военнопленных необходимы средства для снабжения гражданских пленных, для удовлетворения нужд лагерей и госпиталей в медикаментах, играх и др., для оказания помощи полковым комитетам. Мы предприняли оказание содействия к выезду в Швейцарию родственников интернированных там. Мы предполагаем доставить туда материалы и персонал для обучения интернированных с целью получения ими работы после войны.

Мы очень надеемся, что отдельные лица и организации, ныне собирающие средства для военнопленных, будут продолжать свои усилия и посылать собранные суммы или Центральному Комитету, или организации, которой они пожелают".

Так широко было поставлено в Англии дело помощи военнопленным, и так благожелательно относилось английское правительство к общественной инициативе в этом деле.

Касаясь вопроса об отношении Англии к делу помощи военнопленным, позволю себе отметить здесь, что английское правительство, относясь с чрезвычайной заботливостью к судьбе своих военнопленных, в то же время проявляло прямолинейную жестокость по отношению к русским военнопленным, которых оно нередко лишало возможности получать необходимую поддержку продовольственными припасами из России и из нейтральных стран. Эти стеснения материальной помощи русским военнопленным являлись частичным результатом неуклонно проводившейся англичанами продовольственной блокады центральных государств. Опасаясь, что посылка продовольственных припасов в центральные государства может увеличить их продовольственные рессурсы, агенты английского правительства нередко причиняли осуществлению материальной помощи военнопленным такие стеснения, которые крайне неблаго-

приятно отражались на деле удовлетворения самых насущных нужд русских военнопленных. В практике Московского Комитета было не мало примеров такого вмешательства английских агентов в деятельность русских учреждений. Так, весною 1917 г. к нам в Комитет приезжал представитель Омского Биржевого Комитета и сообщил, что в Западной Сибири имеются громадные залежи муки, сала и копченого мяса, но заказы Московского Комитета не могли выполняться, так как английские агенты, контролировавшие грузооборот сибирской железной дороги, не пропускали продовольственных грузов для военнопленных. В виду этого им было внесено предложение относительно отправки продовольственных припасов русским военнопленным окружным путем через Владивосток. Однако, такое путешествие грузов для военнопленных через весь земной шар не могло быть осуществлено при опасностях подводной войны. Так же прямолинейно английские агенты действовали и в нейтральных странах, откуда русские военнопленные должны были получать продовольственную помощь по заказам из России [1]).

По этому поводу наш Копенгагенский уполномоченный в июне 1916 года писал нам следующее:

„В Дании дело обстоит немного лучше, но из получаемых продуктов из-за границы, т. е. главным образом, из Англии и Америки, датчане ничего не хотят вывозить, так как английское правительство каждый грамм, идущий в Данию, заносит в счет Датского консула. Таким образом, каждый грамм, вывезенный из этого транспорта за границу, идет в непосредственный ущерб датского населения.

Местная английская миссия, применяя драконовские приемы по отношению к ввозу в Данию, восстановила против себя большую часть населения . . . . Полученные здесь 1250 ящиков американской лососины для наших военнопленных англичане пока не выпускают“ *).

Но особенно характерно было отношение англичан к вопросу об обмене военнопленных. Своих военнопленных англичане постоянно обменивали в течение всего времени войны. К концу второго периода войны большая часть английских военнопленных была возвращена на родину путем обмена или интернирована в нейтральных странах. Предложения относительно обмена поступали из Германии

[1]) В. У. А., Арх. Моск. Ком., 1916 г. папка VI—I № 5.
*) В. У. А., Арх. Моск. Ком., 1916 г., папка VI—I № 5.

и в Россию. Но русское правительство, несмотря на настояния общественных организаций, на эти предложения не давало согласия. На первом всероссийском с'езде по делам военнопленных по этому поводу был сделан запрос представителю Министерства Иностранных Дел, который ответил, что русское правительство отказывалось от размена пленными вследствие настояний союзников, главным образом англичан, которые находили, что „у России имеется большой запас живой силы, поэтому увеличивать живую силу Германии путем обмена пленных не следует". Таким образом вся масса русских военнопленных, из которых у каждого была своя индивидуальная жизнь, свои интересы, заботы, тревоги и волнения, трактовалась англичанами только как „живая сила", а действительно живая человеческая личность в их глазах отступала на задний план перед лицом осуществлявшихся в мировой войне империалистических задач.

В России общественная помощь военнопленным осуществлялась главным образом Московским Городским Комитетом, деятельность которого в течение второго периода войны значительно расширилась и приобрела всероссийский характер.

С осени 1915 года Московский Комитет тесно об'единил свою деятельность с деятельностью Московского Отделения Особого Комитета, имевшего своею задачею красно-крестную помощь германским и австрийским пленным в России. Для оживления деятельности этих общественных организаций особое значение имела поездка русских и германских сестер милосердия вместе с делегатами Датского Красного Креста для осмотра лагерей военнопленных. Посещение последними Московского Комитета и Московского Отделения Особого Комитета позволило им убедиться в значительности усилий, которые делались русскими общественными организациями для действительного улучшения положения военнопленных на началах взаимности. Во время последующей поездки сестры широко ознакомили с существованием Московского Отделения Особого Комитета военнопленных, которые стали обращаться к нему тысячами и, таким образом, подобно тому, как Московский Комитет был всеми признан самым верным путем для сношений с русскими военнопленными, Московское Отделение

Особого Комитета было признано таким же надежным местом для сношения находящихся в России военнопленных с их родиной. В это же время чрезвычайно развилась справочная работа Отделения, которая позволяла компенсировать получаемые Копенгагенским Бюро Московского Комитета от германских организаций справки о русских военнопленных.

К началу 1916 года чрезвычайно расширилась организационная работа Московского Комитета, в неменьшей мере усложнилась и стала значительнее в количественном отношении посредническая работа Комитета. В большом количестве стали поступать для доставки с родины военнопленных осведомительные карточки. Значительные размеры также приняла пересылка военнопленным денег через посредство Копенгагенского Бюро и посылок при посредстве уполномоченного в Гааге. Развитие последней операции об'ясняется последовавшим в июне 1915 года запретом отправлять военнопленным на соответствующую сумму питательных продуктов.

В начале второго периода войны к Московскому Комитету присоединились организации помощи военнопленным, возникшие при Городском и Земском Союзах.

15 ноября 1915 г. постановлением Главного Комитета В. С. Городов был образован Отдел помощи русским военнопленным, в состав членов которого вошло большинство членов Комитета. Во главе Отдела стоял Л. Л. Катуар, выбранный незадолго перед тем председателем Московского Городского Комитета.

Канцелярия Отдела поместилась вместе с канцелярией Комитета, и работа пошла параллельно работе Комитета, в самой тесной связи с ним. Отдел взял на себя труд по наведению справок, пересылке писем, приему заказов на посылки пленным, как из Москвы, так и из заграницы, пользуясь услугами заграничных агентств Комитета. Главной задачей Отдела являлась организация местных сил на помощь русским военнопленным, на что было обращено самое большое внимание и израсходована большая часть поступавших в Отдел средств. Во все местные и областные комитеты Всер. Союза Городов были разосланы циркуляры с возвещением об образовании Отдела помощи военнопленным при Главном Комитете и с призывом учреждать такие же Отделы на местах, согласно сообщенной Отделом инструкции. Одними из первых были образованы отделы в Орле,

Харькове, Киеве, Курске, Таганроге. Позднее образовались местные Отделы помощи военнопленным в 100 слишком городах России. Для облегчения деятельности местных Отделов, Отдел при Главном Комитете стремился снабжать их печатными инструкциями, бланками, справочными карточками и пр. другого рода материалом. Вместе с тем Отдел при Главном Комитете являлся по отношению к местным отделам центральным органом для сношений с заграничными агентствами Комитета помощи русским военнопленным и застигнутым войною заграницею.

Главный Комитет Земского Союза также организовал особый Отдел помощи военнопленным, вошедший в тесный контакт с Московским Городским Комитетом. Отдел Земского Союза поставил себе по отношению к земской России те же задачи организации помощи военнопленным, какие преследовал Отдел Городского Союза по отношению к русским провинциальным городам. К концу второго периода войны Отделом Земского Союза было организовано свыше 400 местных отделений помощи военнопленным.

Параллелизм деятельности Московского Комитета и Отделов Земского и Городского Союзов по осуществлению общественной помощи военнопленным создавал необходимость образования об'единяющего их органа. В этих целях была учреждена Об'единенная Организация Московского Комитета и Отделов Земского и Городского Союзов, в состав которой вошли представители названных учреждений. Об'единенная Организация должна была координировать работу всех общественных учреждений помощи военнопленным. Однако, фактические сложившиеся функции Московского Комитета, уже получившего широкое признание в России и заграницей, не могли быть изменены, и в действительности главное руководство делом общественной помощи военнопленным оставалось за Московским Комитетом в течение всего времени войны. Об'единенная Организация превратилась в особое учреждение, выполнявшее функции массовой материальной помощи военнопленным. Она работала фактически в тесном контакте с Московским Комитетом и осуществляла свои задачи при посредстве его заграничных агентур.

Почти одновременно с возникновением Отдела Союза Городов, в связи с постановлением бывшей в ноябре Стокгольмской конференции о желательности раздавать русским, германским и австро-венгерским военнопленным осведоми-

тельные карточки с адресом Московского Комитета и его Бюро в Копенгагене, чем организация Комитета официально признавалась, представилось необходимым формальное принятие Комитета, как самостоятельной организации, под флаг Красного Креста, чтобы облегчить и упростить ставшую чрезвычайно оживленной переписку Комитета с правительственными учреждениями и должностными лицами в России и заграницею. 21 декабря 1915 года Московский Городской Голова обратился к председателю Красного Креста с соответствующим ходатайством, и 16 февраля 1916 года Главное Управление постановило принять Московский Городской Комитет под флаг Красного Креста.

В начале второго периода войны в лагерях Германии и Австро-Венгрии начали возникать лагерные комитеты взаимопомощи, с которыми Московский Комитет и его Бюро в Копенгагене завязали непосредственные сношения, оказывая им посильную помощь, как посылками транспорта с пищевыми продуктами, бельем и книгами, так и ежемесячными денежными субсидиями (Герлиц, Шпроттау, Сольдау, Данциг, Коттбус, Гольцминден, Кенигсбрюк, Альтдам).

В связи с расширившейся деятельностью Московского Комитета, в его составе к началу 1916 года были учреждены 4 Отдела: 1) Отдел „Общение русского солдата в плену с семьей и родиной", 2) „Отдел по изготовлению белья„, 3) „Отдел по снабжению русских военнопленных книгами" и 4) „Отдел по сбору пожертвований". Деятельность двух Отделов не развилась: „Отдела по изготовлению белья"—вследствие того, что при сравнительно небольших размерах операция эта являлась крайне обременительной из-за дороговизны материала и недостатка рабочих рук; „Отдела же по сбору пожертвований" —вследствие запрещения публичных сборов, воззваний и каких-либо выступлений в пользу военнопленных.

Отдел „Общения русского солдата в плену с семьей и родиной", работавший под руководством А. В. Тарасевич, имел своей главной задачей удовлетворение разнообразных индивидуальных нужд военнопленных. В начале своей деятельности этот Отдел, кроме заготовки и отправки по почте именных благотворительных посылок с сухарями, чаем и сахаром, табаком, мылом и бельем, выполнял в небольшом масштабе также и некоторые параллельные канцелярии Комитета функции, как-то: перевод денег военнопленным, прием ча-

стных заказов на посылки, наведение справок, пересылка корреспонденции к военнопленным и от военнопленных. Эта часть работ производилась состоявшим при Отделе Столом Деревни, главной задачей которого являлось общение с родными военнопленных, живущими в селах и деревнях, и распространение среди них сведений о способах и средствах переписки с военнопленными и оказания им помощи. С течением времени Отдел Общения сосредоточил свою деятельность на удовлетворении индивидуальных нужд военнопленных, причем в основу личной помощи военнопленным, в виде именных посылок, было положено удостоверение острой нуждаемости пленного лагерными организациями или удостоверение крайней бедности его родных органами местной администрации.

В связи с Отделом „Общение", работал Хозяйственный Отдел Московского Комитета. Отдел этот был занят специально заготовкой продуктов, составлением и упаковкой посылок по поручению отдела „Общение". Позднее с Отделом этим слился работавший до тех пор самостоятельно Отдел по изготовлению трафаретных посылок. Отправкой же посылок ведал учрежденный при Отделе Союза Городов Транспортный Отдел до того времени, когда при широко развившихся транспортных операциях Бюро Об'единенной Организации перевозка грузов Отдела „Общение" перешла к нему.

В течение второго периода войны деятельность Московского Городского Комитета и работающих совместно с ним организаций продолжала расти, но вместе с тем положение наших военнопленных непрерывно ухудшалось вследствие медленного и в большинстве случаев неудовлетворительного разрешения дипломатических переговоров и усиления продовольственной нужды в Германии и Австро-Венгрии. Все с большею очевидностью вставала необходимость широкой государственной помощи и правительственной защиты интересов наших военнопленных. Краснокрестные и общественные организации, располагавшие нужными средствами и техническими силами, для оказания военнопленным помощи в должной мере не могли сделать этого исключительно в силу препятствий их деятельности и отсутствия необходимых средств.

В феврале 1916 года Московский Городской Голова возбудил ходатайство об отпуске правительственной субсидии на помощь военнопленным. 16 марта в Петрограде

происходило совещание представителей Красного Креста, Военного Ведомства и Министерства Иностранных Дел об об'единении дела помощи военнопленным и распределении средств на оказание его. 24 марта Голицынский Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, уведомил Всероссийский Союз Городов и Об'единенную Организацию помощи русским военнопленным В. Г. и З. Союзов и Московское Городское Управление о согласии на отпуск средств для заготовки и отправки Об'единенной Организации сухарей, сала и рыбы в 27 лагерей русских военнопленных в Германию по указанию Комитета. Вначале было ассигновано 450.000 руб. ежемесячно, а затем ассигнование увеличено до 700.000 руб. с тем, чтобы отправка продовольствия производилась также и в австрийские лагеря по указанию комитета. На эти средства Об'единенная Организация оборудовала три сухарных завода, вырабатывавших ежедневно до 2000 пудов ржаных сухарей, а также производила закупку сала и рыбы. Грузы Об'единенной Организации, согласно указаниям Голицынского Комитета, направлялись в лагеря военнопленных через Особый Комитет и Шведский Красный Крест, при чем уполномоченные Шведского Красного Креста сопровождали их до места назначения, контролируя таким образом исправное получение их лагерными Комитетами.

Оказывавшаяся за счет этих средств помощь военнопленным не могла считаться государственной, ибо производилась исключительно от имени Голицынского Комитета. Деятельность всех остальных учреждений помощи военнопленным (Особый Комитет помощи военнопленным при Центральном Справочном Бюро, Московский Городской Комитет помощи русским военнопленным, Отделы помощи военнопленным при Главных Комитетах Всероссийских Городского и Земского Союзов и их провинциальные Отделы) не только не пользовались поддержкой правительства, но встречали почти непреодолимые препятствия прежде всего в строгом запрещении что либо публиковать о своей деятельности и обращаться с призывом жертвовать в пользу военнопленных. Так же запретительные меры бывшего правительства развивались постепенно и явились одним из существенных фактов ухудшения положения наших военнопленных.

Тем не менее общественная работа на помощь военнопленным достигла большого развития. В июне 1916 года

Главным Управлением Р. О. К. К. была отправлена в Германию и Австрию 2-я делегация сестер милосердия. Во время работы делегации Копенгагенскому Бюро Московского Комитета пришлось исполнять поручения Главного Управления по переводам сестрам денег, переписке с ними и т. д. После возвращения из Германии и Австро-Венгрии, сестры оставили в Бюро большое количество всевозможных поручений и просьб военнопленных, которые Бюро разработало и выполнило. Кроме того, сестры оставили Бюро из ассигнованных им средств суммы для отправки военнопленным посылок, особенно в рабочие команды и лазареты.

Канцелярии Московского Комитета сестрами также было передано большое количество всевозможных просьб военнопленных. Просьбы о посылках выполнялись Отделом „Общение русского солдата в плену с семьей и родиной", просьбы юридического характера разбирались и удовлетворялись Юридическим Отделом Комитета, который под моим руководством был образован при Московском Комитете с осени 1916 года. Кроме того, Комитетом был возбужден ряд ходатайств перед подлежащими властями об обмене инвалидов, лиц санитарного персонала и об интернировании в нейтральных странах тяжело больных и туберкулезных военнопленных для лечения.

Не был оставлен Комитетом без внимания и вопрос о помощи русским военнопленным, находившимся в Турции. Были приняты меры к сношениям с ними через посредство американской миссии в Бухаресте и американского посольства в Константинополе. Комитет открыл прием писем и денег в Турцию и отпечатал некоторое количество осведомительных карточек для пересылки в турецкие лагери, которые были отправлены через американскую миссию в Бухаресте. Однако, выступление Румынии фактически прекратило сношения с Турцией по делам военнопленных.

Несмотря на интенсивную деятельность Московского Комитета и работавших в контакте с ним общественных организаций, помощь русским военнопленным из России далеко не соответствовала действительному об'ему нужд. Положение русских военнопленных продолжало оставаться неизмеримо более тяжелым, чем положение французов и англичан. На эту ненормальность постановки обращали внимание центральных государственных учреждений. По представлениям Московского Комитета членом Государ-

ственной Думы М. М. Новиковым был выработан законопроект о централизации дела помощи военнопленным, но вследствие перерыва занятий Государственной Думы этот проект не получил движения. В январе 1917 года состоялось специальное собрание представителей московских общественных организаций, посвященное обсуждению вопроса о необходимости скорейшего образования центрального государственного органа по делам военнопленных. Но этим пожеланиям общественных организаций было суждено осуществиться лишь после русского государственного переворота.

ГЛАВА XVI.

Заграничные учреждения помощи русским военнопленным.

I.

Копенгагенское Бюро.

Из заграничных учреждений наиболее активную роль в деле помощи русским военнопленным в течение всего времени войны выполняло Копенгагенское Бюро Московского Комитета.

Копенгагенское Бюро представляло собой центральное заграничное агентство Московского Комитета и работавших с ним учреждений, т.-е. Московского Отделения Особого Комитета помощи военнопленным, Отделов помощи военнопленным Всероссийского Союза Городов и Земского Союза и Об'единенной Организации обоих Союзов и Московского Городского Управления.

Главными задачами Бюро являлись:

1. Посредничество в переписке военнопленных, т.-е переотправка писем от военнопленных в Россию и к военнопленным из России.

2. Наведение всякого рода справок о военнопленных, требовавших быстрых сношений с германским и австрийским Красными Крестами или отдельными лагерями.

3. Исполнение всякого рода просьб военнопленных, путем сношений с русскими правительственными или общественными учреждениями.

4. Посредничество в отправке военнопленным денег, посылок и книг.

5. Собирание сведений о положении военнопленных.

6. Исполнение всякого рода поручений работавших в России организаций помощи военнопленным.

При учреждении Бюро, военнопленные были осведомлены о том, что при посредстве его можно посылать в Россию письма и таковые получать из России, при чем Бюро обращало особое внимание на раз'яснение военнопленным правил корреспонденции и существенную важность писать кратко и четко. Для того, чтобы привести корреспонденцию военнопленных в удовлетворительный вид с внешней стороны, Бюро рассылало в большом количестве, нарочно за счет Московского Комитета, отпечатанные, двойные открытки и конверты с напечатанным адресом Бюро.

Двойных открыток за счет Комитета было отправлено около 1 миллиона штук. Конвертов с адресом Бюро, в которых должны были из лагерей переотправляться письма от военнопленных, было разослано около 75.000.

В первый год существования Бюро, т.-е. с июня по декабрь 1915 г., было получено и переотправлено из Германии и России около 90.000 писем. С января 1916 г. по 30 декабря было переотправлено около 1.500.000 писем. Такое быстрое развитие этой стороны деятельности Бюро указывало на действительную потребность в этом виде помощи.

Из Копенгагена корреспонденция отправлялась в пакетах с отпечатанным адресом Московского Комитета и других учреждений. В каждом пакете было по 50 писем. В Москве эти пакеты поступали в военную цензуру и по просмотре доставлялись со штемпелем цензуры на каждом отправлении в Комитет. Нормально пакеты поступали в Москву на 7—8 день по отправлении из Копенгагена.

Письма от родных военнопленных поступали в Бюро из Москвы в таких же общих пакетах. Эта почта ежедневно рассортировывалась по лагерям, вкладывалась в общие пакеты с отпечатанными названиями отдельных лагерей и рассылалась по назначению.

Из поступавшей в Бюро почты отбирались все отправления, содержавшие какие нибудь особые просьбы военнопленных или поручения. Очень часто по поводу таких отправлений у Бюро возникала переписка с военнопленными для получения от них добавочных данных или более полного и правильного редактирования просьб. Эта деятельность Бюро имела весьма большое значение, ибо предупре-

ждала неправильное направление просьб военнопленных и, таким образом, обеспечивала более скорое их исполнение. Большое значение для военнопленных имел также розыск их родных, ибо, вследствие несовершенной организации переписки военнопленных, часто оказывалось, что извещения из России о перемене адреса не достигали назначения, сам военнопленный оказывался переведенным в другой лагерь, и, таким образом, связь между пленными и родными прерывалась. В таких случаях большое значение имели розыски родных в России, на которые Бюро и Комитет обращали особое внимание.

Денежные переводы Бюро исполнялись на основании приказов из Москвы за счет имеющегося аванса. Вместе с переводом военнопленному отправлялась особая карточка с обратным ответом для подтверждения о получении денег. Если карточка долго не возвращалась, наводилась Комитетом справка в соответствующем лагере о том, получены ли военнопленным деньги. Кроме того, на каждое отдельное денежное отправление Бюро получало от датской почты официальную квитанцию, которая приобщалась к делу как оправдательный документ.

В Бюро поступали по железной дороге пожертвования, отправлявшиеся военнопленным Московским Комитетом, Городским и Земским Союзами и Московским Отделением Особого Комитета. Эти пожертвования переотправлялись или по почте, если они были назначены отдельным военнопленным, или же в той самой упаковке, в которой они получены,—в ящиках, по железной дороге. Бюро переотправлено за 1916 год около 14.000 индивидуальных посылок и 5.800 ящиков.

Техническая сторона деятельности Копенгагенского Бюро Московского Комитета в течение второго периода войны была поставлена настолько удовлетворительно, что когда Британский Красный Крест решил организовать свою агентуру в Дании, он послал в Копенгаген своих представителей для ознакомления с постановкой дела в Копенгагенском Бюро Московского Комитета. В результате этого ознакомления представители Британского Красного Креста обратились к уполномоченному Московского Комитета в Копенгагене с просьбой взять на себя наблюдение за организацией Копенгагенского Комитета Британского Красного Креста. Уезжая из Копенгагена представитель Британской делегации в своем письме от 1 сентября 1916 г.

на имя уполномоченного Московского Комитета писал между прочим следующее:

„Я в восторге от блестящей Вашей организации, и когда мы здесь откроем такой же Комитет, то Ваше учреждение будет для нас прекрасным образцом. Великобританский Красный Крест, войдя в сношение с Русским Красным Крестом, выразит ему свою признательность за ту помощь, которая так сердечно оказывалась представителями Русского Красного Креста“ [1]).

II.

Гаагская русская секция.

Значительную роль в деле посредничества по оказанию материальной помощи русским военнопленным выполняла Голландская агентура Московского Комитета в Гааге.

Голландская агентура была использована Московским Комитетом для организации заготовки продовольственных посылок для военнопленных, которые отправлялись по заказам, принимавшимся Комитетом в Москве. Это же агентство Московского Комитета высылало посылки по заказам своих военнопленных, борясь таким образом с невозможностью для военнопленных приобретать на имевшиеся у них деньги в Германии пищевые продукты. В тех случаях, когда в распоряжении Московского Комитета оказывались свободные средства, они обращались на помощь военнопленным путем отправки посылок из той же агентуры за счет Московского Комитета. Эти посылки отправлялись коллективно в лагерные комитеты для распределения между нуждающимися.

В течение второго периода войны число отправлявшихся голландской агентурой посылок прогрессивно возрастало, достигнув к началу 1917 г. несколько десятков тысяч посылок в месяц.

III.

Швейцарские организации помощи русским военнопленным.

В Швейцарии к началу второго периода мировой войны функционировало несколько разнородных учреждений помощи русским военнопленным.

[1]) Прилож. к журн. Моск. К-та № 50 за 1916 год.

В начале войны группой лиц, причастных к русскому посольству в Берне, был образован *Русский Отдел* франко-бельгийского бюро помощи военнопленным. Эта организация поставила своей задачей отправлять в некоторые лагери русских военнопленных в Германии посылки с съестными припасами на те денежные средства, которые она (в размере нескольких десятков тысяч рублей) получала от русского правительства. Осенью 1915 года для заведывания делами „Русского Отдела" в Берне был делегирован представитель Русского Общества Красного Креста. С этого времени „Русский Отдел" стал получать регулярные субсидии от Голицынского Комитета в размере 100.000 франков в месяц. К концу второго периода войны эта субсидия увеличилась до 400.000 франков в месяц, и кроме того „Русский Отдел" получал еще по 400.000 франков в месяц от русского Министерства Финансов.

Несмотря на такие сравнительно значительные денежные средства, „Русский Отдел" не мог развить интенсивной и разнообразной деятельности. Его функции сводились главным образом к периодическим отправкам посылок с съестными припасами в случайно избранные им округа лагерей военнопленных в Германии.

К концу 1916 года в среде деятелей „Русского Отдела" возникли трения по поводу безконтрольного ведения операций дирекцией Отдела. Относительно этого писались донесения в Россию, но до русского государственного переворота „Русский Отдел" продолжал получать правительственные субсидии и осуществлять свою деятельность в бюрократических формах.

Помимо „Русского Отдела", в Швейцарии в начале войны возникло несколько *общественных организаций* помощи военнопленным. Такие организации образовались в *Берне*, *Женеве*, *Лозанне*, *Цюрихе*, *Давосе*, *Клаpане* и *Монтре*. Первоначально эти организации имели своей задачей оказание помощи русским гражданам, застигнутым войною в Швейцарии, но с течением времени они взяли на себя и некоторые функции оказания помощи русским военнопленным. Для объединения деятельности этих организаций к началу 1915 г. был образован в Берне „Центральный Комитет помощи русским гражданам". С весны 1915 года этот „Центральный Комитет" принял на себя функции швейцарской агентуры Московского Комитета по наведению справок о русских гражданах, застигнутых войною заграницею, и о

русских военнопленных и по оказанию им отдельных видов помощи. Деятельность „Центрального Комитета" заключалась в выдаче ссуд русским гражданам, уезжавшим в Россию, в наведении справок об отдельных русских военнопленных через общественные организации Германии и Австрии, в отправке партий продовольственных припасов в отдельные лагери военнопленных и в исполнении конкретных поручений Московского Комитета относительно переводов денег военнопленным и т. п. В частности— „Центральный Комитет" взял на себя заботу о снабжении книгами некоторых лагерных библиотек. Для привлечения внимания швейцарских русских колоний к этому делу одним из секретарей „Центрального Комитета" были прочитаны в Берне, Лозанне, Давосе, Цюрихе и Лейзене доклады на тему о духовном голоде русских военнопленных. В целях облегчения розыска военнопленных по запросам Московского Комитета „Центральный Комитет" вошел в сношения с Брауншвейгским обществом розыска военнопленных и с германскими и австрийскими краснокрестными учреждениями. Однако, деятельность швейцарского „Центрального Комитета" общественных организаций не могла получить широкого развития вследствие недостатка материальных средств. От Московского Комитета эта организация получала лишь небольшие суммы, пересылавшиеся ей на исполнение отдельных поручений. Со стороны русского посольства в Швейцарии эта организация не встречала никакой поддержки. На тринадцатый месяц своего существования эта организация получила от русского посольства в Швейцарии официальное уведомление о том, что русская миссия отказывается от посредничества „Центрального Комитета" по сношениям с отдельными находящимися в Швейцарии русскими гражданами, так как среди этих граждан имеется много лиц, уклоняющихся от воинской повинности. Вследствие такого отрицательного отношения русского правительства к деятельности швейцарских общественных организаций, Московский Комитет не имел возможности использовать „Центральный Комитет" в качестве своей швейцарской агентуры. Его сношения с Центральным Комитетом были прерваны до государственного переворота.

IV.

Русский Комитет в Стокгольме.

Подобно швейцарскому „Русскому Отделу", Русский Комитет в Стокгольме был образован группой лиц, причастных к русскому посольству в Швеции. Первоначально он существовал на средства, ассигнованные в его распоряжение русским Министерством Иностранных Дел, и имел своей задачей оказание помощи русским гражданам-беженцам из центральных государств. С течением времени Стокгольмский Комитет, также как и все другие аналогичные организации, изменил свои первоначальные функции и принял участие в деле оказания помощи русским военнопленным. Как учреждение, близкое к правительственным сферам, Русский Комитет в Стокгольме существовал главным образом на правительственные субсидии. К началу второго периода войны он получал регулярные субсидии от Татьянинского Комитета (около 100.000 крон в полугодие), от Голицынского Комитета (около 50.000 крон) и от некоторых русских учреждений помощи военнопленным (всего около 200.000 крон в полугодие). Эти средства, за покрытием издержек на содержание Комитета, расходовались на оказание помощи военнопленным вещами и продовольственными продуктами из Швеции. За первое полугодие 1916 г. Стокгольмским Комитетом было отправлено продовольственных и вещевых посылок в лагери военнопленных на сумму около 100.000 крон. Кроме того, Стокгольмский Комитет брал на себя посредничество по переотправке писем для военнопленных из России и от военнопленных в Россию, а также по переводу военнопленным денежных сумм. Количество писем, проходивших через Стокгольмский Комитет, достигало 200.000 в полугодие, общая сумма денежных переводов—100.000 крон.

Русские организации помощи военнопленным существовали также при посольских группах в Дании и Норвегии. Деятельность этих учреждений заключалась главным образом в отправке в лагери военнопленных продовольственных посылок из Скандинавских стран.

V.

Французские организации помощи русским военнопленным.

К началу второго периода войны при русском посольстве в Париже был образован *Парижско-Лионский Комитет*

помощи русским военнопленным. Этот Комитет получал от Голицынского комитета ежемесячные субсидии в размере 100.000 франков. К концу второго периода войны размер субсидии был увеличен до 300.000 франков в месяц. На эти средства Парижско-Лионский Комитет отправлял в некоторые лагери военнопленных в Германии и Австрии ежемесячно около 5000 пудов продовольственных припасов. Эти припасы распределялись между несколькими определенными лагерями с общим населением около 100.000 военнопленных. Комитет был назван „Парижско-Лионским" потому, что в его составе участвовал мэр города Лиона. В городе Лионе комитет производил некоторые закупки продовольственных припасов для отправки их в лагери Австрии и Германии.

Кроме Парижско-Лионского Комитета, во Франции функционировало *„Общество друзей русских военнопленных"*, образованное из французских общественных элементов при ближайшем участии писателя Анатоля Франса. При образовании этого общества был произведен сбор пожертвований около 200.000 франков. На эти средства Общество посылало в лагери русских военнопленных сухари, сало и другие продукты. Эта организация не могла широко развить свою деятельность отчасти вследствие ограниченности денежных средств, отчасти же вследствие того, что французское правительство стесняло отправку продовольственных продуктов из Франции на том основании, что в продовольствии нуждались сами французы.

Кроме этих учреждений, во Франции имелись еще мелкие благотворительные организации помощи русским военнопленным. Такими организациями являлись дамские комитеты в Ницце и в Гавре и некоторые частные кружки в Париже. Из них особенно характерными узко-благотворительными чертами отличалась организация, образованная в Париже. Относительно деятельности этой организации в отчете Парижско-Лионского Комитете говорится следующее: учредительница организации „обратилась с воззванием ко всем хозяйкам, школам, ресторанам и т. д. присылать остающиеся от стола куски хлеба, в просушенном виде, которые упаковываются затем в любые коробки или использованные уже ранее ящики до 5 килогр. весом, для рассылки в лагери. В такие посылки вкладываются иногда небольшие пакетики чая и сахара, что составляет истинную отраду для пленных. Даже крошки толкутся и, смо-

ченные соленой водой, образуют особого рода массу, заменяющую вполне сухари".

Деятельность таких организаций разумеется не могла иметь никакого серьезного значения. Она лишь ярко иллюстрировала всю унизительность того положения, в которое были поставлены русские военнопленные вследствие отсутствия надлежаще организованной помощи им с родины.

VI.

Американский союз молодых людей.

Американский Союз молодых людей представляет собой большую общественную организацию, в которой участвуют многие американские политические деятели, во главе с президентом Северо-Американских Штатов, и многие представители различных кругов американского общества. Во многих государствах Старого и Нового Света этот Союз имеет свои национальные комитеты, в которых также участвуют многие политические общественные и краснокрестные деятели разных стран.

С самого начала мировой войны этот Союз принял участие в деле оказания помощи военнопленным, организовав для этой цели свои отделения в воевавших государствах. Эта сторона деятельности американского Союза представляет собой значительный интерес, так как она была построена на моральном принципе и носила универсальный характер, распространяясь на всех военнопленных всех воевавших стран.

В настоящем обзоре я коснусь лишь той части деятельности американского Союза, которая относилась к оказанию помощи военнопленным, находившимся в лагерях Германии и Австро-Венгрии.

Американский Союз молодых людей носит также название „Христианского союза молодежи". Он ставит своей задачей проведение в жизнь начал христианской этики. Этим до некоторой степени определялась и его деятельность, направленная на облегчение участи военнопленных, находившихся в Центральных государствах.

Замечу с самого начала, что деятельность германского национального комитета американского Союза молодых людей не носила узко-религиозного характера. Она была по-

ставлена широко. Религиозная пропаганда являлась лишь частью этой деятельности и отличалась толерантностью ко всем вероисповеданиям, не исключая и нехристианских.

Религиозная пропаганда называлась представителями Союза—„евангелической пропагандой". Она сводилась к устройству в лагерях военнопленных особых бесед и собраний, имевших своей задачей склонить людей к изменению их жизни в духе начал христианского учения. В результате таких бесед в некоторых лагерях среди военнопленных организовывались особые кружки для изучения Библии и лагерные отделения Союза, бравшие на себя задачу устройства регулярных праздничных собраний для собеседований на библейские темы.

Повидимому, такая евангелическая пропаганда имела успех лишь среди английских военнопленных. Секретари германского национального комитета Союза отмечают в своих отчетах, что „французских и русских пленных было трудно направить к прямому изучению Библии".

Не ограничиваясь лишь евангелической пропагандой, Союз стремился оказать содействие удовлетворению религиозных запросов военнопленных всех вероисповеданий. В этих целях он во многих лагерях устраивал помещения для религиозных собраний военнопленных и снабжал их необходимыми принадлежностями. В частности по отношению к русским военнопленным первая православная обедня была устроена этим союзом. Насколько толерантна была эта деятельность американского Союза, об этом свидетельствует нижеследующее письмо, полученное союзом от одного еврейского раввина из Германии. „Возвращая письмо, которое вы так любезно прислали, мне хочется сказать вам о своей радости и благодарности по поводу ваших терпимых, беспрестанных услугах людям моей веры. Ваши услуги указывают на настоящую искреннюю религию, которая требует уважения и признания от человека другой веры. Это усиливает во мне надежду на братство и христианскую любовь между людьми. Смею ли уверить, что ваши благородные усилия вызвали верный отклик во мне. Сочту за удовольствие уверить вас в моем сердечном сотрудничестве во всякое время". [1]) Религиозную толерантность Союза подчеркивает в твоем письме и православный священник

[1]) Архив Центропленбежа, Научно-Историческая Комиссия, отчет герм. нац. комитета амер. Союза м. л., стр. 44.

из одного германского лагеря, принося союзу „выражение глубокой благодарности ото всех христиан в лагере и сердечной радости видеть, что и в эти годы громадной борьбы среди народов земли, дух христианской любви не перестал, а продолжает существовать, как видно из деятельности вашего Союза, делающего свое беспристрастное христианское дело".

Проводя в жизнь начала деятельного человеколюбия, американский Союз ставил своей задачей удовлетворять самые разнообразные духовные и материальные запросы военнопленных и по возможности скрашивать их жизнь в плену.

Союз принимал деятельное участие в устройстве лагерных школ, библиотек, читален, лекций, концертов, театральных представлений, гимнастических и спортивных упражнений, игр и разного рода развлечений для военнопленных. При оборудовании лагерных учреждений представители союза с особой тщательностью старались снабдить эти учреждения всеми необходимыми или полезными принадлежностями. Так, для лагерных школ ими доставлялись записные книжки, карандаши, линейки, карты, грифельные доски, глобусы, чернила и перья, рисовальные принадлежности, различные учебники, мелки, машины для снятия копий, бумага, пишущие машины, материал для печатания, краски и т. п. для лазаретов и госпиталей—те медикаменты, которых недоставало в Германии, как, напр.: рыбий жир, касторовое масло, хинин и т. д.; для лагерных мастерских ручного труда—разнообразные принадлежности: гравировочные инструменты, инструменты и дерево для выделывания музыкальных инструментов, иголки и нитки, дерево для резьбы, бусы, кожа, краски, ивовые прутья и т. п.; для библиотек и читален разнообразные книги (для русских военнопленных союзом было доставлено свыше 400.000 книг и брошюр); для лагерных театров—костюмы, декорации и парики, литературу; для гимнастических и спортивных учреждений — разнообразные гимнастические принадлежности, кегли, мячи, конька, биллиарды, принадлежности для крокета и тениса и т. п.; для концертов и музыкальных занятий—рояли и разнообразные оркестровые инструменты (в частности—для русских военнопленных союзом были посланы в 12 рабочих команд ручные гармонии).

Просматривая списки посылок союза в лагери военнопленных, мы встретим в них необычайное разнообразие

вещей, предназначенных для удовлетворения самых разнородных нужд военнопленных. Так, например, в один из лагерей союз послал: мандолину, рыбьего жира, одежду и белье для только что взятых в плен 350-ти моряков, учебник играть на рожке, комические оперы, марши для оркестра, футбольные мячи, английские книги и иллюстрированные журналы, шашки, шахматы, домино и трик-трак по четыре игры каждого, две пары перчаток для бокса, несколько французских романов, сгущеного молока и яиц для больных в госпитале и т. п.

Такое разнообразие вещей свидетельствует о крайне внимательном отношении представителей союза к индивидуальным нуждам военнопленных.

Представители союза заботились и об украшении лагерных помещений. Так, ими доставлялись ящики с цветами для окон лазаретов, копии картин и гравюры для украшения стен бараков, семена и растения для лагерных садов и цветников.

В дни праздников Рождества и Нового Года Союз посылал многим неимущим военнопленным индивидуальные и групповые подарки (пакеты с фруктами, пряниками, папиросами и мелкими вещами—для отдельных военнопленных, комплекты для игр и музыкальные инструменты—для групп).

Представители Союза имели право посещения лагерей и бесед с военнопленными об их делах и нуждах. Эти посещения для многих военнопленных, к индивидуальным интересам которых представители союза относились с постоянной заботливостью, имели большое моральное значение, как об этом свидетельствуют многочисленные адресованные Союзу письма военнопленных. Представители Союза оказывали отдельным военнопленным много ценных услуг, облегчая для них сношения с их родными и близкими и содействуя удовлетворению их разнообразных нужд.

Такая заботливость представителей Союза, основанная на началах истинной гуманности, не делающей различия между людьми по национальностям и вероисповеданиям, встречала отклик в среде военнопленных, как об этом свидетельствует нижеследующее письмо одного пленного сербского унтер-офицера: „нам отрадно видеть, что мы не совсем покинуты. Бог заботится о нас, и добрые христиане не забывают нас. Мы будем вечно благодарны за всякий дар большой или маленький. Нас так много, что не можете всем помочь, но мы умоляем сделать, что можете.

У нас у всех одно горячее желание к Рождеству, и дал бы Бог, чтобы оно исполнилось: это желание — мир, мир на земле, чтобы люди помогали друг другу, а не убивали один другого".

Вступление Америки в мировую войну отразилось на деятельности американского Союза молодых людей. Его американские представители были лишены возможности действовать на территории Германии и Австрии. Им пришлось заменить себя нейтральными представителями из Швейцарии, Швеции и Дании, которые продолжали работу союза в центральных государствах до конца войны.

Деятельность американского Союза по оказанию помощи военнопленным несомненно для многих военнопленных имела весьма ценное значение не только в моральном, но и в материальном отношениях, так как Союз относился к военнопленным не как к массовой живой силе, а как к живым людям, имеющим свои разнообразные индивидуальные нужды и запросы. Приемы и способы работы представителей Союза во многих отношениях заслуживают внимания и подражания. Однако, по сравнению с об'емом действительной нужды миллионов военнопленных, помощь им со стороны Союза являлась крайне недостаточной.

В частности по отношению к трем миллионам русских военнопленных деятельность американского Союза не могла заметно отражаться на изменении их общего положения, которое в течение всех лет войны продолжало оставаться крайне необеспеченным.

Заканчивая краткий обзор действовавших за время второго периода войны иностранных учреждений помощи русским военнопленным, позволяю себе заметить, что деятельность этих учреждений ни в какой мере не могла влиять на изменения общего положения русских военнопленных, так как размер осуществлявшейся этими учреждениями материальной помощи военнопленным был слишком ничтожен сравнительно с безбрежным морем действительной материальной нужды, царившей в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Деятельность этих учреждений лишь подчеркивала ненормальность положения русских военнопленных сравнительно с положением пленных французов и англичан. Это с особенной наглядностью явствует из данных отчета Парижско-Лионского Комитета. Этим ко-

митетом обслуживалась лишь небольшая группа лагерей военнопленных, причем в этой группе лагерей на долю каждого отдельного военнопленного из общей суммы отправлявшихся комитетом продовольственных посылок приходилось от 200 до 300 грамм с'естных продуктов в месяц. Около полуфунта с'естных продуктов в месяц на человека,—в то время, когда каждый французский пленный получал от своего правительства ежемесячно не менее 20 фун. продовольственных припасов и до 4 килограммов в неделю галет и бисквитов, а каждый английский пленный—не менее 30 фун. в месяц. Столь же минимальным было обслуживание лагерей военнопленных и со стороны всех других иностранных комитетов, как посольских, так и общественных. При этом обслуживаемые лагери военнопленных выбирались комитетами случайно вне какой либо системы, которая могла бы гарантировать равномерность обслуживания лагерей.

Ненормальность положения русских военнопленных в первую очередь должна быть поставлена в вину русскому государству, которое относилось к судьбе своих плененных граждан с неизменной пассивностью.

ГЛАВА XVII.

Главные виды массовой и индивидуальной помощи русским военнопленным.

В настоящем историческом обзоре я считаю необходимым дать краткую обрисовку главных видов помощи русским военнопленным, осуществлявшихся русскими красно-крестными и общественными организациями за время минувшей мировой войны.

Никогда в истории прежних войн вопрос об организации помощи военнопленным не вставал перед народами мира в таком об'еме, в каком с самого начала минувшей мировой войны предстал он перед всеми воевавшими государствами.

Во всех воевавших странах уже в начале войны оказались небывалые массы военнопленных. Эти массы военнопленных были совершенно отрезаны от общения с своей родиной. Участие в войне всех великих держав мира нарушило все прежние формы международного общения

европейских государств. Не только воевавшие, но и соседние нейтральные государства оказались лишенными прежней свободы интернациональных сношений вследствие особых условий сухопутной войны и морской блокады. Во всех европейских странах мировая война вызвала необычайные внутренние осложнения и затруднения. Промышленная и сельскохозяйственная деятельности были нарушены, транспорт был расстроен, продовольственная нужда повсеместно обострилась.

При таких условиях осуществление дела помощи военнопленным было сопряжено с исключительными трудностями, и всем воевавшим государствам пришлось отнестись к этому делу, как к сложной государственной и интернациональной проблеме.

У нас в России вопрос об организации помощи военнопленным за время минувшей войны разрешался особенно неблагоприятно вследствие пассивного отношения к этому вопросу со стороны прежнего русского правительства. Однако, нужды трех миллионов русских военнопленных были слишком остры, и потребность их удовлетворения была слишком настоятельна. Они не могли быть оставлены без внимания со стороны России, и русским общественным и краснокрестным организациям пришлось приложить много усилий и изобретательности к постановке дела удовлетворения этих нужд. Им приходилось самим создавать все приемы и способы осуществления помощи военнопленным в исключительно неблагоприятной обстановке военного времени.

При таких условиях постановка дела помощи военнопленным у нас в России несомненно заслуживает внимания со стороны историков и исследователей войны. Выработанная русскими краснокрестными и общественными организациями техника этого дела может и на будущее время иметь практическое значение, так как она заключает в себе много ценных деталей, созданных под влиянием указаний опыта пережитой войны.

В настоящем кратком обзоре я имею возможность лишь в самых общих чертах коснуться постановки главных видов помощи русским военнопленным за время минувшей войны. Более детальное углубление в технику этого дела возможно лишь при специальном исследовании. Необходимые для такого исследования данные имеются в на-

ходящихся в Военно-Ученом Архиве материалах Московского Комитета и его отделов. Эти материалы мною систематизированы в порядке настоящего исторического обзора.

I.

Регистрация военнопленных и справочная часть.

Постановка регистрации военнопленных и организация справочной части несомненно имеют самое существенное значение для установления связи военнопленных с родиной и для оказания им помощи.

До конца минувшего столетия правильная регистрация военнопленных ничем не была урегулирована в международном масштабе, вследствие чего неизвестность о судьбе военнопленных и невозможность установления их сношений с родными и близкими представляли собой обычные явления в истории военного плена прежних войн.

Впервые в международном масштабе вопрос о необходимости правильной регистрации военнопленных и организации справочной части был поставлен на Международной Конференции в Гааге в 1899 году и был разрешен в положительном смысле на второй Гаагской Конференции 1907 года, на которой было постановлено вменить всем воюющим государствам в обязанность при самом открытии военных действий устраивать специальные справочные бюро о военнопленных. Соответствующие постановления были включены в статью 14 Положения о законах и обычаях сухопутной войны и заключаются в следующем:

„С открытием военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах, в том случае, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается Справочное Бюро о военнопленных. Бюро это, имеющее назначением давать ответы на все запросы, касающиеся военнопленных, получает от различных подлежащих учреждений все сведения относительно водворения и перемещения, освобождения на честное слово, обмена, побегов, поступления в госпиталь, смерти, а равно другие сведения, требуемые для составления и своевременного исправления именной карточки о каждом военнопленном. Бюро обязано заносить на нее номер, имя и фамилию, возраст, место происхождения, чин, войсковую часть, день и место взятия в плен, водворения, получения ран и смерти,

а равно все особые замечания. Именная карточка передается правительству другого воюющего государства после заключения мира. Справочное Бюро обязано равным образом собирать и хранить в одном месте, а также пересылать по принадлежности, все вещи, служащие для личного пользования, ценности, письма и проч., которые будут найдены на поле битвы или останутся после пленных, освобожденных на честное слово, обмененных, бежавших или умерших в госпиталях и полевых лазаретах".

В соответствии с этими постановлениями Гаагской Конвенции у нас в России в самом начале минувшей мировой войны были средактированы ст. ст. 18, 19 и 20 „Положения о военнопленных", утвержденного 7 октября 1914 года.

На основании этих постановлений в самом начале войны при Главном Управлении Российского Общества Красного Креста было образовано Центральное Справочное Бюро, имевшее своей задачей выполнение всех функций, означенных в ст. 14 Гаагской Конвенции. По отношению к России главным назначением деятельности Центрального Справочного Бюро являлась подготовка материалов для выдачи справок и самая выдача справок о русских пленных заграницей. Для выполнения этой функции при Центральном Справочном Бюро был образован особый Русский Справочный Отдел.

Русскому Справочному Отделу пришлось ставить свое дело применительно к особым условиям минувшей мировой войны. „При самом возникновении Бюро, которое было учреждено немедленно после об'явления войны, т.-е. 21 июля 1914 г., нельзя было предвидеть ни самого масштаба работы, которая падет на его долю, ни тех сложных обязанностей, которые с нею будут связаны. Опыт деятельности такого же Бюро, действовавшего во время Русско-Японской войны, не давал ценных указаний, так как самая цифра русских пленных в Японии, бывших на учете Бюро, оказалась невелика и исчислялась всего лишь десятками тысяч (73.588). Поэтому с развитием деятельности Бюро, начавшего получать материал сведений о громадном числе пленных заграницей, потребовалось разбить предполагавшийся русский отдел на два отдела, а именно, Отдел Регистрации и Справочный Отдел".

„Между Отделом Регистрации русских военнопленных и Справочным Отделом существовала неразрывная связь, первый из них, получая списки русских пленных в не-

приятельских государствах, подвергал эти списки обработке и на основании их заполнял сведениями именные карточки русских пленных, а затем эти карточки передавал в Справочный Отдел".

Сведения, на основании которых составлялись именные карточки, получались из разных источников. „Все эти источники должны были обладать одним общим характерным признаком, а именно быть официальными. Бюро, как орган, установленный международной конвенцией, мог выдавать справки только на основании совершенно точного материала, правильность которого подтверждалась учреждением или официальным лицом, уполномоченным по самому своему положению на сообщение сведений о военнопленных. В свою очередь, справки, выдаваемые из Бюро, носили тоже вполне официальный характер. В силу этого никакие данные, поступившие из частных источников (сведения от лиц близких военнопленному, письма самого военнопленного из за границы и т. п.), не могли быть использованы в Бюро для выдачи справок, хотя бы эти данные и не подвергались никакому сомнению.

Основным источником сведений служили списки военнопленных, поступивших из неприятельских стран".

Первые списки русских военнопленных поступили из заграницы в конце сентября 1914 года. Доставлялись эти списки различными путями: из Австрии—непосредственно по почте от Венского Центрального Справочного Бюро, из Германии—дипломатическим путем через Испанское посольство.

Перечень тех данных, которые должны были сообщаться относительно каждого военнопленного, указан в ст. 14 Гаагской Конвенции. Однако, далеко не все доставлявшиеся из Германии списки содержали в себе все указанные в этой статье рубрики. В этих случаях Русскому Отделу при содействии Отдела розысков приходилось выполнять сложную работу получения дополнительных сведений о военнопленных.

Именные карточки военнопленных, на которые заносились получавшиеся сведения, представляли собой кусок тонкого картона, длиной в $7^1/_2$ и шириной в $5^1/_2$ дюймов. Сведения распределены в карточке по одиннадцати рубрикам: 1—фамилия, 2—имя (и отчество), 3—вероисповедание, 4—возраст, 5—постоянное местожительство (или место происхождения), 6—звание или чин, 7—воинская часть

(или корабль), 8—место пленения, 9—время пленения, 10—состояние здоровья (изменения), 11—местонахождение в плену (изменения).

Все количеотво именных карточек военнопленных, входившее в общую картотеку, располагалось по определенной системе. В начале деятельности Русского Отдела карточки раскладывались по алфавиту фамилий военнопленных. Но при частых искажениях фамилий при транскрипциях на немецкий язык и обратно и при множестве схожих фамилий такой порядок систематизации карточек на практике оказался неудобным и был заменен раскладыванием карточек по воинским частям, а в пределах каждой воинской части по фамилиям военнопленных.

Составленная таким образом общая картотека заключала в себе основной материал для наведения справок относительно всех военнопленных.

Кроме общей картотеки, в Русском Отделе была специальная картотека умерших в плену, составленная на основании свидетельств о смерти, получавшихся из неприятельских стран.

На основании данных картотеки, Справочным Отделом при Центральном Бюро выдавались справки родным и близким военнопленных. В виду громадного количества запросов и справок, была выработана особая техника осуществления справочного дела. Родные и близкие военнопленных обращались в Бюро с письменными и устными запросами. Эти запросы, если они заключали в себе все необходимые данные, заносились на особые карточки, представлявшие собой проекты уведомительных писем. Эти карточки разбивались на группы соответственно группам картотеки и затем сверялись с данными картотеки. В них заносились сведения о военнопленных по соответствующим рубрикам, и после этого карточки выдавались или посылались по назначению.

Для облегчения населению возможности личного обращения за справками в Москве было образовано Московское Отделение Центрального Справочного Бюро. Московское Отделение по поступавшим в него запросам выполняло всю необходимую подготовительную работу, получало из Центрального Бюро соответствующие сведения и выдавало или высылало справки обращавшимся к нему лицам. При содействии Московского Отделения было выдано около 18%

общего числа справок о военнопленных. В Московском Отделении была своя особая картотека пленных русских офицеров.

Справочный материал о военнопленных, служивший основанием для данных картотеки, доставлялся в Центральное Справочное Бюро с некоторым промедлением, так как для подготовки сведений заграницей, для пересылки материалов в Россию, для обработки их в Бюро и для занесения на именные карточки требовалось не менее двух месяцев времени. Между тем нередки бывали случаи, когда заинтересованные лица нуждались в скорейшем получении справок. В этих случаях Центральное Справочное Бюро наводило индивидуальные справки телеграфным порядком. Телеграфные запросы посылались в соответствующие учреждения Красного Креста Германии или Австрии или Красного Полумесяца—в Турции. Ответы на телеграфные запросы приходили обычно через неделю. Из Австрии присылались как положительные, так и отрицательные ответы на телеграфные запросы; из Германии—только положительные.

Весьма нередко бывали случаи, когда присылавшиеся из заграницы сведения об отдельных военнопленных бывали неясны или неполны. В этих случаях приходилось вести особую переписку с соответствующими краснокрестными учреждениями Центральных государств. Для такой переписки, а также для удовлетворения индивидуальных просьб заинтересованных лиц относительно наведения особых справок о военнопленных, связь которых с родиной по разным причинам утрачивалась, при Центральном Справочном Бюро был образован особый Отдел розысков (Section des recherches), на обязанности которого лежало принятие разного рода мер для наведения справок об отдельных военнопленных и для установления их связи с родными и близкими в России. Следует отметить, что запросы Отдела розысков встречали весьма внимательное отношение со стороны австрийских краснокрестных учреждений, откуда нередко поступали в Бюро весьма обстоятельные ответы.

За время от начала войны и до конца 1916 года Русским Отделом Центрального Справочного Бюро было выдано 1.229.322 справки.

По отдельным месяцам количество устных и письменных запросов, поступавших в Бюро, и количество выданных и высланных положительных и отрицательных справок определялись следующими цифрами:

Год и месяц	I Положительные справки.			II Отрицательные справки.			I + II ВСЕГО полож. и отриц.	3 : 7 % отнош. полож. к общему итогу.
	Через Центр. Бюро.	Через Моск. Бюро.	ВСЕГО.	Через Центр. Бюро.	Через Моск. Бюро.	ВСЕГО.		
	1	2	3	4	5	6	7	8
1914								
VIII	—	—	—	217	—	217	217	
IX	293	—	293	2.178	—	2.178	2.471	
X	804	—	804	7.046	—	7.046	7.850	10,8
XI	1.264	—	1.264	9.407	—	9.407	10.671	11,2
XII	1.954	—	1.954	10.815	—	10.815	12.769	15,3
1915								
I	2.136	—	2.136	15.570	—	15.570	17.706	12,0
II	2.967	—	2.967	17.419	—	17.419	20.386	15,3
III	5.319	80	5.399	23.994	1.698	25.692	31.091	17,3
IV	5.830	967	6.697	23.083	19.222	42.305	49.002	11,5
V	6.160	1.294	7.454	24.356	11.702	36.058	43.512	17,1
VI	8.171	1.494	9.665	32.962	11.595	44.557	54.222	17,9
VII	8.350	1.482	9.832	33.244	9.291	42.535	52.367	18,0
VIII	9.038	2.512	11.550	35.799	6.919	42.718	54.268	21,3
IX	12.060	4.429	16.309	40.335	8.687	48.992	65.301	25,0
X	11.369	2.635	14.004	39.469	8.553	48.022	62.026	22,6
XI	9.618	2.391	12.009	38.130	8.615	46.745	58.754	20,5
XII	10.823	3.311	14.134	41.274	9.099	50.373	64.507	23,4
1916								
I	11.779	3.384	15.163	36.766	10.482	47.248	62.411	24,3
II	8.751	3.611	12.362	32.731	24.048	56.779	69.141	17,9
III	12.488	4.668	17.156	53.918	22.862	76.780	93.936	19,3
IV	11.206	4.028	15.294	55.336	13.651	48.987	64.221	24,5
V	10.887	3.989	14.876	39.045	14.436	53.481	68.357	21,8

Год и месяц.	I Положительные справки.			II Отрицательные справки.			I + II ВСЕГО полож. и отриц.	3:7 % отнош. положит. к общему итогу.
	Через Центр. Бюро.	Через Моск. Бюро.	ВСЕГО.	Через Центр. Бюро.	Через Моск. Бюро.	ВСЕГО.		
	1	2	3	4	5	6	7	8
VI	8.284	3.177	11.461	31.543	9.881	41.429	52.885	21,5
VII	7.751	2.955	10.706	23.446	8.242	31.688	52.388	20,4
VIII	7.785	2.864	10.649	28.503	7.393	35.896	46.545	23,4
IX	8.292	2.925	11.217	25.612	6.725	32.337	43.554	25,7
X	10.027	2.686	10.713	27.999	5.894	33.893	44.606	19,6
XI	8.956	2.581	11.537	23.799	6.479	30.278	41.815	27,5
XII	5.340	1.679	7.019	5.084	1.169	6.253	15.272	53,1

Процентное отношение полож
щему итогу за все время от начала войны до конца 1916 года составляет 21,6. Таким образом лишь одна пятая часть справок заключала в себе положительные сведения о военнопленных. Все остальные справки носили характер отрицательных ответов на запросы.

Многие родные и близкие военнопленных, не получавшие в течение продолжительного времени справок оффициальным путем, обращались к содействию Московского Комитета, который наводил индивидуальные справки о военнопленных через свое Копенгагенское Бюро.

„Работа Бюро по справкам о военнопленных развивалась в двух направлениях:

а) Розыски без вести пропавших. Соответствующие справки наводились Бюро в центральных справочных учреждениях германского, австрийского и венгерского Красных Крестов, для чего были отпечатаны специальные бланки с отрывными купонами, на которых соответствующее учреждение давало ответ на справку. Бланк справки и купон помечались номером и остальными данными, и так как ответы приходили на подлинных купонах Бюро,

то розыски его не представляли никакой трудности, и в Бюро почти не было случая, чтобы полученный ответ на справку не мог быть передан по назначению за невозможностью найти запрос, на основании которого наводились справки.

б) Второй наиболее важный род справочной деятельности Бюро представляли запросы о военнопленных, местонахождение которых в плену известно, однако, переписка по каким-нибудь причинам не установлена. Наведение этих справок было разработано Бюро на принципе получения от военнопленных собственноручных сообщений, что имело совершенно исключительную важность, в виду огромного множества однофамильцев даже в каждом отдельном лагере. Для таких справок имелись также специальные бланки с отрывными купонами, которые должны были предъявляться военнопленным для собственноручного заполнения. На купоне помечалось, кто о военнопленном запрашивает, сообразно чему военнопленный мог редактировать свое письмо на купоне. Несомненно, что справки на этих бланках с купонами представляли большое преимущество по сравнению с запросами о военнопленных, на которые приходили ответы, хотя бы даже от комендатур лагерей военнопленных, в которых военнопленные находились, прежде всего, в виду неизбежной неполноты таких сообщений о военнопленных, по сравнению с собственноручными извещениями военнопленных, во вторых, потому что ответ давался часто об однофамильце, а не о том военнопленном, о котором был сделан запрос.

Индивидуальных справок о военнопленных Копенгагенским Бюро было наведено в 1915 году—1.984, а в 1916 году—21.781.

На основании полученных из Копенгагенского Бюро сведений, Московским Комитетом была составлена своя небольшая картотека, являвшаяся дополнением к картотекам учреждений Центрального Справочного Бюро.

Массовая материальная помощь.

Массовая материальная помощь русским военнопленным в течение всего времени от начала войны и до русского государственного переворота была поставлена крайне неудовлетворительно. Это об'ясняется исключительно тем пассивным отношением русского правительства к вопросу

о военнопленных, о котором неоднократно упоминалось в предыдущем изложении. Без содействия государственных сил и без привлечения государственных средств массовая помощь военнопленным вообще не может быть организована в надлежащем об'еме. И это в особенности имело значение по отношению к русским военнопленным, число которых определялось миллионами. Обеспечить такую массу военнопленных необходимыми продовольственными продуктами, вещами, одеждой или денежными средствами за счет частных или общественных пожертвований было немыслимо. Общественные организации могли оказывать военнопленным массовую материальную помощь лишь в крайне ограниченных размерах. Они периодически на пожертвованные суммы посылали в отдельные лагери военнопленных в распоряжение лагерных комитетов партии продовольственных продуктов, одежды и белья. О каком либо регулярном обслуживании всех лагерей при этом не могло быть и речи. Отдельные лагери выбирались случайно на основании тех просьб, которые поступали от лагерных комитетов.

В течение первого периода войны государственные средства на массовую помощь русским военнопленным совсем не отпускались. В начале второго периода войны несколько миллионов рублей из государственных средств было ассигновано в распоряжение Голицынского Комитета на оказание помощи военнопленным. Как уже было отмечено в предыдущей главе, из этих средств Голицынский Комитет высылал ежемесячные субсидии в размере 100—400 тысяч рублей некоторым заграничным организациям, которые на эти деньги закупали в нейтральных странах продовольственные припасы и пересылали их в некоторые лагери военнопленных в Германии и в Австрии. Деятельность этих организаций не была согласована, вследствие чего обслуживание отдельных лагерей носило случайный характер: некоторые лагери получали по нескольку партий посылок, другие не получали ничего. Размер такой помощи сравнительно с об'емом действительной нужды военнопленных был крайне незначителен.

Внутри России деятельность общественных организаций по оказанию массовой помощи русским военнопленным также не была согласована. В начале 1916 года Московский Комитет при посредстве Московского Городского Головы сделал представление в центральные государственные и краснокрестные учреждения относительно необходимости

об'единения деятельности русских учреждений по оказанию массовой помощи военнопленным и относительно необходимости ассигнования на это дело государственных средств. В марте 1916 года Голицынский Комитет уведомил Всероссийский Союз Городов и Об'единенную Организацию помощи русским военнопленным В. Г. и З. Союзов и Московское Городское Управление о согласии на отпуск средств для заготовки и отправки Об'единенной Организацией сухарей, сала и рыбы в 27 лагерей русских военнопленных в Германию по указанию Комитета. Вначале было ассигновано 450.000 рублей ежемесячно, а затем ассигнование увеличено до 700.000 рублей с тем, чтобы отправка продовольствия производилась также и в австрийские лагери по указанию Комитета. На эти средства Об'единенная Организация оборудовала три сухарных завода, вырабатывавших ежедневно до 2000 пудов ржаных сухарей, а также производила закупку и отправку сала и рыбы. Грузы Об'единенной Организации, согласно указания Голицынского Комитета, направлялись в лагери военнопленных через Особый Комитет и Шведский Красный Крест, причем уполномоченные Шведского Красного Креста сопровождали их до места назначения, контролируя исправное получение их лагерными комитетами".

Помимо Об'единенной Организации, Голицынским Комитетом отдельные партии продовольственных припасов пересылались в лагери военнопленных при посредстве Особого Комитета Красного Креста.

Относительно размера массовой материальной помощи военнопленным из России можно судить по нижеследующим цифровым данным, касающимся общего числа отправленных в лагери военнопленным из России ящиков с продовольственными припасами за все время от начала войны и до конца второго периода:

В 1915 году.	I. Особый Комитет	474 ящ.
	II. Голицынский Комитет по оказанию помощи русским военнопленным	10.705 „
	III. Отдел о военнопленных Союза Городов	498 „
	Итого	11.677 ящ.
	За 1916 год (по 14 декабря 1916 г. включительно).	
В 1916 году.	I. Особый Комитет	3.450 ящ.
	II. Голицынский Комитет по оказанию помощи русским военнопленным	65.888 „
	III. Отдел о военнопленных Союза Городов	7.320 „
	Итого	76.658 ящ.

В 1916 году:

IV. Кроме того Московской Объединенной Организацией за счет Голицынского Комитета по оказанию помощи военнопленным отправлено . . . . . 42.472 ящ.

Итого . . . 119.130 ящ.

Всего с марта 1915 г. по 14 декабря 1916 г. . . . . 130.807 ящ. [1]).

Сто тридцать тысяч ящиков с продовольственными припасами,—это все, что было выслано русским государством для трех миллионов русских военнопленных за два года войны. Совершенно очевидно, что осуществлявшаяся в таком размере массовая помощь была далеко недостаточна для удовлетворения самых насущных нужд русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Этим в первую очередь и об'ясняется вопиющая разница их положения сравнительно с положением пленных французов и англичан.

Индивидуальная помощь военнопленным.

Индивидуальная помощь русским военнопленным осуществлялась главным образом их родными и близкими, которые естественно стремились облегчить их существование в плену денежными переводами и продовольственными посылками.

Однако, и отправка индивидуальных родственных посылок из России была сопряжена с такими затруднениями, которые едва ли встречались где либо в других воевавших странах. Чрезмерно мнительное русское правительство всячески стесняло не только общественную, но и родственную помощь военнопленным. Опасаясь усиления продовольственных рессурсов Германии, оно в августе 1915 г. издало нижеследующее распоряжение: „воспрещается пересылать военнопленным в посылках: сухари всякого рода, сало, икру, спиртные напитки, предметы роскоши, металлы всякого рода, изделия из них, а также предметы в упаковке из металла всякого рода.

Кроме того, воспрещается пересылать в Германию колбасу и другие изделия из рубленого мяса“ [1]).

Это нелепое распоряжение, лишавшее родственников военнопленных возможности посылать из России самые необходимые для военнопленных питательные продукты,

[1]) В. У. А., Спец. арх. М. К., 1916 г., папка VI—2 № 77.

[1]) В. У. А., Спец. арх. М. К., 1916 г., папка VI—2 № 25.

более года оставалось в силе, пока оно не было отменено под влиянием примера союзников, которые не стеснялись в изобилии посылать в лагери военнопленных и сухари, и бисквиты, и молочные, и мясные продукты в металлических укупорках.

При сдаче посылок для военнопленных на почту происходили постоянные недоразумения по поводу содержания, веса, формы, упаковки и размера посылок. Много затруднений причиняли отправителям и цензурные досмотры посылок.

В пути при общем расстройстве транспорта посылки для военнопленных подолгу задерживались на станциях и массами портились, разбивались и погибали.

Перевозка посылок для военнопленных в особенности была осложнена тем, что все посылки из всех местностей России направлялись в один передаточный пункт, именно в Торнео, откуда они поступали в Швецию и передавались в Германию.

Насколько печальна была участь посылок в этом пограничном пункте, об этом особенно наглядно свидетельствует нижеследующая выдержка из протокола Московского Комитета от 29 октября 1916 года:

„Командированный в Торнео инструктор Отдела помощи русским военнопленным Всероссийского Союза Городов—Л. И. Кондрашев сообщил, что общее количество почтовых посылок представляет собою массу об'емом около 600 куб. сажен. При осмотре посылок оказалось, что большинство их уже негодны к дальнейшей отправке, так как посылки находятся под открытым небом; отчего оне подвергаются гниению, и только очень малая часть их прикрыта брезентом.

Для наглядного представления о сложенных посылках Л. И. Кондрашев привез фотографическую карточку.

Из переговоров с представителем шведского почтамта выяснилось, что шведская почта может непосредственно принимать в Торнео от 300 до 600 посылок в день.

Д. С. Навашин доложил, что на заседании Совета Центрального Справочного Бюро, который ведает всеми отправками по почте военнопленным, представитель почтово-телеграфного ведомства об'яснил залежь посылок в Торнео: 1) малой пропускной способностью ж. д. и пограничной ст. Торнео; 2) недостатком в подаче шведской ж. д. вагонов; 3) торпедированием пароходов, везущих почту;

4) об'явлением войны Румынии, благодаря чему посылки, идущие в Австрию, должны были пересылаться через Швецию. Меры почтовым ведомством уже приняты, как к более успешной погрузке в вагоны, так равно и к устройству особой воздушной дороги, которая будет закончена постройкой к концу декабря. В заседании Совета было предложено обратиться к Шведскому Красному Кресту с просьбой войти с представлением к германскому правительству об охране почтовых пароходов с посылками знаком Красного Креста, но заведующим Центральным Бюро было доложено, что знаком Красного Креста могут пользоваться только госпитальные суда.

М. С. Зернов и Н. В. Тесленко находили, что необходимо в видах санитарной безопасности сжечь посылки. Если же часть пищевых продуктов посылок еще пригодна, то употреблять в качестве корма для скота".

С такими осложнениями было у нас в России сопряжено осуществление индивидуальной родственной помощи военнопленным. В то время, когда русские военнопленные голодали в лагерях Германии и Австрии и с нетерпением ждали поддержки с родины, адресованные им их родными посылки холмами лежали в болотах Финляндии, мокли под дождем, гнили, сжигались или употреблялись на корм скоту.

Трудности почтовой переотправки родственных посылок для военнопленных побудили Московский Комитет принять меры к некоторой организации родственной помощи военнопленным.

„Осенью 1915 года, в виду трудности для отдельных лиц заготовлять и отправлять посылки, Московским Комитетом был организован Отдел трафаретных посылок, заготовлявший массами почтовые посылки определенных типов и отправлявший их по заказам родственников в лагери военнопленных".

С течением времени „Отдел трафаретных посылок" постепенно преобразовался в Хозяйственный Отдел Московского Комитета, который продолжал заготовку и отправку трафаретных посылок и вместе с тем обслуживал родственную помощь военнопленным, как приемом для пересылки посылок, заготовляемых родственниками, так и заготовкой посылок самых разнообразных типов, отвечавших индивидуальным запросам родственников военнопленных. Равным

образом Хозяйственный Отдел отправлял по почте и вагонами по железной дороге коллективные посылки военнопленным за счет поступавших в Московский Комитет пожертвований и по заказам других учреждений. В виду того, что условия отправки по почте все более усложнялись, и отдельным лицам оказывалось почти непосильным разобраться в почтовых формальностях и справиться со всеми создавшимися дурной постановкой дела осложнениями, в Хозяйственный Отдел стали обращаться не только в Москве, но и из провинций, откуда в Отдел направлялось множество посылок для дальнейшей отправки посылок по назначению".

„С 1916 года заготовка посылок была поручена и Копенгагенскому Бюро Московского Комитета, при котором для этого был открыт особый пакетный отдел. Посылки отправлялись по заказам родственников через Московский Комитет, по заказам самих военнопленных, а также и по заказам других учреждений помощи военнопленным, которые самостоятельных организаций заграницей не имели. Заказы поступали от Союза Городов и Земств и их местных отделов, Отдела о военнопленных при Петроградском Областном Комитете Союза Городов, Центрального Комитета Красного Креста, Особого Комитета Красного Креста, от заводов за счет отчислений служащих и рабочих и т. д. Постепенно, в виду невозможности получать продукты в Голландии и других странах, исполнение почти всех заказов сосредоточилось в Копенгагенском Бюро. Неисполненные заказы Голландской агентуры, Лионского Муниципального Комитета, агентуры Центрального Комитета Красного Креста в Швейцарии, Стокгольмского и Лондонского Комитетов были переданы для исполнения Копенгагенскому Бюро". Посредническая деятельность заграничных агентур Московского Комитета в деле организации родственной помощи военнопленным имела крупное практическое значение, так как трехлетний опыт войны наглядно показал, что посылавшиеся по заказам родственников военнопленных трафаретные посылки из Дании и Голландии доходили до лагерей военнопленных несравненно скорее, чем посылки, отправлявшиеся из России, были гарантированы от порчи в пути и обходились значительно дешевле.

Особым видом индивидуальной помощи военнопленным являлось попечение о них со стороны их т. н. „крестных отцов или матерей".

Институт „крестных отцов или матерей" был изобретен во Франции и заключался в следующем: некоторые частные лица брали на свое особое попечение отдельных военнопленных, высылали им ежемесячные пособия и вступали с ними в переписку относительно их нужд. Для некоторых безродных военнопленных такой вид помощи мог иметь значение. Но практика жизни выяснила, что в большинстве случаев такой помощью пользовались ловкие попрошайки, умевшие вступать в переписку со многими „крестными отцами или матерями" и пользоваться их пособиями. В виду этого германским правительством было предписано передавать подарки „крестных отцов и матерей" в распоряжение лагерных комитетов.

Это предписание было мотивировано в нижеследующем циркуляре от 27 августа 1916 года:

„В целях помешать злоупотреблениям, возникающим от присылки подарков военнопленным от так называемых крестных отцов и матерей, германский военный департамент постановил, что с сего числа все посылки, посланные крестными отцами и матерями отдельным военнопленным, не вручать адресатам, а отдавать председателю лагерного Комитета помощи военнопленным соответствующей национальности или в случае отсутствия такового в комендатуру лагеря. Такие постановления уже учреждены во Франции.

Комитеты или комендатура проверяют нужду каждого адресата, согласно книг, и вручают посылку только тем, кто в действительности нуждается в помощи. Пакеты, посланные на имя лиц, имеющих средства или достаточно снабженных необходимым, отдаются военнопленным, нуждающимся в помощи, а адресаты извещаются об этом обстоятельстве комитетом или комендатурой.

Комитет или комендатура должны следить, чтобы этот порядок вещей поддерживался, и чтобы отправитель извещался о получении и распределении посылок. Такой же порядок принят по отношению посылок от крестных отцов и матерей, посланных из нейтральных стран.

Кроме того, запрещено с сего числа военнопленным обращаться отдельно с просьбой о помощи в различные комитеты нейтральных и вражеских стран; только лагерные

комитеты каждого лагеря могут обращаться с подобными ходатайствами".

У нас в России институт „крестных матерей" пропагандировался некоторыми учреждениями, но не получил широкого распространения.

ГЛАВА XVIII.

Культурно-просветительная помощь военнопленным.

„Между величайшими страданиями, приносимыми войной, особое место занимает плен. Для людей культурно-развитых, с душевной чуткостью, не так страшен физический плен, как ужасно пленение умственных и психических способностей человека.

Грамотного человека лишить духовной пищи, это все равно, что умирающему от жажды не дать пить.

Человек, вкусивший и познавший, что такое духовная пища, никогда уже больше не отвернется от нее, и всегда будет протягивать к ней свои руки.

Книга, род духовной пищи, есть лучший друг человека".

Эти красноречивые строки, написанные самими военнопленными, мы встречаем в годовом отчете библиотеки культурно-просветительной организации лагеря Эстергом в Венгрии.

Потребность духовной пищи во всех лагерях военнопленных действительно была громадная. Живя в течение долгих лет на чужбине, проводя время в тяжелом труде или вынужденной праздности, постоянно находясь в подневольном положении, томясь чувством оторванности от своей родной среды, от близких людей, от привычных дел и занятий, не имея соприкосновения с окружавшим внешним миром и изо дня в день воспринимая однообразные впечатления жизни в плену, — заключенные в лагерях, госпиталях и лазаретах военнопленные остро нуждались во всем том, что могло заполнить пустоту их духовной жизни, и прежде всего нуждались в книгах на родном языке, которые приобщали их к произведениям художественной и научной мысли родной страны, раскрывали перед ними картины привычной жизни, удовлетворяли их духовным запросам и давали им теоретические и практические знания, которые они надеялись приложить к своему свободному труду по окончании плена.

При затянувшейся войне пребывание в плену день за днем бесцельно и бесполезно вычеркивало из жизни военнопленных.

Борясь с этой вынужденной бесцельностью своего существования, многие военнопленные стремились использовать часы досуга для пополнения своего образования, для приобретения полезных знаний и для занятий искусствами.

Для удовлетворения этих потребностей во многих лагерях военнопленных уже с осени 1914 года начали устраиваться лагерные библиотечки и возникать культурно-просветительные организации в форме кружков самообразования, школ, хоров и оркестров.

Устройство лагерных библиотек в течение первого года войны было сопряжено с большими затруднениями. Регулярных сношений с Россией не было. Военнопленным самим на их скудные средства приходилось добывать книги. В некоторых лагерях первоначальные библиотеки были устроены при содействии лагерных комендатур. Так, в лагере Эстергом комендант выписал из кружка русских студентов в Вене семьдесят русских книг, которые в течение первого года войны составляли весь книжный фонд библиотеки Эстергомского лагерного округа. Книги из России начали поступать в этот лагерь лишь с осени 1915 года.

В Германии к началу войны русских книг было мало, и приобретение их для лагерных библиотек было сопряжено с большими затруднениями. В складах русских книгоиздательств в Германии имелись по преимуществу лишь такие книги, которые по цензурным условиям не могли издаваться в России. Эти книги покупались для лагерных библиотек, но подбор их оказывался случайным и далеко не удовлетворял запросам военнопленных.

Организация лагерных школ в начале войны также до крайности была затруднена. Не было ни учебников, ни учебных пособий. „Устраивая школу, мы начинали наше трудное дело с кусочком мела и клочком бумаги", писали Московскому Комитету военнопленные из лагеря Шнейдемюле в Германии. В лагере Шпратцерн 103 русских пленных офицера образовали сельско-хозяйственный кружок и, не имея совсем книг, переписали шесть брошюр (переводы с немецкого), которыми и пользовались, как учебниками, в течение первых месяцев функционирования кружка.

Первой организацией, обратившей внимание на необходимость культурно-просветительной помощи русским военнопленным, был русский Комитет в Голландии, который о нужде в книгах для русских военнопленных сообщил русским колониям в Англии и Франции. В ответ на это обращение в Англии летом 1915 года был образован при участии некоторых членов русской колонии Лондонский комитет по посылке книг русским военнопленным.

Этот комитет опубликовал воззвание в газете Таймс, собрал небольшую сумму денег (около 1100 фр.) и с августа 1915 года приступил к регулярной отправке книг в лагери русских военнопленных в Германии. В своем отчете Лондонский Комитет отмечает, что в начале его деятельности „Около 2000 русских книг были получены как пожертвование от сочувствующих англичан и вместе с приобретенными книгами были посланы в немецкие лагери. Русских военнопленных—многие тысячи, и в лагерях находится много и не военных, которые были привезены из Бельгии. Из всех лагерей приходит одна и та же просьба: книг, еще книг. Русские военнопленные не просят повестей, они просят русских учебников, грамматик и словарей иностранного языка.

Они просят книг по политической экономии, по политической истории Англии, инженерных, сельско-хозяйственных и др. прикладных знаний.

От 16 мая по 28 декабря 1916 г. было послано в Германию 911 пакетов русских книг по 11 ф. каждый. Книги были разнообразного содержания: для солдат выбирались элементарные учебники и простые книги для чтения, популярно-научные книги, книги по сельскому хозяйству, книги религиозного характера и русские классики; для офицеров был сделан выбор книг более сложных, включая всевозможные отрасли знания, было также послано большое количество грамматик и словарей".

В России культурно-просветительная помощь военнопленным впервые была организована Московским Комитетом, при котором в сентябре 1915 года был образован особый отдел по снабжению военнопленных книгами.

Просьбы о высылке книг стали поступать в Московский Комитет одновременно с просьбами о материальной помощи.

Поступавшие в Московский Комитет письма всегда наглядно иллюстрируют острую нужду русских военнопленных в духовной пище.

Для удовлетворения просьб военнопленных был образован при Московском Комитете особый Книжный Отдел, которому с течением времени пришлось взять на себя правильную организацию культурно-просветительной помощи военнопленным. В первые годы своей деятельности Книжный Отдел обслуживался трудом небольшого числа (около двадцати) добровольцев-сотрудников, работавших под руководством заведующего отделом Е. К. Воскобойниковой. Материальные средства Отдела были очень невелики. За время второго периода войны Московским Комитетом были ассигнованы в его распоряжение около 20.000 рублей и, кроме того, к нему поступали небольшие пожертвования (обычно по несколько сот рублей) от некоторых центральных и провинциальных общественных организаций и от частных лиц. Кроме денежных средств, в книжный отдел поступали также и пожертвования книгами. Особенно много книг поступило от союза артистов города Москвы. Книги поступали и от разных общественных организаций, именно: от общества грамотности, педагогического кружка, общества взаимопомощи агрономов, лиги по борьбе с туберкулезом и московского книгоиздательства писателей.

Несмотря на незначительность средств и сил, Книжному Отделу Московского Комитета в течение второго периода войны удалось выполнить сравнительно большую работу по организации культурно-просветительной помощи военнопленным.

За время второго периода войны им было выслано свыше ста тысяч экземпляров книг; из них около восьмидесяти тысяч в Германию, около двадцати тысяч—в Австро-Венгрию и по нескольку тысяч в Англию, Данию и Швецию в распоряжение местных организаций помощи военнопленным.

В течение второго периода войны наборы книг были высланы Книжным Отделом в 150 лагерей Германии и 50 лагерей Австро-Венгрии. В некоторые лагери были высланы сравнительно большие партии книг, достаточные для образования библиотек. Так, например, в лагерь Вецларь было отослано 3555 экземпляров разных книг.

Из общего числа отосланных в Германию и Австрию книг около одной трети составляли книги по художественной литературе и около двух третей—учебники, научно-популярные книги и учебные пособия по разным отраслям знания.

Наборы книг производились применительно к запросам военнопленных. При подборе научных книг и руководств по прикладным знаниям Книжный Отдел обращался за указаниями в соответствующие научные учреждения и общества.

Техника работы была следующая: книги по получении регистрировались, затем поступали на просмотр, приводились в порядок с внешней стороны и сортировались по отделам. Негодный материал шел в продажу, и деньги сдавались в кассу Комитета.

В 1916 г. пожертвованных книг уже не хватало. Комитет ассигновал 20.000 руб. на развитие дела снабжения книгами. Отдел завел сношения с издательствами и книжными магазинами: Сытина, Трауцкой, Посредник, Вольф, Синодал. типограф., Тихомирова, Залесской, Городской склад, Думнов, Агроном, Карцев, Зейванг (ноты), Наука и стал высылать большие партии книг в лагеря. К тому времени были организованы в лагерях общества взаимопомощи, библиотечные комиссии, школы, курсы.

Для них высылались книги по присланным спискам.

С лагерями наладилась постоянная работа. Отдельные лагери были распределены между сотрудницами Отдела. Этим достигалась быстрота в работе, так как заведующая отправкой в известный лагерь знакомилась с его потребностями и положением в нем дела. Каждому лагерю советовали сорганизоваться, и книги высылали на организацию, а не в личную собственность военнопленных.

Но просьбы о высылке книг поступали не изо всех лагерей. Были лагери, не знавшие о культурно-просветительной работе Комитета. В эти лагери одной из сотрудниц была начата отправка маленьких книжных посылок с просьбой уведомить, в чем они нуждаются. Таким образом завязывались сношения с лагерями. Помимо этого, Отдел старался осведомлять провинцию, различные общественные организации, частных лиц о нужде в книгах для пленных, предлагал свои услуги по пересылке из тех мест, где почта их не принимала. Книжные посылки пересматривались, цензуровались, перепаковывались и с бланками Комитета шли заграницу; ответы направлялись отправителям.

При осуществлении своей деятельности Книжному Отделу Московского Комитета приходилось считаться не только с общими препятствиями, затруднявшими развитие дела помощи военнопленным (как, например, запрещение осведомлять русское население о нуждах военнопленных),

но и с некоторыми специальными осложнениями, касавшимися высылки книг военнопленным. Так, много осложнений создавала русская военная цензура, крайне задерживавшая просмотр книг. Московскому Комитету удалось до некоторой степени справиться с этими осложнениями путем организации цензурного досмотра отсылавшихся книг особым военным цензором в самом помещении Книжного Отдела. Но в течение второго периода войны возникло новое осложнение, затруднившее осуществление дела культурно-просветительной помощи военнопленным. Последовало распоряжение о том, что в лагери военнопленных могут отсылаться лишь те книги, которые были изданы до 1913 года. Это поставило Книжный Отдел в очень трудное положение, так как многие из нужных для военнопленных книг имелись на рынке лишь в изданиях позднее 1913 года. Московский Комитет возбуждал вопрос о том, чтобы было сделано изъятие хотя бы для учебников, которые часто переиздаются и имеются в продаже лишь в новых изданиях, но до конца второго периода войны ограничение высылавшихся книг годами издания продолжало оставаться в силе.

Наладившаяся в течение второго периода войны доставка книг в лагери Германии и Австро-Венгрии имела весьма существенное значение для военнопленных. Об этом красноречиво свидетельствуют их письма, ежедневно десятками поступавшие в Книжный Отдел. Позволю себе для образца привести здесь несколько выдержек из этих писем.

„Ваши книги для нас были как товарищи, с которыми не видались многие годы; сколько мы провели отрадных минут с ними, забыв свое положение и плен". (Лагерь Эстергом в Венгрии).

„Мы очень благодарны Комитету за помощь, но нам мало этой помощи. Нужно присылать книги тысячами, потому что читателей—десятки тысяч. Мы же вынуждены бессильно разводить руками перед массой требований на книгу, которые поступают к нам ежедневно. Мы шлем товарищам, что можем, но за год мы были в состоянии разослать лишь около 800 книг. Поэтому мы и просим Вас убедительно: шлите все, что есть у Вас печатного, все найдет своего читателя". (Лагерь Сомория в Венгрии).

„Книги по сельскому хозяйству и ремеслам доставили особенное удовольствие. Нижними чинами охотнее всего берутся в библиотеке именно эти книги. Литература художественная пользуется меньшим вниманием. По промы-

шленности книжки хороши всякие, даже не особо популярного изложения, о всяких производствах и промыслах—все читается жадно и несомненно значительно расширяет кругозор и развитие читателя". (Лагерь Вюльцбург в Германии).

Однако, не во всех лагерях условия жизни благоприятствовали серьезному чтению. Как уже отмечалось в предыдущих главах, суровый тюремный режим, установленный в офицерских лагерях, угнетающе действовал на психику заключенных, и это отражалось на их отношении к книгам и научным занятиям. Так, в письме из офицерского лагеря Браунау в Австрии констатируется следующее: „Душевное разложение, которое наблюдается у большинства офицеров, лишает всякой возможности взяться за серьезный умственный труд. Например, студенты, несмотря на настоятельную необходимость, давно уже отказались от штудирования своего курса, потому что со второй страницы из памяти исчезает вся первая. Беллетристика читается охотно".

Но из многочисленных других писем, поступивших в Книжный Отдел, явствует, что и в офицерских лагерях спрос на научные книги был большой, и посещаемость библиотек была значительная.

В течение второго периода войны Книжным Отделом Московского Комитета было зарегистрировано 95 библиотек, организованных в лагерях Германии и Австро-Венгрии, и 49 лагерных комитетов взаимопомощи, обращавшихся в Книжный Отдел с просьбами о высылке книг.

Многие лагерные организации сообщали Московскому Комитету сведения и отчеты о своей деятельности. Особенно подробные отчеты поступили из лагерей Эстергом, Сольтау-Шпротау, Альтен-Грабов и Гольцминден. В этих отчетах приведены подробные цифровые данные и диаграммы, иллюстрирующие духовные запросы русских военнопленных.[1]).

Интересные цифровые данные, касающиеся деятельности библиотеки лагеря Гольцминден, в котором были сосредоточены цивильно-пленные разных национальностей. Из этих данных явствует, что наибольший интерес к книге был присущ именно русским пленным. Число русских пленных составляло лишь 18 процентов общего состава

[1]) В. У. А., Архив Книжн. Отдела М. К. папка XXX.

населения лагеря Гольцминден. Число же выдававшихся русских книг превышало 40 процентов общего числа выдач. Средняя годовая обращаемость одной русской книги равнялась 16, в то время, когда обращаемость книг на других языках в среднем равнялась 8. Таким образом спрос на книги со стороны русских читателей в два раза превышал спрос на книги со стороны пленных других национальностей.

Цифровые данные и диаграммы отчета культурно-просветительной организации лагеря Эстергом также весьма наглядно иллюстрируют острый интерес русского военнопленного к книге на родном языке. Общее число подписчиков библиотеки этого лагеря достигало 400; средняя же выдача книг равнялась 80 в день. Таким образом одна пятая часть подписчиков ежедневно обращалась в библиотеку за новыми книгами. Наибольшим спросом пользовались книги художественной литературы (64% общего числа выдач); затем книги научные (24%) и книги по прикладным знаниям (10%). Выдача книг религиозных не превышала одного процента. Из произведений русской художественной литературы в наибольшей мере читались сочинения А. Н. Толстого (2.383 выдачи) и М. Горького (1.943 выдачи). На долю других русских художников-беллетристов приходилось от 100 до 400 выдач в год.

Из поступивших в Московский Комитет сведений о деятельности библиотек лагерей: Стральково, Целле, Майнц Дироц, Иозефштадт, Терезин, Лехвельд и др. также явствует, что во всех этих лагерях был большой спрос на произведения художественной литературы и на научные книги, в особенности технические и сельско-хозяйственные.

Кроме библиотек, во многих лагерях Германии и Австро-Венгрии устраивались также школы, научные кружки и музыкально-драматические организации.

Лагерные школы были разнообразных типов, начиная со школ первой ступени для неграмотных и кончая курсами с программами высших специальных учебных заведений.

О том, как возникали и функционировали лагерные школы можно судить по тем письмам военнопленных, которые в течение второго периода войны поступали в Московский Комитет в ответ на его запросы о положении культурно-просветительного дела в отдельных лагерях.

Так, из лагеря Штаргарда сообщали Комитету следующее: „С октября 1915 г. по февраль 1916 г. в лагере устраивались воскресные чтения и действовала школа грамотности, в которой было обучено чтению и письму 172 неграмотных. Книги для их первоначального и последующего обучения начали поступать из Союза Городов и других русских учреждений в декабре 1915 г. и позднее. По удовлетворении вышедших из школы учеников, оставшиеся книги этого рода выдаются желающим и высылаются в рабочие команды по требованию.

С 15 сентября 1916 г. по февраль 1917 г. в школе производились занятия с двумя группами подпрапорщиков и фельдфебелей—по арифметике, русскому языку, географии, истории, алгебре, а в последнее время природоведению и геометрии. Эти занятия предполагаем возобновить. Кроме того, многие лица занимаются по программе средней школы, и многие пополняют свое образование. Учебные книги для этих категорий занимающихся имеются в недостаточном количестве и составляют учебную библиотеку, при выдаче книг оттуда преследуется достижение возможности пользоваться ограниченным количеством учебников многих желающих".

Аналогичные сведения поступали и из других лагерей: „Занятия в нашей школе происходят систематически по вечерам от 7—9 часов по всем общеобразовательным предметам. Я, например, преподаю географию и всеобщую историю. Слушателей довольно (от 100—150). Большая часть пленных у нас грамотна. Многие научились тут за эти два года,—часть в лагерной школе, часть у товарищей по плену (лагерь Фальдбах в Австрии)".

„В нашем лагере функционируют две школы, библиотека и театр. В школах проходятся предметы: русский яз., арифметика, география, естествоведение и история России. Обе школы насчитывают около 200 учеников (8% всего числа военнопленных нашего лагеря). Кроме этих, так называемых народных школ, устроены бухгалтерские курсы, курсы немецкого и французского языков. В школах и на курсах занято 20 учителей. Мы пытались устраивать систематические лекции по истории, географии, гигиене и т. д., но вследствие отсутствия подходящих пособий и руководств пришлось отказаться от этой мысли (лагерь Миловиц в Австрии)".

„В нашем лагере, в котором находится 89 офицеров и 30 нижних чинов, существует целая школьная организация, также библиотека и несколько научных кружков. Школы у нас две; одна, низшая, для нижних чинов, где они обучаются грамоте и арифметике и, кроме того, читаются популярные лекции по сельскому хозяйству, природоведению, русской истории, географии и отечественной торговле.

Затем есть средняя школа для подпрапорщиков, произведенных в прапорщики в эту войну, где проходится полный курс 4-х классов гимназии или реальных училищ. Кроме этого, у нас есть кружки или курсы, например, бухгалтерии, агрономии, автомобилизма, электротехники, химии и др. Преподавателями являются действительные преподаватели (с высшим образованием) и некоторые из прапорщиков студентов (лагерь Вюльцбург в Германии)".

Научные кружки по специальным прикладным знаниям устраивались преимущественно в офицерских и смешанных лагерях. В некоторых лагерях эти кружки оформились в виде систематических курсов по специальным и общим предметам. Из этих курсов особенно успешно функционировали курсы сельско-хозяйственные. Так, в офицерском лагере Нейссе группой пленных агрономов были организованы правильно поставленные курсы по всем важнейшим отраслям сельско-хозяйственных знаний. Но особенно интенсивно функционировали сельско-хозяйственные курсы в офицерском лагере Гютерсло в Германии. Отчет о деятельности этих курсов был военнопленными отпечатан в Берлине и красиво издан в виде отдельной брошюры.

Из этого отчета явствует, что на сельско-хозяйственных курсах в лагере Гютерсло в течение второго периода войны читались следующие общеобразовательные предметы: 1. Ботаника, 2. Анатомия и физиология животных. 3. Химия. 4. Физика и 5. Метеорология.

Специальные предметы: 1. Почвоведение. 2. Учение об удобрении. 3. Общее земледелие. 4. Частное земледелие. 5. Общая зоотехния (животноводство). 6. Частная зоотехния. 7. Травосеяние. 8. Ветеринария. 9. Покупка и выездка лошадей. 10. Ковка лошадей. 11. Садоводство. 12. Огородничество. 13. Лесоводство. 14. Лесная таксация. 15. Сельско-хозяйст. вредители. 16. Молочное хозяйство. 17. Землемерие. 18. Кооперация. 19. Сельско-хозяйст. экономия. 20. Местное самоуправление. 21. Пчеловодство. 22. Рыбо-

водство и рыболовство. 23. Птицеводство (с отделами по кролиководству, козеводству, голубеводству и певчие птицы). 24. Сельско-хозяйст. постройки. 25. Землеустройство. 26. Отечественное законоведение и 27. Сельско-хозяйст. машины и орудия.

Для чтения лекций было отведено помещение на чердаке одного из домов. Лекторов было 26, большинство из них—лица, окончившие специальные высшие учебные заведения, и меньшинство—специалисты-практики.

Каждый предмет читался по подробно составленной программе. Число постоянных членов было 82. Слушателей, записавшихся на отдельные предметы, было 124, так же много было слушателей часовых лекций с платою 30 пф. При курсах имелись: 1) Огород для посева овощей с производством опытов по удобрению, какое было возможно достать: калийные соли, рог, волос, известь, кость от рыбы, разная земля и т. п. 2) Цветник. 3) Библиотека, составленная специально из книг по сельскому хозяйству. 4) Переплетная мастерская, как для собственных нужд сельскохозяйственных курсов, так и для работ по заказу со стороны; в ней же обучались лица, желавшие научиться переплетному делу. 5) Столярная мастерская, которая с весьма ограниченными инструментами сделала все работы по оборудованию класса, огорода, метеорологической станции; там же был сделан в натуральную величину улей „Дадана", как научное пособие для чтения лекций по пчеловодству. 6) Глобоскоп, для демонстрации световых картин. 7) Метеорологическая станция, где отмечались наблюдения погоды на особом листе. Из числа действительных членов были выбраны: распорядитель, казначей и секретарь. Выпиской продуктов из нейтральных стран заведывал казначей. Класс был украшен картинами, исполненными собственными средствами и частью купленными и присланными из Москвы; все они служили ценным пособием при чтении лекций, там же имелась классная карта земного шара. Для внутреннего порядка, из числа постоянных слушателей, в классе ежедневно назначались 3 дежурных: по контролю, кассе и классу и несколько человек для работы на огороде и в саду. Для дежурных в классе, пользования библиотекой и для заведующих огородом и садом были утверждены общим собранием инструкции. Заведующий огородом и цветовод вели дневники работ. Для заявления всякого рода пожеланий и жалоб была заведена особая

тетрадь. Все вопросы по благоустройству курсов решались общим собранием постоянных членов".

Всего за время 1916 года на этих курсах было прочитано свыше 400 лекций по агрономическим наукам и отдельным вопросам сельско-хозяйственных знаний.

В отчете имеются интересные сведения о занятиях пленных офицеров по садоводству, огородничеству, цветоводству, птицеводству, разным видам животноводства, пчеловодству, изготовлению аквариумов, террариумов, ульев, птичников, сельско-хозяйственной глиняной утвари и т. п.

Этот особенный интерес, проявленный военнопленными к агрономическим знаниям и к практическим занятиям по сельскому хозяйству представляет собой явление весьма характерное. Оно об'ясняется, очевидно, особого рода реакцией военнопленных на пережитые ими военные впечатления. Во многих из пленных война породила кошмарные воспоминания. Многих из них она искалечила физически и духовно. Неудивительно, что, очутившись в плену, в подневольном положении, в условиях вынужденного бездействия, они стремились уйти от военных переживаний в область сельско-хозяйственной деятельности, которая сближала их с природой и с ее созидательным творчеством, не имеющим ничего общего с теми созданными людьми актами человекоистребления и разрушения, которыми так богата была пережитая война.

Культурно-просветительная деятельность лагерных организаций несомненно представляет собой одну из наиболее интересных сторон быта военнопленных за время минувшей войны. Война вызвала в массе пленных солдат и офицеров много новых интеллектуальных запросов, породила в них желание разобраться в тех явлениях, которые так властно вторглись во все сферы человеческой жизни и так наглядно отразились на судьбе многих миллионов людей. Об этом свидетельствует проявленный военнопленными большой интерес к серьезным научным и философским книгам.

Наблюдавшееся во всех лагерях стремление военнопленных использовать время их пребывания в плену для пополнения общего образования и для приобретения специальных прикладных знаний свидетельствует о значительном под'еме любознательности в среде военнопленных. Эта любознательность очевидно была порождена в них

наблюдениями над условиями жизни более культурных европейских стран. Расширяя свое образование и приобретая специальные знания, военнопленные очевидно руководствовались желанием подготовить себя к более совершенным формам деятельности у себя на родине. Эта интеллектуальная работа для многих военнопленных, несомненно, не останется безрезультатной. В этом заключалась одна из немногих положительных сторон пребывания в плену.

ГЛАВА XIX.

Юридическая помощь военнопленным.

В общем цикле задач дела помощи военнопленным за время минувшей мировой войны, несомненно, весьма серьезное значение имела правовая защита интересов военнопленных и их семейств.

Понятие *правовой* защиты интересов военнопленных не вполне совпадает с понятием защиты дипломатической. Дипломатическая защита носит по преимуществу массовый характер, так как она сводится к требованиям соблюдения установленных международными конвенциями общих правил содержания военнопленных воюющих государств; правовая защита, хотя во многих случаях и близко соприкасается с защитой дипломатической, но по преимуществу носит характер *индивидуальной* помощи, так как она имеет своей задачей удовлетворение самых разнообразных конкретных юридических нужд, как самих военнопленных, так и их оставленных на родине семейств.

Необходимость правильной организации юридической помощи военнопленным и их семействам выяснилась уже в первые месяцы функционирования Московского Комитета помощи военнопленным. Как только весть о деятельности Московского Комитета помощи русским военнопленным дошла до лагерей Германии и Австро-Венгрии, в Комитет в большом количестве стали поступать письма военнопленных, заключавшие в себе не только просьбы об оказании им материальной помощи, но и просьбы об ограждении их прав на определенное содержание в лагерях военнопленных. Как известно, положение отдельных категорий военнопленных определялось правилами, установленными международными конвенциями и соглашениями. Эти правила чрезвычайно сложны и разнообразны. Ими устанавливаются

различные условия содержания для отдельных категорий пленных, для военнопленных и для цивильнопленных, офицеров и для солдат, для военных врачей и для низшего санитарного персонала.

Во всех спорных случаях размещения военнопленных, от них требовалось представление доказательств того положения, которое давало им право на определенное содержание в лагерях военнопленных. Но военнопленные, в громадном большинстве случаев, попадали в плен неожиданно, без всяких документов и доказательств. При таких условиях положение военнопленных в спорных случаях оказывалось весьма затруднительным. Сами они собирать доказательства были лишены всякой возможности. Их непосредственные письменные обращения из лагерей Германии и Австро-Венгрии окружным путем, через Швецию, в действующие части или в центральные правительственные учреждения не могли рассчитывать на успех, отчасти вследствие особых условий военного времени, до крайности затруднявших сношения с действующей армией, а главным образом вследствие свойственной многим официальным учреждениям медлительности, зачастую требовавшей многократных обращений даже по наиболее простым делам. Относившаяся сюда переписка при цензурных, почтовых и ведомственных условиях требовала около года времени, а за это время военнопленные должны были оставаться в бесправном положении. В виду этого Московский Городской Комитет, в интересах облегчения участи военнопленных, в первые же месяцы своего фукционирования самостоятельно взял на себя функции юридического представительства военнопленных и включил в число задач своей деятельности заботу об исходатайствовании из правительственных учреждений справок и удостоверений, необходимых военнопленным для улучшения их положения в лагерях Германии и Австро-Венгрии. В этих целях при Московском Комитете с осени 1915 года был учрежден особый Юридический Отдел.

По мере развития деятельности Московского Городского Комитета работа Юридического Отдела становилась все более и более сложной и разнообразной. Поступавшие письма из лагерей военнопленных заключали в себе не только просьбы об улучшении положения самих военнопленных, но и просьбы об удовлетворении правовых нужд их семейств, и в частности—об оказании их семьям содействия в

исходатайствовании причитавшихся им по закону пособий и содержания. Надо при этом заметить, что действовавшие у нас в России правила об обеспечении семейств призванных и плененных отличались большой сложностью и разнообразием. Они разнообразились, как по чинам и служебному положению самих пленных, так и по отдельным категориям их родственников. К тому же эти правила нигде не были кодифицированы, не были приведены в одну стройную систему, они были разбросаны по многим томам нашего свода законов, а главным образом они устанавливались многими циркулярами и приказами по Военному Ведомству. При такой сложности действовавших узаконений—воинским начальникам, уездным и волостным попечительствам на практике зачастую возникали разного рода недоразумения, и многие семьи военнопленных оставались обездоленными. При таких условиях русские военнопленные, получая с родины известия о том, что их семьи не получают узаконенного содержания или получают его в недостаточном размере, стали обращаться в Комитет с просьбами об обеспечении их семейств узаконенными пособиями от государства. Комитет не считал себя в праве отказаться от удовлетворения этих просьб, и отсюда развилась новая обширная отрасль деятельности Юридического Отдела, направленная на оказание семьям военнопленных содействия в исходатайствовании причитавшихся им по закону пособий и содержания.

Но этим задача юридической помощи далеко не ограничивалась. Затянувшаяся сверх всяких ожиданий мировая война, властно подчинившая себе весь ход народной жизни, неминуемо должна была отразиться и на осложнении конкретных условий жизни семейств военнопленных. Она создала множество самых разнообразных юридических нужд, настойчиво требовавших своего удовлетворения. В деле удовлетворения этих нужд должен был принять участие и Московский Городской Комитет, так как многие военнопленные, получая с родины известия о происшедших за время их вынужденного отсутствия изменениях в их семейной или хозяйственной жизни, обращались в Комитет не только с просьбами об обеспечении их жен или детей, или престарелых родителей, но и с просьбами самого разнообразного юридического характера, вплоть до просьб об узаконении покинутых внебрачных детей или об охране оставленных без надлежащего присмотра хозяйств.

Такое разнообразие поступавших в Комитет обращений обуславливало собою и соответствующее разнообразие принимавшихся Юридическим Отделом мер. При таких условиях очень трудно дать более или менее полную, точную картину организации дела юридической помощи военнопленным. В настоящем очерке ограничусь лишь кратким перечислением главнейших форм деятельности Юридического Отдела, направленной на правовую защиту интересов военнопленных и их семейств.

Одним из первых актов деятельности Юридического Отдела было выяснение и систематизация действующих узаконений о правах военнопленных и их семейств. Юридическим Отделом Союза Городов при участии Юридического Отдела Московского Городского Комитета была составлена сводка важнейших узаконений о правах военнопленных и их семейств на получение содержания и довольствия от государства. Эта сводка узаконений была издана в форме наглядного плаката, в котором приведены, с ссылками на источники, узаконения о правах отдельных категорий военнопленных и их родственников. По мере издания новых узаконений в эту сводку вносились соответствующие изменения. За время войны эти плакаты были изданы уже в трех изданиях. Экземпляры этого плаката были разосланы во все лагери военнопленных Германии, Австро-Венгрии и во все местные отделы Городского Союза в целях выяснения, как самим военнопленным, так и их родственникам их прав на получение довольствия от государства.

Но не ограничиваясь одним раз'яснением семьям военнопленных их прав на содержание, Юридический Отдел принимал зависящие от него меры для облегчения семьям военнопленных фактической возможности осуществлять их права в реальной действительности, т. е. добиваться действительного получения причитающихся им по закону пособий и содержания. Во всех случаях обращения в Комитет с такими просьбами со стороны военнопленных, Юридический Отдел считал долгом сноситься с их семьями. Относившаяся к этой отрасли деятельности Юридического Отдела переписка достигла столь значительных размеров, что Юридическому Отделу пришлось прибегнуть к изготовлению размножавшихся механическим способом трафаретных писем разных образцов, применительно к правам отдельных категорий военнопленных. Эти трафаретные письма, заключавшие в себе раз'яснение прав семейств

военнопленных определенных категорий, а также разъяснение самого порядка обращения за получением пособий в соответствующие учреждения, в каждом отдельном случае заполнялись конкретным содержанием и затем отсылались адресатам, причем просителям рекомендовалось в случае возникновения каких либо затруднений или недоразумений обращаться за пояснением или содействием в Юридический Отдел.

Когда возникали такие недоразумения, Юридический Отдел принимал меры к их устранению, обращаясь с ходатайствами в соответствующие правительственные или общественные учреждения или принося жалобы и протесты в соответствующие инстанции. О результатах принимавшихся мер к обеспечению семейств военнопленных Юридическим Отделом посылались уведомления самим военнопленным в лагери Германии и Австро-Венгрии.

Получавшиеся Комитетом многочисленные ответные письма свидетельствовали о том, что эта отрасль деятельности Юридического Отдела, направленная на удовлетворение самых острых нужд военнопленных, имела большое практическое значение. В громадном большинстве случаев ходатайства Юридического Отдела о выдаче женам и детям военнопленных причитавшегося им по закону содержания удовлетворялись. Значительно сложнее обстояло дело с удовлетворением просьб военнопленных об исходатайствовании законного содержания их родителям или братьям и сестрам. Вследствие установленных законами, а главным образом, разъяснениями Главного Интендантского Управления ограничений прав родителей, братьев и сестер военнопленных офицеров, на практике зачастую возникали большие затруднения, и очень многие родственники военнопленных оставались лишенными пособия. По этому поводу Юридическим Отделом Московского Городского Комитета был возбужден принципиальный вопрос о предоставлении военнопленным офицерам права распоряжаться по их усмотрению свободной частью их жалованья. Юридическим Отделом был выработан соответствующий законопроект и представлен в Центральный Комитет по делам о военнопленн.

Что касается удовлетворения просьб самих военнопленных об ограждении прав, установленных международными конвенциями и соглашениями, на содержание в лагерях военнопленных, то в этом отношении Юридическим Отделом принимались меры, необходимые для удовлетворения таких просьб. Так, при поступлении просьб военнопленных, имев-

ших право на содержание их в офицерских лагерях, но содержавшихся в лагерях для солдат вследствие невозможности представления доказательств их служебного положения, Юридический Отдел обращался в Главный Штаб с ходатайством о высылке соответствующих удостоверений. Эти удостоверения, по мере их поступления в Комитет, немедленно пересылались военнопленным. Такие же меры Юридический Отдел принимал и по отношению к находившимся в плену лицам врачебного персонала, обращаясь за получением касавшихся их удостоверений в Главное Военно-Санитарное Управление или в те местные учреждения, при которых они состояли до взятия их в плен.

Значительно более сложную и разнообразную отрасль деятельности Юридического Отдела представляло удовлетворение присылавшихся пленными просьб гражданско-правового характера, обусловленных их заботами об оставшихся на родине их семьях и хозяйствах. Получая с родины известия о том, что их осиротевшим семьям чинились обиды и притеснения, военнопленные обращались в Комитет с просьбами принять меры к ограждению их хозяйственных и семейных интересов. Относившиеся сюда просьбы: о получении денег из сберегательных касс или кредитных учреждений и о передаче их определенным лицам или учреждениям; о взыскании денег по срочным распискам и долговым обязательствам; об узаконении внебрачных детей или об усыновлении воспитанников; о принятии мер к устранению семейных раздоров между оставшимися на родине родственниками; об охране оставленных без присмотра хозяйств; о призрении оставшихся на родине осиротевших детей; о возврате захваченной соседями земли; о продолжении начатых ранее судебных дел и т. д.

Для удовлетворения этих просьб Юридический Отдел принимал разнообразные меры. Так, при получении известий о смерти родителей или жен военнопленных, Юридический Отдел возбуждал перед местными учреждениями ходатайства об учреждении опек над имуществом умерших, а если оставались сироты, то возбуждал ходатайство об учреждении опек над их личностью или об устройстве их в приюты или на попечение частных лиц с передачей этим лицам причитающихся детям военнопленных пособий.

При поступлении просьб военнопленных о принятии мер к охране оставленных без присмотра их хозяйств, Юридический Отдел обращался к местным административ-

ным властям с просьбою принять установленные гражданскими законами меры к охране этих имуществ или к назначению опек для охраны хозяйств военнопленных.

Юридическим Отделом возбуждались и принципиальные вопросы, касавшиеся издания циркуляров и разъяснений относительно удовлетворения общих правовых нужд военнопленных и их семейств. Так, Юридическим Отделом было сделано мотивированное представление о необходимости внесения в действующие законы изменений относительно обеспечения семейств плененных офицеров и солдат. По этому вопросу, согласно предложению центральных учреждений, Юридическим Отделом был разработан соответствующий законопроект. Далее Юридическим Отделом был разработан соответствующий законопроект, касавшийся упрощения порядка засвидетельствования доверенностей военнопленных. Был также возбужден принципиальный вопрос об учреждении опек над имуществом военнопленных.

С точки зрения использования указаний опыта минувшей мировой войны, результаты работ Юридического Отдела Московского Комитета и действовавших в контакте с ним других общественных организаций могут иметь большое значение для переработки многих постановлений нашего внутренне-государственного права, касающихся военнопленных. Неудовлетворительность внутренне-государственной нормировки правового положения военнопленных и их семейств за время минувшей войны во многих отношениях выяснилось с полной очевидностью.

В революционный период жизни России появилось много новых актов законодательного и административного правотворчества, имевших своей задачей разрешение некоторых внутренне-государственных проблем, касающихся правового положения военнопленных. Юридическая помощь военнопленным в этот период была значительно расширена. Этой стороны деятельности общественных и правительственных учреждений я позволю себе вкратце коснуться в следующей части настоящего труда.

ГЛАВА XX.

Стокгольмская конференция 1916 года.

Изложенные в главе 10 части II настоящего труда постановления Стокгольмской конференции 1915 года до их ратификации правительствами представленных на конфе-

ренции стран были сообщены на заключения высшим военным учреждениям России и Центральных государств.

В Австрии постановления Стокгольмской конференции не вызвали возражений со стороны Военного Министерства и центральных органов правительственной власти. Германское правительство, принципиально соглашаясь со всеми постановлениями Стокгольмской конференции, высказалось лишь против намеченной в Отделе 12-м Стокгольмского протокола организации лагерных комитетов. Что же касается России, то здесь постановления Стокгольмской конференции вызвали целый ряд возражений со стороны Военного Ведомства.

Эти возражения, сообщенные Главному Управлению Российского Общества Красного Креста Главным Управлением Генерального Штаба при отношении от 14 марта 1916 года [1]), касались многих существенных пунктов Стокгольмского протокола.

Так, по вопросу об образовании Особых Комитетов помощи военнопленным, предусмотренных статьей 15 Гаагской конвенции, Генеральный Штаб признал возможным допущение этих комитетов, но при том, однако же, условии, чтобы эти комитеты учреждались „Главным Управлением Российского Общества Красного Креста, в намечаемых им центрах, не иначе, как по предварительному, каждый раз, соглашению о том с Военным Министерством, в соответствии с указанием ст. 19 утвержденного 7-го октября 1914 года „Положения о военнопленных".

Участие в этих особых комитетах представителей Военного Ведомства Генеральный Штаб признал совершенно недопустимым, мотивируя это следующими соображениями: „Военное Министерство признает необходимым высказаться категорически против участия чинов военного ведомства в таковых местных отделениях, в виду того, что по характеру их деятельности, направленной, главным образом, к оказанию благотворительной помощи захваченным врагам, поднявшим оружие против России,—участие в сем деле чинов русской армии, безусловно, являлось бы несоответственным".

Вопрос о допущении представителей особых комитетов к посещению лагерей военнопленных Генеральный Штаб признал возможным разрешить в положительном смысле, но „при непременном условии испрошения, каждый раз,

[1]) В. У. А., Спец. Арх. М. К., 1916 г., папка VII № 3.

на подобный допуск разрешения местного военного окружного начальства".

По вопросу об облегчении почтовых сношений военнопленных и об ускорении цензурного досмотра писем Генеральный Штаб высказался в следующем смысле: „Соглашаясь всемерно содействовать осуществлению предположений, изложенных в данном отделе,—Военное Министерство, однако, в отношении усиления местной цензуры, не может гарантировать установление таковой в каждом отдельном лагере военнопленных, признавая возможным организовать ее только в каждом военном округе".

Относительно пересылки книг в лагери военнопленных Генеральный Штаб признал необходимым: „в целях обеспечения проникновения в среду военнопленных только допустимых сведений,—заявить требование, чтобы в лагери пленных, на имя отдельных лиц, доставлялись бы только неразрезанные книги и при том, обязательно, без переплетов".

Общее отрицательное отношение русского Военного Ведомства к соглашениям с правительствами Центральных государств особенно характерно проявилось в нижеследующем заключении Генерального Штаба по затронутому в отделе 8-м Стокгольмского протокола частному вопросу о приобретении валенок и шерстяных вещей для военнопленных: „Военное Министерство по запрошенному при этом частному вопросу,—о разрешении приобретать у нас валенки для германских пленных при условии разрешения нам приобретения в Германии, для наших пленных, шерстяных вещей,—не признает возможным вступить в такое соглашение с Германией.

Означенное решение вызывается соображением о том, что основывать подобное распоряжение на доверии к Германии не представляется возможным, в виду чрезмерно открытого нарушения Германией вечных соглашений и обещаний".

Особенно много возражений со стороны русского Военного Министерства вызвали постановления Стокгольмской конференции относительно компетенции Смешанных Комиссий, которые, по мысли участников Стокгольмской конференции, должны были явиться внегосударственными органами контроля над соблюдением установленных соглашениями правил о содержании военнопленных. Вследствие этих возражений, весь отдел 13-й Стокгольмского протокола 1915 года должен был подлежать переработке.

Для редактирования постановлений Стокгольмского протокола 1915 года, соответственно внесенным правительствами договаривающихся государств поправкам, в мае 1916 года состоялась вторая Стокгольмская конференция, в которой под председательством принца Карла Шведского участвовали представители России (Арбузов), Германии (Петерсен) и Австро-Венгрии (Слатин и Немескер).

В результате занятий этой конференции был выработан протокол от 13 мая 1916 года, заключавший в себе окончательную редакцию постановлений о военнопленных России и Центральных государств.

Этим протоколом были внесены изменения в некоторые постановления Стокгольмской конференции 1915 года.

Так, в постановление об образовании Особых Комитетов помощи военнопленным и их местных отделений (Отдел I протокола 1915 года) было внесено следующее дополнение: „члены этих отделений будут иметь возможность посещать лагери военнопленных с разрешения местных военных властей, испрашиваемого для каждого посещения".

Постановления отдела 7-го о корреспонденции военнопленных были заменены нижеследующим постановлением: „Установив главнейшие причины неправильных почтовых сношений военнопленных с их родиной (письма, посылки, денежные переводы), заинтересованные страны обязуются принять все меры для устранения этих дефектов. С этой целью будет введена во всех заинтересованных странах одна и та же система регистрации. Число цензоров будет увеличено соответственно потребности.

Если опыт покажет, что цензура не в состоянии будет справиться с установленным действующими правилами количеством писем и открыток, то в общих интересах корреспонденция военнопленных солдат может быть сокращена до 2 писем в 4 страницы и 4 открыток в месяц. Число офицерских писем будет то же самое, только письма могут быть до 6 страниц.

Если одна из заинтересованных стран пожелает довести корреспонденцию солдат до одной открытки в неделю и до 2 писем в 4 страницы в месяц, она должна сообщить об этой мере враждебному государству за месяц до вступления ее в силу".

Постановления части I и II отдела 12-го протокола 1915 года, согласно которым все участвовавшие делегации, ознакомившись с взаимно указанными фактами злоупотре-

блений относительно содержания военнопленных, обязались предпринять шаги перед властями своих стран с целью проверки этих фактов, и если эта проверка подтвердит наличность злоупотреблений, принять меры для предупреждения повторения таких злоупотреблений в будущем, были заменены следующим кратким постановлением: „Соответствующие военные власти должны произвести расследования по поводу сообщенных им жалоб и принять необходимые меры для устранения констатированных злоупотреблений".

Постановления отдела 12-го об организации лагерных комитетов были изменены и сформулированы в следующей редакции: „В каждом лагере военнопленных должен быть учрежден комитет, члены которого должны быть избираемы самими военнопленными. Комитет имеет своей задачей принимать жалобы и пожелания военнопленных, и каждый военнопленный должен иметь право передавать непосредственно коменданту лагеря дела, касающиеся военнопленных, а также передавать при его посредстве письменные просьбы военнопленных комитетам помощи. Корреспонденция между двумя комитетами не подлежит стеснению при условии ее цензурования комендантом лагеря. В состав комитета в Австро-Венгрии и России должны входить по крайней мере 2 офицера, из коих один может быть заменен врачем, и солдаты. В лагерях, содержащих более 2.000 военнопленных, число выбранных в комитет увеличивается одним офицером, одним врачем и солдатами на каждые 4.000 военнопленных. Члены комитета должны быть одной национальности с военнопленными. Члены комитета—офицеры должны избираться преимущественно из числа кадровых офицеров, а не из числа офицеров запаса.

Что касается Германии и России, то порядок образования комитетов будет детально установлен позднейшим соглашением".

Компетенция Смешанных Комиссий, которые по утверждению Карла Шведского должны были явиться гарантией действительности постановлений Стокгольмской конференции, была значительно сокращена. В протоколе 13 мая 1916 года функции Смешанных Комиссий были определены следующими постановлениями: Смешанные Комиссии должны быть учреждены для воюющих держав Германии, Австро-Венгрии и России. Эта Комиссия должна состоять из 9 членов, из которых 3 будут указаны Центральными Управлениями Общества Красного Креста Дании, Швеции

и Швейцарии по соглашению с соответствующими правительствами. Из 6 остальных членов по одному будет назначено Центральными органами Общества Красного Креста Германским, Австрийским и Венгерским и три Центральным органом Российского Общества Красного Креста.

Комиссия выбирает своего председателя из нейтральных членов и приглашает секретаря нейтральной национальности.

Председатель и Бюро Комиссии будут иметь постоянное пребывание в Стокгольме.

Комиссия, находясь в постоянных сношениях с Центральными Комитетами помощи военнопленным поименованных стран, будет иметь главной задачей совершать путешествия в воюющие страны, с целью ознакомления с содержанием военнопленных во всех местах их нахождения, как то: в лагерях, госпиталях, лазаретах, тюрьмах, карцерах, местах для работ и во время их перевозки, за исключением этапных участков или театра военных действий.

Комиссии должна быть предоставлена полная свобода выполнения ее задач. Однако, она должна предварительно известить военные власти для получения необходимого разрешения на сношения с военнопленными.

Комиссия должна иметь право испрашивать от компетентных военных властей все сведения, необходимые ей для выполнения ее задач.

Комиссия должна иметь право делать фотографические снимки лагерей военнопленных и других мест, где находятся военнопленные, в присутствии и с разрешения представителя местной военной власти. Члены Комиссии при поездке будут иметь право свободно раздавать деньги своим соотечественникам в размере 100 марок, 125 крон или 50 р. офицерам, вольноопределяющимся и солдатам, принадлежащим к тому же социальному классу, 20 марок, 25 крон или 10 р. остальным солдатам.

Члены Комиссии будут иметь право свободно ввозить и вывозить нужные фотографические аппараты и фотографические снимки, сделанные ими в присутствии представителей местной военной власти, а также рукописи и документы, относящиеся к выполняемой задаче. Соответствующие военные власти, однако, будут иметь право просматривать документы и их конфисковать, если они признают их несоответственными. Этот просмотр должен производиться в соответствующих столицах в присутствии одного из ней-

тральных членов Комиссии перед окончательным отъездом Комиссии из страны.

Ни один из членов Комиссии не должен иметь права раздавать и брать от военнопленных писем и записок, но члены Комиссии должны иметь право раздавать и получать опросные карточки при условии их цензурования со стороны офицеров, назначенных для сопровождения Комиссии.

Комиссия должна будет посылать, с возможной быстротой, подробные отчеты о своих наблюдениях президиумому Шведского Общества Красного Креста, которое будет осведомлять о них заинтересованные Общества Красного Креста.

Общество Красного Креста того государотва, в которое была совершена поездка, должно будет передавать эти отчеты своему правительству. Ответ этого последнего должен быть сообщен через местное Общество Красного Креста Председателю Шведского Общества Красного Креста, которое передает ее предварительно, кому подлежит. Ответы должны быть в кратчайший срок.

Комиссия будет иметь право полностью или отчасти повторять ранее совершенные поездки.

Расходы по Комиссии будут отнесены в равных частях на счет Германии, Австро-Венгрии и России. Расходы по перевозке лиц и вещей будут относиться на счет державы, в пределах которой они производятся.

Когда Комиссия, ознакомившись с положением военнопленных в воюющих странах, сочтет это полезным, она должна будет обратиться к Шведскому Обществу Красного Креста с целью добиться созыва нового Совещания заинтересованных Обществ Красного Креста".

Протокол 13 мая 1916 года представляет собою окончательную редакцию постановлений Стокгольмских конференций 1915—1916 г.г. Осенью 1916 года эти постановления были ратифицированы правительствами представленных на конференции стран и приобрели значение специальной конвенции между Россией и Центральными государствами.

После ратификации протокола 13 мая 1916 года постановления Стокгольмских конференций должны были быть проведены в жизнь, как в России, так и в Германии, и в Австро-Венгрии. Некоторые частичные постановления, касавшиеся условий содержания военнопленных, действительно были осуществлены. Но в общем эти постановления

мало отразились на изменении положения военнопленных в течение второго периода мировой войны. Проведение в жизнь постановлений Стокгольмских конференций в полном об'еме ничем не было гарантировано. Надзор над соблюдением состоявшихся соглашений не мог быть осуществлен, так как образование Смешанных Комиссий встретило препятствие главным образом с русской стороны.

Российское Общество Красного Креста с своей стороны приняло все необходимые подготовительные меры для организации Смешанной Комиссии. Им была выработана подробная инструкция для его представителей в Смешанной Комиссии в Стокгольме.

Согласно этой инструкции, „Представители Российского Общества Красного Креста должны были принимать от имени Общества участие в заседаниях и поездках Смешанной Комиссии. Им поручалось требовать суждение Комиссии о всех дошедших до их сведения случаях такого обращения с русскими военнопленными, которое могло быть признано нарушением начал международного права и соответствующих правил и соглашений.

Вместе с тем представители Р. О. К. К. должны были принимать к сведению такие же случаи в отношении содержания австро-венгерских и германских военнопленных в России и немедленно сообщать о них Главному Управлению Р. О. К. К.

Под существующими правилами и соглашениями касательно содержания военнопленных разумелись все соответствующие международные конвенции, достигнутые во время войны соглашения, а также все дипломатическим путем об'явленные односторонние обязательства, как со стороны русского правительства, так и со стороны правительств враждебных держав.

Равная сила признавалась за ратифицированными обеими сторонами постановлениями Стокгольмской конференции“ [1]).

Но фактически постановлениям Стокгольмской конференции о Смешанных Комиссиях не суждено было осуществиться. Вследствие отрицательного отношения к вопросу о Смешанных Комиссиях со стороны русского Военного Ведомства, которое явно признавало нежелательным допущение какого-либо контроля над действиями военных вла-

[1]) В. У. А., Спец. арх. М. К., 1916 г., папка VII № 1.

54-5715/2

Ир40 В-7/10

стей по отношению к военнопленным, вопрос о русских делегатах в Смешанную Комиссию в Стокгольме не получил своего практического разрешения у нас в России в течение всего второго периода мировой войны.

Насколько у нас в России мало интересовались вопросом о военнопленных, это особенно наглядно явствует уже из того факта, что заключительный протокол Стокгольмской конференции в окончательной его редакции 1916 года не только не был издан в России, но даже полностью и не был еще переведен на русский язык. Между тем, как мы видели, этот заключительный протокол представляет собой целый кодекс детальных правил, регулировавших условия содержания военнопленных России и Центральных государств и определявших их права и обязанности. Нам известно, что во Франции и Англии правительственные органы и общественные организации всегда зорко следили за соблюдением состоявшихся соглашений по делам военнопленных и энергично реагировали на нарушения этих соглашений, когда такими нарушениями затрагивались права и интересы их граждан в плену. У нас же в России постановления международных конвенций даже не всегда были известны тем учреждениям и лицам, на которых лежала обязанность защиты прав и интересов русских военнопленных. При таких условиях не удивительно, что не только в материальном, но и в международно-правовом отношениях положение русских военнопленных было значительно более тяжелым, чем положение пленных французов и англичан. Фактически их положение в лагерях и рабочих командах было во многих отношениях бесправное и беззащитное, так как центральные органы русской правительственной власти относились к судьбе военнопленных безучастно; сами военнопленные даже и не знали о тех международно-правовых постановлениях, которые должны были гарантировать их права, и нейтральные учреждения не могли проявить активности в деле защиты интересов русских военнопленных, ибо образование Смешанных Комиссий не могло состояться вследствие отрицательного отношения к ним со стороны русских военных властей.

Инв. 26334
Д. 1954 г.
Акт № С-198/2

Б3

20

Ир40 В-7/10
Электр. Б-ка